ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Василий СИДИХМЕНОВ

КИТАЙ

Страницы прошлого

В мифологии китайцев большое место отводилось четырем священным существам: дракону, тигру, фениксу, черепахе. Дракон считался символом весны и востока, феникс – лета и юга, тигр – осени и запада, черепаха – зимы и севера.

В. Я. Сидихменов

III в. до н.э. – XX в.

РУСИЧ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Василий СИДИХМЕНОВ

КИТАЙ

Страницы прошлого

В мифологии китайцев большое место отводилось четырем священным существам: дракону, тигру, фениксу, черепахе. Дракон считался символом весны и востока, феникс – лета и юга, тигр – осени и запада, черепаха – зимы и севера.

В. Я. Сидихменов

III в. до н.э. – XX в.

РУСИЧ

УДК 94/99 (100–87)
ББК 63.3(5)
С 34

Серия основана в 2010 году

Сидихменов В. Я.

С 34 Китай: страницы прошлого. – Смоленск: Русич, 2010. – 544 с.: ил. – (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-8138-0986-6

Книга рассказывает об обычаях, нравах, семейном укладе, поверьях и обрядах китайцев – народа, создавшего одну из самых интересных и во многом загадочных цивилизаций Востока. Автор в увлекательной форме на основе литературных и документальных источников повествует о жизни Китая в период правления династии Цин (XVII–начало XX в.), но не ограничивается этой эпохой, обращаясь к древнейшим традициям и верованиям.

УДК 94/99(100–87)
ББК 63.3(5)

Текст печатается по изданию: В. Я. Сидихменов. Китай: страницы прошлого. 3-е изд. М., 1987.

ISBN 978-5-8138-0986-6

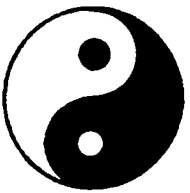
© В. Я. Сидихменов
© Оформление серии. «Русич», 2010

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВСЕЛЕННОЙ

При династии Цин феодальный Китай оставался отсталой страной, и представления китайцев о Вселенной все еще формировались в основном под влиянием мировоззрения, выработанного в древности.

Древние китайские мыслители представляли себе Вселенную примерно так. Над всем господствует безграничное круглое небо, внизу простирается земля квадратной формы, а в центре нее – Срединное государство, т. е. Китай, который называли еще Поднебесной страной.

По древнекитайским воззрениям, мир вначале представлял собой хаос, состоявший из мельчайших частиц – ци. Эти частицы существовали в беспорядочном, разреженном состоянии, в виде бесформенного тумана. В дальнейшем произошел процесс «размежевания» ци: легкие, светлые частицы поднялись вверх, а тяжелые, темные упали вниз. Из легких, светлых частиц, получивших название ян, образовалось небо; из тяжелых, темных



Ян и инь

частиц, названных инь, – земля. Вся природа создавалась из хаоса постепенно: вначале завершилось формирование неба, затем – земли, только после этого появился человек.

Все предметы и явления произошли от взаимосвязи светлого начала ян и темного начала инь. Эта взаимосвязь порождает в природе и в жизни движение и покой, тепло и холод, свет и тьму, добро и зло. Не следует рассуждать о том, что лучше, что хуже – движение или покой, тепло или холод, свет или тьма, добро или зло: и то и другое необходимо, одно без другого немыслимо, одно переходит в другое, поэтому может быть и тем и другим – в зависимости от времени и ситуации.

Чередование ян-инь так же неизбежно, как чередование движения и покоя, света и тьмы, лета и зимы, дня и ночи. Ян-инь, проникая друг в друга, меняются местами – так создается «круговорот вещей».

Бесконечное разнообразие природы и вся ее жизнь, чуждая монотонности, обусловливаются борьбой между ян и инь, которая проявляется в смене движения и покоя, тепла и холода, света и темноты. Цикл борьбы соответствует календарному году. Начальный пункт этого периода – день зимнего солнцестояния (22 или 23 декабря) – апогей могущества инь. Этот день считался самым важным моментом годового цикла: совершалось слияние неба и земли, когда в недрах мрака зарождался свет. Это самый короткий день и самая длинная ночь в году. День летнего солнцестояния (21 или 22 июня) – апогей могущества ян. Это самый длинный день и самая короткая ночь в году. В дни равноденствий силы борющихся сторон уравновешивались.

Космические силы графически изображались как две неотделимые половины – белая (ян) и черная (инь), изогнутые таким образом, что одна готова перейти в другую. Белая точка на черной половине и черная точка на белой половине олицетворяют неизбежное взаимопроникновение противоборствующих сил. А вместе обе космические силы образуют дао – всеобщий закон Вселенной.

Союзом светлого начала ян и темного начала инь порождены пять первоэлементов (или пять стихий): земля, вода, огонь, дерево, металл, от которых и происходит все во Вселенной. Связь между этими первоэлементами может быть либо положительной, либо отрицательной в соответствии со следующей формулой: вода порождает дерево, но уничтожает огонь; огонь порождает землю, но уничтожает металл; металл порождает воду, но уничтожает дерево: дерево порождает огонь, но уничтожает землю; земля порождает металл, но уничтожает воду. Не все действия пяти первоэлементов можно логически объяснить (это пытались сделать только прорицатели).

Взаимодействие пяти первоэлементов порождает многообразие явлений и предметов природы, а также свойств человека: пять состояний погоды – дождь, холод, жару, ветер, ясную погоду; пять видов злаков – просо, коноплю, рис, пшеницу, бобы; пять благ – долголетие, богатство, здоровье, добродетель, естественную смерть; пять добродетелей – человеколюбие, справедливость, пристойность, знание обрядов, верность; пять частей тела – сердце, печень, желудок, легкие, почки; пять составных элементов человеческого организма – мускулы, мясо, кости, кожу, волосы; пять конечностей – голову, две руки и две ноги; пять вкусов – кислый,

сладкий, горький, острый, соленый; пять цветов – желтый, белый, красный, синий, черный; пять металлов – золото, серебро, медь, свинец, железо.

Согласие между ян и инь выражалось в том, что величественное небо-отец творило добро земле-матери. Небо согревало землю своим теплом и оплодотворяло дождем, делая ее способной порождать живые существа и вскармливать их.

Желтый цвет, цвет спелых плодов, символизирует землю, отдающую свои богатства людям. Эти плоды – тоже результат слияния неба и земли. Посредник между ними – дождь, грозовые ливни. Облака, грозы и молния – символы «оплодотворения» земли небом. Красный цвет, цвет огня, рожденного молнией,– символ «брачного союза» неба и земли. Таким образом, все развитие Вселенной рассматривалось древними китайцами как взаимопроникновение двух неотделимых друг от друга противоположных начал (или космических сил): ян – светлого, животворного, положительного (мужского) начала и инь – темного, мертвого, отрицательного (женского) начала.

Природные явления – гром, радуга, гроза, дождь – связывались с волей неба, и это нашло отражение в этимологии китайских слов. Одно из названий солнца и луны по-китайски – тянь-янь, что означает «небесные глаза»; радуга называется тянь-гун («лук неба»); гром – тянь-шэн («голос неба»); звезды – тянь-и («одеяние неба»); гроза – тянь-ну («гнев неба»); северное сияние – тянь-ле («разрыв неба»); погода – тянь-ци («дыхание неба»); дождь – сюань-и («семя неба») и т. п.

Небо олицетворяло собой движение. Земля же, несмотря на свирепствующие порой стихийные силы (землетрясения и наводнения), оставалась

твердой под ногами человека и олицетворяла собой покой. Она была всего лишь объектом воздействия неба: воспринимала солнечный и лунный свет, тепло и холод, снег и дождь.

О всемогуществе неба упоминалось в китайских канонах. В книге «Мо-цзы», где изложены взгляды школы моистов и ее основателя Мо-цзы (ок. 479–400 гг. до н. э.), говорилось: «Небо любит справедливость и ненавидит несправедливость. Таким образом, если вести народ Поднебесной на свершение справедливых дел – это значит делать то, что любит небо. Если я делаю для неба то, что оно любит, то и небо также делает для меня то, что я люблю...

Небо не хочет, чтобы большое царство нападало на малое, сильная семья притесняла слабую, маленькую семью, чтобы сильный обижал слабого, хитрый обманывал наивного, знатный кичился перед незнатным. Это все то, что противно воле неба. Небо желает, чтобы люди помогали друг другу, знающие учили бы незнающих, делили бы имущество друг с другом. Небо также желает, чтобы верхи проявляли усердие в управлении страной и в Поднебесной царил порядок, а низы были усердны в делах».

В конфуцианской книге «Шу-цзин» (IV в. до н. э.) сказано: «Только небо наблюдает за народом, ведает справедливостью, посылает урожай и неурожай. Без неба погибнет народ. От милости неба зависит его судьба».

Равномерное распределение дождливых и солнечных дней, обильные урожаи, мир и спокойствие на земле служили доказательством того, что небо довольно земными порядками. И наоборот, засуха, наводнения, солнечные и лунные затмения, а также голод, бунты, эпидемии рассматривались как вестник «небесного гнева». Умение правильно истол-

ковывать «настроение» неба считалось большим искусством, которым владели немногие.

Летом 1817 г. Китай постигла засуха. По этому поводу император Цзяцин сделал следующее заявление: «Нерадивость и леность чиновников правительства составляли зло, которое длительное время накапливалось – оно появилось не сегодня. В течение ряда лет мы настойчиво предостерегали подданных и подвергали их наказанию за многие обнаруженные преступления. Поэтому в последнее время наблюдается некоторое улучшение обстановки в стране, и вот уже несколько сезонов стоит благоприятная погода. Вина за засуху в этом сезоне, возможно не полностью, ложится на чиновников. Мы обдумывали это и убедились в следующем: лазурное небо выразило свое неодобрение, не послав дождя в район столицы на несколько сот ли в окружности, потому что более 50 бунтовщиков сбежали из-под стражи и скрываются где-то недалеко от Пекина. Следовательно, плодородные пары сдерживаются где-то наверху и счастливая гармония времен года нарушена».

Вечером 14 мая 1818 г. Пекин неожиданно окутала тьма, с юго-востока подул сильный ветер, хлынул ливень. В это время небо побагровело, а воздух стал разреженным; страшные раскаты грома привели людей в смятение. Придворные астрологи, не рассчитывая на то, что зло будет пресечено одним лишь императорским увещеванием, посоветовали обнародовать манифест, объясняющий подданным, почему император снимает с себя ответственность за происходящее. В манифесте было сказано: «Клеветнические наветы привели к гибели и смерти невинных людей. Они сами вызвали то ужасное знамение, которое мы все видим. Ветер, дующий с

юго-востока, в достаточной мере доказывает, что в этом районе совершено какое-то тяжкое преступление, а чиновники отнеслись к происшедшему халатно, и это вызвало гнев неба».

Небо карало людей за дурные поступки, и любая беда – пожар, наводнение, засуха – объяснялась гневом неба. Американский путешественник, автор книги «Китай и его народ», изданной в Бостоне в 1906 г., Ч. Дэнбай привел такой случай «гнева» неба. Летом 1905 г. алтарь Храма неба в Пекине неожиданно загорелся от удара молнии. Наказали всю стражу Храма неба. Почему же пострадали эти люди, если пожар возник не по их вине? – спросил автор книги китайского конфуцианского ученого. Последний дал такое «разъяснение»: «Молния не поразила бы алтарь Храма неба, если бы стража не совершила грех. Кто-то допустил дурной поступок, и вот последовало возмездие неба».

Небо наблюдало за деяниями правителя и могло при необходимости покарать его. Если, например, речные воды, несмотря на принятые меры, бурно разливались и причиняли людям бедствия и страдания, то говорили, что духи рек не расположены к правителю страны – его следует заменить. Землетрясение также рассматривалось как выражение недовольства духов гор правителем царствующей династии.

Существовала вера в «небесных животных». Это означало, например, что черепахи, живущие на земле, произошли от черепахи, пребывавшей на небе. Земные тигры произошли от небесного тигра, который был порожден одной из звезд.

Контуры неба сравнивались с поверхностью земли. Так, Млечный Путь уподобляли реке: Небесная река (тянь-хэ), или Серебряная река (инь-

хэ), или Большая река (да-чуань). Великая китайская река Хуанхэ якобы имела некую связь с «небесной рекой»: они «сливались» где-то на краю света. Считалось: раз существует река Хуанхэ на земле, значит, существует река Хуанхэ и на небе.

Вслед за верховным божеством, небом, особым почитанием пользовались солнце и луна. Тепло, исходившее от силы ян, конденсировалось – так возник огонь. Из части огня, обладавшей «высшим качеством», образовалось солнце. Холод, исходивший от силы инь, также конденсировался и породил воду; из части воды, обладавшей «высшим качеством», образовалась луна и произошли звезды.

Каждое утро на небосводе появляется огромное светило – солнце, вечером оно исчезает за противоположной стороной небосвода, а вместо него на небо восходит луна. Солнце согревает и даже палит землю, луна же излучает на нее прохладу и льет тусклый свет.

На солнце, как, впрочем, и на других небесных светилах, находили себе пристанище духи. Главный из них – жи-чжу (владыка солнца), или жишэнь (дух солнца). На огненном колесе солнце-дух ежедневно совершает поездку по видимому небесному своду с востока на запад. Колесницу везут шесть «безрогих драконов» (чи-лун). Появившись утром из-за горы, находящейся на краю света, солнце все выше и выше поднимается над горизонтом, достигает высшей точки своего дневного пути, потом склоняется к западу и спускается в подземную «темную страну», по которой двигается всю ночь с запада на восток к месту утреннего восхода. Так видимое всем суточное движение солнца ассоциировалось с поездкой духа солнца на огненном колесе.

Солнце могло попасть в беду – во время затме-

ния. Это трактовалось так. Если солнце посылает на землю меньше лучей, чем обычно, значит, начинается «пожирание солнца» невидимым чудовищным животным – «небесной собакой» (тянь-гоу). Солнце будет съедено чудовищем, если люди останутся безучастными свидетелями того, что делается на небе. Но верующие в силах отпугнуть чудовище, если сумеют устрашить его невероятным шумом. Всякий раз, как начиналось затмение солнца или луны, люди выходили из своих домов и на открытом месте изо всех сил били в барабаны или стучали в металлические предметы.

«В 1902 г. во время солнечного затмения, – вспоминал американский китаевед К. Вильямс, – я имел возможность наблюдать за поведением служащих Палаты церемоний в Пекине. В большом дворе Палаты церемоний специально приглашенные молодые люди и мальчишки с помощью гонгов и барабанов создавали страшный шум. Перед главным входом на алтаре дымились курительные свечи. Здесь находились чиновники, облаченные в парадные одежды. На них были халаты с вышивками, головные уборы с шариками наверху и павлиньими перьями, бусы вокруг шеи, пояса, украшенные драгоценными камнями. Время от времени кто-нибудь из них подходил к алтарю и совершал земные поклоны, обратясь лицом к затемненному диску солнца».

По случаю солнечного затмения в Шанхае в 1904 г. губернатор призвал к себе в резиденцию служителей культа для совершения молитв. Затем он велел произвести два пушечных выстрела, чтобы защитить светило от угрожавшего ему чудовища.

Солнечное затмение наводило страх не только на простой народ – даже император и его приближенные находились во власти суеверий и рассмат-

ривали затмение как гнев неба. Об этом можно судить, например, по следующему императорскому указу, опубликованному 3 сентября 1897 г.: «Астрономическая обсерватория предупредила нас о том, что в первый день 24-го года нашего правления будет полное солнечное затмение. Относясь с пониманием к этому ужасному известию, мы пытаемся найти у себя грехи, которые обратили гнев неба на нашу землю. Посему приказываем изменить обычай празднования Нового года: отказаться от пиршеств в этот день. Все члены императорского двора, облачившись в скромные одеяния, совместно будут молиться небу, прося его проявить милосердие».

Вторым по рангу божеством после солнца была луна. Главное божество луны называлось владыка луны (юэ-чжу) или дух луны (юэ-шэнь). В даосской религии владыка луны получил наименование старец луны (юэ-лао). Этот «старец» выступал в роли устроителя брачных союзов: он незримой веревочкой связывал попарно тех мальчиков и девочек, которым суждено рано или поздно соединиться брачными узами.

В темных пятнах, заметных на луне, народная фантазия увидела человека, рубящего дерево, и фигуры двух животных. Это некто Уган, который провинился перед божествами и в наказание был отправлен на луну, приставлен с топором в руках к растущему там коричному дереву и осужден вечно рубить его, потому что по воле богов после каждого удара топора вырубленная древесина тотчас восстанавливалась.

Одно из лунных животных – заяц. По его имени иногда называют и луну: «темный заяц», «золотой заяц» или «обгорелый заяц». О лунном зайце

была сложена такая легенда. Жил на земле добрый заяц. Он уговаривал друзей быть милосердными и благочестивыми и отдавать каждому голодному часть своей пищи. Но, зная, что люди не могут питаться травой, как он сам, заяц решил при случае пожертвовать для них жизнью. Услышав об этом великодушном намерении, Будда под видом монаха явился просить подаяние. Заяц решил накормить его своим мясом и бросился в огонь. Будда был несказанно изумлен таким поступком. Он сделал так, что великодушный заяц не сгорел в огне, а потом отправил его на луну. И вот с тех пор заяц живет на луне и толчет в ступе порошок бессмертия.

Другое лунное животное – жаба. О том, как она попала на луну, рассказывает легенда. В глубокой древности, во времена царствования правителя Яо, жила добрая красивая женщина по имени Чан Э. Ее муж Хоу И сделал много полезных дел для людей. Он не раз побеждал засуху и наводнения.

Тогда было десять солнц. В то время как одно из них двигалось с востока на запад, девять других оставались на краю неба. Когда первое солнце, пройдя вокруг земли, возвращалось на старое место, в путешествие отправлялось второе. Поэтому, хотя солнц было десять, люди всегда видели только одно.

Однако затем такое строгое чередование было нарушено. Десять солнц перестали отправляться в путь по очереди. Днем они все вместе поднимались на небо, а ночью все вместе возвращались за горизонт. Их жар обжигал землю, хлеба пересыхали. Стоял такой зной, что металл и камни готовы были расплавиться. Люди не выдерживали жары и умирали. И вот мужчины, сделав большой лук и стрелы, попросили самого сильного и самого искусного

стрелка Хоу И выпустить стрелы во все солнца. Он посылал стрелу вслед стреле, уничтожая одно солнце за другим, до тех пор, пока осталось только единственное солнце, которое до сих пор освещает землю.

Случилось так, что вскоре после этого Хэбо – дух реки Хуанхэ – вызвал ветер и волны, из-за этого река вышла из берегов и погубила множество ни в чем не повинных людей. Хоу И понял, что Хэбо

Богиня Чан Э

потерял право оставаться богом воды. Вместо того чтобы приносить людям счастье, он наслал на них страшные бедствия. Тогда Хоу И выстрелил из большого лука в Хэбо и попал ему в левый глаз, наказав его за глумление над народом.

О подвигах Хоу И, который, спасая народ от бедствий, убил своими стрелами девять солнц и наказал духа реки Хуанхэ, узнала богиня Сиван му. Она решила вознаградить героя и подарила ему лекарство бессмертия, сказав:

– Человек, который ничего не боится, вправе получить лекарство бессмертия! Проглотишь одну крупинку этого лекарства – будешь жить вечно и не стареть. Проглотишь две крупинки – вознесешься на небо или на луну.

Вернувшись с чудесным снадобьем, Хоу И рассказал о нем своей жене Чан Э, которая давно мечтала побывать на луне. Спрятав лекарство под подушку, Хоу И отправился на охоту.

15 августа (по лунному календарю) Чан Э, набрав в лесу диких плодов, пришла домой. Мужа не было. Воспользовавшись его отсутствием, Чан Э взяла две крупинки лекарства и положила их в рот. Приятное ощущение охватило все ее тело, и, став очень легкой, она взлетела в воздух, как сухой лист, поднятый ветром. Все выше и выше поднималась беглянка, пока не прилетела на луну. Там она увидела дворец, а рядом – огромное коричное дерево, круглый год испускающее нежный аромат. Под деревом сидел белый заяц, который толок в ступе порошок бессмертия.

Оказавшись на луне, Чан Э почувствовала холод одиночества. Скоро она поняла, что на земле среди людей живется куда лучше, чем на пустынной луне. С тех пор несчастная жена каждый год

15 августа зажигает светильник и ярко освещает землю, чтобы разглядеть на ней своего мужа, о котором все время вспоминает. Богиню Чан Э изображают в образе женщины или в виде жабы, в которую она превращена в наказание за проступки.

В честь Чан Э 15 августа по лунному календарю отмечался праздник богини луны. Она обычно изображалась в виде женщины с лунным диском в руке. Этот праздник одновременно был праздником урожая, так как по времени совпадал с окончанием уборочных работ (его называли также праздником «середины осени»).

Праздничный церемониал проходил под открытым небом в день полнолуния. По установившемуся обычаю, в домашних жертвоприношениях принимали участие только женщины. Все жертвенные дары должны были иметь круглую форму и напоминать диск луны. Поэтому в качестве даров приносили дыню (символ единения), персик (эмблема долголетия), яблоко (символ мира), гранат (символ многочисленного потомства). Над жертвенным алтарем вешали картину, изображавшую стоящего на задних лапах зайца, который передними лапами держал пестик и с его помощью готовил в ступе эликсир бессмертия. Всюду во время лунного праздника продавались маленькие глиняные зайчики, которых обыкновенно дарили детям.

Среди жертвенных даров, приносимых в праздник луны, был «лунный пряник» (юэ-бин), имевший форму лунного диска с изображением трехногой жабы (богини луны Чан Э) и лунного зайца.

Люди страшились лунного затмения, считая его дурным предзнаменованием. Каждый год астрологи сообщали императору о датах предстоявших затмений. Император передавал полученные сведения

наместникам и губернаторам провинций. Они, в свою очередь, оповещали о «знамении неба» начальников городов и уездов.

С наступлением лунного затмения чиновники одевались в официальные халаты и принимали меры к тому, чтобы «спасти» луну. Зажигались светильники и курительные свечи, чиновники трижды совершали земные поклоны и трижды били челом о землю. Вся церемония челобития повторялась трижды: в начале лунного затмения, в момент его апогея и после затмения.

Крестьяне во время затмения наблюдали за отражением лунного света в воде, били в медные тазы и барабаны, чтобы отпугнуть прожорливое чудовище, пытающееся проглотить луну. В 1906 г., например, когда началось лунное затмение, население Шанхая взрывало в большом количестве хлопушки и стреляло из ружей, чтобы помешать злому духу «пожрать» луну.

Солнце считалось носителем мужского начала ян и символизировало энергию, свет, тепло, мужскую твердость. Луна же олицетворяла женское начало инь – темноту, воду, холод, женскую покорность.

Звезды также были предметом обожествления. В Древнем Китае было распространено представление о солнечном зодиаке, в соответствии с которым звездное небо разделено на 12 частей, названных именами реальных и мифических животных: мышь, бык, тигр, заяц, змея, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака, свинья, дракон. В зависимости от положения этих 12 созвездий определялось положение солнца в каждый месяц. Соответственно именовались и небесные пространства: западную часть звездного неба называли областью белого тиг-

ра, северную – областью черепахи, восточную – областью лазоревого дракона, южную – областью красной птицы. Отдельные созвездия также ассоциировались с образами животных.

Как представлялась верующим символическая связь между звездами и животными? Для иллюстрации приведем несколько примеров. Западная часть звездного неба называлась областью белого тигра. В нагорьях, простирающихся к западу от собственно Китая, обитала порода тигров с белоснежной шерстью. Поэтому Запад как страну света определяли и по западным звездам, и по месту обитания тигров.

Почему северная часть звездного неба называлась областью черепахи? Север – царство мрака, холода и зимы. С наступлением зимы становится темнее и холоднее, природа погружается в сон. Черепаха – животное, покрытое темным панцирем, медлительное в своих движениях, зарывается в зимнее время в землю. Она всегда напоминает о зиме и своим поведением дает знать, когда начинается и когда кончается зимний сезон. Понятие «черепаха» ассоциировалось с зимой и севером.

Соответствие между изображением мыши и созвездием зодиака выражалось так. Солнце проходит этот знак зодиака в июле, когда в Китае созревают пшеница и рис. Поля подвергались набегам желтых мышей, которые запасали пищу на зиму. Так произошло «сближение» между изображением мыши и первым созвездием зодиака.

Звезды и планеты могли содействовать или препятствовать жизни растений и животных, покровительствовать тем или иным занятиям людей, предвещать счастье или несчастье, даже влиять на исход сражений.

Меркурий предвещает обильный урожай, если излучает желтоватый свет, и наводнение – если кажется темноватым. Венера влияет на ход военных действий; по ее свету и расположению на небесном своде определяли наиболее удачную диспозицию войск перед битвой. Марс служит указателем состояния нравственности в государстве, побуждает людей к войнам. По цвету Марса определяли характер предстоящих бедствий (война, мятеж, голод, мор, наводнение, засуха и т. п.). Юпитер, если излучает яркий свет, предвещает спокойствие и благоденствие страны. Сатурн во время яркого излучения обещает обильную жатву, а если в начале весны кажется красноватым, предсказывает голод.

Если планеты видны были днем, то они всегда предвещали бедствие: Меркурий – наводнение, Венера – войну, Марс – пожары и войну, Юпитер – страшный голод, Сатурн – засуху.

Солнце, луна и звезды назывались по-китайски сань гуан – «три светила» или сань чжэнь – «три регулятора времени».

По верованиям древних китайцев, светила оказывали решающее влияние на различные земные события, особенно на жизнь и смерть человека. Солнечное затмение сулило неприятности для государства и правителей – бунт, голод, смерть императора. Если луна становилась красной или блеклой, это также предвещало несчастья. Однако верили, что существует и обратная связь: неправильное поведение мужчин могло привести к затмению солнца, а неправильное поведение женщин – к затмению луны.

Как и везде, в Древнем Китае люди стремились персонифицировать сверхъестественные силы. На рубеже нашей эры народная фантазия создала об-

раз обладавшего титанической силой творца Вселенной Паньгу, который был «порожден хаосом и извлечен оттуда силами ян и инь».

Паньгу изображали по-разному. Чаще всего – в виде человека небольшого роста, одетого в медвежью шкуру. На голове его торчали два рога. В одной руке он держал молот, в другой – долото. С помощью этих инструментов Паньгу 18 тысяч лет титанически трудился: он отделил в хаосе небо от земли, создал солнце, луну и звезды. Его спутниками были священные существа – единорог, феникс, черепаха и дракон.

Встречается и такое изображение Паньгу: в одной руке он держит солнце, а в другой – луну. Эта картина связана со следующей легендой. Паньгу, занимаясь устройством Вселенной, неправильно расположил солнце и луну, которые одновременно скрылись за морем Хань, и люди остались в темноте. Тогда земной император повелел светилам возвратиться на подобающие им места на небесах и дать миру день и ночь. Солнце и луна отказались повиноваться этому приказу. Чтобы заставить их выполнить повеление императора, призвали Паньгу. На его левой руке было написано слово «солнце», а на правой – «луна». Он направился к морю Хань, вытянул вперед левую руку и позвал солнце, а затем вытянул правую руку и позвал луну. Семь раз повторял Паньгу благоговейную просьбу. После этого солнце и луна поделили время суток на день и ночь.

Бытовал и другой миф о Паньгу. Вначале мир напоминал огромное куриное яйцо, в котором царил хаос. В этом яйце зародился первопредок людей Паньгу с телом змеи и с головой дракона. Многие годы пролежав в яйце, он из ребенка превратился

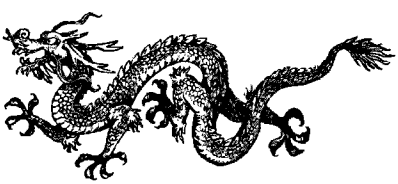
во взрослого человека и обнаружил вокруг себя беспросветную тьму хаоса. Паньгу нанес сильный удар изнутри по скорлупе – яйцо треснуло и раскрылось. Все легкое и прозрачное в нем устремилось кверху и образовало небо, а все тяжелое и мутное осталось внизу и превратилось в землю. Чтобы небо и земля не соединились, Паньгу уперся головой в небо, а ногами в землю. Так он простоял миллионы лет, и за это время небо поднималось все выше и выше, а земля опускалась все ниже и ниже. Сам же Паньгу по мере удаления неба от земли рос и рос, пока не превратился, наконец, в гиганта. Когда небо достигло высочайшего предела и земля утвердилась прочно на своей основе, Паньгу опустился на колени, ожидая наступления смерти.

После кончины Паньгу его голова превратилась в горы, кровь – в реки, борода – в созвездия; его тело стало землей, а дыхание – ветром и тучами; его голос стал громом; его руки и ноги стали четырьмя странами света; его зубы, кости и мозг – металлом и скалами; его кожа и волосы – травой и деревьями; его мышцы – волнистой поверхностью земли; капли пота – дождем; насекомые, которые ползали по его телу, стали человеческими существами.

При всех расхождениях в описании Паньгу общим является то, что верующие почитали его как первопредка, отделившего небо от земли.

По другому преданию, людей создала богиня Нюйва, у которой было лицо женщины и тело змеи. Она жила на земле в уже сотворенном мире: существовали горы, реки, леса, травы, животные, насекомые, не было только человека. Забавляясь от скуки, Нюйва вылепила из глины человеческую фигурку, которая ожила и начала двигаться. Тогда Нюйва вылепила еще несколько фигурок муж-

чин и женщин – они также ожили. Заботясь о продолжении рода, богиня наделила каждого мужчину женщиной и установила порядок бракосочетания. Так на земле появился род людской. Приведенные версии рождения мира были наиболее распространенными, но ими, конечно, не исчерпывается многообразие представлений китайцев о мироздании. Однако, как бы ни были различны эти представления, их объединяет общая идея о существовании трех главных сил – Неба, Земли и Человека. По-разному трактуемая, эта идея присутствует во всех древнекитайских мифах о происхождении жизни на земле. Окружавший человека мир был представлен небом и землей, которые хотя и считались противоположными началами, тем не менее их единство составляло основу всего мироздания.



ВЕРА В ДУХОВ

Древние китайцы, как и другие народы, пытались с помощью мифов объяснить окружающий мир, истолковать явления природы. Унаследованные от Древнего Китая предания о божествах, добрых и злых духах и непобедимых героях занимали большое место в духовной жизни китайского народа и во времена династии Цин.

Люди почитали духов, которые олицетворяли собой силы природы: духа земли, духа солнца, духа луны, духа деревьев, духа гор, духа морей и т. п. Эти духи, по представлению древних, властвовали над природой и распоряжались силами стихий.

После пятилетнего пребывания в Пекине (1895–1900) русский врач В. В. Корсаков, делясь своими впечатлениями о китайском народе, писал: «Вся совокупность духовного мировоззрения китайского народа опутана суевериями, религиозными мифами и легендами, совершенно не отвечающими современной жизни. Духовно китайский народ живет, если можно так выразиться, в детстве давней,

седой старины, а телесно всеми своими помыслами он ведет упорную и тяжелую борьбу за существование, которое для него очень и очень нелегко».

По древнекитайским воззрениям, небо и земля населены самыми разнообразными божествами: добрыми и злыми, могущественными и слабыми, красивыми и безобразными. Были божества войны, литературы, богатства, милосердия, болезней и медицины, домашнего очага и другие.

Трудно даже приблизительно подсчитать, сколько божеств «обслуживало» китайский народ. Не было ни одного ремесла и вообще ни одной сферы жизни, где бы люди обходились без духовных покровителей. Собственных «небесных защитников» имели плотники, рыбаки, горшечники, садовники, врачи, моряки, прорицатели, актеры, цирюльники и т. д. Даже домашних животных охраняли особые божества: покровители коров, лошадей, собак. Божества «специализировались» в самых различных областях. Назовем некоторые из них: доу-шэн – дух, защищающий от оспы; цзинцюань – дух, охраняющий колодец; лэй-цзу – дух, ведающий громом; хо-дэ – дух, ведающий огнем; си-шэнь – дух радости и блаженства; цзю-сян – дух виноторговцев; ма-мин – покровитель шелковичного червя; ли-ши – дух рынков.

Большие пожары, вспыхнувшие в Пекине в апреле 1908 г., приписывались астрологами духу огня, сошедшему с неба для стодневной прогулки по земле. Они говорили: «Когда это зловещее божество вернется в свою обитель, пожары прекратятся».

Какие бы божества ни порождала человеческая фантазия, они по своему облику напоминают обыкновенных обитателей земли. Верующему трудно

было представить себе божество, лишенное телесной оболочки: дух очага, дух богатства, дух долголетия и другие духи по внешнему виду мало чем отличались от смертных людей. Даже такое мифическое чудовище, как дракон, и тот не мог обойтись без туловища змеи, лап тигра, когтей орла, головы верблюда.

Умирал человек – его тело оставалось в земле, а душа, отделившись от тела, попадала в потусторонний мир. Почему же там душу снова изображали в образе человека? Очевидно, служители культа не смогли придумать «небесного» изображения души.

Различные природные явления связывались с действием духов или каких-либо таинственных сил. Северное сияние объяснялось тем, что живущий на Крайнем Севере, куда не заглядывает солнце, дракон чжу-лун держит во рту свечку и освещает время от времени темные полярные страны. Радуга воспринималась в виде большой змеи, дугообразно перегнувшейся над землей. Ветер порождался шэн-луном – священным драконом. Порывистый ветер создавали незримые крылья мифической птицы да-фэн (большого феникса). Завывание ветра в ненастную погоду принимали за плач бесприютных душ тех воинов, которые пали на поле брани и не были погребены родственниками; ураганы и смерчи – это полет или борьба драконов; гроза – схватка белого и черного драконов, которые, нанося друг другу удары, проливают на землю обильный дождь. Раскаты грома уподоблялись также грохоту едущей по облакам небесной колесницы.

Духи обитали на вершинах гор, наблюдали за жизнью людей со звезд, ведали морскими прили-

вами и отливами, воплощались в деревьях и дожде, голоса их можно было расслышать в громе. Рост и разрушение, наводнение и засуха, приятное и ужасное – все находилось под их наблюдением.

Долины, леса и горы с их редкими тропинками и глубокой тишиной, нарушаемой лишь шумом бегущих потоков, служили обиталищем духов. Духи гор изображались в виде седовласых старцев с длинными бородами, хмурыми лицами и строгим выражением глаз. Они часто приходили на помощь человеку и приносили ему счастье и благоденствие.

Общим уважением пользовался дух долголетия. Его изображали почтенным улыбающимся старцем с высоким лбом. Рядом с духом долголетия обычно рисовали аиста (символ вечности) и оленя (символ счастья). В руках дух держал персик и жезл, которые также символизировали долголетие. У его ног художники рисовали гранаты. Красный цвет граната означал спокойствие, радость, счастье и благополучие. Картинки с изображением духа долголетия наклеивались на стены жилых комнат: считалось, что это поможет изгнать нечистую силу и тогда вся семья будет долго и благополучно жить.

Одним из почитаемых в народе был бог войны Гуаньди. Его обычно рисовали сидящим с раскрытой книгой в руках. И хотя он покровительствовал прежде всего бранной службе, но в его ведение входили и мирные профессии. Гуаньди был также духовным защитником страждущих, покровителем торговли, богатства. В городах и деревнях в его честь воздвигались храмы или кумирни.

Китайские крестьяне глубоко почитали местного духа (туди). Его изображали стариком в головном уборе чиновника давних времен. Рядом с ним

рисовали двух прислужников. Местный дух обязан был охранять вверенные ему владения, заботиться об урожае зерновых, овощей и фруктов. Картинки с изображением туди наклеивались на стены домов, или же его статуэтку ставили на особой подставке в комнате. Перед ней зажигали курительные свечи и выставляли жертвоприношения: хлебцы и фрукты. В домах бедняков изображения божеств нередко заменяли табличкой с соответствующей надписью.

Особенно много суеверий было связано с праздником Нового года, во время которого каждому верующему приходилось иметь дело с многочисленными добрыми и злыми духами.

Наступление Нового года, по понятиям древних китайцев, совпадало с началом весны. Поэтому Новый год называют еще и праздником весны. Это был самый популярный народный праздник в Китае. По лунному календарю Новый год приходится на февраль – тогда наступает конец холодного зимнего периода, становится тепло, начинается обновление природы. В это время земледелец уже задумывается о будущем урожае. Не случайно в древности этот праздник был связан с молебствием о плодородии: о тучных нивах и обильном урожае, о богатом приплоде домашних животных, о благополучном рождении в семье мальчиков – продолжателей рода.

В праздник Нового года всюду преобладал красный цвет – цвет солнца, цвет радости. Чисто прибранные дома увешивали веселыми новогодними картинками, нарисованными на красной бумаге, а также двумя изречениями (дуй цзы) с новогодними пожеланиями. В деревнях Северного Китая многие женщины и дети одевались во все красное, вплоть до чулок и обуви. Женщины носили на голове красные цветы из бархата или шелка. Даже в

Дух долголетия

самых бедных семьях родители дарили дочерям красный шнурок для косы.

Существовало поверье, что злые духи боятся красного цвета, поэтому перед Новым годом на самые различные предметы наклеивали красные полоски бумаги. Крестьяне за несколько дней до Нового года покупали квадратные листки красной бумаги, на которых золотой тушью были написаны иероглифы с пожеланием счастья и богатства. Такие листки бумаги наклеивались на двери дома, домашнюю утварь, а также на сельскохозяйственный инвентарь: плуг, борону, мотыгу и т. п.

Перед Новым годом со стен снимались все старые бумажные талисманы и вместо них наклеивались новые. На притолоку двери вешали пять длинных полосок бумаги, символизирующих «пять видов счастья»: удачу, почет, долголетие, богатство и радость.

Обязательным атрибутом при встрече Нового года считались разнообразные по форме декоративные фонари. Особенно популярны были четырех- и шестигранные фонари и обтянутые цветной материей газовые светильники с различными рисунками. В канун праздника они развешивались в каждом доме. Очень любили китайцы фонари с

изображением драконов, их держали в руках при исполнении танца дракона.

На исходе старого и в начале нового года суеверные люди принимали все меры, чтобы помешать влиянию злых духов и расположить к себе добрых. В первый день наступившего года запрещалось бросать что-либо на пол, нельзя было пользоваться ножом или иголкой, так как эти предметы – металлические и могут причинить зло; нельзя было произносить такие слова, как «демон», «болезнь», «смерть» и т. п. Если кто-нибудь по неосторожности разбивал чашку, то это омрачало общее настроение: весь год мог оказаться невеселым. Для устрашения нечистой силы на ворота домов наклеивали изображения духа зверей, а также тигра.

Чтобы избавиться от злых духов, применялись и другие средства. Например, хозяйка дома наливала уксусный раствор в кастрюлю с длинной ручкой и ставила ее на глиняную печку, нагреваемую горящими древесными углями. Уксусный раствор испарялся и наполнял воздух едким дымом. Тогда хозяйка брала за ручку кастрюлю, размахивала ею, словно кадилом, по углам комнаты и под столом, изгоняя таким путем злых духов.

Для той же цели специально приглашались буддийские и даосские монахи. Одетые в яркие халаты, они обходили дома и произносили различные заклинания. Особенно трудно было бороться с наваждениями в тех семьях, которые в старом году страдали от несчастий. Чтобы помочь им, монах-заклинатель прибегал к разнообразным приемам. Облачившись в красный халат и черную шапочку, он становился с мечом, сделанным из персикового дерева, перед импровизированным алтарем, на котором горели восковые и тлели курительные свечи.

Положив меч на алтарь, монах сыпал золу в чашку, наполненную весенней водой, после чего брал в правую руку меч, а левой рукой поднимал чашку и возносил молитву:

«Боги неба и земли! Доверьте мне небесную печать, с тем чтоб я мог изгнать злых духов из домов людей». Получив полномочия от богов, заклинатель обращался с призывом к демонам: «Покиньте обитель людей со скоростью света». Затем он брал прутья ивы, погружал их в чашку и кропил восточный, западный, южный и северный углы дома. Когда эта церемония заканчивалась, заклинатель громко произносил: «Смерть земным духам, которые прибыли с несчастливых звезд, или пусть они убираются восвояси!». Обходя помещение, он говорил: «Смерть красным огненным духам в южном углу; смерть белым духам в западном углу; смерть желтым духам в центре комнаты!» – и т. д.

На этом церемония изгнания злых духов не заканчивалась. Под аккомпанемент гонга и барабана заклинатель выкрикивал: «Злые духи Востока, отправляйтесь на Восток; злые духи Юга и Севера, отправляйтесь на Юг и Север. Пусть все духи немедленно исчезнут!» Завершив ритуал, заклинатель подходил к двери дома, произносил таинственные заклинания, размахивал в воздухе мечом, препятствуя этим возвращению злых духов.

Работа заклинателя кончалась тем, что он поздравлял жителей дома с изгнанием непрошеных гостей и получал за это соответствующее вознаграждение.

Празднование Нового года длилось от трех до пятнадцати дней и включало разнообразные обряды. Наиболее важным из них считались торжественные проводы (в канун Нового года) духа до-

машнего очага Цзао-вана к Верховному владыке небес – Нефритовому императору (Юй-хуану).

Духа домашнего очага рисовали по-разному. Опишем один из рисунков. В центре крупным планом изображен сидящий старик со свисающими усами и с бородой. У него в руках – памятная дощечка из слоновой кости, которую в древние времена сановники держали перед собой во время аудиенции у императора. Перед духом на маленьком столике поставлены жертвенные свечи и курительница для курительных палочек. Чуть ниже столика нарисована лошадка, на которой дух отправляется к Верховному владыке на небо. Рядом – четыре стражника: двое с копьями в руках, третий держит меч самого божества, четвертый – деревянную коробку, в которой хранится божественная печать. На красных полосках бумаги можно прочитать различные просьбы к божеству: «Поднимешься на небо, докладывай о наших хороших делах»; «Когда спустишься на землю, даруй нам спокойствие» и т. п.

По народному верованию, дух домашнего очага отправлялся к Нефритовому императору с докладом о том, какие добрые и какие плохие дела совершила за прошлый год та или иная семья. Чтобы доклад был благоприятным для семьи, духа старались задобрить жертвами. Перед его изображением ставили курительные свечи, блюдечки с вареным рисом, клали печенье из рисовой муки, конфеты, жареные бататы и т. д. Иногда сахар заменяли опиумом – дух, отведав его, впадал в дремоту перед отбытием на небеса. А иногда его бумажное изображение погружали в вино – винные пары опьяняли домашнего бога и создавали хорошее настроение при встрече с Нефритовым императором.

Не забывали задобрить и лошадь, на которой по-

Дух домашнего очага Цзао-ван

едет божество: для нее ставили два блюдца – одно с водой, другое с мелко нарезанным сеном. На сено обычно клали шнурок красного цвета из хлопчатобумажных ниток – узду для священной лошади. На крышу кухни бросали горох и бобы, имитируя звуки удаляющихся шагов и стук копыт лошади. Чаще всего деревянная статуэтка духа домашнего очага в сидячем положении находилась вместе с другими божествами на домашнем алтаре.

Относясь с почтением к духу очага, верующие заботились о том, чтобы поддерживать огонь «чистыми» дровами. Если для приготовления жертвоприношений употребляли «загрязненные» дрова или растения, то их нечистые пары оскорбляли духа очага. Небрежное отношение к огню могло принести несчастье: попадет в огонь перо курицы – семейство постигнет беда; попадет в огонь собачья кость – родившийся мальчик будет глупым.

В праздничные дни на улицах, в домах и общественных зданиях вывешивались многочисленные «эмблемы счастья». Наиболее распространенной эмблемой были иероглифы шуан («пара») и си («счастье»). Они писались вместе – шуан-си («двойное счастье»). Эти иероглифы символизировали благополучие человека, его богатство, какое-нибудь большое радостное событие. Иногда знаки шуан и си заменялись изображением двух сорок, которые, по поверью, приносят счастье и радость. На дверях и окнах домов вывешивались изображения пяти летучих мышей, символизировавшие «пять видов счастья»: удачу, почет, долголетие, богатство и радость.

Часто в Новый год на дверях и стенах домов можно было видеть изображение рыбы – пожелание материального благополучия и достатка. Обычно рисовали двух рыб, расположенных симметрично, или толстого малыша, державшего в руках большую рыбу.

Первый день Нового года по-китайски называется юань-дань (букв.: «утро Нового года»), с 11 часов вечера накануне Нового года и до рассвета следующего дня. В ночь под Новый год двери должны были быть закрыты, так как в это время на улице появлялись всевозможные злые духи. Для их из-

гнания зажигали фейерверки, били в гонги, взрывали хлопушки. Чтобы предохранить себя от влияния злых духов, нужно было бодрствовать всю ночь.

Вечером глава семьи выносил шкафчик с бумажным изображением духа очага во двор, ставил его в железный сосуд, наполненный еловыми ветками, и сжигал. Одновременно с этим сжигались «жертвенные деньги», которые понадобятся духу в пути, а также листочки бумаги с изображением лошади, паланкина и носильщиков – всем этим он воспользуется в путешествии.

В огонь бросали также сладости, чтобы дух говорил на небе добрые слова о земных делах. Губы деревянной статуэтки смазывали медом или какой-нибудь сладкой липкой массой, чтобы дух не мог открыть рта, если захочет сообщить Нефритовому императору что-либо неблагоприятное. Проводы духа домашнего очага сопровождались треском хлопушек.

Между 3–5 часами утра Нового года, еще до первых петухов, во дворе разбрасывали кипарисовые и сосновые ветки, а глава семьи срывал печать на воротах, плотно прикрытых накануне наступления темноты – так спасались от злых духов, которые особенно воинственно вели себя в канун Нового года.

Голодные и испытывающие жажду после длительного пути на небо божества, вернувшись на старое место, с наслаждением вдыхали испарения от стоявшей на алтаре пищи. Особым вниманием пользовался при этом дух домашнего очага, которого почтительно приглашали занять свое прежнее место на кухне, где уже было наклеено его новое изображение. Поздно вечером в самой большой комнате у северной стены ставили стол, на котором

размещали культовые предметы: таблички предков, блюдца с жертвенной пищей, курильницы со свечами. Над столом вывешивались надписи с добрыми пожеланиями и картины. На стол ставили также сосуды с ветками сосны или бамбука (символ долголетия), вишни, сливы (символ начала весны), блюда с печеньями квадратной формы (символ земли) и чашечки с зернами пшеницы (символ благополучия). В состоятельных семьях в пирожки клали кусочки золота, серебра или ценного камня. Тот, кому доставался пирожок, начиненный драгоценностями, обретал счастье в течение всего предстоящего года.

Когда приготовления заканчивались, семья приступала к празднованию и посторонние в дом не допускались.

В бедных крестьянских семьях для духа домашнего очага обычно отводилось место на кухне – там устраивалась небольшая ниша, в глубине которой наклеивалось бумажное изображение божества.

И хотя домашний очаг связан с трудом хозяйки, женщинам запрещалось чествовать духа очага – этим делом мог заниматься только мужчина. Перед изображением божества женщинам нельзя было причесывать волосы, мыть руки. Глава семьи от имени всех домочадцев молился небу и земле, духу домашнего очага и духам предков дважды: вечером – в знак расставания с божеством, отправляющимся на небо, и в полночь – в честь его возвращения.

Для совершения молитв небу и земле во дворе дома ставился алтарь, представлявший собой небольшой столик, на котором размещали таблички духов неба и земли, жертвенные кушанья, восковые и курительные свечи. В Южном Китае, где рис

Дух Желтой реки

был основным продуктом питания, в центре алтаря ставили деревянную лодочку, наполненную рисом. Вокруг такой лодочки расставляли яркие цветы, ветки кедра. На севере Китая рис заменяли просом. Жертвы в виде злаков служили выражением благодарности небу и земле за богатый урожай в старом году и пожеланием хорошего урожая в новом году.

Глава семьи, одетый в длинный шелковый халат, приближался к алтарю, становился на колени и при горящих восковых и курительных свечах под резкие звуки взрывающихся хлопушек совершал земные поклоны поочередно небу и земле.

Обряд преклонения предкам совершался так. Перед табличками предков ставились жертвоприношения – горячие блюда. В течение примерно двух

недель духи предков «получали» еду и питье, им давали горячие полотенца, для того чтобы обтереть их лица. На стол выставлялись пять видов кушаний, пять чашек вина, пять чашек чаю и десять пар палочек для еды. Все делалось так, чтобы предки пяти поколений могли вместе с живыми провести новогодний праздник.

Духи предков, так же как и божества, символически насыщались запахом пищи, оставляя для живых ее телесное содержание. После того как считалось, что духи предков насытились, члены семьи принимались за трапезу. Обычай запрещал при таких трапезах присутствовать знакомым, даже самым близким друзьям, кроме членов семьи.

Почести, оказанные предкам, не только служили выражением почтительности к усопшим, но и должны были положить конец ссорам в семье, сплотить их под эгидой старшего.

Если предков не приглашали разделить трапезу на Новый год, это расценивалось как грубое нарушение благоприличия – позор ложился на всю семью, позабывшую ради своего удовольствия усопших предков.

Как видно, все церемонии встречи Нового года и проводов старого были пронизаны всевозможными суевериями.

Много суеверий было связано с растительным миром. Люди верили, что местом своего пребывания духи часто избирали деревья, поэтому они считались священными. Тот, кто осмеливался вырыть или срубить дерево, мог навлечь на себя гнев духов, а это сулило всевозможные несчастья и даже смерть. Когда дерево срубали без предварительного увещевания его небесных покровителей, оно, по твердому убеждению верующих, кровоточило, кри-

чало от боли или выражало негодование. Крестьяне провинции Фуцзянь, перед тем как срубить дерево, приносили извинения примерно в таких словах: «Наши дети живут в холоде, и у нас нет дров, чтобы приготовить горячую пищу». Подобные доводы смягчали гнев духа дерева.

Священные деревья, по убеждению верующих, приносят людям добро, особенно когда дело касается исцеления от болезней. На ветвях таких деревьев в знак признательности верующие вешали благодарственные надписи или лоскуты яркой материи; стволы деревьев обвязывали гирляндами, а ветви увешивали фонарями.

Считалось, что вечнозеленые деревья (ель, кипарис) содержат особенно много животворящих элементов ян, которые обеспечивают сохранение зеленой листвы и зимой. Такие деревья сажали на кладбищах и во дворах храмов предков – это должно было предохранить тела усопших от гниения и разложения, а живым принести счастье и удачу.

Деревьям некоторых пород приписывали особые качества и слагали о них всевозможные легенды, получившие широкое распространение в народе. Вечнозеленая сосна считалась символом долголетия и высокой нравственной чистоты. Сосны высаживали у подножия могильных холмов: существовало поверье, что этого дерева боятся причудливые существа ван-сян, пожирающие мозг усопшего. В одной из легенд о сосне говорилось: как-то крестьянин встретил на дороге странника с белой собачкой. «Где ты живешь?» – спросил его крестьянин. «Там, на дереве», – ответил странник. Продолжая свой путь, он указал на одинокую сосну, стоящую на холме. Любопытный крестьянин последовал за ним. И когда достиг холма, то обна-

ружил, что странник и его четвероногий друг исчезли в дереве. Странник оказался духом сосны, а его собачка – духом белых грибов, которые росли вокруг этого дерева.

В Китае издавна трогательно любили цветы персика, которые олицетворяли собой весну. Много садов и парков прославилось своими цветущими персиковыми деревьями. Людям доставляло эстетическое наслаждение созерцание ярких, изящных и утонченных цветов персика: они напоминали лицо красавицы. Цветы персика воспеты в бесчисленном множестве стихов китайских поэтов.

Однако больше всего ценилось не само персиковое дерево, а его плоды. Они были символом бессмертия и служили составной частью эликсира жизни в даосской религии. Божество долголетия часто изображалось выходящим из персика. Плод персикового дерева олицетворял собой счастье супружеской пары, бессмертие и весну. Мифическое персиковое дерево цветет один раз в три тысячи лет и рождает персик вечной жизни, который созревает в течение последующих трех тысяч лет.

Из персикового дерева, обладающего магическими свойствами, даосские монахи изготовляли печати, оттиски с которых украшали талисманы и амулеты. Ветвям персикового дерева приписывали целебные свойства: ими хлестали больных лихорадкой и так изгоняли нечистую силу.

Особым почитанием пользовалась ива, которую можно встретить в любом районе Китая. Это дерево почитали прежде всего за то, что оно своими листьями создает надежную тень, давая людям возможность насладиться прохладой во время знойных солнечных дней. Из гибких ивовых прутьев плели корзины и веревки, а из листьев, содер-

жащих танин, крестьяне изготовляли напиток, заменяющий собой чай. Из листьев и коры некоторых видов ивы приготавливались лекарства для лечения зоба, дизентерии, ревматизма.

В буддийских верованиях ива символизирует кротость и наступление весны. Ее красота, гибкость и хрупкость воспеты великими китайскими поэтами и воплощены в полотнах выдающихся китайских художников. Это дерево стало также символом прекрасного пола. Тонкую талию женщины сравнивали с ивой.

Ива, оказывается, обладает силой в борьбе со злыми духами и, когда это нужно, может помочь изгнать их. Из ивового дерева прорицатели изготовляли идолов, через посредство которых они общались с миром духов. Буддисты считали, что ивовые ветки, окропленные водой, приобретают очистительные свойства. Ивовые ветки вешали над дверьми жилых домов, ибо они сулили добро и счастье. Женщины вкалывали в волосы веточки ивы, которые защищали от злых духов, придавали остроту зрению и предохраняли от слепоты.

Ива, символ солнца и весны, – одно из первых деревьев, распускающих свои нежные листья под лучами весеннего солнца. Она может расти почти везде, обладает особой жизнеспособностью и надежно предохраняет от нечистой силы. Между ивой, отличающейся необыкновенной живучестью, и солнцем, ежегодно одолевающим враждебную ему темную силу инь, есть нечто общее.

О благодетельном влиянии ивы на жизнь человека бытовало много легенд. Приведем некоторые из них.

Некий молодой человек, желая получить ученую степень, усердно изучал конфуцианские кни-

ги под старой ивой. Как-то раз он услышал нежные звуки лютни. Желая узнать имя неизвестного музыканта, молодой человек громко спросил: «Кто это играет?» В ответ раздался голос: «Я, дух ивы». И невидимая рука обрызгала юношу ивовым соком. После этого голос продолжал: «Вы добьетесь получения высшей ученой степени в империи на первом же экзамене». И действительно, предсказание духа ивы сбылось: молодой человек получил высшую ученую степень. Еще одно сказание. Молодой человек купил портрет изумительно красивой девушки и повесил его на стене комнаты, где он просиживал целые дни за изучением конфуцианских книг. Он часто засматривался на изображение девушки. И вот однажды, когда он пристально смотрел на портрет, девушка улыбнулась. Пораженный случившимся, юноша закрыл свои книги, опустился на колени перед портретом, умоляя девушку вымолвить хоть слово. «Кто ты такая?» – спросил он дрожащим голосом. И в ответ услышал: «Я – дух ивы, которая растет в вашем саду». Потерявший голову от любви, молодой человек стал умолять незнакомку стать его женой. Она дала согласие при условии, что он закажет для нее специальное платье. Когда оно было готово, девушка покинула рамку портрета, с тем чтобы получить благословение родителей молодого человека. Облачившись в венчальное платье, она вскоре стала верной женой нежно полюбившего ее юноши.

В мифологии китайцев большое место отводилось четырем священным существам: дракону, тигру, фениксу, черепахе. Дракон считался символом весны и востока, феникс – лета и юга, тигр – осени и запада, черепаха – зимы и севера.

По китайским народным верованиям, дракон –

повелитель водной стихии – дарил людям влагу. Он щедро орошал поля тех, кто верно ему служил, защищая крестьян от неисчислимых бедствий. В иерархии китайских божеств дракон занимал третье место после неба и земли. Его изображали в самых причудливых формах. Глаза дракона похожи на кроличьи, а уши – на коровьи; у него растут длинные усы; туловище походит на тело змеи, покрытое чешуей; четыре тигровые лапы имеют орлиные когти. Встречается и другой вариант: голова дракона, как у верблюда, усы, как у зайца, глаза, как у быка, шея, как у змеи, брюхо, как у ящерицы, чешуя, как у карпа, когти, как у орла, лапы, как у тигра. Иногда дракона изображали в виде большой змеи или животного, напоминавшего одновременно и тигра и лошадь. Но во всех случаях облик чудовища был величественным, суровым и воинственным.

Существовали четыре типа драконов: небесный дракон, охранявший обители богов; божественный дракон, посылавший ветер и дождь; дракон земли, определявший направление и глубину рек и ручьев; дракон, охранявший сокровища.

Народная фантазия создала множество разновидностей драконов – повелителей водной стихии. Существовало поверье, будто моря, реки и озера управляются драконами, которые не поднимаются в небо. Они известны под названиями: желтый дракон (хуан-лун), змеевидный дракон (цзяо-лун), извивающийся дракон (пань-лун). Чуть ли не все непонятные явления природы люди стали связывать с проделками дракона. Его изображали в облаках и в тумане или в волнах, чтобы создать представление о способности вызывать ветер и волны. Он взмывал в небо и парил в облаках, скалил клыки и выпускал когти.

Изображение дракона в Китае можно было увидеть повсюду: в храмах, во дворцах, на мемориальных обелисках, на древних сооружениях, на стенах крестьянских домов (в виде картинки или вырезки из бумаги).

В одной из легенд, объясняющей популярность дракона в китайском народе, рассказывается:

Однажды в море заболел царь драконов (да ван). Среди обитателей водного царства не нашлось лекаря, который мог бы его вылечить, и ему не оставалось ничего другого, как в облике старца отправиться к людям. У многих врачей побывал владыка моря, но ни один не мог определить, что у него за болезнь. Наконец дракон попал к знаменитому исцелителю, который, ощупав пульс пациента, очень удивился, обнаружив, что его сердце бьется совсем не так, как у обычных людей. Он сказал об этом старику. И тот вынужден был признаться, что перед ним находится царь драконов.

Врач заявил, что определить и вылечить болезнь он сможет лишь в том случае, если старик снова превратится в дракона. Хотя обычно драконы людям не показываются, но на этот раз владыка вод, чтобы исцелиться от недуга, согласился выполнить такое требование. В условленный день дракон появился над волнами. Врач на берегу моря осмотрел его и обнаружил, что под чешую дракона на пояснице заползла сколопендра, которая и причиняла ему сильную боль.

Удалив сколопендру, исцелитель смазал мазью поврежденную чешую, и боль прошла. В знак благодарности за исцеление царь драконов обещал ниспосылать людям хорошую погоду и полное благополучие. С тех пор каждый год в день исцеления по всему Китаю исполнялся танец дракона. Несколь-

ко десятков человек несли длинный бамбуковый остов дракона, оклеенный цветной бумагой или шелком. У него были золотистые или синие глаза, серебряные рога, украшенные красными кисточками, длинная зеленая борода и открытая пасть со свисающим красным языком. Освещенный разноцветными фонарями, он выглядел величественным и красивым. Перед драконом, символом облаков, приносящим дождь, несли на стержне ярко раскрашенный шар, символизирующий солнце. Танец дракона сопровождался резкими звуками гонгов и барабанным боем, напоминавшим отдаленные раскаты грома или шум ливня. Такого дракона торжественно проносили по главным улицам города или поселка.

Народная легенда утверждала, что на дне моря хранятся бесчисленные сокровища, принадлежащие царю-дракону, который живет в роскошном дворце, построенном из драгоценных камней. Отсюда появилось выражение: «Богат, как царь-дракон». Чтобы выразить свое преклонение перед повелителем водной стихии, люди строили на берегах рек, озер и морей кумирни.

В парах, поднимающихся с земли, древние китайцы видели очертания взлетающих драконов, которые якобы принимали вид облаков. Облака-драконы возили на себе духов и бессмертных небожителей.

Засуха и наводнения издавна приносили китайскому народу разорение, нищету, голод. Кто мог помочь в борьбе против стихийных бедствий? Конечно же, царь драконов. Религиозные процессии в честь дракона проходили в Китае в разное время года. Особенно много их было в мае, когда от горячих солнечных лучей трескалась земля, и в июне,

когда после дождей народ выражал благодарность дракону за его доброту. Составным элементом такой процессии был танец дракона.

Рядом с мифическим чудовищем колыхались знамена различных цветов: желтые и белые символизировали ветер и воду, черные и зеленые – тучи. Один из участников церемонии нес на коромысле ведра с водой, которой кропил прохожих, приговаривая: «Приди, о дождь! Приди, о дождь!» Процессию сопровождала шумная толпа. Матери посылали сыновей подбирать огарки свечей, падавшие с туловища дракона, – такие огарки служили защитой от засухи. На пути процессии раскладывали костры – на них сжигали «жертвенные деньги». Крестьяне окрестных деревень с ивовыми венками на голове, с курительными свечами и «жертвенными деньгами» в руках под звуки гонгов направлялись в городской храм дракона, где, совершив древний ритуал поклонения, обращались к божествам с петицией о ниспослании дождя. При этом распевались молитвы-просьбы:

Пусть большой дождь льет потоком,
А маленький дождь – капля за каплей.
О нефритовый император,
О нефритовый император!
О бог города, о бог земли!
Сжальтесь над нами!
В руке держу я ивовые ветви.
Пусть дождь разольется над всей Поднебесной!

Эта процессия так и называлась по-китайски ци-юй – «моление о дожде».

Облака в зависимости от их цвета могли быть вестниками бедствий или благополучия: багровые

предвещали засуху, черные – наводнение, белые – смерть, желтые – плодородие. Тучи связывались с образом взлетающего черного дракона, ведавшего дождевыми водами. Если в положенное время не было дождя, это объясняли тем, что черный дракон почему-то задержался в пучине вод.

Иногда во время религиозных церемоний «роль» дракона исполнял крокодил. «Я видел, – вспоминал американский китаевед К. Вильямс, – как во время засухи по улицам Нанкина несли на небольших носилках маленького крокодила, а рядом шли верующие с курительными свечами. Это делалось для того, чтобы вызвать дождь».

Продолжительная засуха рассматривалась как отказ дракона послать дождь. Тогда возле его изображения устраивались молебствия. Если же и после этого поля оставались сухими, то исполнялся обряд «бичевания дракона»: по сделанному из глины или другого материала дракону наносили удары плетью или бамбуковой палкой, требуя ниспослать дождь; бумажного или матерчатого дракона разрывали на куски. Доставалось даже царю драконов: за «плохую работу» его изображение выставляли под палящие лучи солнца – пусть на себе испытает, что такое жара.

В народе рассказывали, что как-то во время продолжительной засухи маньчжурский император Цяньлун отправился в Храм черного дракона, что находился на Западных горах в Пекине, помолиться о ниспослании дождя. Дракон остался безучастным к его молитвам. Разгневанный император повелел изгнать дракона в пустынный район Маньчжурии, в провинцию Хэйлунцзян. Путешествие дощечки с надписью «дракон» к месту ссылки началось в сезон большой жары. Чем дальше

Танец дракона

удалялась от Пекина «дощечка дракона», тем становилось жарче и душнее. Наконец, после того как было преодолено уже значительное расстояние, дракон «раскаялся» и ниспослал дождь. Тогда император Цяньлун повелел вернуть его на прежнее место.

Традиционные обряды, связанные с молением дракону, были очень устойчивыми и соблюдались даже после свержения маньчжурской династии. Любопытная информация по этому поводу была опубликована в июне 1926 г. в «Пекинском вестнике». Передаем ее с некоторыми сокращениями.

Это произошло в городе Чанчуне в июне 1926 г.

Около месяца не выпадало ни капли дождя. Крестьяне окрестных районов с надеждой всматривались в небо, отыскивая на нем тучи, которые смогли бы напоить иссушенные поля. В отчаянии они пытались смягчить гнев бога дождя молитвами и жертвоприношениями, но чем-то разгневанное божество оставалось глухим к их мольбам.

В конце концов торговая гильдия решила организовать шествие торговцев и крестьян перед буддийским монастырем. Все мясные лавки были закрыты по случаю объявленного общего поста вплоть до первого дождя. Когда религиозное шествие закончилось, все его участники во главе с буддийскими монахами и представителями торговой гильдии направились к русской православной церкви. По настоянию китайцев русские священники также вознесли молитвы о дожде. По их сигналу все сняли головные уборы и опустились на колени. Китайцев охватил настолько глубокий религиозный экстаз, что они горячо молились на свой манер христианскому богу, хотя и не имели никакого представления об обрядах православной церкви.

Сообщалось, что спустя три дня после этой церемонии пошел дождь. Конечно, это приписывалось усилиям молившихся, просьбам которых внял дракон.

Вера в могущество дракона, бога дождя, сохранялась в сознании китайских крестьян вплоть до недавнего времени. В новелле известного китайского писателя Чжао Шули «Прости меня, бог дождя» рассказывается о поклонении крестьян дракону.

«В деревне Цзиньдоупин Храм дракона стоит на высоком холме, который находится у самого бере-

га реки. Этот холм представляет собой отрог горы, расположенной к западу от деревни. Старики говорят, что, если бы не высокий каменистый берег, деревня Цзиньдоупин давно была бы снесена бурными водами реки.

До освобождения страны всякий раз, когда случалась засуха, крестьяне собирались в храм на молебствие, прося дракона послать им дождь. Они разбивались на группы по восемь человек и по очереди, стоя на коленях, возносили молитвы. Каждая группа молилась, пока не догорят зажженные курительные свечи. Затем ее сменяла другая группа, и молебствие продолжалось до тех пор, пока не начинался дождь. Остальные участники молебствия стояли в стороне и били в колокол и барабаны, стараясь привлечь этим внимание дракона».

Отношение верующих к божествам могло быть и иным. Известный русский китаевед В. П. Васильев в книге «Религии Востока», опубликованной в 1873 г., привел любопытный пример отношения верующих китайцев к своим божествам в храме, который он сам посетил.

«Звуки бубнов и литавр возвестили приближение толпы; тут находились и старики, и дети, и мужчины, и женщины; на многих были надеты венки; большая часть богомольцев шла босиком. Все явились изнуренные, измученные. Надо было видеть, с каким благоговением они пали на колени перед храмом, в который не могли вместиться. Наконец молитва кончилась. Зажженные свечи положены в урну перед божеством-драконом, чтобы там догореть. Сцена сейчас же переменилась: начался смех, говор, брань. Старшина всей процессии подошел к урне, в которой догорали свечи, набил свою трубку табаком, раскуривая ее, преспокойно и

громко сказал: "Эй, дракон, давай же нам дождя, да хорошего!"»

В честь дракона 5 мая по лунному календарю (конец июня – начало июля) проходил праздник начала лета, летнего солнцестояния (дуань у цзе или дуань ян цзе). Любимым развлечением в городах в этот день был «танец дракона».

Считалось, что дракон питает водой целебные травы. Поэтому в день праздника входные двери домов украшались душистыми букетами трав. Наполненные толченой травой амулеты подвешивались к косичкам или пришивались к одежде детей. На стенах комнат вывешивались талисманы-заклинания, изображающие гибель пяти «основных вредоносных существ»: зеленой лягушки, ящерицы, многоножки, паука и змеи.

В начале лета надо было напомнить людям о тех болезнях и ядовитых пресмыкающихся и насекомых, которые особенно опасны для человека. Во дворах домов вывешивали ветки полыни и аира – эти травы имеют особый запах, который может прогнать ядовитых пресмыкающихся и насекомых и послужить противоядием в случае укусов. Самыми опасными считались сколопендра, скорпион, змея, ядовитая лягушка и ядовитая ящерица. В борьбе с ними использовалось прежде всего изображение тигра, способного победить ядовитых пресмыкающихся. Поэтому в праздник лета изготовлялись большие и маленькие тигровые маски из шелка, бархата и хлопчатобумажной материи.

Дракон по-прежнему остается одним из объектов религиозного почитания среди верующих. В провинции Цинхай около одного из бывших храмов бьет ключ. По убеждению верующих, этот ключ – глаз зеленого дракона, а кто дотронется до

него – ослепнет. В провинции Юньнань, близ города Гоцзю, предполагалось прорыть канал. Суеверные крестьяне стали протестовать, уверяя, что «канал растревожит подземного дракона». В провинции Хунань верующие противились строительству туннеля на том основании, что «земляные работы могут прогневать дракона в горах». Почитание водяного дракона (лун-вана) усиливалось в период засухи. На него, как на последнюю надежду, уповали суеверные крестьяне, оставшиеся наедине со стихией.

Как уже говорилось, из всех животных в мифах и легендах особенно почитался тигр, который олицетворял силу, властолюбие, суровость, отвагу и свирепость. Он символизировал также военную доблесть. Изображение тигра находят на бронзовых и фарфоровых изделиях далекого прошлого. Вход в монастыри, правительственные здания, богатые магазины, жилые дома феодалов украшали и оберегали каменные изваяния тигра.

Голову хищника рисовали на щитах воинов; ее гравировали на деревянных дверях военных укреплений для устрашения неприятеля. Изображение тигра, вышитое на одежде военных чинов, служило знаком различия. В древние времена, стремясь вселить страх в стан противника, китайские воины в тигровых шкурах шли на врага с дикими криками, напоминавшими рев настоящего тигра.

Чтобы тигр наводил ужас на злых духов, голову этого хищника рисовали на стенах жилых домов и монастырей и вышивали на одежде и обуви детей.

Наряду с тигром большим уважением в народе пользовался лев, хотя царь зверей никогда не водился в Китае (китайское слово «лев» – ши – про-

исходит от персидского шир). В его честь устраивался «танец львов». Обычно по улицам проносили двух ярко окрашенных игрушечных львов, которые состязались друг с другом в борьбе или играли «жемчужиной» – своеобразным шаром. Покрытый материей деревянный каркас льва поддерживали несколько человек. Под бой барабанов и звуки музыкальных инструментов игрушечный лев подпрыгивал, вскидывал голову, махал хвостом, раскрывал пасть.

Самой красивой и самой почитаемой среди пернатого племени была причудливая мифическая птица феникс. У нее горло ласточки, клюв петуха, шея змеи, хвост рыбы, лоб журавля, головка утки, расцветка дракона, спина черепахи. Перья у феникса пяти цветов – желтые, белые, красные, синие, черные. Они символизируют пять добродетелей: человеколюбие, долг, пристойность, знание обрядов, верность.

Волшебная птица феникс добра и милосердна: она не клюет насекомых, пищей для нее служат семена бамбука, а жажду она утоляет только из чистого родника. Происхождение птицы феникс связывают с солнцем и огнем, поэтому она символизирует тепло, неотделимое от лета и хорошего урожая. Феникс – эмблема императрицы.

Черепаха также считалась священным животным; она олицетворяла долголетие, силу, выносливость. Ее куполообразную спину уподобляли небесному своду, а брюхо – земле. Долголетие черепахи стало символом вечности; верили, что она живет до трех тысяч лет. Священная черепаха имела голову змеи и шею дракона. Ее изваяние служило украшением императорских дворцов и постаментов для памятников на могилах знатных людей.

Обожествлялись и другие живые существа. Широкое распространение получил в народе культ змей, лисиц, обезьян, ящериц, крыс.

В народных поверьях змее приписывали свойства водяного божества. Считалось, что через сотни лет змея может перевоплотиться в дракона. По убеждению верующих, сам дракон когда-то произошел от огромной морской змеи или гигантского удава, водившегося в водах реки Янцзы.

Этим объяснялись и ритуальные почести, которые воздавались змее во время засухи или наводнения. В 1872 г. управитель города Тяньцзиня после неудачных попыток предотвратить наводнение, угрожавшее городу, покончил жизнь самоубийством, бросившись в реку. Самоотверженный поступок главы города якобы привел к тому, что вода начала убывать. С тех пор для населения Тяньцзиня и окрестных деревень этот человек превратился в духа воды, принявшего образ маленькой змеи. Спустя некоторое время какой-то крестьянин выловил в воде обыкновенную змейку, которую принял за бога дождя, и доставил ее в городской храм дракона, где этому пресмыкающемуся были оказаны высокие почести.

Когда в начале XX в. воды реки Хуанхэ сильно разлились, видный сановник Ли Хунчжан получил императорское повеление покинуть провинциальную столицу Тяньцзинь и посетить городок на берегу Хуанхэ, где случайно обнаружили змею, спасшуюся от наводнения. Эта змея была доставлена в храм, и сановник Ли Хунчжан, молясь перед ней, просил усмирить разбушевавшуюся стихию.

Спасаясь от наводнения, змеи оставляли свои убежища и переселялись на возвышенности. Их принимали за воплощение дракона, умоляли пре-

дотвратить бедствие, устраивали пышные процессии в их честь.

Сооружались даже особые храмы, посвященные культу змей, где за священными пресмыкающимися присматривали монахи. В городах нередко устраивались торжественные процессии, во время которых в клетках проносили по улицам змей-богинь. После окончания процессии их выпускали на свободу.

Змея считалась покровительницей Великого канала – одного из грандиозных сооружений Средних веков. Канал начинается у Пекина и заканчивается у города Ханчжоу, в провинции Чжэцзян; его длина – более 1800 километров. Великий канал – творение многих поколений. Его строительство было в основном завершено в XIII в. Ежегодно перед проходом по каналу джонок с казенным рисом местные власти приносили жертвы змее-покровительнице.

Культ змей кое-где сохранился и поныне. В 1972 г. автору книги довелось побывать в Малайзии, где проживает много китайцев, и посетить китайский храм змей на острове Пенанг. Китаец – служитель храма – так объяснил причину обожествления змей. Фантазия древних создала мифическое чудовище – дракона, который стал предметом особого почитания. На земле образ дракона олицетворяет змея – вот почему она считается священной. Добавим, однако, что это не мешало китайцам употреблять в пищу змеиное мясо. На юге Китая один из деликатесов назывался «бой дракона с тигром». Это блюдо состояло из мяса змеи, которая олицетворяла дракона, и мяса кошки, которая олицетворяла тигра. В провинции Гуандун готовили змеиный бульон с лепестками хризанте-

мы и ломтиками лимона, жареную змею с ветчиной и креветками под жирной свининой в томатном соусе, жареную змею с куриной и утиной печенью, тушеные утиные лапки со змеиной кожей в красном соусе.

Сверхъестественными свойствами наделялась лисица: она якобы могла творить чудеса. Считалось, что лисица может вызвать пожар, отравить пищу и вообще причинить человеку вред, а также превратиться в кого угодно. Когда лисице исполняется 50 лет, она способна превратиться в обычную женщину; в возрасте 100 лет – стать прекрасной молодой девушкой или кудесником, владеющим всеми тайнами чародейства; достигнув тысячелетнего возраста, лиса может быть допущена на небо и тогда превратится в «небесную лисицу».

Чаще всего волшебница-лисица старалась, приняв образ красивой женщины, выйти замуж за обыкновенного человека. Разумному мужу, не доискивающемуся до тайны жены, лисица могла принести счастье; стремление же проведать о ее прошлом могло привести к большим неприятностям. Чтобы узнать в женщине лисицу, нужно было рассмотреть ее тень при лунном свете. В этом случае тень даже самой красивой женщины давала точное изображение вытянутой лисьей морды с острыми ушами.

В одном рассказе о проделках лисицы говорится: молодой человек, живший в деревне, как-то во время прогулки возле своего дома обратил внимание на проходившую мимо него девушку изумительной красоты. Он страстно влюбился в нее, и вскоре они поженились. Но странное дело: любимая жена утром, перед рассветом, регулярно поки-

дала мужа, пропадая неизвестно где целый день, и возвращалась только с заходом солнца. Муж постоянно упрекал ее за это и требовал объяснить причину столь долгого отсутствия. Но жена не обращала внимания на упреки мужа и обычно отвечала, что навещает свою мать, которая стара и нуждается в ее помощи. Через некоторое время муж почувствовал признаки какой-то странной болезни, стал быстро худеть и в конце концов умер. Его прелестная жена, оказавшаяся лисицей, исчезла. Это она с помощью дьявольского колдовства лишила мужа силы и довела до смерти.

Лисица чрезвычайно осторожна и недоверчива, но решается на самые хитрые проделки, чтобы заручиться доверием смертных. Если человек нравственно испорчен и склонен к разврату, то лисица может причинить ему особенно много бед. Если же человек честен, лисица страшится его прямодушия и избегает его. Нравственно слабая и лживая, она почерпнула свое могущество от темного, холодного начала инь. Честный же человек получает знания и добродетели от животворящего начала ян.

Чтобы умилостивить лисицу, ей приносили жертвы. Крестьяне, дабы предохранить себя от ее гнева, рисовали большие белые круги на стенах и ограде домов. Умертвить лисицу считалось большим преступлением, и виновнику грозило серьезное наказание.

Проделки лисы прекрасно описаны китайским писателем Пу Сунлином (XVIII в.) в новеллах «Лисьи чары».

Обезьяна также считалась одним из священных животных. Особую популярность приобрел герой народных сказаний – царь обезьян, которого называли Сунь Хоуцзы или Сунь Укун. О нем су-

ществовали различные легенды. Воспроизведем одну из них.

В Восточном Китае, далеко за морями, находилась гора Хуаго, над крутыми склонами которой возвышался скалистый пик. На самую вершину пика ветер занес яйцо, из которого вылупилась необычная обезьяна. Родившееся существо приветствовало четыре части света, из глаз его исходил блестящий, огненный свет, озарявший дворец Полярной звезды. Молодая обезьяна резвилась на скалистом пике, пила воду из горного ручья и питалась фруктами в лесу, покрывавшем склон горы Хуаго. Подобно оленю и косуле, она проводила ночи на склоне горы, а днем прыгала по скалам. За необыкновенную ловкость ее избрали в обезьяньем мире царем обезьян.

Восемнадцать лет царь обезьян Сунь Укун путешествовал по морям и суше и постепенно приобрел манеры и привычки людей, одевался и говорил как обычный человек. Только черты лица выдавали его происхождение. Во время дальних путешествий Сунь Укун познакомился с бессмертным духом по имени Пути, который научил его летать по воздуху и перевоплощаться в 72 различные формы.

Возвратившись на гору Хуаго, царь обезьян убил злого демона Хуньши, жестоко обращавшегося с обезьяньим стадом. Затем он организовал из своих сородичей огромную армию, которая защищала обезьян и обеспечивала мир в этом районе. Так как у царя обезьян не было достойного его оружия, он обратился с просьбой к царю драконов Восточного моря подыскать ему какое-либо «водяное» вооружение. Царь драконов предложил железный посох, доставленный со дна моря и обладавший магическими свойствами: он мог растягиваться до

бесконечности и уменьшаться до размера иголки, которую можно было хранить за ухом.

С помощью этого посоха Сунь Укун наводил страх на четыре морских царства. Соседние правители, заискивая перед ним, устроили для царя обезьян пышное пиршество. Возвращаясь домой в сильном опьянении, Сунь Укун упал на землю и крепко заснул. Пока он спал, царь драконов пожаловался на Сунь Укуна, который своим поведением беспокоил его морское царство, Янь-вану – владыке преисподней. Сунь Укун был схвачен, крепко связан и отправлен в преисподнюю. Придя в сознание, царь обезьян обнаружил, что он в аду. Сбросив с себя оковы, он убил двух стражников, вынул спрятанный за ухом магический посох и пригрозил, что уничтожит все царство владыки ада Янь-вана. Сунь Укун потребовал показать ему список душ, находящихся в аду, и, обнаружив там свое имя и имена обезьян своего стада, вырвал эту страницу из списка и дал понять Янь-вану, что царь обезьян неподвластен смерти. После этого Сунь Укун с триумфом вернулся в родные места. Однако путешествием в ад его приключения не закончились.

Царь драконов и владыка ада пожаловались Нефритовому императору на буйное поведение Сунь Укуна. Нефритовый император, чтобы образумить царя обезьян, принял решение назначить его смотрителем небесной конюшни. Такая должность оскорбила Сунь Укуна, и он, опрокинув трон Нефритового императора, с помощью своего магического посоха открыл южные ворота неба и улетел на тучах в родные края – на гору Хуаго. Этот эпизод лег в основу устного народного предания «Сунь Укун устраивает беспорядки в небесном царстве». Фантастическое существо – царь обезьян Сунь Укун

стал главным героем популярного китайского романа «Путешествие на Запад» (XIV в.).

Кроме духов, принимавших тот или иной конкретный облик, в народных верованиях существовали еще невидимые силы, незримым образом влиявшие на людей и посылавшие им горе или счастье. Иногда влияние этих сил распространялось на целые селения и даже округа. Когда таинственные силы гневались, они насылали ливни, от которых гибли посевы, и население голодало; когда же таинственные силы были благосклонны, то посылали умеренные дожди. И тогда крестьяне собирали обильный урожай.

Невидимые силы не имели «телесной субстанции», как другие духи, и никто не знал доподлинно, что они собой представляют и где обитают. Никаких законов для них не существовало. То они двигались по горной долине и, выйдя из нее, давали о себе знать на равнине, то поднимались вверх по склону горы, то проносились с шумом, подобно буре, близ холмов на берегу моря. Но всюду, где они появлялись, и живые и мертвые испытывали их чудодейственное влияние.

Сверхъестественным силам, названным по-китайски фын шуй («ветер и вода»), отводилось важное место в поверьях китайского народа.

Когда силы фын шуй действовали совместно с душами умерших, их таинственное влияние становилось еще более опасным. Впрочем, многое тут зависело от местности, а также от всего, что окружает могилы усопших. Считалось, что кочки, холмы и выступы почвы, своей формой напоминавшие по виду какое-нибудь животное, способствовали могуществу фын шуй. В этом случае в семье погребенного наступали счастье и благополучие. Судьба че-

ловека зависела от самых разнообразных факторов: от формы холмов, от наличия или отсутствия воды, от расположения деревьев, от высоты строений и т. п. Все эти факторы учитывались предсказателями, которые по ним узнавали будущее.

Могущество фын шуй определялось не только линиями и рельефом земли, но также линиями и контурами неба, а их должны были определить прорицатели. Небесный свод делился на четыре части, каждая из которых ассоциировалась с каким-нибудь животным: восточная часть – синий дракон, южная – красная птица, западная – белый тигр, северная – черная черепаха. Лишь при учете положения всех четырех частей небесного свода возможно благоприятное действие фын шуй. Поэтому при выборе места для какой-нибудь постройки контур участка должен был походить на одного из четырех названных животных. Так, при строительстве дома или храма нужно было на левой стороне найти участок земли, напоминавший дракона, на правой – тигра, сзади – черепаху и спереди – птицу. Особую важность имели изображения тигра и дракона, так как первый олицетворяет ветер, а второй – воду.

Нужно также, чтобы в гармоническом соотношении находились пять первоэлементов: вода, огонь, дерево, металл, земля. Если, например, вблизи дома или кладбища очертания земли указывали на преобладание огня и дерева, то нужно было опасаться пожара; соединение огня и воды считалось благоприятным, так как они взаимно нейтрализуются.

Суеверия, связанные с силами фын шуй, приносили немало вреда, даже создавали препятствия для разработки природных богатств Китая. В свое

время во многих районах страны были обнаружены огромные залежи угля и железа, однако население боялось стуком кирки или лопаты потревожить покой таинственных сил, которые могли в отместку ниспослать всевозможные бедствия.

Когда в конце XIX в. в Китае зашла речь о строительстве дальних телеграфных линий, многих страшила мысль, что рытье ям под столбы не только нарушит покой подземных духов, но и озлобит все те таинственные силы, которые господствуют над землей. Если в местности, где проводили телеграф, умирал от оспы ребенок, тонула в канаве свинья или погибал посев, все несчастья приписывались телеграфной сети.

Известен такой случай. В одной из провинций телеграфные провода надо было провести через двор крестьянина. Узнав об этом, хозяин дома пришел в страшное смятение и стал упрашивать, чтобы провода отвели на некоторое расстояние от его двора. Несмотря на отчаянные просьбы и слезы, ему было в этом отказано. И тогда он с тревогой стал ожидать бед, которые обрушатся на его двор и семью. Но этого не случилось. Наоборот, жена крестьянина родила мальчиков-близнецов. Это радостное событие, разумеется, тотчас же было приписано благодатному влиянию телеграфных проводов. Молва об этом распространилась далеко в округе. Крестьяне завидовали счастливцу. С тех пор они уверились в том, что проведенные над домом телеграфные провода способствуют благоприятному влиянию таинственных сил.

В китайских деревнях почти все постройки были одинаковой высоты. Объяснялось это все тем же суеверным страхом перед силами фын шуй. Считалось, что всякий дом, возвышающийся над дру-

гими, привлекает ветры со всех четырех сторон света и таинственные силы, носящиеся в воздухе, неминуемо сосредоточат на нем свое внимание; все же остальные, более низкие, постройки окажутся обделенными. Стоило хотя бы одному дому возвыситься над другими, как у соседей будто бы начинались загадочные болезни, дохли свиньи, куры переставали нести яйца. Жители такой деревни всеми способами добивались, чтобы ненавистную им высокую постройку снесли или, по крайней мере, сравняли по высоте с остальными домами.

Область влияния сил фын шуй была весьма обширной. Самые разнообразные явления приписывались их таинственному воздействию. Например, если в семье умирал ребенок, то домочадцы приписывали несчастье действию фын шуй, старались оставить проклятый небом дом и переехать в другой: иначе, мол, смерть настигнет еще кого-нибудь.

Как считали верующие, силы фын шуй гораздо чаще оказывали вредное влияние, чем благодетельное, ибо они были злонамеренны по своему существу. Но их вредное влияние могло быть приостановлено и даже изменено в благоприятную сторону, если удавалось вызвать на помощь другую, высшую, силу. Вот почему каждый город или населенный пункт избирал для защиты какой-нибудь предмет неживой природы: скалу, холм и т. п. Местные жители называли это «наш фын шуй». Если же этот предмет имел сходство с каким-нибудь живым существом, ему приписывалась особая сила.

В конце XIX в. в одном из городов Южного Китая был обнаружен холм, напоминавший очертаниями улитку. Его объявили священным. Распространилось поверье, что этот холм обладает способностью собирать в себе все пагубные влия-

ния, исходившие от фын шуй, и превращать их в благодетельные. Холм пользовался такой славой, что каждый чиновник, назначенный на службу в этот город, считал своим долгом в первые же дни посетить холм и поклониться ему, а затем постоянно заботиться о его сохранении. Никто не смел прикоснуться к холму лопатой. Город пользовался хорошей репутацией и процветал, и все это приписывалось волшебному холму.

Подобные холмы или скалы встречались в Китае очень часто. Если же местность не имела естественного, воздвигнутого самой природой защитника от сил фын шуй, население создавало его искусственно. Город без защиты от таинственных сил в глазах суеверных людей был все равно что без стен, и ему грозила гибель. После проникновения в Китай буддизма такой защитой чаще всего служила пагода – многоэтажная башня с небольшими выступами и карнизами с загнутыми краями, увешанными колокольчиками или пластинками, звон которых напоминал «вечную музыку миров». Пагоды обязательно имели нечетное количество этажей – 3, 5, 9, 11 и более. Самая высокая пагода насчитывала 15 этажей. По форме пагоды были квадратные, шести-, восьми-, двенадцатиугольные или круглые. Они сооружались, как правило, в окрестностях города.

Многие пагоды, сохранившиеся и по сей день, являются великолепными памятниками архитектуры. Одно из таких замечательных сооружений – Большая пагода диких гусей (Даяньта), построенная в VII в., во времена династии Тан, в городе Сиани.

Грандиозность и величественность Даяньта вызывали изумление. Известные поэты Танской ди-

настии Цэнь Шэнь и Гао Ши после совместного посещения пагоды написали стихотворение:

Словно могучий источник, рвущийся ввысь из-под почвы,
Башня стоит одиноко, к горным чертогам вздымаясь.
Если подняться на башню, к самому верху подняться,
Кажется, точно земного ты отрешился навеки.
Лестница кверху стремится, точно по воздуху вьется,
Башня же всею громадой давит Китай беспредельный.
Эта постройка прекрасна, зодчего мысль вдохновенна,
Видно, что люди трудились, споря в искусстве с богами.
Башни высокие стены солнца лучи заслоняют,
Ярус седьмой достигает синего купола неба.
Если посмотришь оттуда, с башни высокой, на землю,
То под собою увидишь птицу в парящем полете.
Если ж прислушаться долу, слышны стенания ветра;
Встретив нежданно преграду, мечется ветер смущенный.

О важной роли пагод – защитников от злых духов – свидетельствует случай, происшедший в начале XX в. в одном городе на юге страны. Жители города попали в беду. Чума косила людей, разливы рек и засуха губили посевы, разоряли народ. Все это объясняли тем, что город был беззащитен от козней таинственных злых духов. Чтобы избавиться от бед, решено было обратиться к двум известным геомантам. Те посоветовали выстроить в городе две пагоды: у восточных и у западных ворот.

Горожане, напуганные постоянными бедствиями, охотно жертвовали деньги на постройку. Вскоре оба сооружения были закончены, и жители приободрились. Все успокоились, уверенные, что отныне они вне опасности и злые духи уже не посмеют приблизиться к городу. Хотя бедствия по-

прежнему навещали жителей, они твердо верили в силу пагод.

Суеверия и мистика распространялись не только на различные предметы и явления природы, но, например, и на такие абстрактные понятия, как цифры. «Когда люди научились уже неплохо считать и оперировать отвлеченными числами, – замечает А. И. Бородин в книге "Число и мистика", – они заметили, что в окружающем их мире многое зависит от числовых соотношений. По прошествии определенного количества дней в природе начинается новый цикл развития. Высота звука, издаваемого струной, определяется длиной этой струны. Все это, естественно, натолкнуло людей на мысль о божественной сущности чисел». Суть числовых суеверий и числовой мистики состоит в том, что отдельным числам приписывается таинственное значение. Числовая мистика получила большое распространение в старом Китае: в глазах древних китайцев почти все цифры обладали кабалистическим значением, и это использовалось прорицателями для предсказания судьбы. Так, цифра «1» приносила несчастье. Цифра «3» связывалась с тремя основными силами – небом, землей, человеком, тремя источниками света – солнцем, луной, звездами, тремя родами уз: между государем и чиновниками (справедливость), между сыном и отцом (любовь), между мужем и женой (согласие), тремя легендарными правителями – Яо, Шунем и Юем. Цифра «4» была связана с понятием четырех «чудесных животных»: единорог, феникс, дракон, черепаха. Цифра «5» символизировала счастье и считалась кабалистической, потому что было пять стихий: земля, вода, огонь, дерево, металл. Цифра

«7» – символ сердечности и добродетели. Цифра «8» ассоциировалась с Буддой и т. п.

В годы правления маньчжурского императора Цяньлуна (1736–1796) в Храме неба проводились большие ремонтные работы. Был дан строжайший императорский наказ: везде должны были применяться нечетные цифры, прежде всего «3» и «9», а также кратные им числа. Диаметр самого верхнего яруса в храме был 9 чжанов (чжан равен 3,2 м), диаметр среднего яруса – 15 чжанов, диаметр нижнего яруса – 21 чжан. Каждому ярусу соответствовала круглая каменная площадка в основании храма. Первая площадка была сложена из 9 камней, вторая – из 18, третья – из 27 и т. д. Длина дорожек от верхнего яруса к среднему и от среднего к нижнему составляла 9 шагов.

В молитвенном ритуале также присутствовала числовая символика. Во время молебствий небу император 3 раза становился на колени и совершал челобитье по 3 раза. Музыканты исполняли 9 ритуальных фрагментов; духу неба дарили 9 кусков шелка.

* * *

Процедура преклонения перед духом, лишенным материальной оболочки, была довольно сложной. Действительно, как можно молиться духу, если тот «парит» где-то в воздухе и его невозможно ни видеть, ни осязать? Желание наглядно «воссоздать» образы духов породило пантеон идолов, которые были ближе верующему, чем, так сказать, «духи вообще». В самом деле, китаец, находясь в буддийском или даосском храме, хотел иметь дело с «конкретным» духом, а не с какой-то абстракцией. Так возникло поверье о возможности воплоще-

ния духа в какой-либо предмет. По убеждению верующих, в идолах, изваянных руками людей, живут божества.

Идолов делали из металла, камня, дерева или глины. Чаще всего каркас будущего божества покрывался известковым раствором, а затем листовым железом или позолотой. Иногда внешняя сторона статуи раскрашивалась различными красками.

Статуя идола тщательно обрабатывалась умелыми мастерами и могла своим видом оказать глубокое эмоциональное воздействие на верующих. Лик божества явно выражал различные чувства: любовь, сострадание, хорошее настроение, задумчивость, ярость или гнев.

Каждый раз после того, как новая статуя идола была изваяна, раскрашена и позолочена, она торжественно переносилась в храм, где уже находился точно такой же идол. Участники торжества падали на колени перед божеством-ветераном, умоляя его отдать часть пребывающей в нем чудодейственной силы новой статуе.

Золе курительных палочек, приносимых в дар божеству, приписывалась чудодейственная сила. Отсюда произошел широко распространенный в Китае обычай носить на груди в виде амулета мешочек с золой. Из стоявшей на алтаре курительной чаши старого идола брали немного золы и насыпали в чашу у пьедестала нового идола. Затем нового идола переносили в тот храм, для которого он был предназначен, и водружали на алтарь. Водворив в храм новую статую, жрец смазывал идолу глаза, рот, нос и уши (а иногда руки и ноги) красной тушью или кровью. Этим способом новому богу «открывали» органы чувств. После такой операции идол-бог, по убеждению верующих, получал воз-

можность общаться с внешним миром. Теперь он уже был в состоянии выслушать обращенные к нему мольбы и отзываться на них; мог насладиться жертвенными дарами и благоуханием фимиама.

Существовала и такая форма превращения статуи в идола. Покупатель приходил в мастерскую скульптора, платил за статую, забирал ее с собой и в счастливый день (по астрологическим данным) приглашал мастера к себе домой. Зажигались свечи и курительные палочки, возносились молитвы, и в это время мастер размещал внутри идола сделанные из серебра «жизненные органы» – легкие, сердце, печень, дыхательное горло, пищевод и т. д. После этого через маленькое отверстие в спине статуи он вкладывал какое-либо живое существо (муху, комара, птичку, змею, ящерицу). Отверстие сразу же запечатывалось – прежде чем «душа могла убежать». На этом превращение статуи в идола еще не заканчивалось. Нужно было совершить последний, наиболее важный, акт церемонии – вселить в идола душу. Для этого, поставив статую на предназначенное ей место, мастер брал кисточку, обмакивал ее в тушь и затем просил присутствующих затаить дыхание. В это мгновение он произносил заклинание и прикасался кисточкой к глазам статуи, после чего идол считался готовым для поклонения.

Во время ремонтных работ в храмах на глаза идола наклеивали полоски бумаги: это была вежливая просьба к богу покинуть на время жилище, потому что шум и грязь могли его оскорбить.

Любое непочтение к богам-идолам рассматривалось общественным мнением как богохульство. Вот как в годы молодости поплатился за свое непочтительное отношение к идолам великий китай-

ский революционер-демократ Сунь Ятсен (этот случай описан в книге Поля Лейнбержера «Сунь Ятсен и Китайская Республика»).

Сунь Ятсен хорошо помнил, как в детстве родители водили его в деревенский храм, где он должен был падать ниц перед деревянными изображениями святых. Став юношей, он понял, что храм с изображением идолов – это символ отсталости и суеверия народа. Однажды вместе с товарищами Сунь зашел в храм и остановился перед деревянной фигурой идола. Его спутники опустились на колени и приготовились отвешивать земные поклоны. Сунь Ятсен заставил их встать. Затем он подошел к идолу и схватил его за палец. Все, кто был с ним, застыли в ужасе.

– Почему мы должны молиться богу, сделанному из дерева? – крикнул Сунь.– Этот бог не может помочь даже себе. Как же он сможет помочь нам? Смотрите, сумеет ли бог помешать мне сломать ему палец.

С этими словами Сунь изо всех сил потянул за деревянный палец, вырвал его и переломил. Показывая этот кусочек дерева присутствующим, он сказал:

– Теперь вы видите, что за бог призван защищать нашу деревню. Я сломал ему палец, а он по-прежнему лишь скалит зубы.

Юноши, насмерть перепуганные таким поступком, бросились бежать из храма.

Этот эпизод вскоре стал известен всей деревне, и имя молодого Сунь Ятсена было предано анафеме. Старые и молодые заходили в храм посмотреть, как обезображен святой. Отцы говорили сыновьям:

– Держитесь подальше от этого сумасшедшего.

Богохульству его обучили иностранцы. Такой чудовищный поступок принесет нам несчастье.

Молодой Сунь совершил кощунство. Он обесчестил своих родителей, обесчестил родную деревню. И за это должен поплатиться. – Так рассудили старики и вынесли приговор: изгнать отступника из деревни. Куда – никого не интересовало. Важно было одно: человек, осквернивший храм, не может оставаться с теми, кто почитает духов.

Изгнание китайца из родных мест считалось страшным наказанием. Об этом говорили так: «Для китайца нет более ужасного наказания, как исключение его из состава семьи; ни одно несчастье не пугает его так сильно. Что сталось бы с его душой, если бы он был проклят своими? Стремясь избавиться от этой ужасной кары, он готов пожертвовать всем, даже жизнью». Как видно, молодой Сунь Ятсен подвергся особенно суровому наказанию.

Хотя идолы считались божествами, они, как и служители культа, несли ответственность за свои ошибки. Иногда верующие бранили богов, плевали в них, «изгоняли» из святых мест, хлестали и даже ломали священные таблички, выражая недовольство.

Однажды идола доставили в суд за сообщничество в деле, в котором был замешан жрец, служивший в храме. По обычной судебной процедуре судья приказал идолу поклониться. Идол, понятно, не мог этого сделать, за что и был приговорен к 500 ударам бамбуковыми палками.

В 1890 г. в районе Нанкина была сильная засуха. После того как идол не захотел послать дождь страдавшему от зноя городу, его в наказание вынесли из храма и оставили на целый день под палящим солнцем.

В 1892 г. на юге Китая, в районе Фучжоу, в период длительной засухи вспыхнула чума, от которой погибло много крестьян. Оставшиеся в живых роптали на бога-врачевателя за его бездеятельность. Чтобы наказать бога, его бумажное изображение посадили в бумажную лодку и пустили по реке. Затем из ружей открыли стрельбу по этой лодке. Таким способом крестьяне намеревались наказать бога-врачевателя и преодолеть пагубное влияние злых духов.

Как-то во время длительной засухи крестьяне усиленно упрашивали дракона вызвать дождь. Поскольку их молитвы оставались тщетными, возмущенные верующие вытащили изображение дракона из храма и с проклятиями бросили его в грязную канаву. Но вот пошел дождь: дракон одумался и решил исправить свою оплошность. Тогда крестьяне достали его из канавы, тщательно обмыли и водворили на прежнее место.

В конце XIX в. в Фучжоу скоропостижно скончался высокопоставленный чиновник. Виновными в его смерти были признаны божества из кумирни, расположенной недалеко от города. Об этом донесли императору. Последний повелел поступить с виновными духами по всей строгости. В кумирню была направлена полиция. Трех идолов доставили в судебное присутствие, предварительно в целях предосторожности завязав им глаза. Их судили и приговорили к телесному наказанию, которое тут же и было приведено в исполнение. После этого проученных истуканов водворили на прежнее место.

Население города Гуанчжоу и его окрестностей в 1905 г. сильно страдало от засухи. Идол в храме, где обыкновенно молились о ниспослании дождя, не спешил удовлетворить просьбы прихожан. Тог-

да губернатор распорядился снять часть кровли над божеством, полагая, что, оказавшись под лучами нещадно палящего солнца, оно поспешит ниспослать спасительную влагу. Однако дождя все не было. Когда же наконец он пролился, то в наказание за столь долгое промедление идола заставили мокнуть под дождем, по-прежнему не закрывая над ним крыши. Впрочем, найдя и это наказание недостаточным, губернатор покарал саму пагоду, продав всю ее утварь.

Известен и такой случай. Судья в городе Гуанчжоу в 1908 г. продолжительное время молился о ниспослании дождя, но все его мольбы были безрезультатны. Разумеется, во всем был виноват демон засухи. Решили его наказать. Сделали фигуру демона засухи из бумаги и бамбука. Судья приказал полицейским арестовать изображение демона, надеть на него цепи, доставить в суд и поставить на колени. Когда все было исполнено, судья, ударив по столу, громким голосом разбранил демона – виновника засухи – и приказал его обезглавить. Однако чиновники принялись упрашивать судью предоставить «виновному» трехдневную отсрочку. Если по истечении этого срока дождь не пойдет, тогда привести приговор в исполнение. Судья кивком головы дал понять, что согласен с таким решением. Бумажного идола вынесли из зала суда и водрузили на городскую стену. Через три дня раздались раскаты грома и хлынул ливень. Конечно же, это приписали одумавшемуся демону засухи.

Автор книги «Очерки китайской жизни» Д. В. Путята по этому поводу замечает: «Изобилие богов и духов, обладающих, по мнению китайцев, теми же психологическими качествами и инстин-

ктами, как и живущие люди, привело к обычаю третировать их с той степенью вольности, за которой, казалось бы, само понятие о божестве совершенно исключается, заменяясь представлением о материальной ответственной причине. Бога чествуют жертвоприношениями и курениями, если имеют в нем нужду или боятся его; им пренебрегают, когда надобность в нем миновала; к нему относятся пренебрежительно и даже жестоко наказывают, когда он не оправдал доверия или скомпрометировал себя».

Чтобы умилостивить духов, им приносили жертвы, которые чаще всего сжигались, но иногда закапывались в землю. Место, где совершались жертвоприношения, называлось алтарем. Первые алтари представляли собой кучу хвороста, который сгорал вместе с жертвенными предметами. Считалось, что дым от сожженной жертвы, поднимаясь к небу, достигает обители духов. Поэтому алтарь обычно возводили под открытым небом. Позже его стали устраивать на возвышении из камня, глины или земли.

Верующий, собиравшийся принести жертву, должен был подготовить себя к этому обряду постом и воздержанием, чтобы мысль его могла всецело сосредоточиться на внутренней сущности предстоящего акта. Пост, длившийся обыкновенно до десяти дней, призван был «обновить дух». Перед каждым большим жертвоприношением принято было избегать пирушек, веселых музыкальных представлений и других удовольствий.

Древний ритуал предусматривал большое разнообразие жертвенных предметов. Первое место среди них занимали животные. Наиболее благородными дарами считались рогатый скот, лошадь,

овца, свинья, собака и курица. Можно было приносить в жертву и диких животных: медведя, кабана, лося, антилопу, а также птиц и рыб.

Выбор жертвенного животного зависел от того, какому именно духу оно предназначалось, и от того, какое общественное положение занимал жертвующий. Когда к покровителям земли и посевов обращался император, он приносил в жертву быка или теленка (князья в таких случаях довольствовались овцой). При императорском дворе существовал целый штат служащих: они занимались отбором жертвенных животных, уходом за ними и убоем.

Тот, у кого не хватало средств, чтобы принести в жертву животное, ограничивался рисом, пшеном, овощами или чаем. В качестве жертвоприношений нередко выставлялись дыни. Это имело определенное символическое значение: большое количество семян сулило большое потомство в семье, причем состоящее из сыновей; зеленый цвет дыни – цвет юности; круглая форма – символ полного согласия в семье.

Наиболее ценным из всех жертвоприношений считался нефрит – полудрагоценный «священный» камень, издавна служивший предметом восхищения и мистической поэтизации китайцев.

Нефрит всегда холоден, даже в самые жаркие дни; он символизировал целомудрие и чистоту. Кусочки нефрита клали в рот и нос умершего – это придавало силу и жизнестойкость духу покойного. Символом неба считался нефритовый диск, а квадратное отверстие в нем означало землю. Император использовал такой диск при обращении к небу.

Китайцы обожествляли и другой минерал – яшму. Вот что писал об этом камне академик В. А. Алексеев: «В литературе – это самый класси-

ческий и изысканный образ. Яшма чиста, струиста, тепла, влажна, одновременно легка и тверда. Она не грязнится, не зависит от окружающей ее температуры и, следовательно, есть лучший образ благородного человека, не зависящего от условий жизни. Яшма в руке поэта – это стихи. Яшма в порошке – это разбросанные на бумаге перлы каллиграфа (а каллиграфия в Китае ценится наравне с живописью). Яшма – это красивая девушка, это человеческая доблесть; яшма – это милый, прекрасный человек, ибо чистое сердце его сквозит и струится, как яшма. Наконец, „яшмовый сок" – это вино... Решительно все лучшее – это яшма».

Древний обычай предусматривал принесение жертв духам, так сказать, в натуральном виде, однако затем они были заменены символическими жертвами. Немецкий китаевед Вильгельм Грубе в 1912 г. по этому поводу писал: «Сжигание жертвенной бумаги, изображающей деньги, бумажных одежд и вообще бумажных предметов есть обычай, который на каждом шагу встречается в китайском народном культе. Свое объяснение он находит в вере, по всей вероятности, даосского происхождения, что всякое существо – безразлично, одушевленное ли оно или неодушевленное, – имеет двойственную натуру: одну – материальную, видимую, а другую – имматериальную, невидимую».

Обязательными предметами при жертвоприношениях были курительные палочки, благовонные свечи, хлопушки и «жертвенные деньги».

Курительные палочки изготовлялись из сандалового дерева, кедра и различных пахучих трав. Они зажигались маленькими пучками (примерно 25 штук в пучке) и издавали аромат, которым наслаждались боги. Если же палочки зажигались не

пучком, а по отдельности, то обычно их было не более трех. Они ставились в специальный, наполненный пеплом сосуд, находившийся непосредственно перед идолом. Свечи пропитывались растительным маслом, зажигались по две и обязательно одновременно с курительными палочками (последние могли зажигаться и без свечей).

Важную роль в жертвоприношениях играли хлопушки бао чжу, или бао чжан (букв.: «жечь бамбук»). Они известны с V в., хотя широко применять их начали лишь в XII в. Люди верили, что треск горящего бамбука может отогнать злых духов и принести счастье. Когда в Китае был изобретен порох, обрезки бамбука стали начинять порохом и прикреплять к ним фитили: взрыв таких хлопушек был куда громче, чем треск горящих пустотелых обрезков бамбука. Впоследствии стали использовать разнообразные бумажные хлопушки с порохом и фитилем. Часто хлопушки соединялись в громадную связку (до 10 тысяч штук). Хлопушками не только отгоняли злых духов, но и приветствовали добрых.

Духи, оказывается, обладали такими же потребностями, как и живые люди: они, например, всегда нуждались в деньгах. Чтобы удовлетворить эти потребности, им приносили в жертву имитированные бумажные «жертвенные деньги», которые сжигали перед изображением божеств, а также на могилах во время какого-либо религиозного обряда. «Жертвенные деньги» в дымообразном состоянии достигали потустороннего мира, где превращались... в настоящие.

«Если, – замечает Вильгельм Грубе, – богам предлагают жертвенные дары, то это отнюдь не следует считать чисто символическим актом; напротив, и тут в основе лежит представление, что боги в

самом деле вкушают от поднесенных им яств и напитков, хотя при этом ограничиваются только их невещественной субстанцией. Этим представлением объясняется также обычай сожжения бумажных вещей. Они вовсе не уничтожаются процессом сожжения, а только лишаются своей телесной оболочки, так как лишь в своей бестелесности они могут быть употреблены богами».

Тексты молитв и просьб, обращенных к божествам, читались перед их изображениями, а потом сжигались под треск хлопушек.

Обращения верующих к божествам можно подразделить на два вида: просьбы и благодарственные молитвы. Просьбы (или жалобы) чаще всего касались здоровья, долголетия, обильного урожая, избавления от недорода и мора. Благодарственные молитвы возносились после жатвы, а также после стихийных бедствий.

В мае 1890 г. пожар уничтожил значительную часть города Гирина. В донесении императору об этом печальном событии губернатор провинции Чжан Шунь писал, что только «благодаря его, губернатора, молитвам духу-покровителю города бедствие не приняло более широких размеров». Донесение произвело благоприятное впечатление, и император повелел заготовить табличку с соответствующей надписью – выражение признательности его императорского величества «духу-покровителю города за проявление чудесной помощи».

Вера во всесилие духов сохранялась вплоть до XX в. даже в правящей верхушке феодального Китая, которая, казалось бы, должна была быть более просвещенной, чем народ.

Летом 1904 г. в окрестностях Пекина два месяца не выпадали дожди. Посевам угрожала гибель.

Вдовствующая императрица Цыси десять дней подряд молилась, умоляя богов ниспослать дождь. Она не принимала мясной пищи три дня и запретила резать свиней в пределах Пекина, дабы вызвать милость богов, ведавших дождем. Цыси повелела всем придворным «омыть тело и сполоснуть рот», чтобы предстать перед богами «с чистой плотью». Одетая в простой серый халат, вдовствующая императрица воткнула в волосы ивовую ветку и приказала сделать то же самое всем придворным, ибо ива вызывает дождь. Молебствия проходили в покоях Цыси. В центре комнаты был поставлен большой стол. На нем расположили несколько листов желтой бумаги, нефритовую тушечницу с ярко-красным порошком и две маленькие кисточки для писания иероглифов. По краям стола поставили большие вазы с ветками ивы.

Повелительница Китая встала на колени на специально приготовленную для нее желтую подушечку, взяла ветвь сандалового дерева и положила ее в жаровню, наполненную горящими углями. Вслед за ней встали на колени все присутствующие и громким голосом произнесли молитву: «Мы молимся небу и просим Будду сжалиться над нами и спасти бедных крестьян от голода. Мы готовы принести жертвы. Умоляем небо послать нам дождь».

Молитвы повторялись три раза, и каждый раз совершалось троекратное челобитие. Так Цыси проявляла «заботу» о тех, кто ее кормил. В указе императора Китая Гуансюя от 4 ноября 1907 г. говорилось:

«Во Динбу, временный губернатор провинции Шаньдун, сообщая об уровне воды в реке Хуанхэ, доносит нам, что в промежуток времени с лета до осени этого года воды реки сильно выступили из бе-

регов. Благодаря особому покровительству духов этой реки и серьезным работам, выполненным чиновниками, заведующими рекой, воды отступили и вошли в свои берега. Ныне спокойное состояние восстановлено. Мы этим очень довольны.

Поэтому посылаем названному губернатору десять кусочков ладана, которые он с благоговением воскурит от нашего имени перед Храмом дракона, покровителя этой реки, и возблагодарит от нашего имени духов реки за их защиту и выразит им таким образом нашу признательность».

Вера в потусторонние силы сохранялась в народе и после крушения феодальной монархии. Русский китаевед И. Г. Баранов, посетивший в 1934 г. Ляодунский полуостров, обнаружил большое число храмов духов. «В городах, а также при выезде из деревень, на морском берегу, на перекрестках дорог или в живописных уголках среди гор, – писал он, – путешественник часто находит древний китайский монастырь или одинокую кумирню. Кое-где эти кумирни построены из кирпича, а кое-где они лишь наскоро сложены из простых грубых камней. Обыкновенно они настолько невелики по размерам, что даже ребенок не в состоянии войти в них. Внутри их умещаются только священные для китайцев иероглифические надписи.

Все подобного рода находки наглядно свидетельствуют о тех верованиях, которые до сих пор властвуют над душой китайского простолюдина».

И. Г. Баранов осмотрел кумирню, поставленную на берегу Ляодунского полуострова местными рыбаками, жившими здесь же в убогих хижинах. В ней находились три деревянные доски со следующими надписями. На левой доске: «место отрока, загоняющего рыбу в сети»; на средней доске: «мес-

то царя драконов четырех морей»; на правой доске: «место воеводы, усмиряющего волны». Ученый наблюдал, как китайские рыбаки 21 августа 1934 г. отдавали дань уважения божествам моря: взрывали хлопушки и жгли жертвенную бумагу.

В одной из деревенских кумирен И. Г. Баранов обнаружил три дощечки-таблички с именами духов, которым была посвящена кумирня. На одной значилось «дух лисицы», на второй – «божество ивы» и на третьей – «дух хорька». Крестьяне особенно боялись хорька, дурному влиянию которого приписывали нервные заболевания.

В борьбе со злыми духами прибегали к разнообразным способам.

В храмах трудились жрецы-заклинатели, в обязанность которых входило изгнание злых духов. Об их «работе» можно судить по рассказу очевидца.

В назначенное время, о котором заранее было сообщено всем живущим недалеко от храма, жрец-заклинатель, дождавшись, когда собралось много зрителей, выбежал из расположенной в дальней части помещения темной комнаты, где он готовился к предстоящей схватке с духами. Он был обнажен до пояса, готовый погибнуть, если необходимо, хотя смерть жреца рассматривалась как крайняя мера.

В правой руке жрец-заклинатель держал наточенный огромный меч, в левой – черный флаг с изображением семи звезд: по поверью, они оказывали пагубное влияние на злых духов. Вид у заклинателя был свирепый, в зубах – кинжал, рукоятка которого касалась шеи.

Затем жрец-заклинатель вышел на открытое место перед храмом и искусно изобразил приступ ярости. Так выражался гнев богов по адресу злых духов, которые осмелились беспокоить верующих.

Жрец метался, словно одержимый, и наносил удары мечом не только по невидимым силам в воздухе, но и по собственной оголенной спине. Это был, однако, трюк, весьма забавный для всякого, кто не заражен суеверием. Каждый раз, когда он наносил удар по собственной спине, у непосвященных замирало сердце: острый, сверкающий на солнце меч вот-вот обрушится на бесстрашного заклинателя. Вскоре все поняли, однако, что эта странная попытка человека поразить самого себя с помощью таких убийственных ударов на самом деле не связана с какой-либо опасностью.

Внимательно приглядевшись к этой сцене, можно было обнаружить двух людей с палками в руках, находившихся за спиной заклинателя. Они внимательно следили за его движениями и каждый раз, когда должен был последовать удар, ловко вставляли палки между мечом и спиной заклинателя, оберегая его от ранений. Быстрые и ловкие, они неотступно следовали за жрецом, куда бы он ни устремлялся.

Когда вся эта трюковая программа была завершена, жрец обратился к злым духам с речью. В вежливых выражениях он предупреждал: если они немедленно не покинут эту местность, все их существование станет сплошным несчастьем для них. После этого жрец еще раз рассек мечом воздух в различных направлениях, как бы намекая духам, что́ именно ожидает их в будущем, если они откажутся повиноваться.

Извилистые реки, мягко округленные контуры холмов, как считалось, обеспечивали благополучие, тогда как крутые повороты рек, отвесные скалы сулили особую опасность. Значит, везде, где можно, следовало избегать прямых линий, которые

считались излюбленным путем движения злых духов. Вот почему крыши на старых китайских домах приподняты к краям: изогнутая кровля мешала злым духам проникнуть в дом. На карнизах крыш помещались лепные изображения стражей и зверей, которые были призваны отгонять злых духов.

В старом Пекине нельзя было встретить два рядом стоявших дома на одной линии: обязательно один из них выдвинут несколько вперед. И это объяснялось тем, что злые духи могли двигаться только по прямой линии: встретив угол, они удалялись в пространство и рассеивались. На коньке крыши ставили глиняную собачку с открытой пастью, готовую схватить пролетавших злых духов.

Поскольку злые духи предпочитали прямой путь, проселочные дороги почти всегда прокладывались извилистыми. Длинные прямые каналы в городах считались удобным путем для передвижения темных сил, поэтому каналы то и дело прерывались искусственными островками или бесчисленными мостиками разной высоты. Прямые улицы также были опасны: чтобы затруднить движение злых духов, через улицу с крыши на крышу перекидывали доски, к которым прикрепляли спускавшиеся перпендикулярно вниз вывески; у въезда на главные улицы городов в этих же целях ставили каменные столбы, сооружали башни, на которые вешали колокола.

В каждом дворе против входных ворот строили небольшую «отражающую стену» (инби) – она мешала злым духам проникнуть во двор. Обычно стена воздвигалась перед главными воротами жилого дома, реже – в центральной части внутреннего двора. В храмах и монастырях инби сооружа-

лась перед главными воротами или перед самим зданием.

При строительстве различных сооружений, дорог и каналов, при рытье колодцев и каменоломен важнейшая задача состояла в том, чтобы не допустить проникновения злых духов, носящихся над самой землей. Считалось, что злые духи приходят с северными ветрами, а добрые – с южными.

Перед строящимся домом к столбу, вкопанному в землю, прикрепляли полоску бумаги с молитвой-просьбой к божествам об удаче. Такие молитвы мешали злым духам подниматься в воздух с земли. К балкам для крыши прикрепляли талисманы и наклеивали на них молитвы – так строение защищалось от огня. После того как дом был построен, происходила церемония «посвящения» его тем или иным небесным покровителям, к которым была обращена молитва.

«Летом 1907 г., – писал французский путешественник Жан Род, – когда холера производила в Китае громадные опустошения, я видел в Шанхае в китайских кварталах международной концессии целые улицы с протянутыми по ним веревками, на которых были развешаны изображения монет и образцы красивых одежд из раскрашенной бумаги, предназначенные для умилостивления злых духов. По реке вечером шныряли джонки, с которых пускали массу ракет для устрашения самых зловредных духов – духов утопленников».

Во избежание всякого рода несчастий надо было злых духов кормить и поить, удовлетворять их разнообразные потребности. Когда невесту переносили в паланкине из дома отца в дом жениха, злых духов, попавшихся на пути, пытались умилостивить кусками жареной свинины. При входе невес-

ты в дом жениха у дверей рассыпали рис и горох. Во время погребальной церемонии перед рытьем могилы обязательно преподносили мясо и вино духу, которому принадлежало место захоронения. Когда покойника несли к могиле, по дороге разбрасывали «жертвенные деньги» – так откупались от нечистой силы. При постройке мостов и общественных зданий неизвестные духи одаривались подарками. Рыбаки каждый вечер должны были бросать в воду рис и сжигать «жертвенную бумагу», чтобы умилостивить водяных духов.

Не всегда злые духи довольствовались жертвами: подчас людям приходилось вступать с ними в упорную борьбу. Прежде чем открыть дверцу паланкина с принесенной в нем невестой, необходимо было выстрелить в воздух из лука. Накануне Нового года для устрашения таинственных сил взрывали хлопушки. Были даже профессиональные «борцы со злыми духами»: они облачались в шкуры диких животных, вооружались секирой и мечом и в таком виде устрашали нечистую силу. Чаще всего эта церемония устраивалась во время похоронных процессий. Суеверный человек, возвратившись с кладбища, должен был принять меры против злых духов, которые могли проникнуть с ним в дом. У входа раскладывался костер из сухой травы. Вернувшийся с кладбища перешагивал через огонь; дух же не мог перескочить костер и оставался снаружи.

Не пускать злых духов в дом помогали божества ворот – изображения военачальников Цинь Шубао и Ху Цзиндэ в полном вооружении (с секирой, луком, стрелами, цепью и плетью). Как повествует легенда, злые духи преследовали императора Тайцзуна (626–650): они бросали к нему в

спальню черепицу и не давали ему сомкнуть глаз. Когда император сообщил об этом своим министрам, военачальники Цинь Шубао и Ху Цзиндэ выразили желание встать у дверей дворца и охранять владыку Поднебесной от нечистой силы. Император согласился и провел ночь совершенно спокойно – злые духи не осмелились явиться к нему. Чтобы обеспечить себе спокойствие на будущее и не утруждать военачальников, император приказал нарисовать их портреты и наклеить на наружные двери дворца. Злые духи исчезли. С тех пор изображения бесстрашных военачальников наклеивались на ворота жилых домов и присутственных мест. Глубоко уважая и опасаясь духов, верующие в то же время считали, что им свойственны человеческие слабости и дурные инстинкты. Поэтому разрешалось, когда того требовали обстоятельства, обмануть божество, подкупить его, наказать, успокоить, наградить и т. д.

Моряки были убеждены в том, что в морской пучине обитают злые духи, вызывающие тайфуны. Стараясь обмануть духов, моряки бросали в воду бумажную джонку. Злой дух набрасывался на игрушечное суденышко, топил его, а в это время настоящая джонка успевала уйти от опасного места.

Верили в такое неписаное правило: если китайское судно шло в море в одном направлении с каким-либо иностранным кораблем, капитан делал все возможное, чтобы пересечь путь следования чужого корабля, хотя бы это грозило столкновением и гибелью. Китайский моряк шел на подобный риск, потому что, по его глубокому убеждению, злые духи неотступно преследовали его судно. Если же оно пересекало дорогу большому кораблю, то злые духи набрасывались на этот последний

как на более ценную добычу и оставляли в покое китайцев.

В Южном Китае изготавливали бумажные куклы по числу членов семьи. Каждая кукла носила имя того человека, которого она заменяла. Куклы по кругу клали в корзину, а в центре ставили тарелку с мясом в качестве приманки для духов болезней, которые могли очутиться в организме любого члена семьи. Благодаря этому болезнь человека переходила в бумажную куклу-заменитель. Затем каждую куклу раскачивали, приговаривая: «Кукла, кукла, если появится болезнь, прими ее на себя». После этого кукол сжигали, а пепел их развеивали по ветру.

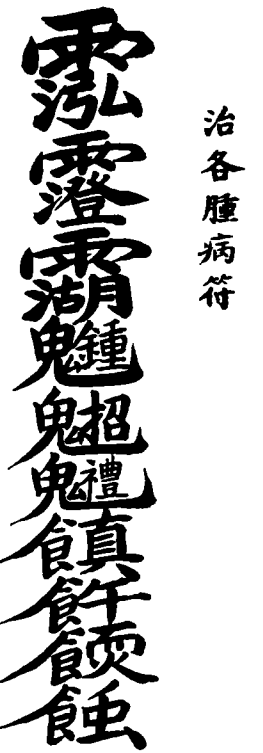
Если в семье умирали один за другим несколько сыновей, то при рождении мальчика его называли женским именем, чтобы обмануть злого духа и уберечь новорожденного.

В борьбе со злыми духами важная роль отводилась амулетам и талисманам, предохранявшим человека от различных напастей. Они были самых различных видов и использовались по-разному. Их изготовляли из камня, металла, бумаги и других материалов. Разница между амулетом и талисманом состояла в том, что амулет вешали на тело, а талисман имел более широкое применение.

Применение талисманов было многообразно, как, впрочем, и их ассортимент. Баранье копыто вешали у дверей как талисман от воров. В новогоднюю ночь голову барана вывешивали у ворот, к дверям и окнам приклеивали листы бумаги с изображением тигра, прикрепляли ивовые ветки, чтобы предотвратить беду. Петух считался символом смелости, отваги и храбрости. В ночь под Новый год петуха ощипывали и вывешивали на воротах – так хозяева дома ограждали себя от несчастий.

Для лечения от лихорадки или предохранения себя от этой болезни нужно было написать на бумаге имена восьми духов лихорадки, а затем проглотить бумагу вместе со сладостями. С этой же целью сжигали полоску желтой бумаги, пепел размешивали в воде, а затем ее выпивали.

Некоторые конфуцианские книги («Книга перемен», «Великое учение» и др.) также служили своеобразными талисманами. Для изгнания злых духов книги клали под подушку спящему или рядом с его кроватью. Тот, кто, гуляя в одиночестве, повторял цитаты из этих книг, также имел надежду отогнать от себя злых духов.


治各腫病符

Талисман, «спасающий» от опухолей

В качестве талисмана использовались и религиозные тексты. Красные или желтые полоски бумаги с надписями религиозного содержания наклеивались на притолоки, двери и стены домов. Такие талисманы носили с собой или проглатывали, предварительно скатав их в маленькие шарики. Постель новобрачных охранялась от злых духов положенными под нее древними китайскими монетами или бумажным талисманом в виде меча.

Чтобы умилостивить речного духа, ему обыкновенно приносили в жертву петуха, но так как это было обременительно для бедного рыбака, то на кор-

ме лодки прикрепляли деревянное или глиняное изображение петуха: пусть дух знает, что хозяин лодки в любую минуту готов принести требуемую жертву. Рыбак рисовал на носу своей лодки глаза: пусть владыка-дракон ведает, что за его кознями неотступно следят и ему не так-то просто провести хозяина лодки.

В прибрежных районах Китая, когда джонка отправлялась в плавание, рыбаки били в гонги и взрывали хлопушки, отпугивая злых духов, которые могли спрятаться где-нибудь рядом и причинить вред джонке и ее команде.

Желая ускорить наступление хорошей погоды, закрывали северные ворота города; призывая дождь, закрывали южные ворота города. Так делалось потому, что север был связан со стихией воды, а юг – со стихией огня.

Во время долгой засухи местные власти издавали специальные прокламации, призывавшие население не убивать скот, чтобы умилостивить богов буддийского пантеона. При засухе сооружались также алтари для бога дождя – дракона, а при наводнении – алтари духа огня. Перед такими алтарями глава местной власти утром и ночью совершал поклонения. Жители гор держали белых кур, собак и кошек. Горные духи не осмеливались проникнуть в жилище, где водились эти животные. Верили, что некоторые растения и животные способны ограждать людей от вредоносного действия злых духов. Такими охранителями человека были ива, персиковое дерево, бамбук, полынь, аир, тигр, собака, баран, петух, домашний гусь.

С верой в злые и добрые таинственные силы связаны и многочисленные приметы, определявшие поведение китайцев: заползет змея в дом – жди

смерти кого-нибудь из близких; залетит летучая мышь – обитатели дома будут вознаграждены счастьем; во дворе каркает ворона, глядя прямо на дом, не миновать беды – случится пожар, кража, болезнь или какие-нибудь другие неприятности; сорока ранним утром прилетит во двор, усядется на дерево и застрекочет – к счастливому событию в жизни хозяев дома. Ласточка совьет гнездо во дворе – к счастью хозяев, а покинет без видимой причины гнездо – к несчастью. Крик совы предвещал смерть кого-либо в том селении, где крик был слышен. Кукушка сулила разлуку тому, кто слышал ее крик первым. Если к пешеходу пристанет чужая собака, он разбогатеет. Когда к человеку прибилась чужая кошка, его ожидает бедность. Кто увидит пробегающую по комнате мышь, тому повезет.

Злые духи, оказывается, не были настолько храбрыми, чтобы ничего не бояться, поэтому спасались бегством, если чувствовали опасность: длинную тонкую перекладину, прибитую на двери, принимали за меч и тотчас рассеивались; зная, что духи боятся зеркал, крестьяне обычно клали маленькое зеркальце возле кровати. В домах иногда делали двери круглой формы, напоминавшие солнце, – нечистая сила не осмеливалась через нее проникнуть.

Суеверный страх перед многочисленными духами породил целую армию прорицателей, которые за небольшое вознаграждение были готовы дать совет любому желающему и по любому вопросу. Они обычно сидели за маленьким столиком, обложенным листками с гадательными формулами. Их таинственный и строгий вид, проницательный взгляд и скупые жесты – все это внушало доверие. С помощью гадательных формул, сообразуясь с изменениями природных явлений – сменой света и

тьмы, четырех времен года, восходом и заходом солнца и луны – они предсказывали: будет ли счастливая жизнь; предвидится хорошая или плохая жатва; удачный или неудачный ожидается брак; какого доктора пригласить для лечения больного ребенка; кто родится – девочка или мальчик; кто украл вещь; как наказать обидчика; можно ли надеяться на успешную торговую сделку, или потребуется помощь для возмещения убытков и т. д. Когда на семью обрушивались одна за другой невзгоды, прорицатель обычно советовал выкопать всех усопших родственников из могил и захоронить в новом месте, потому что прежнее место захоронения приносило только несчастье.

Предсказатель судьбы мог, сообразуясь с движениями черепахи, поворотом ее шеи, «выражением ее глаз», давать благоприятный или неблагоприятный прогноз. Гадание на иероглифах было проще. Пожелавший узнать свою судьбу брал наудачу бумажку с написанным на ней иероглифом, выражавшим какое-либо понятие. Взглянув на иероглиф, прорицатель предсказывал будущее. По форме головы или строению тела предсказывали судьбу и определяли характер человека.

Издавались даже сборники предсказаний, в которых можно было прочесть такие откровения: широколицый тщедушный человек будет счастлив; удел человека, не наклоняющего голову при ходьбе, – бедность; обладатель блестящих глаз достоин уважения; женщине, имеющей необычно большие белки глаз, суждено убить мужа; человека с «собачьим носом» ожидает долголетие, а с «лошадиным ртом» – гибель от голода; «широкоротым» уготована счастливая судьба: богатство и знатность.

Предсказание прорицателя оформлялось раз-

личными способами: то он производил таинственные вычисления, то вытягивал жребий – листок, на котором были написаны мистические знаки. На основании таких «данных» давались соответствующие советы.

Прорицатели нередко использовали и заранее заготовленные заклинания: на листе бумаги в определенной комбинации писали предостережения от действия злых духов и выражали пожелания счастья, богатства и многодетности. Такие бумажные заклинания, якобы имевшие мистическую силу, вывешивались на стенах домов, в спальнях, на воротах и т. д. Как правило, предсказания не сбывались, но это не беспокоило прорицателей: можно было найти множество уловок для оправдания. В книге Дж. Макгована «Люди и обычаи современного Китая» описан такой случай. Один пожилой китаец серьезно заболел: сильные приступы лихорадки причиняли ему невероятные страдания. Об этом известили сына больного, жившего в другой местности, советуя ему немедленно выехать домой, если он желает увидеть отца живым. Расстроенный таким ужасным сообщением, сын отправился в ближайший храм и обратился к прорицателю с просьбой узнать у идола, успеет ли он прибыть домой до смерти отца. Прорицатель, доведя себя до состояния транса, необходимого для общения с идолом, дал ответ: если сын не прибудет в родной дом в такое-то время, то никогда больше не увидит отца.

Случилось, однако, так, что благодаря принятой вовремя большой дозе хинина отец начал поправляться от мучившей его лихорадки и к прибытию сына совершенно выздоровел, хотя прорицатель предсказал его смерть именно в этот день. Сын, понятно, был очень рад такому обороту событий. Вер-

нувшись к месту своей службы, он стал укорять прорицателя за ложное предсказание. Последний на это спокойно ответил: «Смерть вашего отца была предопределена свыше, но затем из-за жалости к вам как к сыну божество решило даровать вашему отцу жизнь. Поэтому в благодарность за божественную милость вам следовало бы сделать приношение в храм». Так без тени смущения прорицатель оправдал собственное шарлатанство.

Английский путешественник А. Литл в книге «Китай изнутри» приводит случай, который произошел в 1898 г. в Нанкине. Одна молодая замужняя женщина была сильно опечалена тем, что редко получала письма от мужа, который находился по торговым делам вдалеке от дома. Много раз через друзей она просила его вернуться, но он не возвращался. В конце концов, отчаявшись, она пригласила прорицателя, который, как говорили в городе, обладал сверхъестественными знаниями и мог объяснить прошлое, истолковать настоящее и предугадать будущее человека. Раскрыв свою таинственную книгу, прорицатель сделал вид, будто погружен в глубокое размышление и испытывает сильное беспокойство. Обращаясь к опечаленной женщине, он дрожащим голосом произнес: «О женщина! Ваш муж много раз менял занятия. Его повсюду преследовал рок. Теперь у него нет денег. Тяжелобольной, он лежит в заброшенном доме далеко-далеко отсюда». Услышав эти слова, женщина горько заплакала. Прорицатель стал ее утешать и тут же, быстро перевернув несколько страниц своей книги, весело воскликнул: «Спасен!» Затем он объяснил женщине, что счастливая звезда была покрыта черной тучей и, если звезда снова будет излучать свет, ее муж выздоровеет и заработает много денег.

В то время как прорицатель, стоя на коленях, усердно молился богам, чтобы они вырвали мужа страдающей женщины из когтей дьявола, закрывшего черной тучей счастливую звезду, дверь неожиданно отворилась и на пороге появился человек. За его плечами был мешок, наполненный слитками серебра и золота. Это был долго отсутствовавший муж. Жена с радостным криком побежала к нему навстречу. Прорицатель был весьма сконфужен. Испугавшись возмездия, он бросился бежать, поскользнулся, упал, вывихнул себе ногу и поранил голову. Муж, не желая омрачать радость своего возвращения, не стал преследовать и наказывать незадачливого предсказателя.

Престиж гадателя покоился исключительно на суеверии толпы, внимавшей всему, что он скажет. Предсказания, которые по счастливой случайности сбывались, увеличивали его популярность. Если же предсказание оказывалось ложным, у жрецов всегда наготове было объяснение: вопрошавший недостаточно искренне верит в идола и толкователя его воли.

Суеверные люди страдали не столько от злых духов, сколько от прорицателей: их невежественные рекомендации нередко были непосредственной причиной смерти верующего. Однако ни власти, ни родственники пострадавшего не осмеливались наказать прорицателей. Им все прощалось: они ведь пользовались покровительством богов, чью волю пунктуально исполняли. Никто не решался выразить недовольство действиями прорицателя: разгневанные боги могли немедленно отомстить за это, ниспослав оскорбителю всевозможные бедствия и тяжкие страдания.

И хотя многие сомневались в достоверности

предсказаний, однако в силу отсталости, забитости и суеверия они обращались по любому случаю за помощью к прорицателям. Последние выступали даже в роли врачей, что нередко приводило к трагическому исходу.

Однажды к лекарю-колдуну обратились с просьбой узнать у идола, какое лекарство нужно дать больному, чтобы облегчить его страдания. После необходимых заклинаний, вступив в общение с идолом, лекарь схватил кисть и написал рецепт. Родственники больного отправились в аптеку. Аптекарь, ознакомившись с рецептом, пришел в ужас и объяснил: прописанное лекарство – сильный яд и назначенной дозы достаточно, чтобы лишить жизни шесть человек. Перепуганные родственники поспешили к колдуну и передали ему слова аптекаря. Прорицатель разгневался, назвал аптекаря чурбаном, который ничего не смыслит в искусстве врачевания и еще смеет сомневаться в средстве, указанном богом. С этими словами он выпил сам это лекарство и через некоторое время скончался в страшных мучениях.

27 апреля 1908 г. «Пекинский вестник» поместил в разделе уголовной хроники такое сообщение. Бедная семья – муж, жена и недавно родившаяся девочка – жила на грани голода. И вот отец семейства решил обратиться за помощью к прорицателю. Последний, выслушав рассказ несчастного человека, заявил, что причиной их невыносимой жизни является недавно родившаяся девочка и надо ее умертвить. Вернувшись домой, глава семьи заставил свою жену утопить ребенка в канаве. Это ужасное поручение она выполнила беспрекословно, как божье веление. Многие исследователи жизни фео-

дального Китая отмечали особую роль суеверий и предзнаменований в жизни китайского народа. «Ни один народ, – писал в конце XIX в. американский китаевед К. Вильямс, – не порабощен в такой степени страхом неизвестности, как китайский. И никто не прибегает столь часто к таким средствам, которые бы удостоверяли, будет ли успешно осуществлено задуманное дело или потребуется помощь для возмещения убытков».

Понятно, что со временем описанные взгляды и представления менялись, и все же китайский народ продолжал верить в добрых и злых духов.

* * *

Мы рассказали о суевериях, широко распространенных в китайском народе во времена маньчжурского господства.

Победа китайской революции в октябре 1949 г. и образование Китайской Народной Республики создали благоприятные условия для успешной борьбы с суевериями. И тем не менее пережитки религиозного дурмана все еще дают о себе знать и по сей день.

22 января 1980 г. газета «Жэньминь жибао» опубликовала подборку фактов о проявлении среди китайских крестьян различных суеверий.

В октябре 1979 г. в большой производственной бригаде народной коммуны Инчао (уезд Тяньдун, провинция Гуанси) была обнаружена листовка под таким заголовком: «Тот, кто верит Всевышнему, процветает; тот, кто противится этому, гибнет». В листовке говорилось: «В начале седьмой луны прошлого года по лунному календарю солнце не светило. Это означало, что в мире произойдет 10 круп-

ных несчастий. Кто найдет эту листовку, должен наклеить ее на стену, чтобы остальные знали ее содержание. Если нашедший листовку расскажет о ее содержании одному человеку, сможет сохранить себе жизнь; если расскажет десятерым, сможет сохранить жизнь всей семье. Если нашедший листовку утаит ее содержание, он будет харкать кровью».

Многие крестьяне большой производственной бригады, пишет газета, поверив в священное происхождение листовки, стали ее переписывать и наклеивать на стены, а также рассказывать ее содержание другим.

30 ноября 1979 г. в коммуне Чэчжуан (уезд Хайань, провинция Цзянсу) крестьянка Ван Сулинь заболела нервным расстройством, а знахарка У Цуньлин обещала ее вылечить, заявив родственникам больной: «Ван Сулинь заболела от злого духа – у нее в животе завелась водяная обезьянка, которую надо оттуда изгнать, иначе несчастная женщина погибнет».

И вот как происходило это «изгнание». Войдя в состояние транса, знахарка велела присутствующим при этом «спектакле» положить больную на кровать и крепко держать ее за руки и за ноги. Сама же она, взобравшись на постель, плотно закрыла ватой рот больной, двумя руками стала сдавливать ей горло, а коленями – грудь. При этом приговаривала: «Не позволяйте больной шевелиться, из ее живота нужно выдавить водяную обезьянку».

Через некоторое время у Ван Сулинь появилась на губах белая пена, и тем не менее ей по-прежнему сжимали горло. Вскоре все увидели, что несчастная не шевелится и не дышит. Немедленно вызвали врача, который констатировал смерть.

Любопытный случай произошел в строительном отряде коммуны Дачжан (уезд Ляочэн, провинция Шаньдун), где работал некто Хэ Дэнгао. Его жена страдала от нервного заболевания. Знахарки сказали ему, что в его доме завелись злые духи – они-то и принесли с собой болезнь, поэтому надо сменить жилище. Хэ Дэнгао поверил этому и построил новый дом из пяти комнат. Сразу вселиться туда он не осмелился, так как боялся злых духов, поэтому решил вначале совершить жертвоприношения: купил две хлопушки и хотел взорвать их, но они оказались подмоченными, и взрыва не произошло. Восприняв это как дурное предзнаменование, Хэ Дэнгао достал где-то три самодельные гранаты, рассчитывая таким путем изгнать нечистую силу. Одна из них разорвалась преждевременно. Смертельно раненный, Хэ Дэнгао тут же скончался.

В 1981 г. в Шицзячжуане (провинция Хэбэй) была издана книга «Духи и феодальные суеверия». Ее автор Ню Синьфан приводит яркие примеры влияния суеверий в Китае в наши дни. Приведем один из них.

Это случилось в 1980 г. в уезде Чжицзинь провинции Гуйчжоу. 24-летний член народной коммуны Се Сяньцзи, объявив себя прорицателем, решил подработать на суевериях людей. Его жертвами оказалось два пожилых человека – Чжан Шэнхун и Чжан Цинхун. Прорицатель заставил их поверить в то, что он святой, бывает на небесах, спускается на землю, где расследует добрые и злые дела и может любого сделать святым и вознести на небо. Одурачив этих двух невежественных людей, мошенник выманил у них 1600 юаней.

Боясь разоблачений, Се Сяньцзи решил избавиться от своих «духовных учеников». Но как?

– Можно сделаться святым, – говорил он, – и попасть на небо только в том случае, если умертвить плоть, – тогда от нее отделится душа, которая вознесется на небо. Лучше всего, если вся семья последует в небесное царство за ее главой.

Прорицатель объяснил, что есть два способа отделить душу от плоти: умертвить плоть с помощью взрывчатки или утопиться в воде.

Будучи глубоко суеверными людьми, Чжан Шэнхун и Чжан Цинхун поверили своему «духовному наставнику». И вот как разыгралась трагедия.

Глубокой ночью 21 февраля 1980 г. Чжан Шэнхун и его жена, захватив с собой восьмерых детей, в сопровождении Се Сяньцзи направились в пещеру. Дойдя до подножия горы, прорицатель повел двух детей в глубь пещеры, где убил их кинжалом. Затем всех остальных он привел на то место, где была заложена взрывчатка, и заставил их встать на колени и молиться изображению будды. Отойдя в сторону, Се Сяньцзи укрылся за камни и зажег шнур: огонь достиг взрывчатки, раздался сильный взрыв. Тела людей были превращены в кровавое месиво. Тех, у кого теплилась жизнь, «духовный наставник» прикончил кинжалом.

С семьей Чжан Цинхуна прорицатель-убийца поступил иначе: привел мужа, жену и их двух детей на берег реки, связал их веревками, прикрепил к ним камни и столкнул в воду. При падении у Чжан Цинхуна лопнула веревка, и он вынырнул на поверхность воды. Это никак не входило в злодейский план убийцы: он пытался добить свою жертву камнями, но безуспешно.

Оставшись в живых, Чжан Цинхун направился в местное правительство и рассказал обо всем случившемся. Прорицатель Се Сяньцзи, от рук которого погибло 13 человек, понес заслуженную кару.

Не перевелись в КНР и хироманты. Газета «Жэньминь жибао» опубликовала «исповедь» хироманта Яо Маогэня. Передаем его рассказ с некоторыми сокращениями.

«Меня зовут Яо Маогэнь. В 1980 г. мне исполнилось 50 лет. Я живу в народной коммуне Цзепай уезда Данян провинции Цзянсу. В 15-летнем возрасте из-за болезни потерял зрение, остался слепым. Моя семья бедствовала, и, чтобы как-то прокормиться, решил поучиться гаданию у знакомых. В нашем селении многие говорили: "Слепой Яо Маогэнь неплохо предсказывает судьбу". При обмане суеверных людей я пользовался такими приемами: вначале подробно выяснял обстановку, в которой жил суеверный человек, выслушивал внимательно его жалобы, затем запугивал злыми духами и предлагал свою помощь. Однажды ко мне обратилась старушка с просьбой предсказать ей судьбу. У нее умер муж, ее здоровье резко ухудшилось, и она хотела найти какое-либо утешение. Пользуясь тяжелым положением этой женщины, я стал запугивать ее злыми духами и говорить, что ее ожидают новые страдания. „Как же мне быть?" – спросила меня напуганная старушка. Я ответил, что могу ей помочь в изгнании злых духов, и стал бормотать неясные слова. За «помощь» в изгнании злых духов суеверная женщина дала мне 5 юаней и 20 фыней.

Как-то я отправился к своим родственникам и

на пути встретил группу молодежи. Некоторые из них попросили меня предсказать судьбу. Девушки интересовались, когда они выйдут замуж, какие у них будут мужья; парни спрашивали о работе. Я всем им предсказал хорошую судьбу и за это получил 10 юаней».

«Ликвидировать феодальные суеверия, – писала „Женьминь жибао", – труднейшая задача, для осуществления которой потребуется длительное время».

Действительно, насколько живучи в Китае традиции ушедших поколений!

КУЛЬТ ПРЕДКОВ

Если первый долг китайца состоял в выражении признательности небу, то второй долг – в признательности предкам. В Древнем Китае получили распространение самые различные формы культа, однако особое значение приобрел и на протяжении многих веков сохранялся культ предков, т. е. обожествление и почитание общего предка рода по мужской линии.

«Простые крестьяне, – писал один из путешественников в конце XIX в., – по большей части хорошо знают историю многих поколений своего семейства и могут не только назвать имена прапрадедов, но и перечислить все дела, дающие им право на память их потомства: обращая взоры в прошлое, к длинному ряду своих предков, они, так сказать, чувствуют себя бессмертными».

Умирал любимый и уважаемый человек, и это производило неизгладимое впечатление на его близких. Им казалось, что покойный все еще находится с ними, смотрит на своих домочадцев, живет их

горестями и радостями. Никто не хотел допускать мысли о том, что он навеки покинул семью и превратился в прах.

Как определяли наступление смерти? На юге Китая существовал такой обычай. Сын, обливаясь слезами, горестно просил душу умершего отца вернуться в тело. Этот призыв повторялся трижды. После того как надежды на возвращение души уже не оставалось, покойника признавали «действительно мертвым». Для подтверждения свершившейся смерти в рот или нос человека клали кусочек хлопчатобумажной пряжи – даже при слабом дыхании волокна пряжи приходили в движение.

Когда утрачивалась надежда сохранить жизнь больному и убеждались в наступлении его смерти, ему сначала брили голову, заплетали косу и мыли лицо, а затем надевали на него похоронные одежды.

В день смерти в рот покойника клали кусочки золота или серебра, завернутые в белую бумагу. Бедняки в этом случае довольствовались серебряной монетой или кусочком сахара, завернутыми в лоскуток красной материи.

После смерти главы семьи женщины поднимали крик и громко причитали – таким путем не только выражали скорбь об усопшем, но и давали знать соседям и прохожим о случившемся несчастье. Друзья и соседи приходили в дом усопшего и присоединяли свой голос к крикам и причитаниям, чтобы утешить несчастных родственников, особенно в день, когда покойника клали в гроб. Оплакивая умершего, родственники называли его имя и место рождения, перечисляли его заслуги, выражали сожаление о безвременной кончине до завершения всех дел.

Покойнику связывали ноги у голеней: если не сделать этого, он мог неожиданно вскочить, преследовать живых людей и душить их в своих объятиях.

На подошвах туфель, предназначенных для покойника, вышивали цветок лотоса. Этим выражалось пожелание, чтобы усопший перешел реку преисподней, ступая по цветам лотоса, подобно Будде.

В день похорон собирались все домочадцы умершего. В правую руку усопшему клали ивовую ветку, с помощью которой очищался его путь от злых духов, а в левую руку – веер и носовой платок. В таком облачении он должен был предстать перед судьями загробного мира.

Покойника одевали обязательно в нечетное число похоронных одежд. Считалось, что нечетное число соответствует светлому, мужскому началу ян, четное – темному, женскому началу инь. Одеть усопшего в четное число похоронных одежд означало отдать его под власть темного начала инь, что окажет неблагоприятное воздействие как на загробную судьбу умершего, так и на оставшихся в живых потомков.

У ног покойника ставили лампу или две свечи – так освещали его путь в подземный мир; били в гонги и барабаны, чтобы создать ему хорошее настроение при переходе в «мир теней».

В некоторых районах провинции Чжэцзян у входа в комнату усопшего ставили чашу с водой. Считалось, что он будет пить воду по пути в загробный мир. Перед тем как поместить в гроб, покойника одевали в одежды, рассчитанные на четыре времени года. Не разрешалось одевать его в платье черного цвета, так как черная ткань могла превратиться на том свете в железо. Иногда в рот умерше-

го клали жемчуг, с тем чтобы он был красноречивым при встрече с божествами загробного мира. Когда гроб несли для захоронения, семья покойного просила монаха мечом отгонять злых духов. Монах ударял мечом по крышке гроба и опрыскивал известью дорогу, по которой несли гроб. Иногда на могильном холме оставляли небольшую сумму денег – это означало, что данный участок земли куплен покойником.

В Северном Китае бытовали несколько иные обычаи. Как только удостоверялись, что человек скончался, оповещали родственников и друзей, и те немедленно приходили в дом. Существовало поверье: если у покойника глаза открыты, значит, у него осталось в жизни какое-то важное дело, которое он хотел, но не успел выполнить. Сразу же после смерти в доме зажигали свечи: они помогали покойнику найти правильный путь в «мир теней». Состоятельные родственники клали на лоб умершего жемчуг: его сияние освещало путь в загробный мир. С этой же целью в гроб клали зеркало, а во время похорон возле гроба несли зажженный фонарь.

Если умирал взрослый человек, то все вещи красного цвета убирались, а на красные украшения за воротами дома наклеивали белые или синие полоски бумаги. Те, у кого умирали отец или мать, должны были надеть белое траурное одеяние. В течение года носили одежду только двух цветов – белого и серого, не разрешалось надевать шелковую одежду; мужчины в течение месяца не стриглись и не брились.

Обычай требовал, чтобы в знак постигшего их горя родственники усопшего сняли с себя все укра-

шения, растрепали волосы, оголили ноги и в таком виде громко причитали.

Старший сын возлагал жертвоприношения и возливал вино у ног покойного. После омовения его тела начиналась церемония оплакивания: повернувшись лицом к умершему, его родственники и близкие друзья принимались громко рыдать и ударять себя в грудь. Осиротевшие дети, выражая глубокую скорбь, причитали примерно таким образом. «О моя мать! Моя нежная мать! Итак, это случилось. Я, несчастный сын твой, навсегда потерял тебя! Мои попечения, мои обеты не могли продлить твоей жизни. Кто утешит меня в моей печали? О, какое было бы счастье, если бы я, безутешно опечаленный, мог бы обессмертить твое имя похвалами, достойными тебя! Увы, мои мысли путаются, и я ничего не понимаю; рана моего сердца привлекает к тебе все силы моей души, и я живу только печалью. О я несчастный сын! Я потерял свою мать, не достигшую еще и осени жизни, едва начавшую девятое пятилетие. Какую мать! Ты, по своей безграничной нежности, жертвовала собственным спокойствием, заботясь о моем воспитании. Ты, исполненная мудрости, постоянно указывала мне добродетели, к которым я должен был стремиться; ты служила для меня образцом к подражанию. О я несчастный сын, никогда не забывал твоих слов, всегда держал их в уме и благодаря им избежал многих ошибок. О добродетельная мать!»

Поскольку дом и находившееся в нем имущество считались собственностью покойника, члены его семьи не имели права всем этим пользоваться. Они строили здесь же, рядом со старым, новое жи-

лье. В древних канонических книгах говорилось, что, облаченные в глубокий траур, члены семейства в течение трех месяцев не имеют права готовить пищу в доме, где находился покойник, а для ночлега должны удаляться в отдельное помещение. Усопшего оставляли в комнате, где он жил до смерти, или в особой пристройке к дому. Впоследствии этот обременительный обычай изжил себя. Покойник при жизни имел друзей и любил встречаться с ними. Естественно, что он не хотел лишаться приятного общества и в загробной жизни. Для этого совершался «обряд посещения». Друзья подходили к столу, на котором стоял гроб, воскуривали благовония и дважды совершали поклон, воздавая умершему хвалу.

По установившемуся обычаю, родственники и знакомые одаривали усопшего. Что символизировали эти подарки? Коль скоро все в доме принадлежало главе семьи, то, когда он уходил в мир иной, семья, лишенная руководителя, оказывалась в тяжелом положении. Тут-то подарки друзей и знакомых служили важным подспорьем.

Эти подарки играли и несколько иную роль. Усопший со всем своим личным имуществом переселялся в новое жилище, оставляя старый дом семье. Родственники и друзья, относясь к почившему как к живому, старались следовать обычаям и, как бы поздравляя с предстоящим переселением, одаряли покойника подарками, которые считались его собственностью и погребались вместе с ним. Перед выносом тела громогласно прочитывался список подарков, чтобы усопший на том свете знал, от кого и какие подношения он получил.

Когда умирали отец или мать, сын в знак бла-

годарности за их благодеяния клал в гроб прядь волос со своей головы.

Нефрит считался символом жизнеспособности. Поэтому кусочки этого благородного камня клали в нос, уши и рот усопшего – так пытались приостановить процесс гниения трупа.

Запрещалось сжигать труп покойника, бросать его в воду, оставлять без присмотра более года, пренебрегать установленными церемониями, хоронить во время веселых праздников.

Считалось, что умершего нельзя погребать до тех пор, пока не высохнет его кровь. Поэтому хоронили как минимум на седьмые сутки после смерти. Быстрые похороны осуждались, их называли «кровавым захоронением». Во время траура по близким родственникам в течение семи недель запрещалось причесывать волосы и плести косу.

Древние китайцы различали в человеке жизненную силу ци (дыхание, воздух) и душу (лин). Пока легкие дышат, человек живет, т. е. сохраняет жизненную силу ци. Когда дыхание прекратится, жизненная сила ци покидает человека, и он становится трупом. Но с прекращением дыхания душа не умирает, а продолжает свою жизнь, оставаясь в мертвом теле как сознательное и самостоятельное существо со всеми потребностями земной жизни.

Вначале верующие были убеждены, что душа усопшего сохранялась в его теле «целиком», затем душу стали «делить» на три части: первая якобы оставалась в могиле, вторая воплощалась в поминальную табличку, находящуюся на домашнем алтаре, а третья переселялась в загробный мир.

Если душа при жизни человека удовлетворяла свои потребности через посредство тела, то она не прерывала своих связей с телом и в посмертном су-

ществовании. Как именно эта связь осуществлялась, никто сказать не мог, но то, что такая связь неразрывна, ни у кого не вызывало сомнения.

Где же обитала душа человека сразу после смерти? В той комнате, которую занимал усопший при жизни. А потом обычно в могиле, где покоился его прах. Впрочем, она предпочитала селиться в специально для нее возведенных или приспособленных помещениях. С этой целью строились домашние молельни, в которых чествовали души усопших предков, а также возводились общественные или государственные храмы, служившие местом почитания тех покойников, которые при жизни были знаменитыми людьми. Душа усопшего могла жить и на небе – на небесных светилах или в воздушном пространстве. Она была способна воплотиться в какой-либо предмет. Человек, оказывается, мог после смерти превратиться в растение или животное. Красавица Юй, неутешно горевавшая после смерти мужа, стала цветком, который так и назывался юймэйжень («красавица Юй»). О некоем Дин Линвэе, жившем в глубокой древности, рассказывали, что он превратился в журавля, а через тысячу лет вновь принял образ человека.

Отголоски этого обычая сохранялись в отдельных районах Китая вплоть до победы народной революции. В 1954 г. в Пекине старая китаянка рассказала об этом автору книги.

«Жил в нашей деревне богатый помещик. У него был единственный малолетний сын, которым он дорожил больше всего на свете. И вот сын умер. После этого помещик распространил в народе слух, будто сын его стал святым, и приказал плотникам сделать из дерева изображение его сына. Это изображение положили на кровать, а рядом поставили

другую кровать – для наложницы сына. Жили мы тогда в большой бедности, и, чтобы хоть немного улучшить положение семьи, отец продал меня помещику в наложницы к его "святому" сыну. Днем я надрывалась на работе в семье помещика, а ночью должна была спать рядом с этой деревяшкой. Первое время сильно пугалась. Проснусь, бывало, ночью от страха: рядом ведь деревянные обрубки, напоминающие образ человека. Так и жили восемь лет. А когда в нашу деревню пришли коммунисты, помещик куда-то сбежал. Тут я решила разбить ненавистную деревяшку и вернулась к себе домой».

Глубоко убежденный в том, что между душой и останками усопшего существует тесная связь, верующий страшился не самой смерти – к этому он был морально подготовлен верой в загробную жизнь, – а боялся появиться в «мире теней» обезглавленным или изувеченным: без рук, без ног.

Суеверный человек верил в потустороннюю жизнь, и эта вера помогала ему переносить любые страдания. Ужаснее всех земных мук считал он для себя появление на том свете без головы, ибо душа человека, обезглавленного при жизни, была обречена навеки бродить в загробном мире без пристанища. Такая душа лишалась всякого утешения, не будучи в состоянии ни выразить мысль, ни услышать голос других душ. Мужчина мог бы, например, в загробном мире жениться, но какая женщина выйдет замуж за человека без головы или за калеку?

Следовательно, тело крайне необходимо душе в ее загробных странствиях. Вот почему верующие заботились о том, чтобы останки усопших предков бережно сохранялись.

Даже выпавшие зубы, остриженные ногти и во-

лосы клали в гроб вместе с телом покойника. Ампутацию конечностей суеверные люди воспринимали как страшное несчастье. Были случаи, когда родственники больного предпочитали смерть близкого человека ампутации руки или ноги. Если же и соглашались на такую операцию, то ампутированные конечности закапывали на родовом кладбище.

В XVIII в. в Китае усилилась деятельность тайных обществ. Они нередко похищали своих противников, отсекали им головы, которые надежно прятали. Труп же оставляли на месте казни. Родственники погибшего оказывались в трудном положении. Хоронить покойника без головы считалось неслыханным делом: как он, обезглавленный, предстанет перед предками в «мире теней»? Тогда император решил помочь несчастным. Он издал указ, согласно которому таких покойников разрешалось хоронить с «золотой головой»: голову делали из дерева или камня, покрывали позолотой и клали в гроб.

Право быть повешенным, а не обезглавленным как знак великой монаршей милости получали только сановные преступники. Проявляя «великодушие» к высшим сановникам, совершившим тяжкие преступления, император мог вынести им такой приговор: пусть они покончат жизнь самоубийством, используя для этого различные средства – яд, опиум, шелковый шнур для удушения и т. п.

Существовало убеждение, что на небе и звездах обитают души усопших людей. Вначале на небе поселялись только души отошедших в иной мир правителей. Средь них выделялся Шанди. Само слово «шанди» состоит из двух иероглифов: шан – «высший, верхний» и ди – «государь, император». Та-

ким образом, шанди буквально означает «верховный государь». Шанди почитался как первый по времени и положению среди других усопших государей.

Понятие тянь – «небо» – тесно связано с понятием Шанди – «верховный государь», который в космогонических теориях то отождествлялся с небом, то представал в виде некоего безликого «повелителя миров». Шанди регулировал движение светил и жизнь растений, наблюдал за делами людей: награждал одних и наказывал других; бесплотный, он мог выражать любовь и гнев, слышать и даже говорить. Шанди представлял собой нечто вроде духа-правителя, живущего на небе и оттуда распоряжающегося Поднебесной.

С течением времени наряду с Шанди подобные обязанности в мифах и поверьях стало выполнять само небо как верховная и божественная сила, олицетворение разума и высшей справедливости.

Со временем небо стало местом поселения менее знатных, но имевших определенные заслуги особ. Души усопших, заселившие звездное небо, по убеждению верующих, сохраняли человеческий облик; «небесные подданные», так же как на земле, находились в распоряжении усопших государей.

Верховный владыка Шанди

Одним из главных элементов культа предков

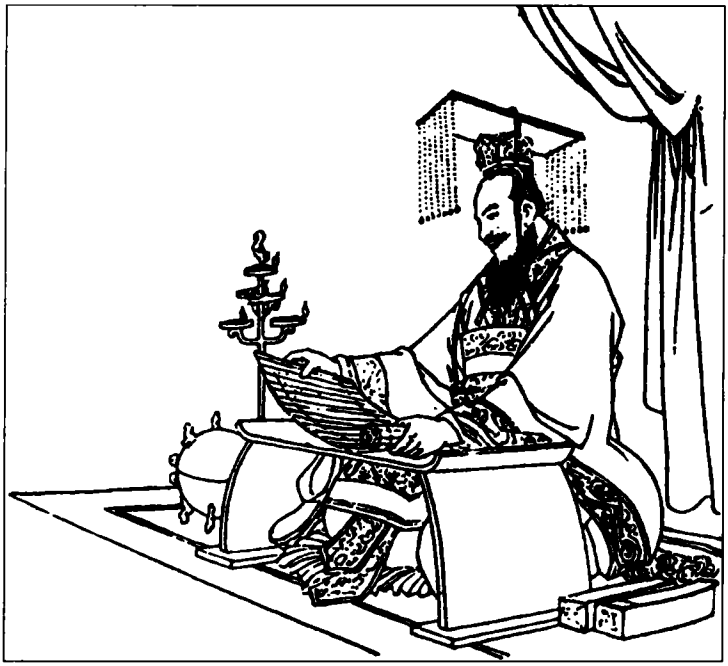
были церемония погребения главы семьи, последующий траур и жертвоприношения в связи с этим. Похороны в простонародье назывались «траурное дело» или «белое дело» (цвет траурных одежд в Китае – белый).

До похорон устраивалась панихида, которая призвана была препроводить душу усопшего на небо. Панихиду обычно начинали буддийские монахи, а продолжали даосские. Она заканчивалась сожжением предметов, предназначенных для покойника в «мире теней»: сжигали бумажный домик, который должен служить жилищем усопшему, костюмы, несколько свертков шелковой материи, изображения золотых и серебряных слитков.

Рано утром в день похорон сжигался временный навес, устроенный перед домом покойника. В момент, когда поднимали гроб, родные выбегали из комнаты, чтобы дух усопшего не навлек на них беду. В богатых семьях гроб ставили на громоздкий катафалк, выкрашенный в красный цвет и обвешанный со всех сторон вышивками.

Катафалк был настолько тяжелым, что его посменно несли несколько десятков носильщиков. Число носильщиков определялось прежде всего общественным положением покойного. Так, во времена Цинской династии гроб чиновника третьего класса несли 48 носильщиков, гроб чиновника первого и второго класса – 64, а гроб члена императорской фамилии – 84.

Накануне похорон совершалась церемония устрашения злых духов на всем пути следования похоронной процессии. Буддийские и даосские монахи проходили по тем улицам, где на следующий день должна была двигаться похоронная процес-



Император Цинь Шихуан

сия, кропя все вокруг святой водой и ублажая духов звуками музыки.

Вера в загробную жизнь приводила к тому, что правители Китая заблаговременно заботились о том, чтобы и в ином мире жить роскошно и пользоваться услугами своих советников и слуг. В глубокой древности совершались массовые ритуальные убийства пленных, приносимых в качестве жертв. При погребении знатных лиц наряду с быками, баранами, собаками и свиньями в жертву приносили рабов, которых закапывали живыми в землю или сжигали.

Когда скончался правитель Му-гун в царстве Цинь (VII в. до н. э.), вместе с умершим были по-

гребены живыми сто семьдесят семь человек, среди которых – три представителя благородных фамилий. Здесь же захоронили различные изделия из нефрита и бронзы, включая оружие, домашнюю утварь, ценные украшения, конную упряжь и т. п. Люди и вещи, служившие правителю при его жизни, должны служить ему и в потустороннем мире.

Загробная жизнь, как и земная, определялась положением человека в обществе: чем богаче был он на земле, тем пышнее обставлял свое потустороннее существование. И конечно, лучше всех на том свете устраивался самый богатый человек – император. По издавна существовавшим в Китае обычаям, сооружение могилы для императора начиналось уже в первые годы его царствования и, как правило, продолжалось на протяжении всего правления.

Императорские могилы сооружались с большим размахом и мало чем отличались от настоящих дворцов. Так, например, у подножия горного хребта Лишань, в 50 километрах от города Сиань (провинция Шэньси), находится гробница основателя централизованного государства в Китае императора Цинь Шихуана (III в. до н. э.). Строительство посмертного жилища Сына неба продолжалось 10 лет, его сооружали более 700 тысяч человек.

Гробница, занимающая почти 250 тысяч квадратных метров, окружена прямоугольной внутренней и внешней стеной. Ее венчает конусообразной формы могильный холм из утрамбованной земли высотой 47 метров.

Горный хребет Лишань изобиловал золотом и нефритом. Вначале строители пробили ход в горе, дойдя до глубинных вод. Поскольку там оказались бьющие ключи, воду отвели в другое место, а отвер-

стие, из которого били ключи, залили медью. Стены будущей усыпальницы облицевали отшлифованными камнями и нефритом; пол устлали большими лакированными камнями, на которых нарисовали карту девяти областей Китайской империи. На пол поставили макеты пяти священных гор, а потолку придали вид небесного свода с изображениями светил.

После того как гроб с телом Цинь Шихуана опустили в могилу, ее наполнили огромным количеством драгоценной утвари и всеми предметами повседневной жизни императора и, чтобы ему не было темно, поставили светильники. Во имя сохранения тайны мастера и те, кто укладывал сокровища в усыпальницу, были заживо погребены. Склеп закрыли массивной дверью и заложили камнями. Сверху насыпали курган, густо обсадив его деревьями.

В 1974 г. примерно на расстоянии километра от гробницы императора Цинь Шихуана в огромном склепе были обнаружены глиняные статуи (в натуральную величину) шести тысяч воинов с оружием и боевыми доспехами, а некоторые из них – на колесницах и лошадях. Отлично сохранившиеся фигуры воинов имеют правильные очертания и пропорции. Каждая статуя обладает индивидуальными чертами лица. Оружие, доспехи и обувь выполнены с большой тщательностью. Построенное в боевом порядке, глиняное войско охраняло покой своего повелителя. Изучение раскопок показало, что армия глиняных воинов (многие статуи подверглись разрушению) была захоронена одновременно с Цинь Шихуаном.

Если при жизни усопший был женат, он, естественно, нуждался в присутствии супруги и на том

свете. Отсюда возник обычай заживо погребать жен вместе с умершими мужьями. С императором Цинь Шихуаном, как сообщают некоторые источники, были похоронены все те его жены, у которых не было детей. Впоследствии этот дикий обычай был смягчен: бездетные жены императора после его смерти переселялись на жительство в пределы ограды, окружавшей могилу.

Примерно с середины I тысячелетия до н. э. человеческие жертвоприношения почти прекратились и с высокопоставленными покойниками в могилу стали опускать фигурки, вылепленные из глины, а также изображения, вырезанные из бумаги.

Многие китайские императоры захоронены в окрестностях нынешнего города Сианя, который был столицей Китая в течение 1180 лет и пережил 11 династий. Самый большой курган насыпан над могилой У-ди – могущественного императора Ханьской династии. Несмотря на то, что уже многие века этот курган подвергается разрушительному воздействию сил природы, он выглядит внушительно: более километра в окружности и до 45 метров в высоту.

Другая известная усыпальница правителей Китая находится недалеко от Пекина. Восточное императорское кладбище (Дун-лин) расположено в 70 километрах к северо-западу от Пекина, а Западное императорское кладбище (Си-лин) – в 80 километрах к юго-западу от столицы. Восточное императорское кладбище устроено на склонах Горы долголетия (Тяньшоу) на площади 40 квадратных километров. Здесь захоронены императоры династии Мин (1368–1644).

Столицей Китая при династии Мин вначале был

город Нанкин. После смерти первого императора этой династии, который похоронен в Нанкине, столица была переведена в Пекин. Все остальные 13 императоров династии Мин похоронены на горных склонах Тяньшоу. Отсюда и название этого места – «Тринадцать могильных холмов» (Шисань-лин).

Из императоров династии Мин дольше всех (48 лет) пробыл на троне Чжу Ицзюнь (1573–1620), построивший себе величественную гробницу. Над ее сооружением в течение шести лет при жизни императора каждый день были заняты 30 тысяч человек. В 1956 г. на месте погребения Чжу Ицзюня были произведены археологические раскопки. И вот что предстало перед взором живых современников.

Весь комплекс усыпальницы состоит из трех просторных залов, переднего, среднего и заднего, а также двух боковых помещений. У входа – массивные двери, створки которых сделаны из огромных цельных кусков белого мрамора. Стены и потолок (сводчатой формы) выложены из массивных каменных плит. В два длинных боковых помещения ведут двери из белого мрамора, а стены помещений и потолок также выложены из каменных плит. Поперечные притолоки дверей сделаны из меди. В среднем зале установлены три больших мраморных кресла. Их украшают извивающиеся мраморные драконы. Перед каждым креслом – комплект утвари для жертвоприношений, сделанной из обожженной желтой глазури. Свечи и благовония хорошо сохранились в специальных сосудах. Здесь же стоят три большие фарфоровые чаши, наполненные маслом для светильников. Светильники давно погасли, а в сосудах осталось еще много масла.

В глубине гробницы расположен главный зал, где установлены три больших деревянных саркофага, покрытых киноварным лаком: большой гроб императора и два гроба поменьше – усыпальницы двух императриц. Они умерли раньше императора, и их останки ждали захоронения вплоть до смерти Чжу Ицзюня. По обеим сторонам от императорского посмертного ложа – множество фарфоровых изделий, слитки золота и серебра, инкрустированный драгоценными камнями меч и золотые доспехи. В гробу обнаружены кубок и чаша, сделанные из блестящей белой яшмы. Под чашей стоит золотое блюдце, а сверху она прикрыта золотой крышкой, украшенной ярко-красным кораллом. В истлевшей шкатулке у изголовья покойника была обнаружена золотая корона императора. В гробу нашли несколько яшмовых поясов с тонкой искусной резьбой. Стенки гроба были покрыты золотой и красной парчой.

Около гробов императриц сохранились драгоценности и дорогие женские украшения. Женский головной убор фэнгуань (фениксовая шапка) был выполнен из отделанных малахитом золотых фениксов и цветов. Отливка, гравировка и инкрустация золотом этого убора представляют собой шедевр ювелирного искусства Китая конца XVI или начала XVII вв. Кроме перечисленных предметов в могиле были найдены золотые кубки, тазы, блюда, чаши и сосуды для вина, а также обычная оловянная посуда.

Так выглядели императорские могилы – настоящие подземные дворцы, предназначенные для пребывания земных владык на том свете.

Усопшие императоры при жизни имели многочисленных слуг. Как быть с ними? По древнейшим обычаям, они должны были следовать в могилу за

своим повелителем. Массовые захоронения рабов и слуг зафиксированы во II тысячелетии до н. э., позднее это стало редким явлением. Однако, когда умерла любимая наложница маньчжурского императора Шуньчжи, он приказал убить на ее могиле тридцать рабов. К человеческим жертвам правители прибегали также в годы особенно страшных стихийных бедствий, надеясь таким способом умилостивить духов.

Существовал обычай вместе с усопшим человеком погребать и принадлежавших ему животных: рогатый скот, лошадей, верблюдов, баранов, птиц и т. п.

В могилы помещали также утварь, оружие, музыкальные инструменты, различные предметы обстановки – все, в чем, как полагали, нуждалась душа усопшего. В древности это правило соблюдалось китайцами неукоснительно. Когда хоронили императоров династии поздняя Хань (25–220 гг. н. э.), в могилы помещали стрелы, луки, щиты, секиры, колчаны, кольчуги, шлемы, траурные колесницы, колокола, каменные орудия труда, музыкальные инструменты и т. п.

Во время династии Мин вошло в традицию перед императорским кладбищем мостить дорогу и по обеим ее сторонам ставить мраморные или каменные изваяния людей и животных. Так, при подходе к могилам 13 императоров династии Мин по обе стороны дороги были поставлены каменные изображения 24 животных: по четыре льва, шакала, слона, верблюда, жирафа, лошади. Кроме того, по сторонам дороги, ведущей к могилам, расположены 12 каменных фигур, изображающих сановников, военных и гражданских чиновников.

До царствования императора Канси (1662–

1723) маньчжуры сжигали останки своих правителей, членов их семей и высших сановников, а золу ссыпали в фарфоровые кувшины для захоронения. Во времена правления Канси был восстановлен обычай захоронения императоров, который существовал при китайской династии Мин: сооружали огромные могильные курганы, служившие усыпальницами покойных правителей Китая, а посмертное жилище и вместительный гроб наполняли всевозможными ценными предметами. Это, по существу, были подземные кладовые сокровищ.

Потомки умершего считали, что его душа всегда сохраняет связь с ними и влияет на их жизнь. А раз это так, ей следует регулярно помогать, снабжать всем необходимым: жильем, пищей, одеждой, предметами обихода и т. п. Все это доставлялось душам предков путем жертвоприношений. В далеком прошлом на жертвенном огне сжигались настоящая одежда, настоящий строительный материал для жилья и т. д. Считалось, что, превращенное в дым и пепел, все это отправляется по назначению.

Со временем обычаи захоронения постепенно изменялись. Похороны с соблюдением всех ритуалов, требовавшие больших расходов, были обременительны для родственников умершего. Поэтому, сохраняя прежнюю веру в загробную жизнь, стали погребать вместе с усопшим не реальные предметы, а их изображения и макеты.

В могилу клали глиняные или деревянные фигурки слуг и служанок, лошадку, тележку, диванчик с пологом и рогожками, миниатюрные стулья и столы. Если, например, умирала старушка, любившая играть в карты, сын, чтобы не лишать мать удовольствия, делал несколько чучел, усаживал их за столик, раскладывал перед ними карты и все это

сжигал – на том свете покойница будет иметь партнеров по карточной игре.

Через день после смерти богатого мужчины его труп клали в гроб, а у порога сжигали бумажного коня и бумажный паланкин. Если же умирала женщина, то сжигали бумажную корову и бумажный паланкин. В таком паланкине усопшие отправлялись в загробный мир. У гроба также сжигали бумажные изображения мальчика и девочки: они должны были на том свете ухаживать за покойником.

По древнему обычаю, гроб с трупом главы семьи могли оставить в доме на долгое время, иногда на несколько лет, а в некоторых случаях даже навсегда.

Тщательно готовила себе будущее посмертное жилище вдовствующая императрица Цыси (умерла 15 ноября 1908 г.). Особенно большое внимание она уделяла этому в последние годы своей жизни, часто навещала строившийся мавзолей, следила за его отделкой. В 1897 г. мавзолей был почти готов, однако после очередной проверки она повелела его переделать, так как столбы из тикового дерева показались ей недостаточно массивными.

Когда вдовствующая императрица Цыси скончалась, на территории императорского дворца была сделана огромная бумажная лодка. Ее наполнили самыми разнообразными бумажными изображениями евнухов, фрейлин, домашней утвари, различных яств. На носу лодки был устроен миниатюрный трон, вокруг него склонились в почтительном поклоне фигурки чиновников, одетых в официальные халаты, словно на аудиенции у покойной Цыси. После церемонии жертвоприношений вся эта бутафория была сожжена. За день или два до похорон Цыси у ее гроба сожгли несколько сот бумажных

Моление перед могильным курганом

изображений слуг, всадников, а также верблюдов и других животных.

Посмертное ложе императрицы Цыси представляло собой настоящую кладовую сокровищ. Усопшую положили в массивный вместительный гроб, заполненный всевозможными драгоценностями. У ее изголовья поставили изваянные из нефрита цветы лотоса, а у ног – листья лотоса. В руки императрице вложили 18 маленьких изваяний Будды, выложенных из жемчуга; ее лицо обрамлял венок из драгоценных камней, тело девять раз обвила лента с крупными жемчужинами. По обе стороны от покойницы разместили 108 золотых и нефритовых будд, а также персики, груши, абрикосы, дыни и другие фрукты, изготовленные из нефрита. Здесь же находилась нефритовая чаша с листьями из дорогого камня, драгоценное деревце с коралловыми ветвями.

Все это было сделано для того, чтобы Цыси на том свете могла пребывать в такой же роскоши, в которой она жила.

То, что мог позволить себе император, не было, конечно, доступно не только рядовому труженику,

но даже и состоятельному человеку. И все же каждый, готовясь перейти в «мир теней», старался в соответствии со своими материальными возможностями захватить с собой самое необходимое.

На покойника надевали всю лучшую одежду, что была у него. В состоятельных семьях гроб наполняли драгоценными камнями, золотом, серебром, жемчугом и теми мелочами, которые покойник любил при жизни. Иногда в гроб клали трубку усопшего, его любимую книгу, сочинение, которое он написал, и т. д.

Посмертное жилище бедняков выглядело иначе. У рыбаков Западного Китая, например, все богатство состояло из лодки и рыболовных сетей. Умирал рыбак – его вместо гроба клали в челнок, который покрывали другим челноком. На дорогу покойнику давали половину сети, чтобы он мог на том свете заниматься привычным делом – рыбной ловлей. Другая половина сети хранилась у родных как память об усопшем.

Простой человек, не имевший возможности соорудить себе усыпальницу, старался приобрести добротный гроб, который сохранит его тело на долгие времена. Когда наступала старость, осуществить это становилось не так-то просто. Материал для гроба стоил дорого. Поэтому к потусторонней жизни готовились заранее. Зафиксированы даже случаи: дети бедняков продавали себя в рабство, чтобы купить отцу красивый гроб. Отцы в таких случаях с гордостью рассказывали о преданности сыновей. Подарить родителю в день его рождения хороший гроб считалось для сына похвальным поступком. Этот обычай получил широкое распространение в феодальном Китае. Приготовленный заблаговременно гроб бережно

хранился в доме до самой смерти того, кому он был предназначен.

По древнекитайским понятиям, «приготовиться к Смерти» означало: купить при жизни добротный гроб и похоронную одежду или иметь нужную сумму денег для покупки того и другого.

Повсеместно в Китае был распространен обычай, в соответствии с которым дети дарили родителям в день их 59-летия похоронную одежду. Это считалось проявлением глубокого сыновнего почтения. Получившие такой подарок надевали эту одежду и при жизни, но только в торжественные дни. Считалось особенно почетным получить в дар темно-синее шелковое одеяние с вышитым иероглифом шоу («долголетие»): этому иероглифу приписывалась магическая способность продлевать человеческую жизнь.

В некоторых районах Китая существовал такой обычай. Когда главе семьи исполнялось 70 или 80 лет, ему покупали гроб или доски для гроба. Это делалось для того, чтобы смерть родителя не застала семью врасплох. На дно изготовленного гроба клали кусок красного шелка или шерсти – символ доброго предзнаменования. Куски красного шелка или шерсти вешали на двери комнаты, где каждый год отмечали день рождения родителя вплоть до его кончины. Бывали и иные, правда очень редкие, случаи. В 1891 г. «Пекинский вестник» опубликовал сенсационную заметку. Некто Цзя имел сына, который вел беспутный, постыдный образ жизни. Цзя, будучи человеком благоразумным, заранее приобрел себе добротный гроб для посмертного жилища. Его сын, испытывая недостаток в деньгах, продал этот гроб. Обнаружив его исчезновение и уличив сына в краже, Цзя

страшно возмутился и в гневе поклялся: «Если гроб не будет возвращен и поставлен на прежнее место, передам дело в суд и потребую приговорить сына к смертной казни». Такая угроза привела молодого человека в ярость, и он задушил своего родителя. За такое страшное преступление суд приговорил распутного сына к смерти.

Гроб делали без единого гвоздя. Если он предназначался для простого человека, его покрывали лаком черного цвета, для знатных и богатых – красного цвета. На крышке такого посмертного жилища писали фамилию и имя покойника, откуда он родом, чем занимался, когда родился и скончался, а его стенки украшали рисунками. Гроб стоил очень дорого, и не мудрено, что бедняки часто просто завертывали покойника в камышовую циновку. Зато богачи приобретали два гроба: внутренний – более дорогой – и внешний («чехол для гроба»).

Чем человек был богаче, тем он больше тратил денег на устройство своего посмертного жилища. Гроб ценился по качеству дерева: хорошее дерево долго не поддается гниению. Самой ценной породой считался тис. Тисовый гроб стоил баснословно дорого – это было дерево редкой породы, ныне его почти полностью вырубили. Добротные доски, предназначенные для гроба, назывались «доски долголетия».

Внутри и снаружи гроб заблаговременно покрывали лаком, а пазы замазывали специальным составом из лака, смолы и фарфорового порошка. Эту процедуру повторяли несколько раз до тех пор, пока дерево не становилось совершенно непроницаемым для влаги. Китайские гробы были вместительными и напоминали саркофаги.

Но добротно сделанный гроб и подаренная при

жизни погребальная одежда еще не решали всех проблем загробного существования. Нужно было позаботиться и о соответствующем месте захоронения. Могила, хранительница тела, при котором остается живая душа, прежде всего должна быть гарантирована от сырости, поэтому для погребения выбирались сухие участки на склонах гор. Если же покойника хоронили на равнине, то принимались все меры, чтобы как можно дольше уберечь гроб от влаги. С этой целью дно могильной ямы засыпали толстым слоем древесного угля, затем покрывали глиной, известью и песком. В могилу ставили открытый деревянный ящик-футляр, пропитанный особым составом. Свободное пространство между ящиком и ямой засыпали древесным углем. В ящик помещали гроб, крышка которого также была пропитана специальным раствором. Сверху все это снова засыпали древесным углем и заливали смесью из глины, извести и песка. Таким образом достигалась надежная гарантия от гниения. Над могилой возводили курган. По его высоте можно было судить о том, какое общественное положение занимал усопший.

В старом Китае покойников хоронили на родовых кладбищах. Многие семьи владели участками земли, которые не отчуждались властями и передавались из поколения в поколение. По древним установлениям родовая земля вообще не подлежала продаже, но даже в тех случаях, когда это правило нарушалось, участок родового кладбища сохранялся за прежним владельцем. По мере развития городов похороны на родовой земле становились все более затруднительными, и все же состоятельные горожане всегда стремились сохранить родовое

кладбище. Остатки таких кладбищ существуют и поныне.

Чтобы создать усопшим прохладу, могилы обсаживали деревьями. Этот обычай имел и утилитарное назначение: корни деревьев укрепляли курган и не давали ему осыпаться. Рядом с курганами ставились маленькие кумирни, куда родные вызывали дух покойника для принятия жертвоприношений.

Делом первостепенной важности считалось найти подходящее место для захоронения. Труп именитого покойника мог оставаться непогребенным до ста дней – все зависело от того, какое положение умерший занимал при жизни. Бывало и так, что по истечении этого срока гроб относили в какой-либо монастырь и ставили в специально отведенном помещении. В монастыре гроб с покойником иногда оставался несколько лет, пока родственники с помощью прорицателей не находили достойного посмертного жилища.

Особенно благоприятным местом для погребения считался холм, напоминавший очертания лежащего тигра (не такая уж редкость в холмистых районах Южного Китая). Тигра считали царем зверей, поэтому всему, что так или иначе было с ним связано, приписывалась особая сила. Предполагали, что не только тигрообразные холмы, но и вообще все предметы в природе, имеющие сходство с животными, обладают таинственной властью над окрестным населением. Родные покойника старались избрать для его погребения именно такие участки, причем могилы рыли около головы или около лапы «тигра»: при таком расположении могилы влияние таинственных сил будет наиболее благо-

приятным, и это принесет семье усопшего всякого рода удачи.

Состоятельные люди не жалели средств, чтобы похоронить своих родственников на хорошем месте. Они приглашали опытных геомантов и поручали им провести соответствующее обследование. С компасом в руках геомант обходил местность, отмечая направление рек, холмов и склонов. Найдя подходящий участок, производил его тщательный обмер и лишь после этого точно указывал ту точку, где должен быть погребен умерший. Геоманты строго следили, чтобы роющие могилу не уклонялись ни на вершок от указанного пункта.

Бедняки, разумеется, хоронили родственников где придется. Нередко случалось, что богатый человек, используя свое положение, отбирал у бедняка принадлежавший тому участок для захоронения предков. Это приводило даже к кровавым столкновениям.

В Северном Китае покойников обычно хоронили на полях. Могила представляла собой курган с надгробным камнем. Иногда могилы имели форму конусообразной насыпи, засаженной кустарниками или цветами.

Во время перенесения тела усопшего из дома по пути к могиле в качестве жертвоприношения духам разбрасывали бумажки – «жертвенные деньги». Перед храмами, воротами, мостами и колодцами «жертвенные деньги» сжигали – так «подкупали» местных духов. Существовали специальные магазины, где продавали «жертвенные деньги», траурные одежды, бумажных животных, бумажные дома, повозки и паланкины. В таких магазинах по специальному заказу могли изготовить любую жертвенную утварь.

Непременным атрибутом похоронной процессии был белый петух, в которого, по убеждению верующих, переселялась душа покойного. Петуха резали на могиле, и благодаря этому душа вновь соединялась с телом.

Прежде чем опустить гроб в землю, родственники усопшего с рыданиями отвешивали низкие поклоны. Старший сын подходил к поставленному перед гробом жертвенному столу, становился на колени, зажигал благовония, возливал вино на землю и произносил молитву такого содержания: «Глубоко опечален я потерей тебя. Уже заколочен твой гроб, и ты навсегда оставил нас. Теперь гроб твой благоговейно будет предан погребению, и вскоре на твоей могиле воздвигнут высокий холм. Я сам стану неусыпным его стражем. Увы, какая невыразимая печаль! О чем осмеливаюсь сообщить».

Родственники и знакомые совершали поклоны, и гроб на веревках опускали в яму. Монахи произносили краткое надгробное слово, убеждая душу мертвеца остаться в его теле. Затем сжигали бумажные изображения хозяйственных и иных предметов, необходимых умершему в загробном мире. На могильном кургане устанавливалась надгробная каменная плита, на которой гравировалась надпись с именем покойного.

На юге Китая местом захоронения обычно избирали пустынные холмы – земля там была сухая и не водились муравьи, которые обычно подтачивали гроб. Наиболее удачным местом для захоронения считались холм, спускавшийся к воде, роща или глубокое ущелье недалеко от возвышенности.

Тому, кто хоронил предков в неудобной могиле, грозила беда. Семья покойника-неудачника советовалась с прорицателем, который отвечал при-

мерно так: он, мол, достоверно информирован с того света о том, что их покойный родитель испытывает постоянные лишения, так как его захоронили на неудобном участке, и это нужно исправить. Члены семьи соглашались с этим мнением и просили прорицателя найти место для перезахоронения; он с помощью специального инструмента выбирал более подходящий участок. Как правило, владелец земли запрашивал большие деньги, но с этим не считались: семья шла на любые расходы, лишь бы приобрести подходящее жилье для усопшего. После этого гроб извлекали из могилы и переносили на новое местожительство.

Дж. Макгован в книге «Светлые и теневые стороны в жизни китайцев» приводит разговор с китайским купцом, которому помогла разбогатеть таинственная сила фын шуй.

Вот как это было.

Родные некоего торговца почти не имели средств к существованию. Жили они на юге страны, в окрестностях Макао (Аомынь), в маленьком ветхом домишке, обрабатывали небольшой клочок земли, урожая с которого еле-еле хватало на пропитание. Случилось так, что английский флот приблизился к Макао и угрожал открыть огонь. Население, перепуганное предстоящей бомбардировкой, стало спешно покидать город. Родные купца также решили спасаться бегством. Незадолго перед тем умер глава семьи, в спешке его похоронили на месте пересечения двух дорог.

Когда опасность миновала, семья вернулась в город, и сын, желая выбрать отцу достойное место погребения, обратился за советом к геоманту. Осмотрев местность вокруг могилы, геомант в изумлении отступил на несколько шагов и сказал:

«Зачем вам искать лучшее место? То, которое вы выбрали, обладает всеми необходимыми достоинствами. Элементы фын шуй сочетаются здесь в высшей степени благоприятно. Помяните мое слово: пройдет немного времени, и вы сделаетесь богатым человеком. Посмотрите на эти две расходящиеся дороги – они напоминают ножницы. Ваш отец похоронен на редкость удачно: его могила находится как раз в том пункте, где должен быть штырек, скрепляющий две половины ножниц. Фын шуй обладает в этом месте наибольшей силой, и благоприятное влияние на судьбу вашей семьи обеспечено».

Случилось именно так, как предсказывал геомант. Жизнь семьи с тех пор изменилась: на месте прежней лачуги появился особняк, а владелец его стал одним из богатейших купцов в своей местности. И богатство, и удача в делах приписывались, разумеется, тому, что глава семьи похоронен в благоприятном месте.

И наоборот, если на семью обрушивались одно за другим несчастья, суеверные люди считали, что живые навлекли на себя гнев предков, которые захоронены не там где следует. Чтобы предотвратить последующие несчастья, выкапывали всех покойных членов семьи из могил и хоронили их на новом месте, определенном прорицателем.

Как уже говорилось, похороны происходили не сразу после смерти: надо было определить соответствующее место и время, тем более если речь шла о членах царствующей фамилии.

Императрица Цыси была погребена через год после смерти, 9 ноября 1909 г., на императорском кладбище в Восточных горах, недалеко от Пекина. Английская газета «Таймс» опубликовала 27 нояб-

ря 1909 г. подробную информацию об этом. Воспроизводим это сообщение в сокращенном виде.

Астрологи вычислили, что 5 часов утра 9 ноября по лунному календарю – наиболее подходящее время для переноса останков покойной вдовствующей императрицы из ее временного смертного ложа в Запретном городе в мавзолей, специально подготовленный в Восточных горах. Однако для удобства иностранных корреспондентов похороны были все же перенесены на 7 часов утра.

Сначала гроб несли 84 носильщика – большее число людей не смогло бы пройти с этой громоздкой ношей через городские ворота. Но как только похоронная процессия оказалась за пределами городской стены, число носильщиков было увеличено до 120 человек. Впереди шли великий князь-регент, его охрана, члены Верховного императорского совета, сопровождаемые полным штатом чиновников. Позади гроба двигались солдаты в парадной форме, а за ними – длинная вереница верблюдов с погонщиками. Верблюды были навьючены разобранными юртами – они предназначались для ночных привалов во время четырехдневного шествия к месту захоронения.

К месту захоронения Цыси несли нарядно разукрашенные зонты, подаренные вдовствующей императрице по случаю ее возвращения из ссылки в 1901 г. (зонты были сожжены во время погребения). Далее шествовали главный евнух, высшее духовенство ламаистской церкви и служители императорского двора; последние несли маньчжурские жертвенные сосуды, буддийские музыкальные инструменты и ярко расшитые знамена.

В кортеже находились три колесницы с лошадьми под нарядными попонами. Колесницы были по-

крыты балдахином из желтого шелка, украшенного драконами и фениксами. Здесь же несли два паланкина по форме точно такие же, какие использовала вдовствующая императрица при ее переездах (они также были преданы огню возле могильного кургана).

Покойная императрица всегда боялась покушения на свою жизнь, поэтому двери всех домов, расположенных вдоль дороги, по которой проходила процессия, были плотно прикрыты и тщательно охранялись полицией.

В 70 километрах от Пекина, в тихом месте, окруженном девственным сосновым лесом и обрамляемом сзади горами, расположены Восточные курганы. Здесь находился мавзолей, заранее сооруженный для Цыси. Его постройка обошлась правительству в огромную сумму. Мавзолей примыкал к могиле покойного мужа Цыси императора Сяньфэна, а к западу от мавзолея находилась могила экс-регентши Цыань, когда-то делившей с ней власть.

Гроб Цыси водрузили на богато украшенное драгоценностями ложе, на котором были выгравированы фигурки девушек и евнухов, готовых вечно прислуживать своей повелительнице. После траурных церемоний массивная дверь навсегда закрыла посмертное жилище Цыси.

Эффектным и внушительным зрелищем была похоронная процессия, устраиваемая и для знатного покойника.

Впереди такой процессии несли «объявление о смерти» с указанием, кто был усопший, и с просьбой не беспокоить его и дать ему дорогу. «Объявление о смерти» писалось на белой бумаге черной тушью и наклеивалось на деревянные дос-

ки, снабженные ручками. Затем проносили деревянные доски, на которых писались должность и чин усопшего. Доски были выкрашены красным лаком, надписи на них делались золотой краской. На белых полотнищах были написаны парные изречения (дуй цзы) с восхвалением заслуг покойного. Потом шли носильщики со знаменами из разноцветных кусков шелка, разрисованных цветами. За ними несли два зонтика, расписанных различными рисунками. Знамена указывали дорогу душе покойника, а зонтики защищали ее от солнца и дождя.

В давние времена знатных покойников провожали до могилы вооруженные воины. От этого обычая осталось лишь одно: впереди гроба шествовали люди с деревянными красного цвета моделями древнего оружия: мечей, пик и т. п. В паланкине проносили поминальную табличку с именем покойного. Потом наступала очередь музыкантов. За ними несли сделанные из ветвей сосны или кипариса фигуры львов, оленей, аистов. Дальше на подставках появлялись «серебряные горы» (инь шань) и «золотые горы» (цзинь шань) – «жертвенные деньги» из позолоченных и посеребренных полосок бумаги. Тут же были бумажные изображения мальчиков и девочек – слуг покойного в загробном мире. Впереди гроба шли близкие родственники покойного: сыновья, вдова, дочери.

Сын нес знамя из белого полотна, на котором было написано, когда отец родился и когда умер.

Около самого гроба располагались два распорядителя похорон с двумя деревянными жезлами. Один жезл – короткий, желтого цвета, а другой – длинный, из красного дерева. Размахивая жезлами, распорядители давали сигналы носильщикам,

как и куда двигаться: медленно или быстро, направо или налево. По сторонам гроба следовали четыре знаменосца. С одной стороны полотнища знамен были синие, а с другой – красные.

Когда похоронная процессия достигала места захоронения, гроб опускали в могилу. Первым бросал землю на гроб старший сын умершего, затем другие родственники и близкие. После погребения перед могилой совершался обряд поклонения праху.

Обычно впереди похоронной процессии проносили ветви бамбука: они устрашали тех злых духов, которые пытались преградить путь усопшему. При этом листья бамбука должны быть зелеными. Сухой бамбук, оказывается, не отгоняет, а, напротив, привлекает злых духов...

По древнему обычаю, траур по родителям следовало соблюдать три года, но фактически этот срок был меньше.

Муж по жене носил траур в течение года. Жена по мужу должна была носить траур всю жизнь.

Во время траура по отцу или матери сын не должен был причесываться и бриться, не имел права есть мясо, пить вино, смеяться, слушать музыку. Не разрешалось в это время праздновать календарные или семейные праздники и т. д. Замужняя дочь носила траур по родителям в течение года.

Сыновьям, дочерям и женам в знак траура по родителям и мужьям полагалось в первый год носить одежду белого цвета, во второй год – серого и в третий – черного.

Обычай обязывал сыновей при трауре по родителям в течение ста дней вплетать в косы белые хлопчатобумажные шнурки. Дочери должны были вначале также вплетать в волосы белые шнурки (сто дней), а затем – черные (один-два года).

Соблюдение траура считалось не только семейным, но и общественным делом. Родственникам умершего предоставлялось право временно уйти со службы, и за ними сохранялись определенные льготы. Соседи также проявляли внимание к родным умершего: старались не тревожить их громкой речью, пением или музыкой, не быть назойливыми. Ведь, по старым верованиям, человек, соблюдающий траур, должен был постоянно пребывать в состоянии сосредоточенности и созерцания.

Обычай требовал навещать могилы предков не менее раза в год. Эти паломничества символизировали возобновление прав на землю, где возвышался могильный курган. Неухоженная могила означала, что потомки усопшего скончались или покинули родные места.

В первую половину апреля после зимнего солнцестояния наступал праздник могил (бай шань – букв: «поклоняться горам»). Название объясняется тем, что во многих районах Китая покойников предпочитали хоронить в горах. Этот праздник называли также «приведение в порядок могильных курганов».

Праздник могил связан с наступлением ясных и светлых дней весны. Борьба зимы и весны, воспринимавшаяся как противоборство светлого начала ян с темным началом инь, заканчивалась в пользу весны. Считалось, что ян и инь приходят в равновесие: небо оплодотворяет землю и зарождается новая жизнь.

Церемония «приведения в порядок могил» могла продолжаться до тридцати дней. Однако первый день считался самым торжественным.

Американский путешественник Д. Невюз, побывавший в Китае в середине XIX в., свои впечатления

о празднике могил выразил так: «В чудесные весенние дни, когда природа набирает жизненные силы, а воздух наполнен ароматом весенних цветов, на всех холмах я видел людей, направляющихся к могилам своих покойных родителей. Но вот могила найдена: она тщательно приводится в порядок. Произносятся молитвы. Съестное и "жертвенные деньги" приносятся в жертву духам покойников. Несколько горстей земли положено на поверхность могильного кургана, в него воткнули и палку, к которой привязана полоска белой материи. Так все будут знать, что могила усопшего не забыта родственниками».

Рано утром члены семьи отправлялись навестить могилу предка. Брали с собой метлу и мотыгу, а также необходимые ритуальные предметы. Подойдя к могильному кургану, первым делом вырывали вокруг сорную траву, очищали его от мусора. Возле могилы ставили столик, на который клали лист бумаги или деревянную табличку с именем покойного. Зажигали свечи и фимиам, ставили на столик тарелки, наполненные рыбой, мясом, птицей, фруктами и сладостями.

Старший сын отвешивал несколько земных поклонов, давая обеты верности, и произносил перед могильным холмом усопшего предка молитву примерно такого содержания:

«Я, Линь Ван, второй сын из третьего поколения, осмеливаюсь подойти к могиле моего предка Линь Куна. Проходит год за годом, и вот снова наступила весна. Выражая чувства сыновнего почтения, я привожу в порядок вашу могилу. Падая ниц, я умоляю вас выйти и побыть со мной. Прошу обеспечить вашему потомству процветание и известность. В сезон слабых дождей и тихого ветра я желаю вознаградить источник моего существования и

выражаю мои искренние чувства. Всегда буду на страже вашего спокойствия. Моя вера – в вашем божественном духе. Почтительно предлагаю пять жертв – свинину, курицу, утку, гуся и рыбу, а также пять тарелок фруктов и святое возлияние. Настоятельно умоляю вас прибыть и обозреть эти жертвоприношения. Представляя это вам, заявляю о своем глубоком почтении».

Текст молитвы сжигали под резкие звуки взрывающихся хлопушек. В жертву приносили также небольшие предметы, сделанные из бумаги: домик, трубку для курения, лошадок, скамейку, украшения.

У могилы усопшего отца нередко произносилась молитва совсем иного рода: «Твои дети явились сегодня к тебе с приношением. Мы бедны и потому не можем принести более изысканных кушаний. Приди, не гнушаясь тем, что мы принесли тебе, и раздели с нами нашу трапезу. Покажи нам, что ты любишь нас, как любил раньше, пока не ушел от нас в темный мир». После этого переходили к рассказу о домашних делах: «В этом году наши дела шли неважно. В семье многие хворали, и мы кое-как сводим концы с концами, хотя все много работаем и соблюдаем во всем величайшую экономию. Просим тебя, не оставляй нас своими заботами. Вспомни нашу родственную любовь и воспользуйся своей силой – ниспошли благосостояние нашему дому. Отнесись благосклонно к этой мольбе, наш дорогой родитель, и возроди надежду на улучшение участи тех, кого ты еще любишь». После этих слов все угощение, приготовленное для духа предка, съедала проголодавшаяся семья. В завершение ритуала через могильный курган протягивали длинные ленты из красной и белой бумаги.

Если могила три года подряд не приводилась в порядок, она считалась брошенной, и земельный участок мог быть продан другому лицу.

В некоторых районах Китая существовал такой обычай: три дня до и три дня после праздника могил плакальщики, сидя на скамейке и монотонно раскачиваясь, стенаниями и криками выражали свою скорбь об ушедших в «мир теней».

Тот, кто во время праздника могил не мог посетить усыпальницу предков, совершал ритуал у себя дома. На севере Китая родственники усопших приобретали небольшой бумажный мешок, на котором были нарисованы две человеческие фигурки, а вокруг них – цветы. Между этими фигурками писали имена усопших родителей. Затем мешок наполняли бумажными деньгами и клали на кан (глинобитная лежанка, под которой проходит дымоход), где была приготовлена жертвенная пища. Глава семьи, исполнявший обязанности священнослужителя, совершал земные поклоны перед этим мешком, словно перед настоящей могилой усопших родителей. Затем мешок выносили на улицу и сжигали.

Важно было завершить церемонию до захода солнца, так как духи предков, которые проводили время с потомками, должны были вернуться в могилу перед тем, как на ночь закроются городские ворота.

Самым страшным оскорблением, какое только можно было нанести китайцу, считалось разрушение могилы предков. В истории Китая не забыт случай, когда вдовствующая императрица Цыси, охваченная ненавистью к реформаторскому движению (1898 г.), повелела разрушить могилу предков руководителя этого движения Кан Ювэя и рассеять их прах.

* * *

Где же, по традиционным верованиям, находилась душа покойника? Оказывается, она воплощалась в так называемую табличку духа предка, перед которой в дальнейшем и совершались жертвоприношения. На табличке, представлявшей собой дощечку длиной до 30 сантиметров и шириной около 10 сантиметров, золотом по красному лаку писали титул, посмертное имя усопшего, а также имя старшего сына, заказавшего табличку. Посмертное имя давалось каждому, и с этого дня нельзя было больше произносить имя, которое усопший носил при жизни. Кроме того, на табличке указывали первоначальное имя покойника, число, месяц и место его рождения и смерти и место погребения.

Табличка духа предка была как бы двойной: с внутренним углублением, в котором делалась подробная надпись о покойнике, и внешней стороной – с сокращенной надписью. Если после смерти главы семьи умирала его жена, ее хоронили вместе с ним и для супругов делали общую табличку. Надпись на ней была примерно такого содержания. На внешней стороне: «Табличка духов усопших достопочтенных отца и матери. Я, их сын, выражаю почтительное повиновение и совершаю жертвоприношения». На внутренней стороне: «Императорская династия Цин. Табличка духов Яо Фэньчжу и его жены Чжан Ши, 12-й день 2-й луны 1-го года правления Сюаньтун» (3 марта 1903 г.). Дальше следовало имя старшего сына покойных родителей.

Каким образом душа усопшего вселялась в поминальную табличку предков? По рассказу русского китаеведа С. М. Георгиевского, обряд написания таблички совершался таким образом. Перед кук-

лой, изображавшей душу покойника, ставился стол с тушечницей и писчей бумагой, к столу придвигали табурет с сосудом, наполненным водой, и с полотенцем. Глава семьи подходил к столу и совершал поклон перед куклой. Писец мыл руки, потом ему подавали табличку, на которой он каллиграфически выводил: «Табличка духа усопшего родителя такого-то». Затем поминальная табличка выставлялась на почетное место, а писец опускался на колени перед жертвенным столом, возжигал курения, возливал вино на землю и читал молитву: «Та-

Моление перед табличками духов предков

кого-то года, месяца и дня осиротевший сын такой-то осмеливается обратиться к родителю своему такому-то со следующими словами: тело твое предано погребению, но да возвратится дух твой в домашний храм; табличка для духа приготовлена; да оставит почтенная душа твоя старое обиталище (тело), да последует в новое (в храме) и да пребудет в нем неотлучно». Все члены семьи совершали традиционные четыре поклона, и на этом церемония заканчивалась.

После похорон табличку приносили домой в особом «паланкине для души». Право хранить табличку предков имел только глава семьи. Она переходила по наследству по прямой линии к старшему в роде. Остальные члены семьи обязаны были приходить в его дом, если хотели участвовать в жертвоприношении предкам.

Если китайская семья не была в состоянии содержать отдельное помещение для храма предков, то в любом случае находили место, где постоянно хранились таблички. Перед ними в знаменательные дни расставляли тарелки с мясом, рюмки с вином и другие жертвоприношения. После соответствующего ритуала все это съедалось и выпивалось членами семьи. Водворение таблички духа из могилы в Храм предков обставлялось торжественным ритуалом. Особенно пышная церемония была совершена в 1909 г. в связи с водворением таблички духа вдовствующей императрицы Цыси в Храм предков императоров и их жен. Табличку духа усопшей нужно было доставить с Восточных гор, где она была похоронена, в Храм предков в Запретном городе императорского дворца. Во время похорон табличка с именем Цыси, написанным на маньчжурском и китайском языках, находилась у гроба.

После того как массивные двери посмертного жилища императрицы закрылись навсегда, предполагалось, что ее дух воплотился в табличку, и последней стали отдавать такие же почести, как живой правительнице.

Табличка была поставлена на роскошную колесницу, покрытую балдахином из императорского желтого шелка, и, сопровождаемая кавалерийским эскортом, медленно и торжественно совершила трехдневное «путешествие» с Восточных гор до Пекина. Каждую ночь делалась остановка для отдыха, и табличку на это время уносили в специально построенный павильон. Руководитель церемонии, опустившись на колени, почтительно просил табличку покинуть колесницу и отдохнуть в павильоне.

Дорога, по которой шествовала табличка духа Цыси, была приведена в образцовый порядок, и никто посторонний не смел ступить на нее ногой.

Когда процессия со священной табличкой приблизилась к воротам столицы, князь-регент и высшие сановники почтительно приветствовали ее на коленях; все движение было приостановлено, и на улицах воцарилась тишина; прохожие также преклоняли колени, чтобы выразить почтение покойной повелительнице.

Медленно и торжественно колесница проехала главные ворота Запретного города и направилась в Храм предков императоров маньчжурской династии – самое священное место в империи. Здесь табличку духа вдовствующей императрицы «пригласили» занять соответствующее место среди усопших девяти императоров и их 35 жен.

Почивших маньчжурских императоров чествовали, отвешивая поклоны перед их табличками. Наряду с этим существовали и скульптурные изоб-

ражения святых и покойных императоров. В буддийском храме в Гуанчжоу, например, находилось не только пятьсот позолоченных статуй Будды, но и статуя маньчжурского императора Цяньлуна, который основал этот храм.

В состоятельных семьях поминальная табличка усопших хранилась в Храме предков, на домашнем алтаре; перед ней раскладывали жертвоприношения: рис, мясо, фрукты, конфеты, «жертвенные деньги», шелк и т. п. Алтарь, на котором кроме таблички предков выставлялись изображения божеств, особо почитаемых в семье, был принадлежностью почти каждого китайского дома. Чаще всего на алтаре можно было увидеть богиню милосердия Гуаньинь, бога домашнего очага, бога богатства, богов-покровителей данной местности.

Что же представлял собою Храм предков? В зажиточных семьях это было просторное помещение с двумя обращенными на юг дверьми. Храм возводился обязательно к востоку от жилого дома; рядом в пристройке размещались специальная кухня и кладовая для хранения жертвенных сосудов, одежды и всевозможных ритуальных предметов. В храмовой комнате стоял стол, на котором располагались шкафчики с поминальными табличками, курильницы, свечи и жертвенная утварь.

Храм предков был священным местом для верующего. Все, что находилось в нем, нельзя было ни продать, ни употребить в хозяйстве. Жертвенная одежда также должна была постоянно храниться в храме. Даже если членам семьи не во что было одеться, никто из них не смел ею воспользоваться. Когда какой-либо ритуальный предмет приходил в негодность, его сжигали или зарывали в землю. В случае пожара, наводнения и других стихийных

бедствий семья должна была в первую очередь спасать не свое обыденное имущество, а храмовое, и прежде всего таблички предков.

Члены клана, объединявшего сотни или даже тысячи людей, имели общий храм, где почитались отдаленные предки. Обычно в центре алтаря находилась табличка наиболее дальнего известного предка клана и его жены. Табличка духа старшего сына и его жены располагалась слева, а табличка духа младшего сына и его жены – справа, далее шли внуки, правнуки и т. д. Как правило, сохранялись таблички предков до пятого поколения.

Понятно, что бедняк не имел возможности обзавестись Храмом предков, но он должен был отвести в доме священное место для табличек духов предков и совершать перед ними соответствующий ритуал.

Если жертвоприношения совершались не в храме, а дома, то для этой цели обычно использовались изображение соответствующего божества, жертвенные кушанья и питье, свечи, благовонное курение, «жертвенные деньги» и хлопушки. Изображение божества вывешивалось перед столом, на котором в определенном порядке располагали все эти предметы. Вкусный запах жертвенной пищи, яркий свет свечек, аромат благовонного курения – все это привлекало внимание божеств. Предполагалось, что божества нисходили с неба и воплощались в свое бумажное изображение. После окончания жертвоприношения божества вновь поднимались в мир духов посредством сжигания их бумажного изображения вместе с «жертвенными деньгами». Это сопровождалось треском хлопушек.

Кроме табличек в культе предков применялись еще и так называемые родословные свитки, на ко-

торых иероглифами каллиграфически записывались имена усопших. Такие свитки в свернутом виде бережно хранились и в торжественные дни разворачивались и вывешивались на одной из стен дома. Перед ними совершались земные поклоны, так же как и перед табличками духов предков.

Существовал обычай рисовать портреты усопших членов семьи – они как священные реликвии передавались из рода в род. Подобно родословным свиткам, такие портреты выставлялись только в торжественные дни.

Каждый китаец, где бы он ни жил – в Китае или за его пределами, – с наступлением преклонных лет мечтал вернуться в родную деревню и быть похороненным на родовом кладбище. О его возвращении мечтали и родственники. Но смерть могла неожиданно настигнуть китайца где-то вдали от родных мест. Как же поступали в таком случае, чтобы вернуть его душу к отчему дому? Фантазия верующих нашла выход из этого, казалось бы, безвыходного положения.

Облачившись в траурные одеяния, члены семьи покойного приглашали монаха, заранее готовившего родословный свиток, на котором были записаны имя и возраст умершего, дата и место его смерти. Затем из соломы изготовлялась человеческая фигура – к ней прикрепляли родословный свиток. Монах, начиная церемонию, просил духа покойного вернуться домой. Он произносил соответствующее заклинание. По убеждению верующих, такое заклинание настигало странствующего духа и вызывало последнего к месту совершения ритуала. Достаточно было несколько раз произнести заклинание, чтобы дух переселился в соломенное чучело (или в родословный свиток), которое после этого вместе с

миниатюрным гробом сжигали. При этом происходили те же церемонии, что и при настоящих похоронах. Считалось, что после этого душа покойного воплощалась в поминальную табличку духа.

Поскольку мертвые нуждались во всем, как и живые, существовал обычай с наступлением холодов одаривать их зимними вещами: теплой одеждой и другими предметами домашнего обихода. Из бумаги изготовлялись миниатюрные ватные халаты, их складывали в пакеты, туда же добавляли «жертвенные деньги» на текущие расходы в «мире теней». Составленный список жертвоприношений подписывался в присутствии свидетелей (что подтверждало его достоверность) и сжигался вместе с миниатюрными предметами, которые в дымообразном состоянии поступали в распоряжение духа усопшего.

В Северном Китае пакеты, наполненные жертвоприношениями, клали на глиняную лежанку в спальне, затем вызывали духа предка; последний снисходительно принимал жертвы, прежде чем они будут преданы огню. Кроме того, верующие делали добавочный пакет, чтобы умилостивить блуждающих духов: иначе они могут похитить жертвоприношения, предназначенные для предков семьи.

В провинции Фуцзянь замужняя дочь, потерявшая отца или мать, готовила в качестве жертвоприношения легкий сундук, в котором на специально сделанных полочках были размещены различные предметы домашнего обихода в миниатюрном виде: палочки для еды, чашечки для риса, кроватки, стульчики и столик. Такой сундук вместе с содержимым сжигался во дворе дома, где жили родители замужней дочери.

Душа в загробном мире нуждалась в пище. Кор-

мить ее считалось обязанностью всех членов семьи. Если она получала все необходимое, то приносила благополучие потомкам. Если о душе никто не заботился и она терпела лишения, то становилась злой, мстительной, посылала людям болезни и различные несчастья.

Существовали даже специальные виды жертвоприношений для тех несчастных душ, которые попали в «мир теней» без головы, т. е. на земле были обезглавлены. Предполагалось, что приготовленная особым способом жидкая кашица или соленое тесто могут быть доставлены обезглавленному духу непосредственно через горло.

Каким же образом усопший мог воспользоваться жертвоприношениями? По представлению древних, его душа на время выходила из могилы, получала все необходимое и затем вновь возвращалась в свое посмертное жилище.

Главная забота о душе умершего падала на того члена семьи, который при жизни был ей ближе всех. Таким считался старший сын покойного. А так как душа предка существовала вечно и постоянно требовала жертвоприношений, то не должна была нарушаться и преемственность лиц, приносящих ей жертвы: умершему отцу приносил жертвы его старший сын, последний также должен был оставить после себя сына и т. д. Таким образом, усопшие предки как бы продолжали жить в могиле, словно живые люди, не порывая связей с семьей, родственниками и знакомыми.

После смерти главы семьи хозяином дома становился его старший сын, которому должны были подчиняться все младшие родственники. Это нашло отражение и в иероглифической письменности. Например, иероглиф у, означающий «управлять», со-

стоит из двух элементов: «рука» и «комната», т. е. держать в руках, распоряжаться домом; иероглиф фу – «отец» – изображает руку, держащую прут; иероглиф чжан – «старый» – состоит из двух элементов: «дерево» и «палка», что означало: старший в семье ходит с посохом. Во всех упомянутых иероглифах присутствуют атрибуты власти старшего – рука, прут, посох или палка.

Истинными руководителями семейства являлись его усопшие предки, их всесильная воля считалась священной для потомков. Что касается главы семьи, то он, как первородный сын, по правилам культа предков наследовал звание главного семейного жреца и, как посредник между членами семьи и предками, облекался властью законодателя, судьи и администратора. Но эта власть была как бы не в его собственных руках – она принадлежала предкам и только через них получала реальное осуществление.

Старшего сына называли чжун-цзы, что буквально означает «сын могилы», т. е. сын, на которого возлагалась обязанность совершать жертвоприношения на могиле отца.

Ну а как быть с душами тех усопших, у которых не осталось детей и близких? Ведь они, блуждая без присмотра, страдая от голода и холода, могут разгневаться и причинить людям большой вред. В некоторых районах Южного Китая для таких неприкаянных душ буддийские монахи выставляли столы с угощением. Прорицатели заранее определяли время прибытия духов. В нужный момент мелодичный колокольный звон ублажал блуждающих, бездомных духов, приглашенных отведать принесенной пищи.

Строго соблюдая сложный ритуал почитания

душ предков, потомки рассчитывали на их помощь в самых различных земных делах. Обычно покойников просили продлить жизнь членов семьи, дать счастье и благополучие всему роду и т. п.

Такой обычай, как жертвоприношения, зафиксирован в Китае и в наши дни. 18 января 1982 г. газета «Чжунго нун минь бао» писала, что в провинции Сычуань одна женщина принесла в жертву духам трех своих детей, а в одной из коммун Гуанси-Чжуанского автономного района на поминках по умершим родственникам было убито 120 буйволов.

Душа усопшего по-разному могла влиять на судьбы живых родственников. Как это иногда воспринималось, можно видеть из приводимого ниже рассказа.

В провинции Шаньдун жил некий Чжоу. Он с особым почтением относился к своей матери. Однажды у нее на ноге появился большой нарыв, до того болезненный, что невозможно было терпеть. И днем и ночью несчастная женщина плакала и стонала. Сын предлагал ей разнообразные угощения и приносил всякие лекарства. Он так заботился о матери, что сам забывал о сне и еде.

Прошло несколько месяцев, а матери все не становилось легче. Чжоу совсем потерял голову. Однажды он увидел во сне покойного отца. Отец сказал ему: «Мать больна. Хорошо, что ты так заботливо ухаживаешь за ней. Только если не смажешь ее рану человеческим жиром, она не выздоровеет. Ты напрасно беспокоишься и страдаешь».

Чжоу проснулся и удивленный встал с постели. Затем он взял острый нож и отрезал на своем теле кусок мяса. Особой боли Чжоу не почувствовал. Тотчас же он наложил себе на рану полотняную повязку. Кровь не текла. Потом Чжоу поджарил свое

мясо, вытопил из него жир и смазал больное место у матери. Боль в ноге мгновенно прекратилась. Мать радостно спросила: «Что это за лекарство, которое так хорошо помогает?» Чжоу не сказал правды, чтобы не волновать мать. Она вскоре выздоровела. Чжоу обычно закрывал пораненное место, так что даже его жена ничего не замечала. От раны в боку остался лишь большой шрам величиной с ладонь. Когда жена настойчиво стала спрашивать, что это за шрам, Чжоу все ей рассказал.

Таким образом, умерший отец, не забывший о родном семействе, дал единственно верный совет, как исцелить тяжелый недуг вдовы.

Культ предков создавал многочисленные сложности в обыденной жизни верующих. Часто возникали самые разнообразные ситуации, когда люди боялись решить тот или иной житейский вопрос без совета усопшего предка. Этим, естественно, с выгодой для себя пользовались всякого рода прорицатели.

Предсказания совершались, как правило, в темное время. Чтобы добиться связи с духом, медиум (посредник между живыми и мертвыми) должен был войти в транс. Этим делом занимались и женщины.

В новеллах китайского писателя Пу Сунлина (XVIII в.) имеется следующее описание «работы» прорицательницы. «Женщина, которая шаманит, надевает на себя короткую юбку. Затем она подгибает одну ногу, а на другой подпрыгивает, как фантастическая одноногая птица шан-ян. Ее поддерживают два человека, схватив под руки справа и слева.

В это время некоторые из присутствующих в помещении бьют в бубны, производя громоподобный грохот. Звуки бубнов – бум! бум! бум! – оглушают людей.

Шаманка все время издает беспорядочные звуки, похожие на пение песни и на чтение молитвы.

Речь ее то отрывиста, то льется беспрерывно. Слова без созвучий, но произносятся нараспев. Рот женщины то открывается, то закрывается. Вылетающие из него слова смешиваются со звуками бубнов, так что трудно разобрать, что она произносит.

После того как женщина опустит голову на грудь и начинает исподлобья поводить глазами, она уже не может стоять без посторонней помощи. Если ее не поддерживают, то она падает. Вдруг она поднимает голову и делает скачок вверх. Женщины, находящиеся в той комнате, со страхом смотрят на шаманку и говорят: "Пришел предок откушать пищи!" Потом гасят свечи. Делается темно, как в могиле. Люди, затаив дыхание, стоят во мраке, не смея обменяться ни единым словом. Впрочем, если бы кто и заговорил, то все равно не было бы слышно, потому что звуки бубнов заглушают все.

Через некоторое время молодая женщина громко произносит имена свекра, свекрови, мужа, жен братьев мужа и других родственников и родственниц. Тогда зажигают свечи. Смотрят в чашки и в тарелки на столе: они снова пусты. Смотрят на женщину и по выражению ее лица узнают, доволен дух или нет. Все окружают женщину и в почтительном поклоне, согнув спины, спрашивают ее о счастье и несчастье. Она дает соответствующие ответы».

С помощью подобного рода «спектаклей» живые устанавливали «связь» с усопшими и испрашивали у них совета.

Презрение к жизни, культивируемое в феодальном Китае, вовсе не означало, что китайцы не боялись смерти. Русский доктор П. Я. Пясецкий, совершивший путешествие по Китаю в 1874–1875 гг.,

писал: «Я много беседовал с теми, кто долго жил среди китайского народа; сам видел много больных и пришел к тому заключению, что китайцу, как и всякому другому человеку, пока он здоров, жизнь дороже всего на свете». И далее: «Китайцы любят жизнь даже тогда, когда право жить покупается очень дорогой ценой, например самым тяжелым трудом».

Французский китаевед А. Масперо следующим образом охарактеризовал роль культа предков в жизни китайской семьи: «Она (китайская семья) – одновременно религиозное объединение. Каждая семья, собственно говоря, представляет собой религиозный мир, и религия воплощается в культе предков, от которого она происходит. Каждый семейный дом одновременно является храмом, где происходит чествование культа предков».

Такова была издревле сохранившаяся в Китае форма культа усопших предков. Понятно, что время вносило свои изменения в различные ритуалы, связанные с этим культом. Однако вплоть до крушения феодальной монархии культ предков имел широчайшее распространение во всех слоях китайского общества. И все же, как бы простой человек ни верил в загробную жизнь, он предпочитал ей земную. В китайской пословице об этом говорилось: «Лучше быть живым бедняком, чем мертвым императором».

«ТРИ УЧЕНИЯ», ИЛИ ТРИ РЕЛИГИИ

На протяжении многих столетий, в том числе и в период династии Цин, огромное влияние на духовную жизнь китайского народа оказывали «три учения», или «три религии»: конфуцианство, даосизм и буддизм. В китайском языке не было отдельного слова для обозначения понятия «религия»: иероглиф цзяо переводится на русский язык и как «учение», и как «религия».

Заслуживают внимания высказывания о религии в Китае известного советского китаеведа академика В. М. Алексеева: «Что есть религия Китая? Вряд ли она отличается от религий человечества по существу. Это та же боязнь грозной силы природы и темной силы воображения, наваждений, напастей, скорбей, зол и всякого лиха, ищущая возможности от них заслониться». И еще: «Религия Китая есть искание у разнообразных духов помощи и заступничества. Она рассматривает их как незримых чиновников, имеющих власть над душой человека и судьбой его, точно так же, как зримый

глазу китайский чиновник распоряжается в своей сатрапии над безответным человеком».

По глубине и длительности влияния на развитие общественно-политической и философской мысли, а также на формирование духовной культуры феодального Китая среди названных «трех учений» первое место принадлежит конфуцианству.

Характеристика основных особенностей «трех учений», или «трех религий», будет предметом нашего разговора.

Конфуцианство

В строгом смысле слова конфуцианство неправомерно полностью относить к религии, хотя в нем присутствуют религиозные элементы: вера в божественную силу Неба, обожествление императора, культ предков и т. п. Однако душой его является этико-политическое учение, в котором разум преобладает над чувствами.

В конфуцианстве основное место занимают вопросы этики, морали, нравственной природы человека, а также принципы управления государством. Конфуций разработал целую систему морально-этических догм и норм поведения человека: почитание предков, и особенно родителей, человеколюбие, и прежде всего любовь к родственникам; уважение к старшим и подчинение им; стремление к внутреннему совершенствованию и т. д.

...На юго-востоке современной провинции Шаньдун, среди бескрайних рисовых полей и множества курганов, где захоронено не одно поколение китайцев, расположился древний городок Цюйфу. Там в 551 г. до н. э., т. е. более 2500 лет назад, в

Конфуций

небольшом княжестве Лу родился и жил выдающийся мыслитель Древнего Китая, известный в европейской литературе под именем Конфуций. По-китайски его фамилия Кун, а имя – Цю, но чаще его зовут Кунцзы (Учитель Кун). Биография Конфуция дошла до нас в подробностях, хотя в ней трудно отделить выдумку от реальных фактов.

Конфуций родился в семье мелкого чиновника. Рано потеряв отца, он остался на попечении матери. Семилетнего мальчика отдали в школу, где он проучился десять лет с большим прилежанием, проявив совсем не детскую приверженность к ритуалу и обрядам, занявшим впоследствии такое видное место в конфуцианстве. Он охотно подражал взрослым в совершении домашних жертвоприношений. Как сообщают его биографы, в возрасте 19 лет Конфуций женился и был определен на должность хранителя зерновых амбаров.

Как чиновник, Конфуций отличался благоразумием и благосклонностью к людям, мягкостью и в то же время большой энергией. Так, по крайней мере, характеризуют в древних китайских книгах личные качества этого человека в юности.

Довольно долго прослужив на различных должностях у правителей нескольких княжеств и не достигнув больших чинов, Конфуций оставил чиновничью карьеру и занялся проповедью своих эти-

ко-политических взглядов. Он разъезжал по различным княжествам и давал их правителям советы, как разумнее управлять подданными.

До 66 лет, путешествуя по Китаю, Конфуций проповедовал свое учение, а затем вернулся в родное княжество Лу, из которого уже не выезжал до самой смерти.

Проповеди Конфуция пользовались популярностью в стране, особенно среди служилого чиновничества. Те, кто жаждал обогатиться знаниями, становились его учениками. Их, по преданию, насчитывалось 3 тысячи. Это были люди разных возрастов и занятий из различных княжеств, навещавшие мудреца для назидательных бесед. Особенно близкими к Конфуцию, как сообщают источники, были 72 ученика, из которых 12 оставались при нем почти безотлучно.

Для своего времени Конфуций отличался большой образованностью и разносторонними познаниями. Его учение изложено в книге «Луньюй» («Рассуждения и беседы»), текст которой представляет собой запись изречений и бесед мудреца с его ближайшими учениками и последователями. Кроме того, ему приписывают участие в составлении ряда классических книг: «И-цзин» («Книга перемен»), «Шу-цзин» («Книга истории») и летопись «Чуньцю» («Весна и осень»). Хотя современная наука подвергает сомнению авторство и редакторскую работу Конфуция по отношению к большинству этих сочинений, однако не исключается его участие в создании летописи «Чунь-цю».

«Конфуций, – писал известный китайский историк Фан Вэньлань, – действительно был крупнейшим мудрецом феодального общества, великим представителем древней культуры Китая».

Умер Конфуций в возрасте 72 лет в 479 г. до н. э. в Цюйфу. На месте его дома был построен храм, который затем неоднократно перестраивался и расширялся. Постепенно был создан храмовой ансамбль, а место погребения мудреца и его учеников превращено в пантеон.

Пантеон Конфуция и его учеников, занимающий более 20 гектаров, представляет собой группу зданий, разделенных квадратными двориками и насаждениями. Там много каменных и деревянных ворот с поучительными надписями такого рода: «Ворота, ведущие к святости»; «Ворота высшего совершенства»; «Ворота добродетели». У ворот установлены каменные статуи львов и мифических животных, охраняющих храм от злых духов.

Главное здание храма Конфуция – Дворец высшего совершенства (Дачандянь). Здесь, в центре зала, находилась статуя самого мудреца, сидящего со сложенными руками – в них дощечка для записей, с которой он отправлялся на доклад к правителю. На пьедестале надпись следующего содержания: «Самый святой, одаренный даром духа». Справа и слева от статуи размещены скульптурные изображения наиболее известных учеников и последователей Конфуция. На переднем плане стоят жертвенные столы с курительницами и подсвечниками.

Храм Конфуция сооружен в стиле императорского дворца: со всех сторон он обнесен красной стеной с четырьмя башнями по углам. Главные здания храмового ансамбля располагаются последовательно одно за другим на одной линии с юга на север, а другие постройки симметрично стоят на восточной и западной сторонах от них. Планировка всего храма отличается строгостью и в то же время ориги-

нальностью. Начиная с первых ворот, Линсинмынь, по осевой линии одна за другой расположены постройки Куйвэньгэ, Юйбэйтин, Синтань, Дачандянь, Циньдянь и Шэнцзидянь. Самую высокую точку на этой линии занимает павильон Дачандянь, где находилась статуя Конфуция. Дачандянь – главный павильон, где совершались жертвоприношения Конфуцию. Он был возведен в начале XII в. и реконструирован в 1724 г. В просторном дворе между восточной и западной постройками возвышается площадка, окруженная двумя рядами балюстрад, перед ней красуется изящная, в виде беседки квадратной формы, постройка Синтань, ведущая к главному павильону.

В зале павильона имеется 32 колонны из малахита диаметром в метр каждая, весь потолок покрыт орнаментами с золотыми драконами. 28 других обвитых рельефными изображениями драконов каменных колонн под карнизом выполнены необычайно искусно. Павильон Дачандянь с расписными балками и стропилами, ярко-красными воротами и огненно-золотой черепицей (типичное для Цинской эпохи строение) предстает во всем своем блеске и величии. Статуя Конфуция в Дачандяне не сохранилась. Теперь в нем экспонируются древняя жертвенная утварь и музыкальные инструменты.

Храмовой мемориальный ансамбль Конфуция состоит из 9 двориков общей длиной больше километра и площадью свыше 210 тысяч квадратных метров. Он включает 466 построек – павильоны, залы, беседки, крытые галереи и т. д.

Павильон Циньдянь, где совершали жертвоприношения жене Конфуция, построен с необычайной роскошью. В павильоне Шэнцзидянь, возведенном

при Минской династии, хранится 120 камней с вырезанными на них картинами, воспроизводящими жизненный путь Конфуция; здесь же стелы с каллиграфией известных древних художников Гу Кайчжи, У Даоцзы и др.

В храме Конфуция собраны замечательные произведения древней архитектуры, скульптуры, живописи и резьбы на камне, демонстрирующие большой талант китайских мастеров.

Рядом с храмом и усыпальницей был построен дом для потомков Конфуция, в котором столетиями жили в довольстве и благополучии многие поколения его родственников.

В 555 г. император особым указом повелел возвести в каждом городе храм в честь Конфуция для регулярных жертвоприношений. Вначале на главном алтаре таких храмов стояли поминальные таблички с именем Конфуция. Затем таблички были заменены скульптурами.

Храмы Конфуция, возведенные в городах, представляли собой нечто вроде двора с двумя помещениями для жертвенных предметов, ритуальной утвари и омовений. Такой двор окружала красная кирпичная стена с парадным входом. Главный храмовой зал предназначался для чествования самого Конфуция, а в пристройках находились поминальные таблички или статуи его учеников и последователей. На воротах храмов висела стереотипная надпись: «Учитель и пример для десяти тысяч поколений, равный небу и земле». В городских храмах Конфуция совершали обязательные поклонения и жертвоприношения претенденты на получение ученых степеней и чиновничьих должностей.

При династии Тан (618–907) Конфуцию был

присвоен почетный титул «первый святой». При династии Сун (960–1279) был установлен обряд поклонения на могиле мудреца. Позднее Конфуций был удостоен титула «наставник государства». При династии Мин (1368–1644) его называли «совершеннейшим, мудрейшим, прозорливейшим, доблестнейшим учителем», «великим учителем нации».

Последним важным проявлением почитания Конфуция был обнародованный вдовствующей императрицей Цыси в 1906 г. указ, согласно которому «средние жертвоприношения», установленные ранее в честь мудреца, были заменены «великими жертвоприношениями». Это предполагало обязательное присутствие императора при чествовании памяти Конфуция.

Дважды в год, весной и осенью, императоры последних династий чествовали древнего мыслителя в пекинском храме Конфуция. В течение нескольких дней перед церемонией император и сановники, принимавшие участие в чествовании, соблюдали строгий пост. В день церемонии они приходили в храм, совершали омовение, облачались в жертвенные одежды и затем приносили жертвы, произнося восхваления: «Ты велик, о совершеннейший мудрец! Твоя добродетель беспредельна; твое учение совершенно. Среди смертных тебе не было равных. Все правители тебя почитают. Твои изречения и узаконения со славой признаются. Ты – образец служения императору. Жертвенные сосуды благоговейно выставлены. Проникнутые почтением, мы бьем в гонги и колокола». Во время церемоний играла музыка, исполнялись песни и ритуальные танцы.

Чествование духа Конфуция было особенно пышным в последние годы династии Цин. В Лет-

нем дворце – резиденции вдовствующей императрицы Цыси – находился богато обставленный Храм Конфуция. Его алтарь украшали изящно сделанные вазы, бронзовые сосуды, чаши, наполненные пеплом, свежие цветы и фрукты. Перед алтарем стоял стол с изображением дракона, а на нем – жертвоприношения: просо, мясо и вино. Зал освещался свечами, установленными в серебряных подсвечниках, и красочными фонарями.

Цыси, император Гуансюй и его жена в сопровождении чиновников и евнухов под монотонные звуки барабана направлялись в Храм Конфуция. Перед алтарем раскладывали желтые подушечки для императорских особ. Цыси становилась на колени и отвешивала три земных поклона, ее примеру следовали император Гуансюй и его жена. Чиновники и евнухи делали то же самое, но вне храма.

После земных поклонов для Цыси приносили желтый стул, а остальные стояли на коленях до окончания церемонии. Священнослужители совершали несколько земных поклонов и освящали жертвоприношения, находившиеся перед алтарем. Один из монахов читал нараспев обращение к Конфуцию, написанное на длинном свитке. После этого церемония продолжалась уже во дворе храма. Под звуки старинных гимнов свиток с обращением к Конфуцию и жертвоприношения клали в большую железную жаровню и сжигали, а вино, налитое в специальные сосуды, возливали на пламя.

В конце XIX в., по официальной китайской статистике, в стране насчитывалось 1560 храмов, посвященных Конфуцию, где одновременно размещались и экзаменационные залы. Ежегодно во все храмы доставляли жертвоприношения (затем их раздавали молящимся) примерно в таком количе-

стве: 62 600 свиней, кроликов, овец и оленей и 27 тысяч кусков шелка.

Крушение маньчжурской династии Цин не привело к упразднению обрядов преклонения перед Конфуцием. Правительство Китайской Республики после 1912 г. отменило жертвоприношения в честь неба, солнца и луны, однако сохранило ритуал чествования духа Конфуция.

Авторы книги «Лунный год» Д. Бредон и Д. Митрофанов были свидетелями церемонии, которая проводилась в пекинском храме Конфуция в 1926 г. Приведем в сокращенном виде их рассказ.

«Одетые в темно-синие халаты и головные уборы времен Конфуция, служители культа медленно поднялись по ступенькам мраморной лестницы, ведущей в Зал великого совершенства, и по указанию руководителя церемонии заняли предназначенные для них места. Рядом расположились музыканты со старинными инструментами. Здесь можно было увидеть цин, представляющий собой звонкий каменный гонг, висевший на стене, лютню с шелковыми струнами, свирель из бамбуковых трубочек, набор колоколов, цимбалы, цилиндрические колокольчики, особый кларнет, флейту, металлические кастаньеты и различной формы барабаны. Все, что использовалось для проведения церемонии, призвано было создать атмосферу торжественности».

«Нас, – пишут авторы, – окружала благоговейная тишина, и было такое впечатление, что мы стоим на таинственном ковре, уносящем присутствующих в глубь веков, к временам Конфуция, который так любил золотой век легендарных правителей, поразивших его воображение. Желтые черепицы, украшавшие большой зал, памятные таблички с записями о победах маньчжурских им-

ператоров Цяньлуна и Канси и о выдающихся деяниях ученых, каменные барабаны со старинными китайскими надписями – все напоминало о прошлом.

Когда руководитель церемонии взошел на Лестницу дракона, раздалось пение хора мальчиков, стоявших за мраморной террасой: "О Конфуций, Конфуций! Как велик Конфуций!"

По специальному знаку монахи приступили к молебствиям. В это же время на различных музыкальных инструментах был исполнен первый гимн, начинавшийся словами „Принимаем духа". И как будто бы дух самого Конфуция, большого любителя музыки, спустился под своды зала и стал участником церемонии.

Но вот музыка смолкла. Мэр города Пекина вошел в большой зал, где помещались поминальные таблички Конфуция и его учеников, застыл в молчании, опустив голову в знак почтения перед совершаемым актом. Затем он приблизился к алтарю, на котором были разложены жертвоприношения – свинина, баранина, зерно, фрукты, растительное масло и вино. Для каждого вида жертв была составлена специальная молитва, которая произносилась монотонно, нараспев. Аромат курительных свечей разнесся по всему залу. И вновь звуки музыки нарушили торжественную тишину. Когда церемония окончилась, жертвоприношения были вынесены во двор, где их сожгли на железных жаровнях. Дух Конфуция был одарен также нефритом и шелковыми материями. В торжественной тишине был сожжен текст молитвы, обращенной к мудрецу. В этот момент все присутствующие низко склонили головы. Руководитель церемонии сошел вниз по ступенькам Лестницы дракона и покинул зал под

звуки детских голосов: "„О Конфуций, Конфуций! Как велик Конфуций!"»

Такие же церемонии, но менее пышные, проводились и в других городах под руководством местных властей. Даже в школах дважды в год отмечалась память Конфуция: школьники вместе с учителями склонялись перед поминальной табличкой духа мудреца или его изображением и возжигали в его честь фимиам. Так чествовали Конфуция и в гоминьдановском Китае.

П. Россов в книге «Религиозные воззрения китайцев», изданной в 1907 г., замечает: «В поклонении памяти Конфуция, совершаемом по официально установленному ритуалу, отнюдь не следует усматривать каких-либо признаков идолопоклонства. Моления совершаются перед табличкой, означающей имя философа, носят характер прославления и чествования памяти великого человека. Причем он сам божеством не признается, и обряды, совершаемые в честь его, отнюдь не имеют значения умилостивительных жертв».

* * *

Конфуций жил в смутное время, когда Китай потрясали внутренние распри и войны. Династия Чжоу, основанная в XII в. до н. э., переживала период междоусобиц. Китай оказался разделенным на многочисленные княжества, которые лишь номинально объединялись центральной властью правителя династии. Владетельные князья вели между собой нескончаемые войны, стараясь расширить свои земли за счет соседей. Народ страдал от налогов и поборов.

Убежденный, подобно многим его современникам, что владетельные князья забыли высокие

принципы, которыми якобы руководствовались древние правители, мудрец поставил себе целью воскресить эти принципы. Тем самым он рассчитывал вернуть владетельным князьям утраченный престиж и влияние, улучшить нравы и сделать народ счастливым.

Конфуций считал себя хранителем и толкователем мудрости древних, которые служили примером для подражания. К их числу относились легендарные правители Яо, Шунь и Юй. Народные сказания о благодетельных деяниях этих правителей передавались из поколения в поколение.

Отличаясь стремлением к общественному долгу и бескорыстием, Яо просвещал народ, проявлял человеколюбие, утверждал начала гражданственности и законности. Во время его царствования не затворяли двери домов, а потерянные вещи всегда возвращались их владельцам.

Яо жил в хижине, крытой грубым камышом. Столбы и балки в ней были сделаны из неотесанных стволов, подобранных в горах. Питался он отваром из диких трав и рисовой кашей, носил грубую одежду из пеньки, а в холодное время – накидку из оленьей шкуры. Посудой ему служили глиняные чашки. Если в стране был кто-нибудь голоден, Яо обязательно говорил: «Это я виноват, что он голоден». Если в стране у кого-нибудь не было одежды, Яо обязательно говорил: «Это я виноват, что ему нечего надеть». Если в стране кто-нибудь совершал преступление, Яо обязательно говорил: «Это я довел его до преступления». Он брал на себя ответственность за всех.

Управляя страной много лет, Яо постепенно старел. Его сын не отличался способностями, и Яо не хотел, чтобы после его смерти народ страдал из-за

его непутевого сына. Поэтому он, приближая к себе способных людей, искал среди них самого мудрого, чтобы уступить ему престол. Таким оказался Шунь. В юности он прославился особым почтением к родителям, овладел мастерством земледельца, рыбака и гончара.

Старейшины говорили Яо, что Шунь достоин избрания на пост правителя, ибо он мудр, отличается сыновней почтительностью и обладает талантами. Тогда Яо отдал Шуню в жены двух своих дочерей и поселил его вместе со своими девятью сыновьями, чтобы убедиться, действительно ли Шунь так талантлив, как о нем говорят. Яо подарил ему одежду из тонкой пеньки и цитру, приказал соорудить для него несколько амбаров и наделил его стадом коров и овец. Так Шунь сделался зятем правителя, знатным и богатым человеком, а затем и правителем.

Шунь, как и Яо, царствовал несколько десятков лет и сделал, как говорили, многое для блага людей. Потом он, подобно правителю Яо, передал трон не своему сыну, увлекавшемуся лишь пением и танцами, а Юю, который прославился тем, что усмирил небывалый потоп. Согласно легенде, при борьбе с наводнением Юй сам трудился с корзиной и лопатой. Он шел впереди, не обращая внимания на ветер и дождь, и вел за собой весь народ. Он расчищал реки, прокладывал протоки и наконец победил потоп, причинивший столько бед. Своими деяниями Юй завоевал любовь и уважение людей.

Конфуций в своих проповедях всегда ставил в пример легендарных правителей Яо, Шуня и Юя, призывая своих современников учиться у них, подражать им во всем. О себе он говорил: «Я толкую, но не создаю. Я верю в древность и люблю ее». И

еще: «Учение мое не что иное, как учение, которое преподали и оставили нам древние. К учению этому я ничего не прибавляю, ничего от него не отнимаю, но передаю его в первоначальной чистоте. Учение это неизменно – само небо создатель его. Я сам уподобляюсь только земледельцу, который бросает зерно в землю и поливает его, но который сам по себе не имеет силы заставить посеянное зерно пустить ростки и принять формы растений иного рода».

Конфуций понимал, что в обществе существует социальное неравенство, разделение людей на высших и низших, богатых и бедных. Но как покончить с несправедливостью? Этого можно достичь путем морально-этического воспитания людей, независимо от их социального положения, путем внутреннего совершенствования личности. Если угнетатель и угнетенные, эксплуататор и эксплуатируемые, правитель и его подданные будут придерживаться установленных морально-этических принципов, следовать примеру легендарных правителей Яо, Шуня и Юя, то на земле, согласно учению Конфуция, восторжествуют гармония и справедливость.

Раннее конфуцианство пыталось решать социальные проблемы не экономическими средствами, а с помощью морализаторских поучений и строжайшего соблюдения этических догм. Широкое распространение среди конфуцианцев получило такое утверждение: «Умереть с голоду – событие маленькое, а утратить мораль – большое».

По учению Конфуция, знатные люди мудры и самим небом наделены властью; простолюдины глупы, поэтому их удел работать на полях и кормить благородных господ – таковы исходные классовые

посылки его этико-политического учения. А чтобы простолюдины не возмущались своим тяжелым положением, их следует воспитывать в духе покорности. Идея покорности пронизывает все конфуцианские догмы: сын подчиняется отцу, жена – мужу, нижестоящий чиновник – вышестоящему, а все вместе – правителю. Эта идея нашла свое отражение в понятии «преданность» (чжун).

Согласно конфуцианскому учению, китайское общество делилось на «благородных мужей» (цзюньцзы), обладающих высокими морально-этическими качествами, и «ничтожных людей» (сяожэнь), управляемых этой элитой.

Духовную основу всех качеств «благородного мужа» составляет учение о «великой морали» (да дэ), имеющей «небесное происхождение». Небо в состоянии наградить человека совершенными качествами, которые и воплощены в «благородном муже»: он стоит на страже «небесной воли», чтобы ее не могли нарушить остальные люди, не наделенные этими качествами.

Созданный Конфуцием абстрактно-утопический идеальный образ – «благородный муж», наделенный качествами человека честного и искреннего, прямодушного и бесстрастного, все видящего и понимающего, осмотрительного в речах и осторожного в делах. Относясь безразлично к богатству, жизненным удобствам и материальным выгодам, «благородный муж» всего себя посвящал высоким идеям, служению людям, поискам истины. Как эталон морального и этического совершенства, он призван был служить образцом поведения для всех.

«Благородный муж» наделялся пятью добродетелями: человеколюбием (жэнь), долгом (и), норма-

ми поведения (ли), знанием (чжи), верностью (синь) и, кроме того, еще одним обязательным качеством – сыновней почтительностью (сяо). Заметим, что русский перевод пяти добродетелей весьма условен: каждая из этих категорий конфуцианской этики слишком емкое понятие, чтобы его можно было выразить одним словом.

Существо пяти добродетелей состоит в следующем.

Человеколюбие (жэнь) в широком смысле слова включает совокупность этических и социальных принципов взаимоотношений между людьми: милосердие, сдержанность, скромность, доброту, сострадание, любовь к людям, альтруизм и другие высокие нравственные качества.

Принцип жэнь был выдвинут Конфуцием прежде всего для урегулирования отношений внутри господствующего класса: знатные люди в отношениях между собой должны проявлять любовь и солидарность. Человеколюбие недоступно простолюдину. «Есть благородные мужи, – говорил философ, – которые не обладают человеколюбием, но нет ничтожных людей, которые обладали бы человеколюбием».

Жэнь синтезирует в себе идеальные качества, которыми якобы были наделены легендарные правители Яо, Шунь и Юй. Конфуций призывал современников брать с них пример и руководствоваться жэнь, т. е. стремиться к нравственному совершенствованию. Все добродетели человека, считал он, происходят от жэнь – основного принципа, на котором базируется здание общества.

Долг (и). Высший закон жэнь материализуется в жизни посредством долга, и. Само понятие «и» многозначно. Оно суммирует определенные моральные

ные обязательства, которые добродетельный человек добровольно на себя принимает.

Нормы поведения (ли) составляют основу основ учения Конфуция. Они включают такие понятия, как «церемонии», «благопристойность», «правила этикета», «обряды». Но и все эти понятия, вместе взятые, лишь приблизительно передают значение ли.

Экономические отношения, которые лежат в основе любых отношений между людьми, подменялись Конфуцием морально-этическими категориями, воплощенными в ли.

По представлениям конфуцианцев, человек в своих действиях не должен исходить из собственных моральных позиций, не должен поддаваться естественным порывам: гневу или радости, любви или ненависти. Он обязан неизменно исходить из предписанных Конфуцием моральных догм, какие бы страдания это ему ни доставляло.

Под конфуцианским девизом «преодолей себя, восстанови ритуалы» (кэ цзи фу ли) личность растворялась в обществе: человек лишался индивидуальности, во всем следуя морально-этическим нормам, выработанным еще в древности. Не имея самостоятельной моральной ценности, человек рассматривался как безликий винтик системы общественных отношений.

Принципом ли регламентировались взаимоотношения между людьми, нормы поведения человека в обществе. Китайский этикет исходил из того, что извечно и неизменно существуют три вида отношений: правителя и подданных, старшего и младшего, отца и сына. И хотя отношения между старшим и младшим, отцом и сыном, казалось бы, лишены классового содержания, однако по суще-

ству все эти догматы конфуцианства были призваны сохранить на века патриархальную семейную и социальную систему во главе с «просвещенным и совершенным правителем».

Знание (чжи). Этико-политическое учение Конфуция не базируется на какой-либо теоретико-познавательной основе. Вопрос о знании и его источнике Конфуций сводил к изучению древних книг и заимствованию опыта предков. Основным методом получения знаний он считал обучение, а источником их – древние предания и летописи. Вот почему конфуцианцам всегда было чуждо критическое осмысливание прежнего и нового опыта развития общества, а естественные науки вообще не принимались ими во внимание. Знания приобретались только посредством усвоения традиционных установлений, изречений и подражания авторитетам, т. е. древним «совершенномудрым» правителям. Всякое новое явление оценивалось с позиции старого опыта и подгонялось под старое.

Понятно, что при такой постановке вопроса китайская старина идеализировалась и рассматривалась вне классовых позиций. Омертвение традиций пытался законсервировать прежде всего господствующий в стране класс, исходя из своих интересов. И все же культ старины глубоко проник в сознание различных классов и сословий Китая.

Конфуцианское учение стало оплотом консерватизма, серьезным препятствием на пути развития науки и освобождения личности в Китае.

Верность (синь). Верность подданного, основанная на покорности и искренности по отношению к правителю, является неотъемлемым элементом этико-политического учения Конфуция.

«Благородному мужу», обладающему пятью

добродетелями, противопоставлялись «ничтожные люди», лишенные этих качеств. Это, в трактовке конфуцианцев, безликая, серая, неграмотная и некультурная масса, не понимающая «веления неба». «Ничтожный человек», по конфуцианским понятиям, стремится к удовлетворению своих низменных, грубых страстей и потребностей; его не интересуют высокие идеалы, в то время как «благородный муж» постоянно совершенствуется.

На первый взгляд, деление общества на «благородных» и «ничтожных» основано не на социальном положении людей, а на морально-этических ценностях. Не знатное происхождение и имущественное положение давали право человеку называться «благородным мужем», а образование и высокие моральные качества, которые приобретались в результате длительного обучения и воспитания. Фактически же в этом делении на «благородных» и «ничтожных» лежал чисто классовый подход, ибо путь к «благородству» оказывался доступным лишь эксплуататорам.

Древние конфуцианцы учили: «человек по своей природе склонен к добру; люди рождаются с добрыми наклонностями и по природе своей одинаковы; различаются же они только вследствие своих привычек – если не учить человека, то его добрая природа извратится». Почему же, когда человек становится взрослым, у него появляются дурные наклонности? Конфуций и его последователи объясняли это не социальной средой, а отсутствием должного морально-этического воспитания.

Противоположность между «благородным мужем» и «ничтожным человеком», сколько ее ни рассматривать в морально-этическом плане, была порождена социальными причинами. «Ничтожным

человеком» всегда оказывался простолюдин, крестьянин, а «благородным мужем» – представитель эксплуататорского класса: народ, мол, глуп и не понимает, что ему нужно; только «благородный муж» в состоянии понять нужды народа и удовлетворить их. Конфуций поучал «благородных мужей»: «Народ можно заставить следовать за собой, но нельзя заставить его знать – для чего». Из этого следует, что народ – темная масса, неспособная к самостоятельным действиям.

Помимо пяти добродетелей краеугольным камнем конфуцианства была сыновняя почтительность (сяо). Согласно конфуцианскому учению, существуют пять основных видов взаимоотношений между людьми: отношения между императором и чиновниками; между отцом и сыном; между старшим братом и младшим братом; между мужем и женой; между друзьями. Но главное место среди этих пяти видов отводится сыновнему благочестию.

Дети не только обязаны исполнять волю отца и матери и верно служить им, но и должны любить их всем сердцем, должны быть преданы им всем своим существом.

Если человек не любит родителей, если не признает сыновних обязанностей, он – существо ненормальное. Не любить и не почитать отца и мать – это все равно что сознательно сократить или погубить свою жизнь.

Идея Конфуция о сыновней почтительности трактуется во множестве книг. Наиболее популярным нравоучением для молодого поколения считалась появившаяся впервые в VII в. н. э. книга «24 примера сыновней почтительности». Она представляет собой сборник поучительных примеров беззa-

ветного служения сыновей своим родителям. Приведем один из них.

Во времена династии Хань (II в. до н. э.) жил в страшной бедности некто Го Цзюй. У него был трехлетний сын. Мать Го Цзюя вынуждена была делить свою скромную порцию пищи с внуком. Как-то Го Цзюй сказал жене: «По бедности я не могу должным образом содержать мать, и она разделяет свою еду с нашим сыном. Почему бы нам не закопать сына в землю? У нас родится другой сын, но если умрет мать, то никто ее не заменит». Жена не осмелилась возразить мужу, и Го Цзюй немедленно отправился в поле, выкопал яму, куда хотел закопать сына. На дне ямы он обнаружил котел с золотом, на котором была такая надпись: «Небо дарует Го Цзюю это золото за сыновнее благочестие: ни власти, ни соседи не должны отнимать у Го Цзюя этого сокровища». Отец, обрадованный такой неожиданной находкой, поднял сына со дна ямы и вернулся домой: теперь у него было достаточно средств, чтобы обеспечить хорошим питанием всю семью.

В феодальном Китае получили широкое распространение такого рода сентенции: «Недостоин имени сына тот, кто любит другого человека более, нежели своего отца»; «Когда сын спасает жизнь отца, теряя собственную, – это самая счастливая смерть»; «Любовь подданных к государю равносильна любви к родителям»; «Всякий злодей начал с того, что стал дурным сыном» и т. д.

Принцип благочестия распространялся не только на отцов и детей, но и на общество в целом: на отношения между императором и министрами; между местным чиновником (которого называли «отцом и матерью» его подопечных) и населением данного района. Сыновнее благочестие отражало

Поклонение Конфуцию в школе

переплетение феодальных общественных отношений с остатками патриархальных норм, поэтому оно затрагивало как семейные узы (непротивление отцу), так и общественные отношения (непротивление императору). Одно из конфуцианских поучений гласит: «Государство управляется через сыновнюю почтительность».

Конфуций жил в классовом обществе, поэтому его нравственные наставления выражали прежде

всего интересы класса, который он представлял, – наследственной аристократии. На смену ей приходил в то время новый правящий класс – феодалы-землевладельцы. Восстановить былое господство наследственной аристократии, по мнению Конфуция, можно было, соблюдая «нормы поведения» (ли). С этим связана выдвинутая им идея «исправления имен» (чжэн мин).

Если раскрыть содержание понятия «исправление (или выправление) имен», то оно сводится к следующему: каждый человек должен занять в обществе определенное ему положение и соразмерить свои поступки, исходя из этого, т. е. должен иметь свой «статус» в обществе – быть либо правителем, либо князем, либо сановником, либо чиновником, либо простолюдином.

«Исправление имен» было призвано восстановить и укрепить в китайском обществе иерархическое деление, которое ко времени Конфуция было серьезно подорвано. «Благородный муж, – учил мудрец, – проявляет осторожность по отношению к тому, чего не знает. Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться, то ритуал и музыка не процветают. Если ритуал и музыка не процветают, то наказания не применяются надлежащим образом. Если наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести».

Политический принцип «исправления имен» объективно преследовал цель сохранить вековую иерархию в обществе, обосновать правомерность привилегированного положения господствующего класса.

Важную роль в конфуцианстве имеет культ неба. Последнее рассматривается как высшая целенаправленная сила, определяющая судьбу всех жителей Срединного государства – от простолюдина до правителя. Представление о божественности неба существовало и до Конфуция, но в его учении оно получило обобщение и дальнейшее развитие.

Небо, по убеждению древних, – всемогущая сила, олицетворение разума и высшей справедливости. Но кто же исполняет повеления неба на земле, кто достоин от имени неба регулировать отношения между людьми? Таким «представителем» неба на земле считался правитель, наделенный всеми качествами «благородного мужа». Об этом в конфуцианской книге «Шу-цзин» говорилось: «Небо, давая жизнь людям, дало им и страсти. Если бы люди остались без управителя, то произошли бы смуты – вот почему небо породило высокоразумного человека, который в состоянии в должное время сделаться правителем».

Таким образом, Конфуций и его последователи обожествляли власть правителя. Он считался не только «уполномоченным» неба на земле, но и посредником между миром людей и миром духов и божеств. Только он имел право непосредственно от имени всего народа обращаться к небу.

Большое внимание в конфуцианском учении уделяется отношениям между правителем и народом. В основе представлений об этом лежит одна идея: правитель – думающая личность, а его подданные – серая, безликая масса, призванная слепо ему повиноваться. Конфуций не верил, что простой народ в состоянии познать его учение. «Ничтожный человек, – говорил он, – не способен познать веление неба и не боится его, он презирает великих лю-

дей и оставляет без внимания речи совершенномудрых».

В конфуцианской книге «Цзя-юй» отношения между правителем и народом уподобляются отношениям «между всадником и лошадью». «Всадник» – это правитель, наделенный великой мудростью, а «лошадь» – народ, неспособный к самостоятельным поступкам. Правитель управлял народом не непосредственно, а при помощи «узды» и «вожжей» – чиновников и законов. «Древнее правление, – говорилось в названной книге, – было таково. Сын неба считал придворных вельмож своими руками, добродетель и закон – уздой, чиновников – вожжами, уголовные наказания – стимулом, народ – лошадьми. Чтобы хорошо управлять лошадьми, нужно правильно их взнуздать, нужно ровно держать вожжи и вовремя прибегать к стимулу, следует соразмерять силы лошадей и наблюдать за согласным бегом последних; при этих условиях правителю можно не издавать ни одного звука, вовсе не хлопать вожжами и не подстрекать стимулом – лошади сами собой побегут». Сравнение трудового народа с лошадью само говорит за себя: назначение «благородного мужа» – повелевать, удел «ничтожного человека» – повиноваться.

* * *

Древнее конфуцианство, выработанное Конфуцием и его последователями в V–III вв. до н. э., возникло и развивалось в период острой идейной борьбы в китайском обществе.

Серьезным противником конфуцианства была школа фацзя – так называемых законников, или легистов. Ее представителями были легисты Гуаньцзы, Шэнь Бухай, Шан Ян и др.

Если древние конфуцианцы в основу управления государством и народом стремились положить морально-этические принципы, исходя при этом из «воли неба», то легисты во главу угла ставили законы и строгие наказания, а также принципы оглупления народа. Их идеалом была сильная государственная власть, деспотия.

Взгляды легистов наиболее полно были изложены в трактате «Книга правителя области Шан», составленном примерно 2300 лет тому назад. Его автор Шан Ян, видный мыслитель и государственный деятель IV в. до н. э. высказал суждение о том, как лучше повелевать народом и управлять государством. Для успешного управления страной, поучал он, необходимо прибегать к силе и законам, творцом которых является монарх; законы не подлежат обсуждению и обязательны для всех. Монарху нужен «темный люд», необразованный народ; знание – источник коварства. Шан Ян говорил: «Если люди глупы, их легко принудить к тяжелому труду, а если умны, то принудить нелегко»; «Если управлять людьми как добродетельными, то неизбежны смуты, и страна погибнет; если управлять людьми как порочными, то тогда утвердится образцовый порядок».

Легисты восхваляли войну как универсальное средство для решения всевозможных проблем. Они видели в войне важнейшее средство укрепления экономического могущества страны и политической власти монарха. Шан Ян говорил, что «ежели войной можно уничтожить войну, то позволительна даже война; если убийством можно уничтожить убийство, то разрешается даже убийство».

Легизм стал духовным знаменем основателя первого китайского централизованного государства

Цинь Шихуана. Его имя в сознании китайцев ассоциируется с жестокостью, произволом и бесчеловечностью. Ведя борьбу против конфуцианского учения, он повелел заживо закопать 460 конфуцианских ученых и сжечь большинство конфуцианских книг.

Укрепление новой могущественной знати и объективно существовавшая тенденция к централизации страны способствовали утверждению принципов легизма в первой китайской империи Цинь (III в. до н. э.). Однако конфуцианские постулаты послушания, покорности, строжайшего соблюдения иерархии и др. нужны были и правителям единой империи, поэтому во II в. до н. э. при династии Хань создается официальная конфуцианская доктрина, включившая элементы доктрины легистов и других древних школ и принявшая на вооружение идеал сильного государства с развитой системой законов и практику суровых наказаний, т. е. все атрибуты деспотического государства. Так во II–I вв. до н. э. появилось ортодоксальное, ханьское конфуцианство.

При династии Сун (X–XIII вв.) некоторые положения конфуцианства были обновлены философом-идеалистом Чжу Си (1130–1200). В основном это обновление свелось к усилению тех элементов, которые были выгодны господствующим классам. В период маньчжурской династии Цин конфуцианство в интерпретации Чжу Си было возведено в ранг официальной и единственной идеологии. Один из важнейших тезисов Чжу Си – «человеческая природа зависит от небесной воли», иначе говоря, деление людей на угнетенных и угнетателей предопределено волей неба и не может быть изменено.

На раннем этапе конфуцианство имело известное прогрессивное значение. Однако со временем,

впитав в себя многие положения других идеологических школ, в частности легизма, оно стало классической феодальной идеологией, в основе которой лежала идея строгой дифференциации общества. Строгая регламентация жизни и неизменность положения людей в обществе нужны были китайским феодалам, и именно поэтому конфуцианство как государственная идеология могло существовать в течение более двух тысячелетий.

Некоторые западные китаеведы пытаются идеализировать конфуцианство, рассматривают его как некое надклассовое явление, как порождение «китайского духа». Такой внеклассовый подход к оценке Конфуция и его школы далек от истины. При известном внешнем «демократизме» конфуцианства как морально-этического учения оно стояло на страже сословной иерархии и требовало строгой регламентации общественных взаимоотношений.

Конфуцианское учение имело свою прогрессивную, демократическую сторону – это учение о человеколюбии, но оно включало консервативные и реакционные догмы: идеализацию старины, обожествление Сына неба – императора, восхваление всего китайского и очернение всего некитайского и многое другое. Господствующий класс китайских феодалов взял на вооружение консервативную, реакционную сторону конфуцианства, поставив это учение на службу своим классовым интересам.

Этико-политические взгляды Конфуция и его последователей в форме ортодоксального конфуцианства легли в основу духовной жизни старого Китая. И какую бы сторону этой жизни ни рассматривать – взаимоотношения между людьми, воспитание и обучение, быт и нравы, обряды, привычки, – везде заметно влияние конфуцианских идей.

Каждый китаец во всем должен был руководствоваться конфуцианской моралью. Пусть он не мог прочитать сложных изречений в древних конфуцианских книгах – не это считалось главным. Главное состояло в воспитании любого человека в конфуцианском духе. «Учение Конфуция, – писал академик В. М. Алексеев, – пронизывая на протяжении веков всю общественную жизнь Китая, не могло не всосаться в кровь народа».

Конфуций был не придуманным людьми богом, а реальным человеком. И если другие религии обещали верующему блага в потусторонней жизни, то конфуцианство обращало внимание прежде всего на устройство жизни на этом свете.

Эксплуататоры видели в конфуцианстве залог соблюдения раз и навсегда данных устоев, сохранения установившихся в классовом обществе порядков, обеспечивающих повиновение нижестоящих вышестоящим. Жестокое угнетение китайских трудящихся прикрывалось конфуцианской проповедью строжайшей морали и любви к народу. Низы общества верили в человеколюбие, добродетель, справедливость, проповедуемые Конфуцием, поддерживали конфуцианский словесный протест против жестокости, алчности, лицемерия.

Большое место в проповедях Конфуция занимает культ китайской цивилизации, которая считалась древнейшей и самой совершенной, а потому служила примером для подражания всем – и китайцам, и некитайцам.

Многие китайские историки и социологи отмечали особую приверженность китайцев к старине. «На протяжении тысячелетий, – писал китайский социолог Шэнь Найчжэн в 1924 г., – лицо Китая было обращено к прошлому. Китайцы видели иде-

альный золотой век в древнем прошлом, когда, по их предположениям, народ был просвещеннее и устойчивее в моральном отношении и когда политические, экономические и социальные условия вполне соответствовали умственному и нравственному уровню народа. Китай настойчиво стремился к тому, чтобы возможно ближе подойти к этому идеализированному им положению вещей, и к достижению этой цели он в течение веков направлял все свои усилия».

Превратившись в идеологию класса феодалов, конфуцианство на протяжении многих веков служило моральным обоснованием дикой деспотии. Маньчжуры, завоевав Китай, не отвергли конфуцианского учения. Напротив, они приспособили его для укрепления своего господства. И хотя политика маньчжурских завоевателей расходилась со многими конфуцианскими наставлениями, это нисколько их не смущало. Им важно было иное – в своих корыстных целях использовать моральный авторитет Конфуция, огромное влияние его учения на китайский народ.

Даосизм

В научном китаеведении отличают даосизм философский от даосизма религиозного. Это совершенно различные понятия.

Основоположником даосизма по традиции считают Лаоцзы, жившего в конце VII – начале VI вв. до н. э. Достоверных сведений о нем история не оставила. Его жизнь и деяния овеяны всевозможными легендами.

В короткой биографии Лаоцзы, помещенной в

«Исторических записках» Сыма Цяня (II в. до н. э.), он назван уроженцем царства Чу. Его имя Ли Эр, прозвище Дань. Философ якобы служил архивариусом при чжоуском дворе и встречался с Конфуцием. Однако сведения о нем настолько отрывочны и противоречивы, что среди ученых-историков вообще нет уверенности в реальности этого лица.

По значению и популярности Лаоцзы считают вторым после Конфуция философом Китая. Его учение изложено в знаменитом трактате «Даодэцзин», что означает «Книга пути и добродетели».

О появлении этой книги существует много легенд. Приведем одну из них. Лаоцзы решил совершить путешествие на черном быке через горный проход Ханьгу в западной части нынешней провинции Хэнань. Однако его слуга Сюйцзы отказался сопровождать философа дальше, требуя уплаты жалованья – по сто монет в день за все время службы. Поскольку они путешествовали уже двести лет, слуге причиталась огромная сумма. У Лаоцзы, понятно, денег не оказалось, тогда слуга пожаловался на него смотрителю заставы. Философ объяснил, что нанял слугу с условием, что уплатит ему чистым золотом лишь после прибытия в страну Аньси. А столь долго Сюйцзы служит потому, что, желая предохранить слугу от разрушительного действия времени, философ дал ему талисман бессмертия.

После объяснения со смотрителем заставы Лаоцзы позвал слугу к себе и, выразив недовольство его поведением, приказал ему наклонить голову. Тут-то изо рта слуги выпал на землю талисман с написанными на нем киноварью словами. Как только это случилось, слуга упал бездыханным и превратился в скелет – законы природы, действие

которых было приостановлено на двести лет, немедленно вступили в свои права.

Пораженный увиденным, смотритель заставы стал умолять Лаоцзы вернуть жизнь слуге, обещая расплатиться с ним своими деньгами. Философ сжалился, взял талисман и бросил его на скелет слуги – кости тотчас же соединились, обросли плотью, и через минуту слуга встал, не подозревая, что с ним происходило.

Расставаясь со смотрителем заставы, Лаоцзы оставил ему краткое изложение своего учения, до той поры никому не известную книгу «Даодэцзин», а сам на своем черном быке продолжал путь на запад.

«Даодэцзин» – небольшой трактат в двух частях – содержит суть философского учения Лаоцзы. Если судить по языку и стилю, этот трактат был создан примерно в IV–III вв. до н. э.

За долгие века даосизм вызвал много разноречивых толкований, о нем существует огромная литература. Мы, разумеется, имеем возможность познакомить читателя с этим учением только в самых общих чертах.

Главная категория философского даосизма – дао («путь») – понимается как всеобщий закон природы, как первопричина всего сущего, как источник явлений материальной и духовной жизни. Дао являет собой как бы общее понятие о закономерностях развития мира. Все, что существует, говорится в «Даодэцзине», произошло от дао, чтобы затем, совершив кругооборот, снова в него вернуться. Дао не только первопричина, но и конечная цель и завершение бытия.

Дао недоступно чувственному восприятию: то, что можно услышать, увидеть, ощутить, понять, –

это не дао. Никто не создал дао, но все происходит от него и возвращается к нему. Однако все, что порождает дао, проявляется через дэ («добродетель»), поэтому если дао – всеобщая сущность мира, то дэ – ее проявление в действительности.

Задача человека – познать дао, встать на путь «естественности», под которой имеется в виду «гармония мира» – слияние человека с природой. Несправедливость в обществе рассматривается как одно из нарушений гармонии. Своеобразным выражением протеста против несправедливости в обществе является отшельничество и аскетизм, иначе говоря – возврат к «естественности». Отшельники-даосы во все времена уединялись на лоно природы и стремились слиться с нею для постижения «гармонии мира».

Большое место в книге «Даодэцзин» уделено принципу «недеяния», который предписывает человеку отказаться от всякой деятельности, не вмешиваться активно в жизнь – она должна развиваться естественно, как бы сама собою. Конфуций верил в могущество человеческой природы, которая не сойдет с истинного пути, если должным образом будет направлена воспитанием. Лаоцзы же считал, что человеческая природа останется непорочной, будучи предоставлена самой себе. Этот тезис и явился основой доктрины «недеяния».

Лаоцзы порицал стремление к образованию, утверждая, что народом «легче управлять тогда, когда он глуп». В древние времена, говорится в «Даодэцзине», «умевший служить дао не просвещал народ, а оставлял его глупым. Трудно управлять народом, когда у него много знаний. Поэтому управление при помощи знаний – враг страны, а без их применения – счастье страны».

Заботой людей всех времен, сетовал Лаоцзы, было «сохранение тела и удовлетворение чувств» в ущерб духовному развитию. Однако все внешнее и чувственное обманчиво и преходяще. Мудрецу нет необходимости обобщать чувственный опыт, он может познать истину, законы природы и общества разумом, созерцанием, не прибегая к изучению фактов. «Не выходя со двора, – поучал Лаоцзы, – мудрец познает мир. Не выглядывая из окна, он видит естественное дао. Чем дальше он идет, тем меньше познает. Поэтому мудрый человек не ходит, но познает. Не видя вещей, он называет их».

* * *

Чрезмерное возвышение универсального абстрактного закона мироздания (дао) и отрыв его от материальной основы жизни, созерцательное отношение к окружающей действительности, непомерное преувеличение роли рационального элемента и третирование чувственного элемента в познании – эти идеалистические черты в учении Лаоцзы заложили основы для перерождения даосской философии в религию.

Как уже говорилось, конфуцианство, будучи официальной государственной идеологией, имело дело главным образом с социальными и семейными отношениями. За пределами конфуцианского учения оставались различные элементы примитивных древних верований и культов китайского народа. Все эти древние верования, суеверия, обряды шаманов и гадателей вобрал в себя религиозный даосизм, а древний философ Лаоцзы в сознании верующих был превращен в божество, изображение которого обыкновенно выставлялось в храмах.

Религиозный даосизм, о котором мы поведем

Нефритовый император (Юй-хуан)

рассказ, оформился в целостное учение на рубеже нашей эры.

По представлениям даосов, всем миром сверхъестественных сил правит небесный Нефритовый император – высшее божество даосской религии. О его славных делах создано немало легенд. Одна из них рассказывает, что в глубокой древности китайский правитель и его супруга молились о даровании им наследника. После таких молитв супруга увидела во

сне Лаоцзы, сидящего верхом на драконе с младенцем на руках. Вскоре она разрешилась от бремени долгожданным сыном, который с детства проявлял милосердие, заботился о бедных, был добродетелен. Заняв царский престол, он через несколько лет уступил его одному из министров, а сам стал вести отшельнический образ жизни, лечить больных и размышлять о пути к бессмертию. Этот-то юноша и стал Нефритовым императором, владыкой рая и ада.

В его обязанность входило: искоренение всех грехов, соблюдение справедливости посредством наказания грешников при жизни и суда над ними после смерти, вознаграждение за добродетель и обещание радости в загробной жизни.

Простолюдины считали Нефритового императора человеческим воплощением неба, поэтому он пользовался большой популярностью в народе. В деревенских храмах, построенных на возвышенных местах, часто можно было видеть его изображение, которому фанатично молились крестьяне. Отец Нефритового императора, правитель Цзиндэ, олицетворял солнце, а его мать Баошэн – луну. Зеленые растения и красивые цветы символизировали их совместную жизнь. Не довольствуясь обожествлением видимых сил природы, даосская мифология создала священные горы, небесные и земные пещеры, где живут бессмертные святые.

Далеко-далеко, на крайнем западе, за песчаными пустынями, за непроходимым лабиринтом гор и ущелий, по которым мчатся покрытые белой пеной горные потоки, за бесконечными соляными болотами, в которых невозможна никакая жизнь, высятся громады гор Куньлунь. Эти горы, пустынные и дикие, без единого кустика и травки, поднима-

ются так высоко, что пронизывают несколько нижних небес.

Там, на горах, над девятью небесами, по преданию, обитает мать Западного неба богиня Сиван му, занимающая важное место в даосском пантеоне. Она проживает в прекрасном дворце из мрамора и нефрита, который окружен обширным садом, окаймленным золотым валом. Двенадцать высоких башен и зубчатые стены, сооруженные из ценных камней, предохраняли обитель от нечистой силы. В саду находились изумительной красоты фонтаны, но главной достопримечательностью сада были персиковые деревья; они плодоносили один раз в три тысячи лет. Такой плод даровал бессмертие тому, кто его отведает.

Богиня Сиван му

Это была обитель мужчин и женщин (бессмертных), которые обслуживали Сиван му. В соответствии с присвоенными им рангами они носили халаты разного цвета – голубые, черные, желтые, лиловые и светло-коричневые.

Супруга богини звали Дун Вангун – князь Востока. Жена «ведала» Западным небом и олицетворяла женское начало инь, а муж «ведал» Восточным небом и олицетворял мужское начало ян.

Дун Вангун, облаченный в лиловый туман, жил в Восточном небе во дворце, сделанном из туч. Один раз в год, в день рождения Сиван му, в ее дворце собирались боги. Бог счастья приходил в официальном халате голубого цвета; руки бога богатства были наполнены сокровищами; царь драконов – повелитель рек и морей и нефритового озера – приезжал на грозовой туче.

Во дворце богини их угощали необычными блюдами, изготовленными из медвежьей лапы, обезьяньей печенки, костного мозга птицы феникс. На десерт подавались персики бессмертия. Во время трапезы богов услаждали нежная музыка и изумительное пение.

Обычно Сиван му изображают прекрасной женщиной, облаченной в пышное одеяние и восседающей на журавле. Около нее всегда две девушки-служанки. Одна из них держит большой веер, а другая – корзинку, наполненную персиками бессмертия.

В пантеон религиозного даосизма входят почти все божества древнекитайских религий. В даосской религии так много святых, что их пришлось даже разделить на несколько классов: земные, живущие в уединении в горах; небесные, пребывающие в небесах и превосходящие всех других по силе и могу-

ществу; отшельники, которые хотя и отказались от всех земных и плотских соблазнов, но еще не достигли бессмертия; святые, которые живут на волшебных островах в Восточном море; демоны – бестелесные духи, нечто вроде призраков. Вообще всех бесплотных духов своего многонаселенного пантеона даосы подразделяют на небесных (главных) и земных (второстепенных).

Способ, посредством которого даосы рекомендовали избранным переходить от земного существования в мир духов, был прост: человек должен был оставить своих близких, уединиться в горы и там вести отшельнический образ жизни.

В даосской религии большое место отводилось так называемым святым людям (сянь-жэнь). Китайский иероглиф сянь («святой») состоит из двух элементов: «человек» и «гора», что означает: «человек, пребывающий в горах». Тому, кто задумал стать святым, нужно было выполнить три требования: очиститься душою, в совершенстве овладеть специальными гимнастическими упражнениями и, наконец, приготовить эликсир бессмертия.

Чтобы очиститься душою, следовало вести скромную жизнь в уединении, обычно в горах, воздерживаться от обильной пищи и предаваться мистическому созерцанию. Человек, который вел полуголодное существование, «питался» воздухом и отрекался от земных потребностей, обретал качества святого и приближался к миру духов: «кто питается овощами – становится сильным; кто питается мясом – становится храбрым; кто питается рисом – становится мудрым; кто питается воздухом – становится святым».

Существенный элемент даосской религии – учение о бессмертии. Символом человеческого счастья

китайцы издревле считали долголетие. Поздравляя кого-нибудь с днем рождения, ему преподносили различные амулеты долголетия. Самым распространенным из них было изображение персика. Иероглифу шоу («долголетие») придавалось мистическое значение. Этот знак наклеивали на стены и носили на груди.

Фантазия людей рождала самые невероятные предания о долголетии. В Древнем Китае получила распространение легенда о волшебных островах в Восточном море, где растет чудодейственная трава, которая делает человека бессмертным. Но достичь этих волшебных островов никто не мог, так как ветры не позволяли к ним приблизиться. Император Цинь Шихуан, поверив этой легенде, направил несколько тысяч юношей и девушек во главе с даосским монахом на поиски островов. Поиски оказались безуспешными. Но сама идея бессмертия по-прежнему привлекала пристальное внимание даосов и правителей Китая.

В каноническом даосизме проблема бессмертия трактуется примерно так. На человека воздействует огромное количество духов (36 тысяч), которые оказывают решающее влияние на развитие организма. Духи подразделены на группы, каждая из них наделена определенными функциями. Человек не прислушивается к этим духам, поскольку не знает об их существовании. И это приводит к преждевременной смерти. Только познав связь духов с соответствующими органами человеческого тела, можно добиться бессмертия. Нужно, чтобы духи не покидали тело и чтобы их сила росла. Когда духи добьются полной власти над телом человека, тогда оно «дематериализуется», и человек, став бессмертным, вознесется на небо.

Много потрудились алхимики в поисках эликсира бессмертия. Чем только не пользовались для его изготовления: киноварью (сернистая ртуть), серой, неочищенной селитрой, мышьяком, слюдой и т. д., а также каменным и персиковым деревом, золой от тутового дерева, различными кореньями и травами. Кроме того, в дело шли золотая и нефритовая эссенции, изготовленные из золота и нефрита с помощью мистических формул.

Для достижения бессмертия и неуязвимости необходимо было усвоить целый комплекс гимнастических упражнений, а также выучить заклинания. «Первая ступень святости» достигалась гимнастической тренировкой за сто дней, а «вторая ступень святости» – за четыреста дней.

Разработаны были различные приемы дыхания: как дышать подобно жабе, черепахе, аисту, которые живут дольше человека. Такие упражнения, по утверждению даосов, давали возможность духам в теле человека сосредоточиться на самих себе; отрешившись от всего земного, человек входил в соприкосновение со сверхъестественными силами. «Подобное раздвоение личности, – писал известный русский китаевед А. В. Рудаков, – на две части, материю и дух, с уничтожением всех точек соприкосновения их между собой должно прежде всего отразиться на теле индивидуума, который в этих случаях либо впадает в транс, либо приобретает вид как бы безумного».

По убеждению даосов, обильная пища способствует быстрому старению, поэтому, чтобы продлить жизнь, надо отказаться от мяса, пряностей, овощей, вина. Не рекомендовалось есть пищу, приготовленную из зерна: духи внутри тела не выносят резких запахов, образующихся от такой пищи,

и потому могут покинуть человека. Лучше всего вообще питаться собственной слюной. Слюна, по даосским верованиям, считалась живительным средством, которое дает силы человеку.

Однако даже самые фанатичные приверженцы даосской религии, прожив всю жизнь отшельниками, в конце концов умирали. Загробное их бытие представлялось даосам так. Когда кончается жизнь человека, на земле остается его тело, а душа, подобно фениксу, возносится ввысь – к бессмертию. С этого времени она становится духом и посещает небесные обители.

Существовало и другое поверье: духи уносят с собой на небо тело умершего даоса. В этом случае происходят таинственные превращения: благодаря выпитому чудесному зелью, принятым растительным пилюлям или заученной волшебной формуле тело даоса навечно становится неувядаемым.

Отведав эликсира бессмертия, даос вступает в вечную жизнь, ведет такое существование, которое не зависит от материальных законов, пребывает в прекрасных гротах на священных горах или на благословенных островах и т. д. Но это уже не смертный человек, а дух, свободный от воздействия земных сил.

После того как духи усопших мужчин и женщин обретали бессмертие, их физический облик даже через тысячелетия оставался таким же, каким он был в земной жизни. Духи поднимались выше облаков, переносились куда им заблагорассудится, но для постоянного обитания выбирали строго определенное место. Хотя на земле они появлялись в обычной одежде, но по выражению лица их сразу же можно было отличить от людей.

Мистика была душой даосской религии, и это проявилось, в частности, в использовании различного рода талисманов и амулетов. Их писали красной или черной тушью на узких полосках желтой бумаги и приклеивали над дверью, перед спальней, носили в волосах, хранили в семейных сундуках. Слева на таких полосках бумаги рисовали кабалистические знаки (сочетание различных линий и нечетко написанных иероглифов). Справа разъяснялось назначение талисмана и способ обращения с ним. Верующий не мог понять смысл кабалистических знаков, и это создавало атмосферу таинственности. «Заклинания на бумаге, которыми можно изгнать злого духа и вылечить болезнь, – писал великий китайский писатель-демократ Лу Синь, – держатся исключительно на таинственности письменности. Раз письменность является священной, то и знающие письменность стали святыми». И еще из Лу Синя: «Сила написанных заклинаний заключается только в том, что они похожи на письменность и к тому же никто, кроме даосских монахов, их не понимает».

Часто талисманы сжигали, образовавшийся пепел смешивали с какой-либо жидкостью и затем все это выпивали как микстуру, исцеляющую от болезней и предохраняющую от напастей.

Влияние религиозного даосизма на китайскую медицину сохранилось и поныне, и это выражалось в том, что суеверные люди главным средством лечения считали не лекарства, а магию. Практиковалось изготовление даосского снадобья из человеческого тела. Так, срезанные ногти превращали в порошок и употребляли при лечении кровотечения из носа. Перхотью лечили гонорею и тиф. Волосы сжигались, а оставшаяся смешанной с водой зола

употреблялась в качестве микстуры от кашля и детских конвульсий.

В провинции Гуанчжоу применялся «метод лечения петушиной кровью». Суеверные больные верили, что ею можно прогнать злых духов. В провинции Хубэй зафиксирован случай, когда молодая девушка Ли Цзефэн ела песок и землю, взятые из «священного места», – это якобы помогало при лечении глаз. В провинции Аньхой суеверные крестьяне откалывали куски камня от изображений животных неподалеку от древних гробниц, веря, что они обладают магической силой. Камень измельчали в порошок и употребляли внутрь.

* * *

Служителей культа в даосской религии подразделяли на две основные группы. К первой относились монахи, занимавшие высшее положение в даосской иерархии. Они жили при больших монастырях, получали хорошее образование, постоянно занимались изучением древних трактатов. От мирян они отличались одеждой и прической. Это была наиболее «квалифицированная» и образованная часть даосского духовенства. Под их руководством проходили курс обучения молодые проповедники, маги, гадатели, составлявшие как бы вспомогательный состав жрецов даосизма и выполнявшие повседневную службу в храмах.

Главное занятие второй группы даосов – служителей культа – заключалось в заклинании демонов. Даосские обряды совершали многочисленные жрецы, призванные бороться со злыми духами, которые приносят людям всевозможные бедствия: недороды, наводнения, болезни и т. д. Существовало, например, поверье, что от мертвеца исходит дурное

влияние. Даосские монахи должны были пресечь это влияние в тех семьях, где умирал кто-нибудь из родственников. После сожжения курительных свечей и прочтения установленных молитв жрецы отрубали голову петуху и обрызгивали его кровью зараженное дурным влиянием жилище, произнося при этом заклинания.

Поскольку все пространство, окружавшее человека, было заполнено злыми духами, которые могли принести несчастье и даже смерть, бороться с ними, избегать их козней было делом первостепенной важности. Вот тут-то на помощь приходили монахи-даосы. Об их «подвигах» в схватках со злыми духами в народе слагались бесчисленные легенды. Вот одна из них.

Молодой человек был очарован юной красавицей. Как-то на улице он встретил даосского монаха. Последний, внимательно всмотревшись в лицо юноши, сказал, что он околдован. Молодой человек поспешил домой, но дверь его дома оказалась запертой. Тогда он осторожно залез на подоконник и заглянул внутрь комнаты. Там он увидел отвратительного дьявола с зеленым лицом и острыми, как пила, зубами. Дьявол сидел на человеческой коже, расстеленной на кровати, и разрисовывал ее кистью. Заметив постороннего, он отбросил в сторону кисть, встряхнул человеческую кожу, накинул ее себе на плечи и – о чудеса! – превратился в девушку.

Легенда далее рассказывала, что девушка-дьявол убила молодого человека, разрезала его тело и вырвала сердце. Столь невиданная жестокость возмутила даосского монаха: он сделал так, что девушка-дьявол превратилась в столб густого дыма. Затем монах вынул из своего халата тыквенную

бутылку и бросил ее в дым. Раздался глухой взрыв, и весь столб дыма словно влился в бутылку, которую даос крепко закупорил пробкой...

К сонму святых причислялись даосские отшельники, способные прорицать и предсказывать людям судьбу. Как иллюстрацию к сказанному приведем из сборника китайского писателя Пу Сунлина (XVIII в.) «Рассказы из кабинета Ляо».

«В провинции Хэнань жил даос. Он питался подаянием, которое собирал по деревням.

Раз, утолив голод в доме одного крестьянина, даос услышал пение иволги и затем сказал хозяину: "Будь осторожен с огнем".

"Почему это?" – спросил хозяин. Даос ответил: "Птица поет: "Большой огонь. Людям трудно спасаться. Страшно".

Все посмеялись над даосом, и только. Никто в деревне не принял никаких мер предосторожности против пожара.

Однако на следующий же день пожар действительно уничтожил в деревне несколько домов.

Все тогда были поражены прозорливостью даоса. А он тем временем уже шел своей дорогой.

Любопытные догнали его и назвали святым.

"Я только понимаю язык птиц. Какой я святой?" – возразил даос.

В это время на придорожном дереве застрекотала сорока.

"Что это она говорит? Объясни нам!" – закричали в толпе.

Даос ответил: "Птица говорит: "Шестого числа родились. Шестого числа родились. Четырнадцатого–шестнадцатого числа умрут". Я думаю, что в соседнем доме родилась двойня. Сегодня десятое число, не более как через пять-шесть дней должны умереть".

Толпа бросилась проверять слова даоса. Действительно, в ближайшем доме родились два мальчика.

Очень скоро оба они умерли, причем в тот именно день, который указал даос.

Молва об удивительном даре даоса дошла до уездного начальника, и он пригласил даоса к себе в гости. По двору как раз проходила стая домашних уток. Уездный начальник спросил даоса: "О чем крякают утки?"

"В вашем доме, – ответил даос, – должно быть, была семейная ссора. Утки говорят: "Перестань, перестань! Ты постоянно защищаешь ее! Постоянно защищаешь ее!"

Ответ даоса очень удивил начальника, потому что и в самом деле его две жены в это время бранились между собой, и уездный начальник, оглушенный их криком, только что выбежал из дома.

После этого начальник оставил даоса у себя и хорошо относился к нему.

Даос часто объяснял, о чем говорят птицы. Большинство его толкований удивительно оправдывалось.

Но даос был прост, как неотесанный сельский житель: он откровенно, без всякого стеснения высказывал все.

Уездный начальник отличался жадностью. Стоимость всего, что население должно было доставлять ему натурой, начальник принимал только деньгами.

Случилось как-то, что уездный начальник и даос сидели вдвоем в комнате, и опять мимо шли утки.

Начальник снова спросил даоса, о чем вели беседу утки.

Даос ответил: “Сегодня они говорят уже совсем не то, что в тот раз говорили. Они ведут за вас счет”.

“Какой счет?”

Даос пояснил: “Они говорят: “За свечи сто восемьдесят чохов; за киноварь одна тысяча восемьсот чохов”...

Начальнику стало стыдно. Он подумал, что даос смеется над ним.

Даос попросил было позволения уйти совсем из этого дома, но уездный начальник не отпустил его.

Прошло несколько дней. Уездный начальник устроил пир и созвал гостей.

В самый разгар веселья послышалось кукование кукушки.

Гости обратились к даосу за разъяснениями. Даос „перевел”: “Птица говорит: “Потеряет чин и уедет!”

Гости от испуга переменились в лице. Хозяин же разгневался и немедленно выгнал даоса.

Вскоре высшее начальство узнало о жадности уездного начальника и действительно лишило его должности.

Увы! Хотя святой человек и предупреждал уездного начальника, но, к сожалению, жадные люди не понимают предостережений».

Так в народном творчестве и в произведениях писателей, созданных по фольклорным мотивам, прославлялась проницательность даосов-отшельников, их способность подсказывать людям, откуда следует ждать несчастья, и разоблачать тех, кто ведет неправедную жизнь.

Традиционный для Китая культ предков при всем широком распространении в стране не мог оказать быстрой и непосредственной помощи верующим в конкретных делах. Этот пробел воспол-

няли идолы, к которым население обращалось в тех случаях, когда нужна была «неотложная помощь».

Поскольку идолы сами говорить не умели, то, естественно, необходимы были посредники, которые могли бы передать их ответы молящимся, а также истолковать волю богов всем приходящим в даосский храм за советом и помощью. Роль таких посредников брали на себя жрецы-прорицатели, прошедшие специальный обряд посвящения в это звание. Только посвященный жрец делался правомочным истолкователем воли идолов.

Дж. Макговану, автору книги «Светлые и теневые стороны в жизни китайцев», довелось лично присутствовать в даосском храме на церемонии посвящения в прорицатели и наблюдать весь этот процесс. Он писал:

«Это происходило в темную грозовую ночь. Черные, тяжелые тучи проносились низко над головой. Темнота поглощала все вокруг, кроме огромного банового дерева перед храмом, где должен был совершаться таинственный ритуал.

Все помещение храма тонуло в глубоком мраке, ощущение которого становилось сильнее от мерцания нескольких маленьких свечей у входа. И как будто для того, чтобы место действия стало еще более мрачным, рядом с главным идолом мерцали свечи, а он с высокомерно-повелительным видом смотрел на все перед собой. Намеренно или нет, но эффект, создаваемый тусклым освещением, был поразительным и полностью гармонировал с церемонией, проходившей за входной дверью.

Казалось, мы чувствовали присутствие бога, который был вполне осязаем при слабом свете, а окружающие тени увеличивали его фигуру и прида-

вали ему сверхъестественный вид, внушающий страх.

За пределами узкой полоски, вдоль которой отражался тусклый свет свечи, из-за глубокого мрака таинственность становилась еще более ощутимой. Можно было различить призрачные фигуры по обеим сторонам идола, они как будто скрывались во тьме, остававшейся вне досягаемости пляшущих бликов тусклой свечи.

Лицо одного из этих стражей было поглощено глубокой мыслью, оно было настолько спокойным, что как будто бы не выражало никаких душевных волнений. Другой страж распростер руки, как бы принимая решение насчет просьбы, с которой к нему обратились. Рядом заметна была еще одна фигура, застывшая в позе смертельной схватки с невидимым врагом. Извивающееся тело ее было сведено агонией, а мышцы изогнутых и искаженных рук вздулись; лицо выглядело вызывающим и говорило о непокоренном духе.

Мое внимание было сконцентрировано на фигурах четырех мужчин, стоявших лицом к идолу в различных позах внутри храма. Главным действующим лицом среди них был тот, который готовился стать прорицателем. У него был подозрительный вид человека, слоняющегося по притонам и игорным домам. Но еще больше он походил на бездельника – завсегдатая злачных мест.

Легко было заметить, что он был совсем необразованным человеком. Его манера держаться и одежда говорили о том, что он принадлежит к низшему классу. Его лицо, поразившее меня больше всех, было лишено одухотворенности. Он был из тех, которых ни один деловой человек не возьмет на рабо-

ту и от которых домохозяйки тщательно оберегают домашнюю птицу.

Справа от него, чуть обратившись в его сторону, стоял человек грубоватой наружности. Видимо, знаток процедуры посвящения, он произносил нараспев слова заклинаний, призывая духа вселиться в стоящего рядом человека. Впереди находились двое музыкантов с гонгами, в которые они медленно и ритмично ударяли, аккомпанируя громкому и монотонному голосу, разносившемуся по всему храму.

Я с большим вниманием наблюдал за человеком, стоявшим с опущенной головой и молчаливо ожидавшим появления духа. Последний, видимо, не спешил с ответом на призыв жреца, ибо не было никаких признаков того, что торжественные призывы и удары в гонг производят на него хотя бы малейшее впечатление. Долгое время бог как бы оставался безучастным. Тогда заклинания стали убыстряться, и каждое слово произносилось более отчетливо. Слушая внимательно, можно было разобрать следующий текст:

„Явись, снизойди скорее, владыка духов. Сойдите и вы, посланцы царства теней, сойдите и рассейте полчища демонов, носящихся в воздухе. Сойди и ты к нам, сын Нефритового императора, ставший великим монархом через десять воплощений. Явись сюда со своим золотым эликсиром жизни, от которого и звезды блещут ярче, и земля полнится радостью. Ждем тебя, чтобы ты одним своим появлением разогнал демонов, насылающих на людей болезни, чуму и мор. Взмахни своим золотым мечом и разруби на куски эти злобные существа. Приди со своими призрачными войсками, с быст-

ротой молнии, подобно духу, с грохотом влекущему колесницу, приди и не задерживайся. Явись, явись и вселись в этого человека, готового исполнить твои повеления".

Удары гонга, сопровождавшие заклинания, гулко отдавались по всему храму. И вот посвящаемый, неподвижно стоявший в отдалении, начал слегка шевелиться, и это немедленно было замечено другими. Голос заклинателя зазвучал еще громче, а удары музыкантов в гонг участились, словно этим шумом хотели ускорить появление духа. Через несколько минут посвящаемый стал раскачиваться из стороны в сторону, как будто бы дух схватил его и играл с ним в какую-то сумасшедшую игру. Заклинания сделались еще громче, голос заклинателя повышался, и недавние мольбы звучали уже как приказание. Заклинатель, видимо, чувствовал, что успех зависел теперь всецело от его стараний. Этот грубоватой наружности человек с бегающими огоньками в глазах и лицом, искаженным нервной гримасой, как бы властно приказывал невидимому духу выполнить его команду.

Тем временем с посвящаемым начали происходить удивительные перемены. Он совершенно преобразился: тупое, безучастное выражение глаз исчезло и они запылали страстью. Он был уже не скучающим, лишенным эмоций существом, а человеком, наполненным огнем, темпераментом и бурными чувствами. С дикими жестами и безумным выражением лица он прыгал и скакал по храму. Удары в гонг участились, а голос заклинателя перешел почти в крик. Сцена действительно была захватывающей».

«Наконец, – заканчивает свой рассказ Дж. Макгован, – в полном изнеможении от диких прыжков

посвящаемый упал на пол, где оставался лежать без чувств в течение некоторого времени. Церемония посвящения имела большой успех, и с этого времени все откровения богов должны были осуществляться через этого человека, который, как все были уверены, сделался истолкователем их воли».

Жрецам, получившим после соответствующего ритуала право истолковывать волю идолов, поручалось проведение церемониала богослужения. Обыкновенно служба в даосских храмах начиналась в ранние утренние часы. По дороге к храму жрецы заходили в дома жертвователей, имена которых были записаны в подписных листах (наклеенных на фасаде храма), раздавали им бумажные амулеты и брали заранее приготовленные тексты молитв, в которых верующие обращались к богу со своими просьбами. В этих обращениях обязательно следовало обозначить имя, год рождения и место жительства просителя: богу нужно знать, по какому адресу он должен направить свои благодеяния.

Войдя в храм, жрецы прежде всего просили божество принять жертвенные дары. Главный жрец произносил молитвы под аккомпанемент музыки. Двое его помощников в это время в такт ударяли в шаровидные деревянные барабаны. Другие падали ниц перед изображением божества. Затем главный жрец разворачивал подписной лист, громко объявлял имена жертвователей и молил бога ниспослать им благословение. После этого прочитывались собранные молитвы. Закончив эту церемонию, жрецы вставали с колен и совершали обряд жертвоприношения. Главный жрец высоко поднимал на руках жертвенные блюда и чаши, чтобы таким образом символически предложить их богам. В заключение все молитвы и жертвенные бумаги сжигались.

Священнослужители даосской религии использовали различные средства для эмоционального воздействия на верующих. Среди этих средств важное место отводилось учению о рае и аде.

«Адское возмездие, – писал И. М. Рейснер в книге "Идеология Востока", – есть не только мучение: оно всегда является истязанием, дополняющим другое великое горе – потерю райского блаженства. Религия поэтому имеет в своем распоряжении громадный и чрезвычайно утонченный диапазон наград и наказаний. Адские мучения получают особую остроту и угрожающую силу благодаря своему противоположению в виде райского блаженства. И если второе является достаточной наградой за земные лишения, самоотречение и труд, то первое должно ужасом грядущих страданий остановить самого распущенного и преданного мирским соблазнам человека.

Талисман, предохраняющий от кровотечений из носа

Талисман, предохраняющий от нервных болезней

Поэтому противоположение ада и рая мы находим во всех мировых религиях». Не является исключением из этого правила и даосизм.

Даосский рай известен под названием Шоу шань (Гора долголетия). Эта страна блаженства изображалась в виде горного массива, на котором видны озера, протоки, скалистые берега, мостики, беседки, сосновые и персиковые рощи. В раю прогуливались даосские божества, а над ними в воздухе парили журавли и проносились быстроногие скакуны.

Даосский ад Хуанцюань (Желтый источник), по преданию, находился где-то среди мрачных скал в провинции Сычуань и представлял собой десятиэтажное сооружение. На каждом из этажей помещалось особое отделение, которое напоминало китайский суд во главе с судьей. Ад обслуживали писцы, чиновники и палачи, одетые в халаты, подбитые тигровой шкурой – это служило признаком их свирепости. Грешник последовательно проходил десять отделений ада, и в каждом его ждало суровое испытание.

В первое отделение ада, как описывает даосские представления В. Грубе, доставляли монахов, которые брали деньги за панихиды, но не исполняли своих обязанностей. Их сначала приводили в высокую башню, где они в висящем в воздухе зеркале вместо собственного отражения видели образы тех животных, в которых им со временем предстояло переродиться. После этого их вели в темную комнату, где при слабом свете тусклой лампы они должны были читать в книге, написанной мелким и неразборчивым шрифтом, пропущенные ими при исполнении своих обязанностей поминальные молитвы.

Во втором отделении находились воры и убийцы. Их подвергали различным ужасным мучениям. Тела грешников волокли по льду до тех пор, пока они не становились совершенно плоскими.

В третьем отделении мучили непослушных сыновей, непокорных рабов, солдат-бунтарей и министров-изменников.

В четвертое отделение попадали те, кто допустил обман в торговле, не платил налогов, продавал фальшивые лекарства, подделывал деньги, позволял своим животным наносить ущерб полям соседей.

В пятом отделении грешников заставляли смотреть на свое прежнее земное жилье. Воспоминание о земной жизни вызывало у них страшную боль и тоску. Гордый богач вспоминал о своем навсегда потерянном пышном дворце; злонамеренный ученый думал о своей библиотеке и исследованиях; любитель искусства – о картинах, нефрите и бронзе; гурман – о пышном обеде, изысканных блюдах и отборном вине; скупой – о нечестно нажитом золоте; грабитель – о похищенном богатстве; жестокий человек – о своих кровавых преступлениях и насилии. Вспоминая все это, грешники проникались чувством отвращения к содеянному на земле. Они с ужасом думали, что лишились доброго расположения неба за нечестивую жизнь на земле.

Шестое отделение было отведено для тех, кто хулил небо, землю и Северную звезду.

В седьмом отделении содержались те, кто использовал человеческий мозг для приготовления лекарства или кости, извлеченные из могил, для наведения глазури на гончарные изделия – либо побуждал других к ссоре и драке.

В восьмом отделении наказывали тех, кто про-

являл в жизни неблагодарность и неуважение к старшим.

Девятое отделение представляло собой площадку, огороженную железной сеткой. Там мучили поджигателей домов.

И наконец, десятое отделение считалось самым главным испытанием для обитателей ада, где окончательно решался вопрос, в кого переродится человек после смерти. Идею перерождения религиозный даосизм заимствовал у буддизма.

* * *

Даосские книги изобилуют рассказами о людях, достигших бессмертия. Наибольшее распространение получили легенды о восьми бессмертных. Они некогда были обыкновенными людьми, а затем, воплотившись в духов, поселились в полном уединении на островах или на высоких горах – там, где их не могли тревожить простые смертные.

Ниже приведены сюжеты легенд о восьми бессмертных.

Чжун Лицюань. Глава восьми бессмертных жил во времена династии Чжоу (1122–249 гг. до н. э.). Он обладал секретом изготовления эликсира жизни и порошка перевоплощения. Его обычно рисуют толстым человеком с обнаженным животом. Иногда он держит в одной руке персик, а в другой – веер, с помощью которого оживляет души усопших.

Легенда рассказывает, что при появлении на свет Чжун Лицюаня странное сияние озарило комнату. Ребенку предсказали необыкновенное будущее. Да и наружность его была не совсем обычной: огромная голова, широкий лоб, толстые уши, длинные брови, красный нос, квадратный рот, полные щеки и ярко-красные губы. Руки младенца при

рождении были такими длинными, словно у трехлетнего ребенка. Целых семь дней он ничего не ел и не плакал.

Когда Чжун Лицюань вырос, он сделался полководцем и удостоился самых высоких милостей императора. Однажды племя туфань, жившее на северо-западе, совершило набег на пограничную местность. Пять тысяч китайских воинов под начальством Чжун Лицюаня были посланы навстречу неприятелю. Сначала военное счастье благоприятствовало китайцам, но во время генерального сражения, когда успех по обыкновению уже склонялся на сторону Чжун Лицюаня, над полем боя пролетел дух другого бессмертного – Ли Тегуая, сказавшего: «Э, да это там, внизу, тот самый Чжун Лицюань, которого следовало бы превратить в духа, чтобы он мог возвыситься над миром. К сожалению, он не постиг дао и слишком любит почести и славу. Если он и теперь выйдет победителем в бою, то императорские милости и награды совсем вскружат ему голову; он окончательно погрязнет в тщеславных мирских желаниях, и это навсегда закроет ему путь к дао... Нет, лучше будет, если я придам делу другой оборот: пусть Чжун Лицюань потерпит поражение; это заставит его покинуть суету мира. Тогда в уединении он сможет понять свои заблуждения, вникнет в учение о дао и настолько возвысит свой дух, что будет достоин войти в сонм бессмертных».

Тотчас же после этих слов Ли Тегуай превратился в старика, явился к потерявшему веру в победу военачальнику племени туфань и открыл ему способ, с помощью которого тот может разбить китайскую армию. Воины туфань с новой энергией бросились в битву и разбили китайцев наголову. Сам

Чжун Лицюань, спасая свою жизнь, верхом умчался с поля сражения в пустынные дебри: вернуться с позором к императору он не мог.

Чжун Лицюань

В полном отчаянии Чжун Лицюань встретил монаха, к которому и обратился за советом: что ему теперь делать? Монах пригласил его к себе. Долго шли они, пока не достигли жилища наставника Восточного Китая.

Старец-хозяин оказал Чжун Лицюаню радушное гостеприимство, а затем посоветовал ему отказаться от всех его честолюбивых замыслов.

Почувствовав к наставнику глубокую симпатию, Чжун Лицюань попросил старца принять его в ученики и приобщить к тайне жизни. С того дня на высокой Горе трех вершин он постепенно приобщался к новой жизни. В это время был сильный голод; люди умирали тысячами. Здесь впервые Чжун Лицюань применил свои знания на благо людям: обрабатывая медь и олово какой-то волшебной жидкостью, он превращал их в серебро, которое раздавал беднякам. Так он спас множество людей.

Однажды он сидел, глубоко задумавшись. Вдруг каменная стена со страшным грохотом раскололась на две половины, и из расщелины появилась нефритовая шкатулка. Чжун Лицюань открыл ее и нашел в ней таинственное наставление о том, как стать бессмертным. Он последовал этому наставлению. Внезапно его комната наполнилась разноцветными облаками, послышалась прелест-

ная музыка, и небесный аист предложил отшельнику отправиться вместе с ним в страну бессмертия. С этого времени он сделался бессмертным. Веер, с которым его изображают, по даосским верованиям, обладает чудесной способностью возвращать жизнь умершим.

По другой версии, женившись на красивой девушке, Чжун Лицюань вернулся в родную деревню, где решил заняться изучением философии. Как-то прогуливаясь, он обратил внимание на молодую женщину в траурном одеянии, которая сидела у могильного холма и веером обмахивала разрыхленную землю. На вопрос Чжун Лицюаня, что это означает, женщина ответила так: покойный муж перед смертью просил ее не выходить вторично замуж до тех пор, пока земля на его могильном холме не высохнет. Теперь, найдя жениха, она хотела бы по возможности быстрее высушить землю на могиле покойного мужа, поэтому и обдувает ее веером.

Чжун Лицюань предложил помочь женщине. Взяв у нее веер, он призвал на помощь духов. Могильный холм вскоре стал совершенно сухим. Вдова поблагодарила за помощь и удалилась, оставив свой веер.

Молодая жена Чжун Лицюаня увидела у него веер и захотела узнать, откуда он. Муж рассказал о встрече на кладбище. Жена страшно возмутилась таким поступком вдовы, обвинив ее в безнравственности. Эти слова жены навели Чжун Лицюаня на мысль проверить ее чувства.

Прошептав соответствующие заклинания, он притворился мертвым. Вмиг перед мнимой вдовой появился красивый молодой человек, и через несколько дней она согласилась выйти за него замуж. Жених сказал, что для помолвки необходимо какое-

то снадобье, которое можно приготовить только из мозга ее покойного мужа. Вдова согласилась исполнить просьбу жениха и открыла гроб. Каков же был ее ужас, когда она обнаружила, что бывший муж ожил и в это же самое время жених бесследно исчез. Не в силах перенести позора, женщина покончила с собой.

После случившегося Чжун Лицюань поджег свой дом, оставив только веер и священную книгу «Даодэцзин».

Ли Тегуай. Этот бессмертный обыкновенно изображается хромым нищим, опирающимся на посох. В правой руке он держит тыкву-горлянку, в которой находится снадобье, обладающее таинственной силой, – с его помощью можно отделять душу от тела.

Презиравший мирскую суету и все соблазны мира, Ли Тегуай вел отшельнический образ жизни. Удалившись в горное ущелье, он нашел пещеру с каменной дверью. Сорок лет он прожил в горах, изучая тайну бессмертия. Сидел на циновке из тростника, часто забывая о пище. Он настолько искусно владел тайной магии на земле, что был приглашен заниматься этим же делом на небо. Туда он явился в образе духа, оставив свое тело на земле на попечении ученика.

Однажды, когда Ли Тегуай отсутствовал слишком долго, его ученик, решив, что он действительно умер, сжег тело учителя. Через некоторое время Ли Тегуай, вернувшись с Горы долголетия на землю, не обнаружил своего тела. Он стал искать труп недавно скончавшегося человека, в которого смог бы перевоплотиться, но найти труп здорового человека не смог, поэтому пришлось ему перевоплотиться в хромого нищего.

Ли Тегуай часто появлялся на земле. Иногда он принимал вид старика, продающего лекарственные снадобья. В жилище он не нуждался: вешал на стену сумку, ночью впрыгивал в нее, а на другой день утром вылезал оттуда.

Существовала и такая легенда. Считая некоего Чаоду достойным великой чести, Ли Тегуай хотел сделать его бессмертным и приказал ему следовать за собой в горящую печь. Чаоду принял Ли Тегуая за обыкновенного нищего и, несмотря на все его доводы, отказался пойти за ним. Ли Тегуай бросил в реку листок бамбука и предложил ему отправиться на тот берег на этой «лодке». Чаоду вновь испугался. Тогда Ли Тегуай сказал: «Ты слишком заботишься о земном и не сможешь сделаться бессмертным». Сам же вскочил на бамбуковый листок и переплыл реку. Ли Тегуай считается покровителем магов, волшебников, чародеев.

Лань Цайхэ. Это был юродивый. Летом он ходил в ватном халате, а зимой легко одетый часто валялся на снегу. Платье его, подпоясанное черным поясом, представляло собой настоящее рубище. На одну ногу был надет сапог, другая была босая. Распевая песни, которые тут же импровизировал, он бродил по рынкам и просил милостыню – ему бросали монеты, и он раздавал их беднякам или, нанизав на веревочку, таскал за собой по земле и, когда они рассыпались, даже не оглядывался. Лань Цайхэ увлекался вином. Однажды, сидя в кабачке и забавляя присутствующих, он вдруг услышал пение святых даосов. В тот же миг он бесшумно поднялся в небо – его подхватило облако. Лань Цайхэ сбросил вниз сапог, халат, пояс. Облако взвилось ввысь, становясь все меньше и меньше, и с тех пор никто уже на земле не слыхал про Лань Цайхэ.

Ли Тегуай

Лань Цайхэ

Этот бессмертный считается покровителем музыкантов и изображается с флейтой в руках.

Люй Дунбинь. Предание говорит, что мать почувствовала его зачатие в тот момент, когда ее комната наполнилась нежным, тонким ароматом, раздалась небесная музыка, белый аист спустился с неба на кровать и внезапно исчез. Младенец родился с шеей аиста, спиной обезьяны, туловищем тигра и щеками дракона. Глаза у него были словно глаза мифической птицы феникс, брови густые, плечи широкие, нос слегка горбатый, кожа бледно-желтого цвета, около левой брови виднелась черная родинка. С самого детства он был развит не по летам и мог ежедневно запоминать множество иероглифов, без всякой подготовки овладел литературной речью.

Сначала Люй Дунбинь сделал карьеру на поприще науки. Он был удостоен ученой степени цзиньши и служил в управлении области Техуа (в нынеш-

ней провинции Цзянси). Там в горах он встретил бессмертного Чжун Лицюаня и стал под его руководством изучать тайны магии, научился готовить чудодейственный эликсир и узнал способ изготовления золота. Он также в совершенстве изучил фехтование и искусство становиться невидимым.

Чжун Лицюань посвятил его в тайны учения о дао, и в 50-летнем возрасте Люй сделался бессмертным.

Пройдя с честью все испытания, Люй Дунбинь овладел искусством магии и получил меч «чудесного могущества» (его часто изображают с мечом за спиной). Целых четыреста лет он странствовал с этим мечом по земле, избавляя людей от горя и зла, убивая драконов и тигров.

Когда-то он поклялся Чжун Лицюаню, что будет всеми силами направлять своих товарищей к познанию дао. Однажды Люй Дунбинь пришел в селение Юцзян под видом торговца маслом. Он хотел сделать бессмертными всех тех, кто не станет домогаться выгоды при покупке масла. Целый год он продавал масло, встречая только жадных и недобросовестных покупателей; лишь одна женщина оказалась честной и не требовала больше, чем ей следовало. Люй Дунбинь пошел к ее дому и бросил в колодец посреди двора несколько зерен риса. Вода тотчас превратилась в вино, и старая женщина, торгуя им, выручила много денег.

Затем Люй Дунбинь убил дракона, причинившего людям бесчисленные беды, и отказался взять за это награду. Вообще он сотворил много чудес, делая добро, но только людям с открытым сердцем.

Хэ Сяньгу. Еще в раннем детстве она встретила Люй Дунбиня, который, предвидя будущее девочки, подарил ей персик бессмертия. Она съела толь-

ко половину его и с тех пор почти не нуждалась в земной пище. На рисунках Хэ Сяньгу изображается необычайно красивой девушкой с цветком лотоса в одной руке и с плетеной корзиной, наполненной цветами, в другой.

Хэ Сяньгу покровительствовала домашнему хозяйству и предсказывала людям судьбу.

По другой версии, превращение девушки в бессмертную произошло при таких обстоятельствах. Ей было четырнадцать лет, когда однажды она увидела во сне духа, который сказал:

– Если хочешь достичь бессмертия, прими жемчужный порошок.

Проснувшись, она последовала совету, и вдруг тело ее сделалось легким, как бы невесомым, и вечным.

Вскоре к Хэ Сяньгу пришли бессмертные Ли Тегуай и Лань Цайхэ и посвятили ее в тайны дао и бессмертия. С этого времени она проводила дни в оди-

Люй Дунбинь

Хэ Сяньгу

ночестве, странствуя по горам, и, едва касаясь земли ногами, с необычайной легкостью переносилась с одной вершины на другую. Домой она возвращалась только к ночи, принося с собой собранные за день лекарственные и волшебные травы и фрукты для матери.

Хань Сянцзы. Хань Сянцзы был племянником знаменитого Хань Юя, ученого и министра, жившего с 768 по 824 г. при императорах Танской династии.

Дядя считал блестящую карьеру единственной целью жизни каждого человека. Племянник был прямой противоположностью: он не обращал никакого внимания на все соблазны, привлекающие молодежь, с жаром постигал мистику и отвлеченные науки. Дядя доказывал ему необходимость изучения классических книг, иначе не удастся сдать государственные экзамены и подняться по служебной лестнице. Но юноша думал иначе. Они не могли столковаться, и племянник оставил дом дяди, решив заняться изучением интересующих его предметов.

Отправившись на поиски учителя, он случайно встретил мудрого Люй Яня. Слушая его наставления, он овладел учением дао.

Однажды они пришли в страну, где в изобилии росли «персики духов». Хань Сянцзы хотел сорвать несколько плодов и для этого влез на дерево. Вдруг сук под ним подломился, он упал на землю и умер. Но в тот же миг вознесся на небо – уже как бессмертный, без страданий в боли.

Желая приобщить к дао своего дядю, Хань Сянцзы прибег к помощи волшебства, так как знал, что обычные убеждения на старого человека не подействуют.

Хань Сянцзы

Чжан Голао

Случилось в это время, что засуха охватила огромные пространства, и император приказал Хань Юю совершить торжественное всенародное моление небу о ниспослании дождя. Но сколько Хань Юй ни молился, небо оставалось безоблачным, и министру грозило увольнение со службы и лишение титулов. Хань Сянцзы воспользовался этим случаем. Приняв образ даосского монаха, он сказал министру, что у него имеется «большой запас дождя и снега». Так как положение Хань Юя было безвыходным, сообщение монаха чрезвычайно его обрадовало; он тотчас послал к даосу чиновника с просьбой вызвать дождь. Монах поднялся на тот самый помост, где недавно министр тщетно молился о дожде, и произнес магические заклинания. И вдруг дрогнули и заколыхались неподвижные до тех пор листья деревьев, и горячий воздух пронизала волна холода. На юго-восточной стороне небесного свода показалось быстро растущее облако. Скоро оно охватило все небо; хлынул ливень. Вско-

ре дождь перешел в снег, толстым слоем покрывший все вокруг.

Этот случай поколебал недоверие Хань Юя к познаниям даосов, но все еще не привел его на правильный путь.

Прошло еще некоторое время. Хань Юй праздновал день своего рождения. Множество гостей и родственников веселились в его доме. Пир был в полном разгаре, когда вошел Хань Сянцзы в образе монаха. Он также поздравил министра, затем стал декламировать импровизированные стихи о цветах, расцветающих мгновенно.

– Ну что вы пустяки говорите, – воскликнул хозяин, – разве может цветок наперекор законам природы в один миг распуститься?

Тогда Хань Сянцзы взял сосуд, наполнил его землей и накрыл тазом. Через несколько минут даос слегка приподнял таз, и все увидели, как из земли показался росток; он быстро увеличивался и скоро превратился в пышное растение с двумя бутонами, которые тут же распустились в два роскошных цветка...

Хань Сянцзы часто изображается с корзиной цветов или фруктов в руках и считается покровителем садовников.

Чжан Голао. Из всех восьми бессмертных Чжан Голао самый старый по годам и самый благоразумный. За это его и прозвали Лао – «старый», «почтенный», «уважаемый». Жил он отшельником в горах и всю жизнь скитался.

Чжан Голао всегда ездил на белом муле лицом к хвосту, проезжая за день по нескольку десятков тысяч ли. Когда бессмертный останавливался где-либо, то складывал мула, как будто тот был вырезан из бумаги, и клал его в сосуд из бамбука. А ког-

да нужно было ехать дальше, брызгал на сложенную фигурку водою изо рта, и мул снова оживал.

Чжан Голао покровительствовал супружескому счастью и рождению детей. На популярном в народе рисунке он изображен сидящим на муле и подносящим младенца только что повенчанной паре. Он считался также покровителем изящных искусств.

Цао Гоцзю. Существует несколько легенд о том, почему этот человек изменил свой прежний, земной, образ жизни и стал бессмертным.

Однажды, говорится в одной из легенд, семеро достигших бессмертия пировали в небесной Стране блаженных. В разгар пира Ли Тегуай, бывший обыкновенно распорядителем всех празднеств, сказал:

– Друзья, нас здесь семеро. Мы занимаем семь из восьми гротов в небесных сферах. Если бы еще одного бессмертного прибавить к нам, то наш круг был бы замкнут. Не знаете ли вы кого-либо, достойного занять место рядом с нами?

– Если вы подняли этот вопрос, – отвечали ему другие, – то, вероятно, у вас есть кто-нибудь на примете!

– Да, я слышал, что у императрицы Цао, – ответил Ли Тегуай, – есть младший брат, нравственные качества которого и стремления соответствуют нашим взглядам. Как вы полагаете, не следовало бы принять его в наше общество?

Это предложение было одобрено всеми. Чжун Лицюань взял-

Цао Гоцзю

ся испытать, насколько искренне брат императрицы (его звали Цао Гоцзю) стремится к постижению дао. Если испытание пройдет успешно, то Чжун Лицюань превратит его в бессмертного.

Был у Цао Гоцзю младший брат Цаоэр, который творил мерзости и вел распутный образ жизни, что очень оскорбляло Цао Гоцзю. Все усилия Цао Гоцзю исправить Цаоэра были напрасны – он только восстановил брата против себя.

– Законы природы, – пробовал Цао Гоцзю убедить юношу, – созданы так, что люди, творящие добро, будут благоденствовать, а поступающие дурно – погибнут. Мне стыдно за тебя; более того, я в ужасе предвижу твою судьбу.

Сам Цао Гоцзю с тех пор стал раздавать деньги нищим, расстался с семьей и друзьями, оделся в даосское платье и зажил отшельником в горах.

Однажды его посетили два таких же, как и он, отшельника. Это были бессмертные Чжун Лицюань и Люй Дунбинь. Они спросили, что он делает в одиночестве.

– Единственная цель моего пребывания здесь, – ответил Цао Гоцзю, – это воспитать в себе дао.

– Где же находится дао? – спросили его.

– Дао – там,– Цао Гоцзю указал на небо.

– А где же небо? – спросили бессмертные.

Вместо ответа Цао Гоцзю указал на свое сердце.

Чжун Лицюань улыбнулся и сказал:

– Сердце есть небо, а небо есть дао. Вы проникли в происхождение вещей!

Тотчас же Цао Гоцзю был превращен в бессмертного. Цао Гоцзю изображается с большими кастаньетами в руках и считается покровителем актеров.

Легенды о восьми бессмертных получили широкое распространение в народных сказаниях, те-

атральных представлениях, а также в изобразительном искусстве Китая.

* * *

Влияние даосской религии на духовную жизнь китайского народа было длительным и устойчивым, хотя и не во все времена одинаково сильным. Даосизм долгое время владел чувством и разумом простых людей, прививая им суеверия, невежество и слепую веру во власть потусторонних сил, в различные заклинания, талисманы и амулеты.

Буддизм

Одна из самых древних на земле религий, буддизм возник в Индии в VI в. до н.э. и получил широкое распространение в Китае, Монголии, Таиланде, Бирме, Японии, Корее и других странах. Буддизм – плод богатейшей человеческой фантазии, которая создала десятки миров, тысячи небесных государств, бесчисленное количество столиц и городов, где пребывают сонмы святых, священных стражей и других неведомых существ.

В буддизме не существует понятия «души» без телесной оболочки. Поэтому, как и люди на земле, обитатели небес одеваются, пьют, едят, женятся, выходят замуж и перевоплощаются в следующих жизненных циклах в «высшие» или «низшие» существа в зависимости от добрых и злых дел, совершенных ими при жизни.

О буддийской религии и ее основателе написано огромное количество книг. Воспроизведем здесь одну из легенд о жизни и деяниях Будды.

В VI в. до н. э. в княжеском роде Шакьев («Могущественных») родился мальчик. Его нарекли

Сиддхартха. Он жил в роскоши и получил блестящее светское образование. Близких поражали его исключительные способности, ум, сила и ловкость. Когда он стал совершеннолетним, ему дали имя Гаутама. Юноша женился на молодой красавице, которая подарила ему сына.

Князь рода Шакьев старался держать своего наследника в неведении о тяжелой жизни народа. Утопавший в роскоши, ездивший на позолоченной колеснице, запряженной белоснежными лошадьми, покрытыми дорогими попонами, принц Гаутама все же встретился с нищетой, несчастьями, страданиями и гибелью людей.

Однажды он заметил просящего милостыню старого человека с седой головой и сгорбленной спиной. В другой раз – тяжелобольного, лежащего на обочине дороги. В третий раз он увидел покойника, которого оплакивали женщины. И наконец, в четвертый раз встретился с нищим монахом, выпрашивавшим подаяние. Эти четыре случая решили его судьбу.

Глубоко потрясенный человеческим горем, Гаутама в то же самое время был поражен спокойным и счастливым ликом нищего монаха, следовавшего по дороге. Разговорившись с ним, молодой принц неожиданно для себя нашел выход из всех сомнений и затруднений. Он решил: «Я сделаю то, что сделал этот человек. Я откажусь от всех богатств и последую своим путем. Покинув мир с его удовольствиями, я обрету спокойствие и познаю истину, с помощью которой научу людей преодолевать нищету земной жизни».

Сказочная роскошь дворцов, пресыщенность развлечениями, однообразие бессмысленной и бездеятельной жизни богатых, страдания простого на-

рода пробудили в сильной и глубокой натуре Гаутамы стремление к высшим духовным идеалам. В 29-летнем возрасте он тайно покинул родной дом, оставив молодую жену и сына.

В ту памятную ночь, гласит легенда, все во дворце спали глубоким сном после большого пиршества. В душе Гаутамы родилось решение совершить великое отречение от богатства, славы и власти и навсегда покинуть отчий дом. Он тихо прошел через благоухающие ароматом комнаты. Подойдя к крепко спавшим жене и сыну, принц остановился. Мысленно простившись с ними, он испытывал желание подержать в руках ребенка. Преодолев это желание, Гаутама вышел из дворца и увидел яркий лунный свет, покрывавший землю, словно снег на возвышенностях.

Вскочив на любимого скакуна, которого подвел его верный слуга, принц миновал тихие улицы спящего города. А чтобы копыта коня не издавали стука, слуга разбросал по пути всадника цветы. Городские ворота сами собою раскрылись, и беглец оказался за пределами города.

Долго ехал Гаутама и, только когда исчезла луна и на горизонте появились лучи восходящего солнца, остановился на берегу реки Анома. Здесь он простился со своим верным скакуном и на прощание нежно поцеловал его копыта. Сняв драгоценную корону и тяжелые серьги, он передал их слуге и попросил доставить эти королевские регалии в отчий дом. Затем беглец вынул меч и отрезал свои длинные волосы, сбросил богатые одежды, облекся в одеяние нищего и с тех пор стал вести аскетический образ жизни. Только так, по обычаям древних времен, можно было очиститься от земной скверны.

Чтобы стать святым, приходилось безропотно переносить жизненные невзгоды и физические страдания, отказываться от удовлетворения обычных человеческих потребностей, пренебрегать всем личным, подавлять в себе чувственные желания. Этому и следовал Гаутама: шесть лет он провел в скитаниях, умерщвляя плоть. Ведя аскетический образ жизни, он превратился в живой скелет, но зато прозрел духовно.

Однажды ночью, рассказывает древнее предание, наступил тот долгожданный миг, когда на Гаутаму снизошло всеведущее просветление.

Люди предаются страстям, желаниям, стремлениям, размышлял он. Их помыслы направлены к обладанию чем-либо. Они волнуются, радуются, огорчаются, не сознавая того, что причина радости и страданий заключается в телесном, разрушимом, преходящем.

Если люди видят источник и смысл жизни в разрушении, в телесном, то они неизбежно должны страдать и умирать. Они ищут наслаждений, но тогда возникают печаль и страх потерять предмет наслаждения. Тот, кто свободен от наслаждений, свободен и от страданий.

Люди, думающие, что им принадлежат дома, поля, скот, богатства, воображающие, будто им принадлежат сыновья, дочери, жены, – такие люди неизбежно обречены на страдания. Все это временное, все подвержено уничтожению, и потому тщетно стремиться к обладанию чем-нибудь. Единственное, чем может владеть человек, – мудрость познания, к ней одной он должен стремиться.

Тот же, кто стремится к наслаждениям, тот растит только свои похоти, тот кует только прочные

цепи, привязывающие его к жизни, полной страданий.

Так Гаутама понял путь, которым нужно идти, чтобы освободиться от страданий. Причина всех бед коренится в себялюбивой привязанности к мирским благам. Освобождение от несчастий заключается в том, чтобы жить истинной жизнью.

Жизнь, утверждают буддийские каноны, – это то, что исходит из наших мыслей, рождается в нашем сердце. Люди создают себе неверную жизнь, которая уничтожается смертью. Но можно создать жизнь, над которой не властна смерть, – истинную жизнь. Единственный путь к бессмертию – познать, в чем истинная жизнь.

«Когда я прозрел, – вспоминал Гаутама, если верить легенде, – душа моя обрела искупление от греха земных вожделений, искупление от греховного пристрастия к земному бытию; обрела искупление от греха заблуждений, искупление от греха незнания. Достигнута святость, непорочность жизни, исполнен долг, и я никогда не возвращусь более в тот мир – вот что познал я».

С этого времени в судьбе Гаутамы произошел великий перелом: он стал Буддой, что на санскрите означает «просветленный», «достигший прозрения». По названию княжеского рода, из которого он произошел, его стали именовать также Шакьямуни («святой из рода Шакьев»). Всю последующую жизнь Будда, странствуя, проповедовал свое учение. Умер он в возрасте 80 лет. Его останки были преданы огню с соблюдением царских почестей.

Воображение верующих наделило Будду сверхъестественной силой: способностью становиться невидимым, летать по воздуху, проходить

сквозь стены и горы, выходить из земли и проваливаться сквозь землю, ходить по воде, держать в руках солнце и луну, управлять миром. Он владел оком и ухом богов, знал чужие мысли, мог из одного сделать многое, а из многого – одно. Будда познал четыре основные истины: о зле, о причине зла, об освобождении от зла и о пути, ведущем к искуплению. Познание этих четырех истин и составляет основу всего его учения.

Святыми продолжателями дела Шакьямуни считаются алохани (или архаты). Они пребывают в земном мире, чтобы нести счастье в дом каждого честного и праведного человека. Согласно буддийским представлениям, счастье можно осознать лишь при условии регулярных жертвоприношений и угощения земных наследников Шакьямуни – алоханей. Они были оставлены Шакьямуни на земле, чтобы всегда отзываться на призывы благочестивых верующих и, как воплощение духа Шакьямуни, приносить им счастье и радость. Обычно в буддийском храме можно было встретить статуи 18 алоханей. Однако в некоторых храмах количество алоханей доходило до 500, и каждый из них имел особое выражение лица: злое, хитрое, доброе, лукавое и т. п.

* * *

Буддийский пантеон состоит из множества божеств – будд и бодисатв. Главные из них: Будда прошлого, Будда настоящего и Будда грядущего. Они олицетворяют бессмертие буддизма в прошлом, настоящем и будущем. Кроме главных будд почитались и «второстепенные»: Будда покаяния, Будда врачевания, Будда желаний, Будда созерцания и многие другие. В пантеоне буддизма более тысячи

будд, которые, как предполагается, явятся миру в грядущие времена. Кроме того, множество будд было в прошлом и существует в настоящее время.

Ближайшими сподвижниками будд считались бодисатвы – сверхъестественные существа, небожители, занимающиеся земными делами и творящие добро людям. Бодисатвы как бы «сближали» людей с Буддой, оказывали им «индивидуальную помощь». Эти божества хотя и достигли высокого совершенства святости, но не погрузились в блаженную нирвану (небытие), в которой пребывают будды.

Чтобы достигнуть состояния бодисатвы, нужно дойти до познания того, что мир явлений есть не более как пустая иллюзия. Кто постигал это, тот приобретал власть над иллюзией.

До Шакьямуни (его называют Буддой настоящего) было бесчисленное множество будд, но последним перед Шакьямуни был будда Кашба – олицетворение прошлого. После Шакьямуни, полагают буддисты, сменится бесконечная череда будд, ибо мир богов бесконечен. Следующим буддой станет Майтрейя, который, олицетворяя грядущие времена, сменит Шакьямуни через восемь с лишним миллионов лет, поэтому Майтрейю называют Буддой грядущего.

Среди всех изображений будд Майтрейю (по-китайски Милэфо) можно без труда отличить по внешнему виду: у него бритая голова, смеющееся лицо с глазами, светящимися искренней радостью, огромный живот с рельефно выделяющимся пупком. Его обычно называют Смеющимся буддой. В китайском народе его прозвали Толстобрюхим Милэ.

Одна из китайских легенд о появлении Будды грядущего – Майтрейи – гласит.

Около тысячи лет назад в один прекрасный день в провинции Чжэцзян появился таинственный монах с мешком за плечами. Люди спросили его: «Ответь нам, что у тебя в мешке?» «Весь мир!» – последовал ответ.

Вскоре этого человека узнали во всех уголках страны. Его звали Ци Цы. Он нес правду, в которой они так нуждались. Он учил их любить и верить, указывал им путь к спасению. Но старость и печаль о судьбе несчастных дали себя знать, и монах Ци Цы умер.

Это случилось на веранде у входа в один из буддийских храмов. Обессиленный монах упал и прошептал: «О люди! Вы не узнали меня! Ведь я – Майтрейя!» Так покинул землю святой Ци Цы, ставший после этого наследником Шакьямуни. Статуя Смеющегося будды есть не что иное, как воспроизводимый с тех времен в скульптуре образ монаха с тем самым волшебным мешком, из которого он черпал священную мудрость буддизма.

Верующие одухотворили этот образ, сделав его символом неисчерпаемых возможностей, безупречной добродетели. Даже мешок и огромный живот монаха стали символом «безграничной души».

Перед статуей Майтрейи обычно крупными иероглифами писали: «Будда велик и могуч». Ему воздавали хвалу: «Велик и могуч Майтрейя, бездонны сокровища его сердца, добродетели его достигли недосягаемых высот, он призван учить людей терпеть и не делать зла. Пережив тяжкие страдания за близких своих, испытав радость добра и блага, станет святым буддой Майтрейей через восемь с лишним миллионов лет. И не только он – все люди к тому времени станут гигантами, с могучими, богатырскими плечами, с железными, всесильными

руками и ногами, со сверкающими глазами. И не сила будет руководить ими, а учение их кумира – Будды».

Видя, что мир погряз в грехах, Шакьямуни предсказал, что мир очистится от порока, если люди станут непорочными. Буддизм учит, что через 10 тысяч лет люди избавятся от грехов, станут непорочными и им не понадобится путеводное учение буддизма. С этих пор век людей, очистившихся от пороков, будет увеличиваться и постепенно возрастет до невероятных цифр. Когда же век человека будет равняться 84 тысячам лет, грехи опять потянут его назад. После этого каждый человек будет жить 80 тысяч лет. Тогда Майтрейя станет новым наставником человечества на земле, а потом уже Буддой. Это произойдет через 8 810 000 лет.

Кроме Шакьямуни и Майтрейи, большой популярностью в китайском народе пользовался будда Амитофу (Амитаба). Слово «амитофу» означает «бесконечный свет». Это божество было символом райского счастья, лучшим защитником от всякой нечисти.

Буддийские священнослужители и верующие буддисты были убеждены, что, произнося много раз имя Амитофу, человек может попасть в рай, приобрести сверхъестественную силу. Утром, в обед и вечером они говорили: «Доброе утро, Амитофу»; «У тебя есть рис, Амитофу»; «Возможно, будет дождь, Амитофу»; «У меня сильно болит голова, Амитофу»; «До свидания, Амитофу» и другие фразы.

Имя Амитофу произносилось во время обряда освящения «жертвенных денег». Верующие посещали буддийские храмы, как правило, в определенные дни, установленные служителями культа. Там они приобретали «жертвенные деньги» для распла-

ты за грехи «на том свете». Монахи, желавшие только одного – побольше заработать на продаже таких «денег», говорили верующим: «После вашей кончины вы отправитесь в мир духов, где пробудете несколько сот лет, прежде чем вам разрешат вновь вернуться на землю, но уже в образе другого человека. В небесном странствовании вы будете переходить много мостов, и за это нужно платить. Вам придется пользоваться переправой: за это надо дать деньги перевозчику. Если с вами будут хорошо обращаться прислужники в местах ночлега, то им следует уплатить. Желательно также дать деньги чиновникам в преисподней – от них зависит, как быстро ваше дело передадут на рассмотрение верховному судье, будет ли по нему принято благоприятное решение и как скоро вас освободят. Одним словом, деньги, так же как и на земле, крайне нужны в мире духов».

Затем верующим сообщали, что служители культа вошли в прямую связь с духами, которые одобрили их советы. После такого «разъяснения» где-нибудь в углу храма начиналась продажа «жертвенных денег».

При продаже «жертвенных денег» на них ставилась большая печать буддийского храма. Жрецы в это время громко нараспев тысячу раз повторяли: «Амитофу, Амитофу, Амитофу...» Считалось, что после такого ритуала «жертвенные деньги» становятся настоящими и их можно сохранить на будущее: они понадобятся при отправлении в «мир теней».

* * *

Согласно буддийским канонам, Вселенная состоит из огромного количества миров. Над миром,

в котором живут люди, есть три высших рая – их двери открыты для буддистов после смерти и ухода с земли. Этими райскими мирами управляют трое могущественных будд: Шакьямуни, Яо Ши и Амитофу.

Шакьямуни – глава центрального рая. Яо Ши управляет восточным раем и изображается обычно слева от Шакьямуни. Яо Ши рисуют со священной чашей (патрой) в руке. Патра будды Яо Ши наполнена целебной росой, дающей силу бессмертия и исцеляющей от всех недугов, какие только можно себе представить. Третий будда, справа от Шакьямуни, глава Западного рая Амитофу (будда долголетия). Обе его руки обычно покоятся на коленях ладонями вверх, как бы приглашая без колебания пройти в его владения. В одной из них лотос – символ чистоты и бессмертия.

Среди бесчисленных миров, созданных фантазией буддистов, самый близкий к земле – небесный слой, расположенный на священной горе Сумеру (по-китайски Сюймицзо). В зависимости от своих грехов или добродетелей человек в «мире ином», т. е. в следующем жизненном цикле, может перевоплотиться в высшее или низшее существо. Верующим, добродетельным людям и святым после смерти предоставляется возможность жить в западном или восточном райских мирах. Избранные имеют выбор: либо оставаться в райских мирах, либо направиться в небесный слой, который находится над горой Сумеру, – этим слоем правит бодисатва Майтрейя, «Будда грядущих времен». Он принимает избранников и предрекает им, в какие существа они могут превратиться.

В китайских храмах будды обычно сидят, поджав под себя обе ноги. Их одежда скромна и неза-

мысловата. Роскошные одеяния, по мнению буддистов, могли бы исказить священные образы спасителей человечества.

Различные положения рук и пальцев будды имеют определенное символическое значение.

Ладонь, опущенная на колени, – своеобразный пресс, которым будда придавил нечистую силу и освободил людей от ее дурного влияния. Правая рука в любом случае – символ мудрости самого будды, который учит всех, как надо жить. Другая поза: левая рука на уровне головы ладонью вперед, а правая рука открытой ладонью обращена к людям. Жест левой руки означает: «Люди, не бойтесь!» Правая как бы продолжает: «Я все сделаю, что вы хотите!»

Иногда обе ладони находятся близко друг от друга, в таком положении они словно держат круглый предмет. Буддисты считают, что в этом случае будда крутит «колесо закона», очищая мир от нелепостей и зла.

Часто будда изображается в такой позе: он сидит с поднятой ладонью, указательный палец свернут колечком. Можно догадаться, что это поза наставника: будда проповедует, учит верующих, указывает им путь.

И наконец, укажем на две позы, означающие состояние полного покоя: будда как бы уходит в себя и застывает в сосредоточенном созерцании. В этих случаях пальцы одной руки примыкают к пальцам другой и либо обе ладони повернуты вверх, либо обеими руками будда держит небольшой сосуд – патру, наполненную живительной влагой.

На голове будды на всех изображениях видна шишка – символ величия и недосягаемости. Синие волосы свидетельствуют о том, что будда оби-

тает в небе. Иногда его рисуют восседающим на лотосе.

Лотос – любимый летний цветок китайцев (родина лотоса – Индия, однако он давно проник в Китай). Особенно пышно цветет он в жаркие дни июля и августа. Это многолетнее растение с неотмирающим корнем. Листья лотоса почти круглые. Они похожи на зонтики, установленные над водой. Цветки наиболее распространенных сортов лотоса имеют не более десяти лепестков. Они распускаются утром и свертываются вечером. Живут они обычно три дня, а потом опадают. Лотос растет в иле и грязи, но сам никогда не загрязняется.

В представлении китайцев лотос издавна был символом красоты, чистоты и благородства. Своими изящными очертаниями, цветом и ароматом, характерным шелестом листьев он производит непередаваемое впечатление. Лотосу посвящено много произведений китайской классической поэзии. Будду нередко рисуют сидящим на лотосе.

Перед статуями будд всегда горит огонь – считается, что «свет дает мудрость человеческому разуму».

Статуи будд обычно покоятся на высоком постаменте, украшенном орнаментом с изображениями миров на священной горе Сумеру. Такие постаменты очень распространены в Китае; они встречаются не только в буддийских храмах, но и во дворцах.

На руках будд часто можно видеть широкие марлевые или шелковые ленты, называемые хада. Это самый дорогой подарок. Кто дарит хаду, тот проявляет преданность своему кумиру, любовь, преклонение, покорность, уважение.

Среди второстепенных божеств особым почитанием пользовалась бодисатва Гуаньинь. Это

Божество Гуаньинь

божество называли «Цзюку, Цзю-нань», что значит «спаситель от страданий, спаситель от несчастий». По традиционным верованиям, тот, у кого случилось горе, должен всем сердцем взывать к Гуаньинь, и, если божество услышит его голос, к несчастному снизойдет утешение.

К божеству Гуаньинь обращались кающиеся грешники, надеясь, что оно спасет их от адского пламени, которого иначе не миновать; ему молились терпевшие бедствия во время наводнений и кораблекрушений; ему возносили мольбы женщины, мечтавшие иметь дочь или сына: они верили, что стоит Гуаньинь услышать их, как появится на свет добродетельный и мудрый сын, а если родится дочь, то и она будет полна достоинств и целомудрия.

Бодисатве Гуаньинь приписывалась чудесная способность к перевоплощению. В облике человека или другого живого существа оно могло появляться повсюду, чтобы нести утешение, избавление от мук, чтобы прощать и любить.

Гуаньинь изображали по-разному. По утверждению индийских буддистов, это божество мужского пола. В Китае до Танской династии (618–906) Гуаньинь рисовали в образе мужчины, и в таком виде изображение выставляли в буддийских монастырях. Затем, однако, оно было отнесено к женскому полу. Богиня Гуаньинь, которую изображают с рас-

пущенными волосами и с ребенком на руках, стала покровительницей матерей и детей.

О ее происхождении бытовало много легенд. Приведем одну из них.

Жила-была прекрасная принцесса Мяо Чжуан, младшая из трех дочерей могущественного князя. Отец хотел выдать ее замуж за нелюбимого человека. Она отвергла жениха и навлекла на себя гнев отца. Принцессу заточили в монастырь. Ее добрый нрав и благочестие снискали расположение неба, но вызвали недовольство отца и настоятельницы монастыря.

Никакие наказания не подействовали на Мяо Чжуан, и разъяренный отец повелел лишить ее жизни. Мяо Чжуан удушили шелковым шнурком, а тело было оставлено в дремучем лесу на съедение тиграм. И вот появление принцессы после смерти в аду оказалось спасением для всех мучеников – рухнули оковы, потухло пламя, исчезли ножи: ад превратился в рай.

После того как Мяо Чжуан воздала хвалу будде Амитабе, она была чудесным образом возвращена на землю в храм Душистой горы на острове Путо.

Жестоко был наказан ее отец: он заболел мучительным неизлечимым недугом, от которого ни один врач не брался спасти его.

Однажды к старому князю явился таинственный врачеватель, монах-отшельник, и сообщил ему, что от страшного недуга можно излечиться лишь лекарством, приготовленным из плоти существа, живущего на острове Путо. Покинув князя, монах принял облик Мяо Чжуан, и через мгновение божественная красавица вновь была перенесена добрыми духами на Душистую гору. Таинственная сила доставила туда же князя и его жену.

Полная великодушия и сострадания к больному отцу, Мяо Чжуан вырвала себе глаза и приготовила лекарство. Жена князя, увидев у нее на руке родимое пятнышко, догадалась, кто перед нею.

Вскоре князь излечился. Узнав от жены, что его спасла от смерти родная дочь, с которой он некогда столь жестоко обошелся, князь вновь направился на остров, чтобы поблагодарить ее и вымолить прощение. Труден был путь к острову. Князя похитил злой дух, его ожидали страшные пытки, но и на этот раз всемогущая Мяо Чжуан спасла отца. Когда князь и его свита добрались наконец до священного острова, они увидели величественную богиню, восседавшую на высоком постаменте: то была Мяо Чжуан. Все ее тело было изуродовано и окровавлено. Отец и мать пали на колени и обратились к ней с мольбой о прощении. Со слезами на глазах отец стал умолять дочь-богиню исцелить самое себя. И вдруг случилось чудо: тело мученицы вновь стало гладким и глаза вновь заблестели. Прежняя Мяо Чжуан предстала перед ними в своей блистательной красоте.

Князь тут же объявил, что отрекается от престола и отныне посвящает себя буддизму. Легенда заканчивается повелением всемогущего Неба о том, что Мяо Чжуан будет божеством доброты и сострадания, покровительницей всех несчастных, всех нуждающихся в помощи – бодисатвой Гуаньинь.

Если женщина пожелает иметь сына, отмеченного счастьем, умом и добродетелью, она должна с поклонами и почтением принести свои мольбы об этом божеству Гуаньинь, и тогда ее желание исполнится.

Богослужение в честь Гуаньинь отличалось осо-

бой пышностью. Буддийские монахи облекались в лучшие одеяния и совершали тщательное омовение. В течение часа до начала службы и часа после нее монахам запрещалось чем-либо заниматься и вступать в разговоры. В это время они обязаны были сосредоточенно обдумывать обеты буддизма.

Церемонию открывала процессия монахов, которые подходили к статуе Гуаньинь, украшенной цветами и яркими тканями. На алтарь перед статуей устанавливали курительные свечи и клали приношения. Приблизившись к алтарю, монахи падали ниц, затем читались молитвы и звучали песнопения.

* * *

Исходный пункт буддийской доктрины – отречение от мира чувств. Буддийскому учению чуждо удовлетворение трудом, наслаждение жизнью; оно проповедует бегство от материального мира, от чувственных желаний, провозглашает тщетность всех людских усилий достичь земного счастья, отрицает радости жизни, объявляет бытие безысходным страданием.

В одной из буддийских книг приводятся следующие наставления Будды: «Дурно управляемые страсти (чувства), подобно необъезженному коню, прорываются наружу и в этом мире навлекают на нас несчастье, а в потустороннем – постоянные страдания. Они (чувства) приводят нас, подобно дикому коню, к верной гибели; посему мудрый и осторожный человек не дает свободы своим чувствам. В действительности эти чувства суть наши величайшие враги, причина несчастий, так как люди, привязываясь к чувственным предметам, навлекают на себя все страдания».

Существование – от рождения и до смерти – есть цепь страданий, следовательно, зло. Причина зла – в связанных с существованием вожделениях, которые происходят от воздействия внешнего мира на органы чувств. Освобождение от зла есть та цель, к достижению которой должно стремиться всякое живое существо. Путь же, ведущий к этой цели, есть освобождение от вожделений и умерщвление плоти.

Вот некоторые поучения из буддийских сутр (священных книг):

«Размышление – путь к бессмертию, легкомыслие – путь к смерти. Бодрствующие в размышлении не умирают никогда; легкомысленные, неведающие подобны мертвым».

«Кто охвачен пламенем страстных влечений, кто жаждет одних лишь наслаждений, тот растит только свои похоти и сам заковывает себя в цепи».

«Только тот может называться мудрым, кто угасил свои страсти, укротил свои чувства, вырвал из сердца всякое влечение и не дает влечению вновь укорениться в сердце своем, – только тот, кто уединенно идет своим путем».

«Если ты искоренишь в себе всякое стремление к временному, телесному, если угасишь в себе страсти, все земное, то не будет такой силы, которая могла бы причинить тебе смерть».

«Из наслаждения возникает печаль, из наслаждения возникает страх; кто свободен от наслаждений, нет для того уже ни печали, ни страха».

«Человек становится мудрым не вследствие учености. Становится он мудрым потому, что освобождается от страстей и желаний».

Невежество, учит буддизм, происходит от господства чувств над духовной природой, а господство

чувств коренится в привязанности к жизни; если освободиться от нее, то прекратится власть чувств и последует просветление. Чтобы спастись от страданий, необходимо покинуть сансару (материальный, чувственный мир) и перейти в нирвану (состояние небытия, покоя, угасания). В одной из буддийских книг понятие «нирвана» объясняется так: «Существует прибежище, где нет ни земли, ни воды, ни света, ни воздуха; где нет ни бесконечности пространства, ни бесконечности разума; где нет ни представлений, ни отсутствия их; где нет ни этого мира, ни другого мира, ни солнца, ни луны. Это не проявление, не уничтожение и не постоянство, это не умирание и не рождение. Это существование без основы, без развития, без опоры. Это есть конец страданий».

По учению Будды, материальный мир (сансара) есть лишь обман чувств. Поэтому необходимо освободить душу от материальной оболочки и привести ее в мир совершенства и истины. Чтобы приблизиться к этому состоянию, нужно освободиться от всех уз, от всего привлекательного, что несет с собой жизнь; заглушить все чувственные и своекорыстные стремления и заменить их самоотрешенностью и любовью к ближнему.

В соответствии с догматами буддизма, материальный мир не существует реально, самостоятельно, он есть лишь проявление мистического духовного начала. В мире происходит движение мельчайших частиц духовного начала – дхарм. Все существа и явления природы образуются из различных сочетаний этих частиц. Смерть человека не означает его полного исчезновения – это распад определенной комбинации и появление новой комбинации дхарм в

образе человека или животного. По таким представлениям, душа умершего вселяется в плоть вновь родившегося человека или животного, поэтому жизнь есть цепь бесконечных перерождений; но для достижения «хорошего перерождения» нужно отрешиться от радостей.

Таким образом, смерть есть не исчезновение, а лишь перерождение. Бедствие, постигшее человека, всегда объясняется грехом, совершенным не им самим, а его предшественниками по воплощениям. Родившееся существо – человек или животное, – в свою очередь, умрет и переродится, и так будет продолжаться вечно.

Вера в перерождение – главная причина бытующих в среде буддистов вегетарианства и отвращения к пролитию крови. Буддист, лишенный в соответствии со своей религией права убивать животных даже в пищу, является как бы невольным вегетарианцем. Истинный буддист обязан прилагать все усилия к тому, чтобы сохранить и продлить жизнь животных. В буддийских храмах содержались обезьяны, змеи, птицы, имелись бассейны для рыб. Что касается собак, кошек, крыс и мышей, то они размножались в буддийских монастырях беспрепятственно. Забота о сохранении жизни насекомых доводила буддийских монахов до крайней неряшливости и нечистоплотности.

«Буддизм, – замечает немецкий китаевед В. Грубо и книге "Духовная культура Китая", – идет в своей заповеди любви к ближнему даже гораздо дальше христианства, применяя ее не только по отношению к людям, но и ко всему царству живых существ. Эта нравственная заповедь является в буддизме естественным следствием учения о пе-

реселении душ, по которому каждый человек в наказание за дурные поступки в земной жизни возрождается в будущей жизни в образе животного».

Если люди хотят избавиться от страданий и обрести вечную жизнь, то они должны исполнять следующие заповеди.

Заповедь 1. *Не убивай.* Не убивать не только людей, но и вообще живых существ. И как мать любит свое дитя и готова пожертвовать своей жизнью для него, так пусть каждый любит всех такой любовью и будет готов отдать жизнь свою за других. Пусть человек растит в себе это чувство любви ко всему миру, пусть не допускает различия между людьми. Пусть человек всегда бодрствует в этом состоянии, ходит ли он, сидит, стоит ли он или лежит. Это и есть самое высшее состояние, доступное человеку. Когда все любят друг друга, не может быть различия между высшими и низшими, господами и рабами.

Заповедь 2. *Не воруй.* Не только не надо воровать или грабить других, но нужно всеми силами помогать каждому воспользоваться в полной мере плодами своих трудов. Человек, познавший истинный путь, воздержится от того, чтобы красть что бы то ни было, не будет содействовать и другим в этом, не будет помогать тем, кто занимается воровством или грабежом.

Заповедь 3. *Берегись смотреть на женщин.* Если ты видишь женщину, то смотри на нее так, как будто ты не видишь в ней женщины. Если ты должен говорить с женщиной, то говори с чистым сердцем и чистыми помыслами. Если женщина стара, смотри на нее как на мать; если она молода – как на сестру, а если совсем молода, то как на дочь.

Заповедь 4. *Не говори неправды.* Говорить

надо только правду, с полной искренностью, не с целью повредить или обидеть кого-нибудь, а мудро, любовно. Нет такого преступления, в котором не участвовала бы, как главная часть его, ложь. Ложь – это желание извлечь какую-нибудь выгоду или причинить обиду. Зависть, лесть, сплетни – все это разные формы лжи.

Заповедь 5. *Не пей хмельного.* Самое драгоценное в человеке – разум. Его всячески надо беречь, сохранять в чистоте. Всякие хмельные напитки затемняют разум, делают разумного человека безумным. А когда разум затемнен, человек лишается возможности отличить правду от лжи, сбивается с истинного пути и способен совершить всякую ошибку, всякое преступление.

Буддизм прославляет полную невозмутимость человека, смирение, презрение к жизни, непротивление злу. Безропотное отношение к жизненным невзгодам и к физическим страданиям является, по убеждению буддистов, проявлением высших моральных качеств человека. Одна из легенд рассказывает об отшельнике Арме, которому отсекли поочередно руки и ноги. Отшельник не возмутился, не сопротивлялся, а лишь кротко повторял: «Я упражняюсь в терпении».

Постепенно в буддизме сформировались две секты: Махаяна («Большая колесница») и Хинаяна («Малая колесница»).

Основные догматы секты Махаяна, получившей широкое распространение в Китае, – сострадание к близким и стремление к самоусовершенствованию. Путь к нирване, по верованиям секты Махаяна, лежит через бесконечный ряд перевоплощений. Страдания и муки за ближних в одном мире дают верующим в другом мире священную силу перевоп-

лощения в существа, наделенные еще большей нравственной и духовной силой.

Секта Хинаяна не проявляет интереса к будущему и прошедшему: весь мир, как земной, так и небесный, она рассматривает в настоящем времени. Идеалом этой секты является превращение человека в будду. Секта Хинаяна не признает перевоплощений: жизнь алоханей вечна, смерть отсутствует, т. е. нет будущего, нет прошедшего, а настоящее бесконечно.

На базе Махаяны в Тибете и Монголии возник ламаизм (или тибетский буддизм), ставший религией маньчжурских императоров и высших сановников. Тибетское слово «лама» означает «высший». Этим словом именовались буддийские монахи в Тибете и Монголии.

Вся система будд, бодисатв, святых и священных стражей в равной мере относится как к буддизму, так и к ламаизму; их философские воззрения на мир идентичны. Различие же между ламаизмом и буддизмом не в содержании, а в форме: буддизм на первое место ставит концептуальную сторону религии; в ламаизме первое место отводится ритуальному, обрядному учению. Для ламаизма характерен культ хубилганов («перевоплотившихся» в людей будд и бодисатв) и лам.

Ритуалы и обряды ламаизма необычайно сложны и разнообразны: они служат ламам средством постижения «мудрых истин Шакьямуни», которые необходимо знать, чтобы, следуя по пути беспрерывного самоусовершенствования, через тысячи перевоплощений достигнуть «блаженного небытия» – нирваны.

Будды и бодисатвы, как существа божественные, не могут общаться с людьми. Исключение со-

ставляет далай-лама, который почитается в Тибете как земное воплощение бодисатвы. В VII в. н. э. буддизм из Индии и Китая проник в Тибет, где он утвердился в форме ламаизма.

Буддийское духовенство в Тибете разработало учение о «живых богах»: бодисатвы спускаются на землю и устанавливают «тесную связь» между божественной и земной сферами. Учение о воплощении богов в людей тесно переплетается с верованиями о перевоплощении людей вообще. В соответствии с этим высокие духовные лица буддийской церкви являются земным воплощением божеств или святых. После смерти такого духовного лица его душа воплощается в плоть вновь родившегося человека.

Человек, достигший нирваны, становился буддой; человек, приближавшийся к нирване, – бодисатвой. Движимые состраданием к живым существам, будды и бодисатвы время от времени сходили на землю, чтобы помочь людям отрешиться от всего мирского и приблизиться к нирване. Это достигалось путем воплощения будд и бодисатв в том или ином человеке. Приняв облик человека, божества не торопились покинуть грешную землю.

Самое высокое духовное лицо в Тибете – далай-лама («великий лама»). Он почитается как земное воплощение бодисатвы; второе место занимает панчен-лама – высший авторитет в чисто религиозных вопросах.

Когда умирает далай-лама, его дух якобы вселяется в плоть родившегося младенца. Высшие ламы начинают искать младенца, в плоть которого вселился дух умершего. До совершеннолетия далай-ламы Тибетом управляли регенты – представители высшего духовенства. Они использова-

ли далай-ламу в своих корыстных целях. Если же он оказывался неугодным, его умерщвляли. Так, например, в 1855 г. 11-й далай-лама был умерщвлен в 18-летнем возрасте, а в 1875 г. 12-й далай-лама – в 20-летнем.

* * *

Буддизм проник в Китай в начале нашей эры и на первых порах был встречен враждебно, поскольку он считался чужеземной религией с совершенно незнакомыми тогда китайцам представлениями о жизни и смерти.

Основными противниками буддизма выступали конфуцианцы, которые не хотели признавать никого, кроме Конфуция, и никаких догм, кроме провозглашенных им и его учениками. Они отвергли буддизм, как отвергалось в Китае вообще все иностранное, а значит, варварское и не культурное.

Проповедникам новой религии пришлось преодолеть всевозможные препятствия, прежде чем буддийские догмы стали «родными» для верующих китайцев. Надо было перевести на китайский язык огромное количество замысловатых буддийских текстов с их сложной терминологией. Учение Будды во многом принципиально расходилось с взглядами Конфуция, который надеялся при помощи своего учения создать счастливую, гармоничную жизнь на земле. Буддисты же рассматривали жизнь как непрерывную цепь страданий, поэтому, по их представлениям, человеку следовало отрешиться от земных забот и мечтать о блаженстве в загробном мире.

Китайцы с древности совершали длительные поездки в Индию для изучения индийских религиозных и научных трактатов. Во времена Танской

династии монах Сюань Цзан в 629 г. н. э. направился в Индию за буддийскими книгами (сутрами). Вернувшись через 17 лет домой, он всецело посвятил себя переводам сутр на китайский язык, внеся значительный вклад в распространение буддийской культуры в Китае.

Постепенно влияние буддизма распространилось во все уголки Китая. «Буддизм, – писал академик В. М. Алексеев, – привлек к себе стихию народной веры главным образом организованным наглядным культом загробной жизни.

Конфуцианство усердно занималось похоронными обрядами, на этом все кончалось. Оно не сообщало народу, что будут делать мертвые... Буддизм же покорил народную религию заботой о загробной жизни и стройным величественным ритуалом, пением, музыкой, помпой... Буддизм пленил воображение бесчисленными и иногда весьма поэтичными легендами о загробной жизни».

Традиционные китайские религиозные верования в какой-то степени страдали недостатком наглядности. Этот недостаток и был восполнен буддизмом с его неисчерпаемым запасом легенд и непосредственно действующим на человеческие чувства культом божеств, запечатленных религиозной иконографией. Буддийский культ воспринял и древние народные заклинания, обращенные к многочисленным богам и духам. В буддийской обрядности широко используются изобразительное искусство, музыка, ритуальные танцы и т. д. Жречество, храмы богов и культ их изображений возникли в Китае под влиянием буддизма. Простому китайцу импонировал буддизм, выступавший против господства одного человека над другим, против жестокости и жадности, проповедовавший мило-

сердие ко всем живущим на земле, простоту и экономию в жизни.

Проникнув в Китай из Индии, буддизм на протяжении многих столетий подвергался «окитаизированию» и, естественно, приобрел ряд новых черт и особенностей.

О необычайно широком распространении буддизма в Китае можно судить по тому, как много буддийских монастырей и храмов было построено в разное время почти во всех районах обширной страны.

Буддийские храмы, как и даосские, состояли из одного или нескольких ромбовидных приземистых зданий, на которые как бы давили высокие, непропорционально большие крыши. Здания обносились высокой стеной, покрытой цветной черепицей. Между зданиями находились обширные мощеные дворы.

Перед главным зданием храма обыкновенно возвышался каменный помост, или паперть, с колоннадой из толстых столбов. Такие столбы можно было встретить возле императорских дворцов, казенных зданий и частных домов. Они изготавливались большей частью из кедра, доставляемого из Индокитая и с Филиппин. Столбы устанавливались также внутри храма, где они поддерживали стропила и резной потолок. Стены храмов, ограда и столбы окрашивались в красный цвет.

Храмы обычно сооружались на склонах гор, около шумящих потоков, откуда открывался вид на лежащую внизу долину, либо вблизи селений, либо у городских стен. Почетное место внутри храма отводилось скульптурным изображениям трех главных будд. Посредине восседал Будда настоящего, а по бокам от него – Будда прошлого и Будда

будущего. На лицах у всех троих – бесстрастно-благодушное выражение. Лики остальных божеств искажены гневом и свирепостью. Общее число идолов, обитавших в отдельных храмах, доходило до тысячи.

По воззрениям буддистов, белый и желтый цвета символизируют покой, умиротворенность духа; красный, голубой и черный – страх, беспокойство, смятение. Обычно изображения божеств окрашивались в белый цвет, злых духов – в черный.

Непременной принадлежностью храма была парадная арка (пайлоу), посвященная какому-нибудь божеству. Через такие арки во время торжественных процессий выносили статуи божеств, через них в храм входил император. Парадные арки нередко воздвигали также отдельно, вне территории храма, как памятники, имеющие самостоятельное значение.

В буддийских храмах роль посредников между богами и людьми исполняли монахи.

Послушник, готовившийся стать буддийским монахом, обязан был соблюдать строжайшие обеты: не вступать в брак, не лгать, не приобретать предметов роскоши, не принимать участия в танцах и театральных представлениях, не сидеть на высоких и роскошных сиденьях, не принимать пищу в неположенное время, не владеть скотом, золотом, серебром и драгоценными камнями; в женщинах послушник мог видеть только матерей и сестер. Когда юноше исполнялось 20 лет, ему брили голову и облекали в рясу.

Желавший принять сан сначала в течение трех лет изучал священные книги. После этого он направлялся в храм. Настоятель подводил его к изображению Будды. Посвящаемый становился на ко-

лении и объявлял, что он добровольно принимает монашеские обеты.

Чтобы сделаться буддийским монахом, нужно было, помимо соблюдения обетов пройти и соответствующие испытания. Иногда для проверки воли и терпения к бритым головам испытуемых прикладывали раскаленные угольки (по числу клятв, которые приносил будущий монах). Эти угольки крепко прижимали к темени, после этого на голове надолго оставалось несколько пятен – символ долготерпения. Затем жрецы брали три курительные свечи, обмакивали их в растительное масло, ставили на голову посвящаемому и зажигали. Будущий монах испытывал сильную боль, но не должен был двигаться. Шрамы от такого испытания оставались на всю жизнь. Если испытуемый позволял себе хотя бы пошевельнуться, его не принимали в монастырь. Успешно прошедший испытание становился монахом, и ему выдавалось свидетельство об этом.

При богослужении буддийские монахи одевались в желтого цвета шелковые или хлопчатобумажные облачения с большими отложными воротниками и широкими рукавами. В остальное время они носили халаты такого же покроя, но пепельно-серого цвета.

Чтобы достичь совершенства и познать сущность буддийского учения, от монаха требовалось созерцание и уединение. В буддийском наставлении говорилось:

«Если хочет монах быть любимым, почитаемым и уважаемым своими учениками, пусть он, братья, будет праведником, живет в мире духовном, пусть не забывает радостей созерцания, вникает в глубь вещей, уединяется.

Если хочет монах достичь избавления, жить

Служба в буддийском храме

внутренней жизнью, не связанной плотью, пусть он идет путем правды, проживает в мире духовном, не забывает радостей созерцания, вникает в глубь вещей, уединяется.

Если хочет монах внимать ясным и божественным слухом, превышающим людской, гласы человеческие и небесные, близкие и далекие, пусть он идет путем правды, проживает в мире сердечном, не забывает радостей созерцания, вникает в глубь вещей, уединяется».

Американский востоковед К. Вильямс, посетивший буддийский храм в Китае в конце XIX в. так описал «работу» монахов: «По обе стороны алтаря стояли по семь монахов. Всего их было четырнадцать человек – вытянувшихся, неподвижных, со сплетенными пальцами и потупленным взором. Бритые головы и желтые одеяния придавали их позам торжественный вид. Медленное, на низких тонах, монотонное песнопение монахов могло вызвать торжественные эмоции верующих и отвлечь их

мысли от мира сего. Трое монахов музицировали: один бил в огромный барабан, другой – в большие металлические тарелки, третий – в деревянный шар. Монахи стали на колени, склонились перед колоссальным изображением Будды и совершили челобитие. Затем встали, повернулись лицом к лицу и начали медленно напевать молитвы. Резко убыстрявшийся темп музыки и песнопения доходил до кульминации, а затем этот темп постепенно снижался и становился обычным».

У буддийских монахов непременно были четки, представлявшие собой пояс или ожерелье из жемчуга, изумрудов, рубинов, сапфиров, бирюзы, кораллов, янтаря, нефрита, слоновой кости, золота, серебра. Маленькие четки имели 18, а большие – 108 бусин одинакового размера.

Нередко буддийские монахи удалялись из монастыря, поселялись в уединении среди гор, жили в хижинах или пещерах. Они занимались только тем, что возжигали свечи перед божествами, повторяли молитвы и готовили себе простую и грубую пищу. Некоторые из них проводили долгое время в запертых комнатах или кельях. Свою уединенную жизнь они начинали с исполнения соответствующего ритуала.. В назначенный день монах входил в комнату, двери в которую были опечатаны и на них наклеены полоски бумаги с написанными иероглифами – датами начала уединения и «выхода на белый свет». В стене такой комнаты делалось небольшое отверстие для передачи пищи.

Перед буддийским храмом неизменно водружалось каменное изображение фантастического животного, напоминавшего льва, стоящего или сидящего на задних лапах.

Львов на территории Китая не было. Появление

их изображений связано с проникновением буддизма, в соответствии с символикой которого лев является защитником закона и стражем священных храмов. У входа в официальные учреждения также нередко устанавливали скульптуры львов – они служили средством запугивания демонов. Иногда каменные львы «охраняли» могилы императоров, их приближенных и других знатных людей.

Возле статуй будд обычно находилось много лампад и курительных палочек из сандалового дерева. Всякий входящий в храм должен был зажечь от горящей лампадки три курительные палочки и воткнуть их в пепел. Тем самым верующий как бы показывал свое преклонение перед образами небесных владык.

Одним из наиболее популярных храмов был храм Чэнвана – покровителя города. Если в остальные храмы верующие обращались с повседневными просьбами, то сюда приходили за советом по наиболее серьезным и неотложным делам.

Покровитель города Чэнван считался у буддистов посредником между землей, небом и адом. Он неотступно следил за добрыми и дурными делами своих подопечных в данной местности, о хороших делах докладывал небу, а о дурных – владыке ада. Это божество внушало верующим особый страх – ведь каждый боялся попасть в ад. Культ Чэнвана был непосредственно связан с поклонением богам ада, поэтому в его храме обычно помещались изображения ада и Страшного Суда.

Покровитель города якобы лучше всех остальных божеств умел разбираться в сложных и запутанных преступлениях, мог излечивать самые тяжелые болезни. Он был призван мстить за преступления и злые дела людей, так как постоянно общался с вла-

дыкой преисподней и являлся его представителем на земле. Наказания, насылаемые покровителем города на людей, – это лишь прелюдия гораздо более страшных мучений, которые ожидали грешников в аду. Ни одно злодеяние, ставшее известным покровителю города, не оставалось без возмездия. Идол находил тысячи способов наказать виновного. Болезнь кого-нибудь из домашних – это лишь первое предупреждение, а потом следовали куда более тяжкие испытания: то дела виновного приходили в полное расстройство, то умирал кто-нибудь из его близких, то еще какие-нибудь несчастья начинали сыпаться на его дом.

Карая людей, идол заботился лишь о восстановлении попранной справедливости; он не считался ни со званием, ни с положением виновного, и поэтому никакие заслуги и никакое заступничество друзей не могли отвратить неминуемой кары.

Одной из важных обязанностей божества – покровителя города была забота о благе находившегося на его попечении населения. Если после продолжительной засухи чиновник молил небо о ниспослании на землю дождя, он должен был обратиться к посредничеству городского бога. Чиновник падал ниц перед его изображением, а буддийские монахи произносили в это время молитвы и заклинания. После богослужения обычно устраивалось шествие по городу. Впереди процессии несли бумажную куклу, изображавшую демона засухи, которую затем разрывали в мелкие куски или топили в реке.

Чтобы привлечь внимание богов к просьбам молящихся, использовались различные ударные музыкальные инструменты: гонги, барабаны, колокола – железные, медные или даже деревянные.

Иногда применялись взрывающиеся хлопушки: предполагалось, что таким грохотом можно отпугнуть злых духов и разбудить дремлющих богов.

По китайскому обычаю, лучшее средство заслужить чье-нибудь благоволение – поднести подарок, и чем дороже, тем больше шансов на успех. Этот обычай соблюдался во всех случаях жизни. Например, поднесение подарка судье было совершенно обязательным. Наделяя идолов человеческими чертами, суеверные люди рассуждали так: раз подарки принимаются чиновниками, они должны быть приятны и идолам – ведь боги прежде были людьми и вряд ли, покинув землю, они сумели исцелиться от пристрастия к подношениям и взяткам. Поэтому каждому обращению к божеству предшествовало сжигание бумажек, имитировавших деньги. Эта процедура преследовала цель умилостивить идола и расположить его в пользу молящихся.

Когда кто-либо особенно хотел, чтобы его молитва была услышана, он приносил в жертву мясо или другие вкусные блюда. Жертвоприношение ставилось на алтарь перед божеством. Предполагалось, что бог, наслаждаясь ароматом, почувствует удовлетворение, а посему согласится уважить обращенную к нему просьбу.

Свои впечатления о храме, где находился бог – покровитель города, Дж. Макгован описывает так (передаем с некоторыми сокращениями):

«Войдя через одну из боковых дверей, мы заметили двенадцать сделанных из дерева фигур в человеческий рост каждая. Это была стража или слуги главного идола, исполнявшие различные его поручения. В их обязанности входило выяснить обстоятельства преступления, совершенного грешником, привести виновного к главному идолу, кото-

рый определял меру наказания в соответствии с содеянным. Разрушительные силы времени и погоды оставили свой глубокий след на внешности этих фигур, и, чтобы вернуть им соответствующий вид, требовалось мастерство плотника и художника.

Пройдя мимо стражи, мы вступили в храм и на возвышении увидели главного идола. Если внешность его слуг оставляла желать лучшего, то об их повелителе этого сказать было нельзя. Покрывавшая статую позолота была подновлена, и вообще во всем чувствовалась забота о нем.

Лицо идола было сурово: казалось, он нахмурился и обдумывает решение по какому-то очень сложному делу. Такое выражение лица идола как нельзя более подходило к запутанным и темным делам, обыкновенно разбиравшимся в этом храме.

Рядом с главным идолом находилась другая статуя в рост человека – его секретарь или письмоводитель. С суровым, ученым видом он сидел за столом, держа в руках кисть, и писал что-то важное и серьезное. По народным представлениям, он ведет летопись всех злодеяний и преступлений, излагаемых на суде перед идолом – покровителем города. Записи секретаря должны храниться в архиве храма, а затем быть переданы в подземный мир, где каждому будет установлено соответствующее наказание...»

В день богослужения верующие небольшими группами направлялись в храм. Они несли корзинки со свечами и курительными палочками. Обычно все одевались в красивые чистые халаты – считалось неприличным и неуважительным показываться перед богами в повседневной одежде. Верующие надеялись, что одежда и скромное поведение произведут должное впечатление на богов.

Придя в храм, зажигали свечи и ставили их перед алтарем, а зажженные курительные палочки втыкали в золу курильниц, которые стояли перед каждой скульптурой. Тем самым давали знать богам о присутствии верующих в храме и их намерениях. Установив свечи и курительные палочки, верующий опускался на колени, совершал челобитие и произносил молитву.

Верующие общались с богами по-разному. Бывало и так. Человек хотел «посоветоваться» по поводу возникшего затруднительного положения. Он брал в руки открытую с одной стороны цилиндрическую коробку, наполненную множеством маленьких полосок бумаги, становился на колени перед изображением бога и начинал трясти эту коробку до тех пор, пока одна из бумажек не выпадала. На выпавшей полоске бумаги была написана цифра. В священной книге отыскивали соответствующее место и получали ответ – есть ли какой-либо выход из затруднительного положения или нет, будет достигнута поставленная цель или нет и т. п.

Передача решения важных вопросов на суд божий проходила только в храме бога – покровителя города, так как клятва, произнесенная здесь, имела для китайца особое значение. В другом месте он с легким сердцем мог поклясться много раз, хотя бы все, в чем он клялся, было ложью. Между тем суеверный страх перед мучениями в случае ложной клятвы заставлял даже самого отъявленного преступника поколебаться, прежде чем решиться дать клятву в храме покровителя города: ложная или даже легкомысленная клятва, произнесенная здесь, не оставалась безнаказанной.

Как-то раз бог-покровитель «покарал» жителя

одного из южных городов Китая в начале XX в. за ложную клятву.

Богач приобрел в собственность родовое владение некой разорившейся семьи. Однако впоследствии счастье улыбнулось одному из членов этой семьи: он разбогател и решил выкупить потерянную собственность. Но богач отказался уступить владение и стал доказывать, что оно всегда принадлежало ему. Тяжба была передана на рассмотрение судье. Последний понял, что придется решать дело в пользу прежних владельцев, а это не приведет к миру: на стороне богача были деньги и влияние. Чтобы не вызывать осложнений, судья передал дело в храм покровителя города. В назначенный день перед идолом было приготовлено место для судьи, и обе стороны явились в храм. После предварительного разбирательства судья заявил: «Я вижу, что вы никогда не придете к соглашению. У каждого из вас имеются документы на землю, и каждый считает их действительными. Кто-нибудь, однако, должен быть не прав, и потому я предлагаю предоставить решение вашего дела на усмотрение идола».

Истец с радостью согласился на это предложение. Что же касается ответчика – богача, то, хотя он был недоволен таким поворотом дела, в конце концов ему пришлось уступить. Прислужники судьи были отправлены за необходимым в таких случаях белым петухом. Когда все было приготовлено, судья сошел со своего помоста, как бы предоставляя решение дела идолу.

Богач выступил вперед, держа в руках документ; рядом с ним стоял его слуга с белым петухом в руках; поодаль – сыновья, а также родственники богача и друзья, явившиеся на суд, чтобы поддержать его сторону.

Безмолвный идол с застывшим выражением лица и его секретарь с глазами, устремленными на свои рукописи, казалось, приготовились слушать тяжбу сторон. Богач произнес, как полагается, клятву, но в тот момент, когда он начал призывать на себя всякие несчастья и бедствия, если клятва его ложна, и отрубил голову петуху, раздался крик, и затем наступило всеобщее замешательство. Оказалось, что один из сыновей богача лежит на полу, пораженный параличом. Судье оставалось только заявить, что владение передается истцу, так как богач солгал.

О том, какую «работу» выполнял идол в храме, можно судить и по следующим описаниям очевидца.

...Вот в храм вошел китаец. По покрою его одежды и загорелому лицу можно было безошибочно угадать, что он пришел из деревни. Подойдя к идолу, он сделал движение рукой вокруг головы, от которого коса его размоталась и повисла. Это был знак уважения к идолу, так как, по буддийскому этикету, при обращении к божествам коса непременно должна быть опущена вниз. В руках у крестьянина были благовонные свечи. Он зажег их и воткнул в особую подставку, стоявшую перед статуей. Затем он сжег принесенную с собой связку бумажек, имитировавших серебряные слитки.

После этого крестьянин достал длинный бумажный свиток – прошение, обращенное к божеству, и громким голосом начал читать его. Речь шла о том, что его отец, умирая, оставил дом и землю ему и его младшему брату. Последний сбился с пути, стал играть в азартные игры и курить опиум. Растратив отцовские деньги, он подделал документы и полностью продал наследство богатому соседу. Далее в

прошении рассказывалось, как крестьянин умолял соседа отказаться от земли, продавать которую его брат не имел права, но все было напрасно. Богатый сосед подкупил судью, и теперь вся надежда крестьянина была лишь на идола. Крестьянин молил идола отомстить за него соседу, навлечь на дом богача всевозможные несчастья и сделать его жизнь сплошным горем. Он молился, чтобы семью врага постигли неизлечимые болезни, чтобы его жена сделалась бесноватой, а дети – бездомными бродягами, чтобы богач разорился и кончил жизнь в самой ужасной нищете. Бедняк просил идола послать богачу невыносимые боли и страдания, которые бы непрерывно мучили его всю жизнь и прекратились бы лишь со смертью.

Прочитав вслух свою жалобу, составленную точно по образцу официальных прошений, крестьянин сжег ее перед идолом и сделал несколько поклонов. Он не надеялся вернуть назад отцовское состояние – оно безвозвратно потеряно для него. Но, по его понятиям, он пустил в ход такую силу, которая в конце концов доконает врага.

...В храм явились два китайца. Оба они выглядели весьма солидно, и по всему было видно, что прибыли сюда по очень важному делу. Один из них, мужчина средних лет, напоминал состоятельного торговца. Черные глаза его сверкали от гнева, и видно было, что он крайне возбужден. Из расспросов выяснилось, что недавно у него украли довольно крупную сумму денег, которые были спрятаны в доме. Деньги эти составляли весь капитал торговца: на них он вел торговлю и производил платежи. Собравшись в тот день утром достать деньги для уплаты по векселю, он, к своему ужасу, обнаружил, что они исчезли.

Так как никто, кроме приказчика, не знал, где спрятаны деньги, то, естественно, первое подозрение пало на него. В страшном волнении купец призвал приказчика к себе и потребовал вернуть украденные деньги, но приказчик стал отпираться и в доказательство своей невиновности предложил поклясться в храме покровителя города.

И вот они оба стоят перед идолом. Обвиняемый производит впечатление человека взволнованного, но, судя по тому, как прямо и открыто он смотрит всем в глаза, трудно заподозрить в нем вора. То, что он сам захотел явиться в храм покровителя города и поклясться в своей невиновности, также свидетельствовало в его пользу. Только отъявленные мошенники или люди с железными нервами способны были произнести в этом храме ложную клятву, не боясь тех ужасных последствий, которые их ожидают. В руках приказчик, по обычаю, держал белого петуха.

Церемония началась опять-таки с воскурения благовонных свечей и сожжения связки бумажек, имитировавших серебряные слитки. После этого купец прочел бумагу, в которой излагалось постигшее его несчастье и выражалось убеждение, что кражу денег совершил не кто иной, как его приказчик. Купец просил идола своим влиянием заставить вора вернуть деньги, а если тот не сделает этого, наслать на него такое наказание, которое ужаснуло бы всех соседей. После прочтения документ был сожжен.

Затем выступил обвиняемый. Заявив, что денег не брал и не знает, где они находятся, он стал призывать на свою голову мщение богов, если только окажется виновным, просил, чтобы вся его жизнь стала сплошным мучением. Пусть нищета будет его

вечным уделом, пусть страшные несчастья обрушатся на его голову и пусть, наконец, его внезапно поразит смерть. С этими словами приказчик отрубил ножом голову петуху и бросил птицу на пол.

Через несколько дней после этого настоящий вор, очевидно опасаясь, что его постигнут все те несчастья, которые призывались в храме на голову грабителя, подбросил торговцу похищенные деньги, не открывая, однако, кто он. Тому было все равно, кто вор, раз деньги возвращены полностью. Но начатое дело уже не могло остановиться. Купец вынужден был отправиться в храм и заявить там перед идолом, что он неправильно обвинил человека. Новое заявление было сделано им с той же церемониальной торжественностью, как и первое. В заключение жалобщик благодарил идола за оказанную ему «скорую помощь».

...Старая китаянка, придя в храм, купила у жреца пачку благовонных свечей и направилась к статуе божества милосердия Гуаньинь. Остановившись перед статуей, старуха устремила на нее взор и долго стояла в молчании. Затем тихим голосом принялась рассказывать божеству про свои болезни. По ночам она не может спать, у нее пропал аппетит, и, несмотря на усилия докторов, здоровье ее ухудшается и ухудшается. Старушка просила Гуаньинь оказать благодеяние и вернуть ей утраченное здоровье...

В храмах происходили и такие сцены. Монах, «установив связь» с потусторонним миром, обращался к верующему со словами: «Ваш дедушка всеми помыслами стремится к свободе. Требуются деньги, чтобы наши молитвы смогли спасти его, вызволили его страдающую душу». Верующий давал требуемую сумму. Но монах становился еще

Владыка ада Янь Лован выносит приговор грешникам

настойчивее. Словно актер-трагик, он вскрикивал: «Еще немного усилий – и ваш дедушка будет освобожден! Вы слышите его мольбы и стенания! Неужели вы проявите скупость и откажетесь дать еще немного денег, чтобы спасти душу вашего дедушки?» Потрясенные способностью монаха сноситься с потусторонним миром, родственники отдавали все деньги, которые имели при себе, лишь бы душа усопшего обрела свободу.

Буддизм принес в Китай учение о рае и аде, о подземном царстве и загробном возмездии (следует при этом иметь в виду, что рай и ад одновременно являются атрибутами и даосизма). Буддийский рай по-китайски называется «мир высшей радости» или «чистая страна». Люди верили, что существовал «мир теней», который соответствовал земной жизни: души усопших наказывали там за дурные поступки и поощряли их достойные дела.

Буддийскому раю присущи обычные «райские признаки»: медовые реки, золотые деревья с необыкновенными плодами, вечная музыка, пение и блаженство. Особенность буддийского рая в том, что в нем отсутствуют женщины; если они даже и удостаиваются чести быть допущенными в рай, то сразу же превращаются в мужчин.

Раю противопоставляется ад: по-китайски он называется ди-юй – «подземная тюрьма», или «преисподняя». Находится ад глубоко под землей на дне огромного океана. В больших храмах можно было увидеть «схематическое изображение» ада: в виде кругов, сужающихся кверху, причем в каждом круге устраивались особые ниши или выступы, куда помещались небольшие фигурки судей, чертей, палачей и грешников. Повелителем ада считается бог смерти Яма (по-китайски его называют Янь Лован).

По буддийским поверьям, когда человек умирал, его душа сначала направлялась к богу-покровителю данной местности, а затем к богу-покровителю городов. Эти боги представляли верховному божеству, Нефритовому императору, доклады о добрых и злых делах усопших. В соответствии с этими докладами усопших вознаграждали за добро или наказывали за грехи. Демоны ада заставляли греш-

ников смотреть в огромное зеркало, в котором отражались все плохие дела, совершенные ими.

В буддийских легендах говорится о 20 отделениях ада, где грешники подвергаются различным изощренным пыткам в соответствии со злодеяниями, совершенными ими.

За совершенные преступления грешники приговаривались к различным наказаниям: их мучили голодом и жаждой, кололи вилами, клещами сжимали сердце и печень, наносили удары трезубцем, разрезали пилой на куски, клали на доски с торчащими острыми гвоздями, выкалывали глаза, вырывали язык, высасывали кровь, вешали вверх ногами, отрезали руки и ноги, бросали в котел с кипящим маслом и т. д. По воззрениям буддистов, человек подвергается наказаниям в аду не вечно, а проходит своеобразное «очищение» от грехов.

Самым главным испытанием для обитателей ада считалось «колесо закона», или «колесо жизни» – личный символ Будды.

В центре колеса изображены «три вредных существа»: змея – символ ненависти, птица – символ вожделения, свинья – символ невежества.

Круг колеса разделен на шесть отделений, из которых три находятся наверху и называются «три состояния блаженства»; три находятся внизу и называются «три состояния гибели», представляя собой различные круги ада.

Внешний узкий ободок, называемый «двенадцать действий», связан с главным замыслом «колеса жизни» – изобразить двенадцать различных фаз жизни от рождения до старости и смерти.

Испытывая жертву на «колесе закона», ее помещали между спицами вращающегося колеса.

Если грешник оказывался наверху с правой стороны колеса, ему предстояло перевоплотиться в благородного человека; если грешник был внизу с левой стороны колеса, тогда ему отводился удел вдовца, сироты, бездетного, калеки, хромого или слепого. Неудачник, попавший в правую сторону внизу колеса, перевоплощался в живородящее существо, а в левую сторону внизу колеса – в яйценосное существо. И наконец, та жертва, что оказывалась в колесе с правой стороны и в самом низу, перевоплощалась в раковину или рыбу, а на таком же уровне с левой стороны – в насекомое.

В зависимости от тяжести преступления и поведения грешника судьи в буддийской преисподней принимали соответствующее решение: кем должен вновь родиться умерший – мальчиком или девочкой, красивым или некрасивым, богатым или бедным и т. д.

Из всех доктрин буддизма особенно привилась в Китае вера в перерождение. О перерождении в народе распространялись самые невероятные рассказы. Приведем один из них.

Господин Шэн родился в городе Сучжоу. До его рождения недалеко от дома семьи Шэн в небольшой часовне жил буддийский монах. Когда пришло время смерти монаха, он позвал к себе мать и сказал ей: «Я умираю, но ты не плачь обо мне. Скоро я перерожусь в младенца семьи господина Шэна. Ты должна ежедневно стоять у ворот его дома и просить милостыню. В день моего появления на свет слуги господина Шэна скажут тебе, что они очень заняты и им не до нищей, потому что у хозяина родился сын. Но ты никуда не уходи. Я буду кричать и вызову большой переполох в семье господина

Наказания грешников в аду

Шэна. Слуги будут в смятении и скажут, что не знают, как унять крик новорожденного. Тогда ты должна им предложить свои услуги, чтобы успокоить ребенка. Вначале они даже слушать тебя не захотят, но через некоторое время согласятся и пригласят тебя во двор. Когда я увижу тебя, я сразу перестану плакать, и ты станешь моей няней».

Мать сделала все, как велел ей сын. Каждый день она приходила к воротам дома господина Шэна и просила милостыню. Однажды его слуги велели ей убираться прочь – в семье родился мальчик и никому нет дела до нищенки. Она все же осталась и

вдруг услышала крик ребенка. Слуги сбились с ног, стараясь успокоить дитя. Но все было напрасно. Старая женщина предложила свои услуги, но долго никто не хотел ее слушать. Наконец, устав от бесплодных усилий, слуги обратились за ее помощью. Ребенок сразу же умолк, и нищую взяли к нему няней.

Когда мальчик подрос, он часто гулял с няней недалеко от дома. Во время одной из таких прогулок, увидев маленькую часовню, он уговорил няню осмотреть ее. Войдя в часовню, мальчик сказал: «Здесь должен быть шкаф, а в шкафу книга, которую я оставил. Пойдем посмотрим!» Они вошли и действительно обнаружили шкаф, а на полке лежала книга. Так няня убедилась, что ее покойный сын перевоплотился в этого ребенка. Это было чудо, недоступное пониманию простых людей.

* * *

На протяжении многих столетий «три религии» – конфуцианство, буддизм и даосизм – сосуществовали в Китае, дополняя друг друга. Культ предков, который лежит в основе конфуцианства, буддизм и даосизм дополнили учением о рае и аде. Китайцы издавна верили, что души усопших продолжают где-то жить, но где именно и как это происходит, никто не мог ответить. Буддизм, приспособившись к культу предков, заполнил этот пробел учением о перерождении душ. Существует духовное родство между буддизмом и даосизмом в проповеди аскетического образа жизни.

Академик В. М. Алексеев писал о божествах в китайских храмах: «На иконах иногда рисуют всех трех патронов – Конфуция, Будду и Лаоцзы –

в едином контуре, не делая разницы между ними. Каково Конфуцию, презиравшему религию и только высокомерно ее терпевшему, очутиться в объятиях Будды, а Будде, монаху, аскету, холостому ненавистнику плоти, видеть, как перед ним жгут свечи, прося о рождении сына или о скорейшей наживе и обогащении. Или философу Лаоцзы превратиться в родоначальника знахарей и заклинателей! Но, несмотря на столь резкую разницу вкусов, все они слились во всепоглощающей китайской народной религии, слепо ищущей заступничества от лиха, которое-де подстерегает на каждом шагу».

Многие божества одновременно принадлежат и даосскому и буддийскому пантеону, поэтому трудно провести между ними строгое разграничение. Божество Гуаньинь, относившееся, как уже говорилось выше, к буддийскому пантеону, со временем было включено и в даосский пантеон (у даосов – Няннян). Верующие, не делая различий между Гуаньинь и Няннян, поклонялись одной богине – покровительнице плодородия и сыновей. Изображения Гуаньинь можно было встретить и в буддийских, и в даосских храмах. Бога войны Гуаньди считали буддийским богом, однако он почитался и верующими даосами. Нефритового императора долгое время и даосы, и буддисты считали «своим», и только впоследствии, в борьбе за «овладение» этим божеством, верх взяли даосы.

В народных верованиях конфуцианство, буддизм и даосизм слагались в своего рода единый комплекс, каждый раз окрашенный некоторыми местными обычаями и суевериями. Поэтому в Китае невозможно было обнаружить в чистом виде ни буд-

дизма, ни даосизма, ни конфуцианства. Это привело к возникновению религиозного синкретизма (соединения религий).

Все «три религии» почитали государственный культ, в котором император занимал место первосвященника; они пользовались поддержкой правительства, а некоторые божества буддизма и даосизма были причислены к государственному пантеону и удостоены официального поклонения.

Сделавшись буддистом, китаец в то же время продолжал поклоняться Небу, Земле, Луне, Солнцу и духам предков, соблюдать моральные наставления Конфуция, приносить жертвы усопшим и т. д. Китаец мог быть конфуцианцем и одновременно верить в учение буддизма и даосизма. «Почти во всех храмах (а их масса), – отмечал академик В. М. Алексеев, – я наблюдаю все тот же синкретический хаос, т. е. полное смешение всех трех учений (сань-цзяо): конфуцианства, даосизма и буддизма. Впрочем, к нелогичности такого порядка китайская религия вполне равнодушна: в ней, собственно, каждый молящийся – сам себе жрец».

И все же можно выделить наиболее характерные черты каждого из «трех учений»: в конфуцианстве – это проповедь послушания младших старшим в семье и обществе; в даосизме – мистическая вера в потусторонние силы; в буддизме – отрешенность от жизненных радостей.

«Из этих трех религиозных культов, – писал в 1902 г. французский китаевед Э. Реклю, – буддизм очень заметно преобладает над обоими другими числом своих приверженцев, но он только отчасти оказывает влияние на суть китайского са-

мосознания, которое в действительности почти исключительно конфуцианское в силу того, что Конфуций обосновал свою доктрину о боготворении предков».

Действительно, несмотря на сосуществование и взаимовлияние конфуцианства, буддизма и даосизма, можно констатировать, что в многовековой истории Китая конфуцианство всегда было главенствующим началом в сложном процессе синтеза «трех учений», или «трех религий».

СЫН НЕБА – ВЛАДЫКА ПОДНЕБЕСНОЙ

Писать о жизни и деяниях правителей Китая – дело сложное: их повседневная жизнь отгораживалась глухой стеной от посторонних взоров, и история не оставила об этом достоверных данных. Такие сведения не подлежали огласке.

Тысячелетние традиции, поддерживаемые беспощадной расправой над их нарушителями, соблюдались неукоснительно: никто со стороны не смел наблюдать за жизнью императора и вслух называть его имя; а во время выезда императорского кортежа за пределы дворцов простолюдину под угрозой суровой кары запрещалось даже взглянуть на лик владыки Поднебесной. Вот почему описания жизни правителей Срединного государства в различных источниках не всегда точны, и это следует иметь в виду.

Как уже говорилось, Небо, по учению Конфуция, «повелевало» землей не непосредственно, а через императора, которому за его якобы божественное происхождение был присвоен титул Сына

неба. Его именовали «всемирным монархом и господином Вселенной, которому все должны подчиняться».

Правителя Поднебесной боготворили и необычайно высоко возносили. Его величали по-разному: Тянь-цзы (Сын неба); Богдыхан (что по-монгольски значит «Премудрый правитель»); Дан-Цзинь фо-е («Будда наших дней»), Чжу-цзы («Владыка»), Ваньсуй-е («10000-летний властелин»), Шэн-чжу («Августейший владыка»), Шэн-хуан («Святой император»), Юань-хоу («Первый владыка»), Чжицзунь («Высокочтимый»). Чаще всего его называли Хуан-ди («Великий император»).

Самого себя Сын неба называл Гуа-жэнь («Единственный человек») или Гуа-цзюнь («Единственный государь»). Существовало даже особое личное местоимение, которое употреблялось только по отношению к императору, – чжэнь (мы). Подданный Срединного государства при обращении к своему повелителю не имел права употреблять личное местоимение «я» – надо было говорить слово «раб» (нуцай): «Раб слушает...», «Раб не знал...», «По незрелому мнению раба...» и т. п.

Ближайшее окружение приветствовало повелителя Китая возгласом: «Десять тысяч лет жизни!», а его первую супругу – «Тысяча лет жизни!» Хотя подданные Срединного государства желали правителю «безграничного долголетия» или «десяти тысяч лет жизни», они понимали, что и он смертен. Об этом в народе говорили так: «Даже император не может купить тысячу лет жизни».

Императора нередко сравнивали с сосудом, а народ с водой: как вода принимает форму вмещающего ее сосуда, так будто бы и народ не раздумывая

покоряется повелителю Срединного государства и всего мира.

Китайская нация по традиции рассматривалась как одна большая семья, отцом и матерью которой (одновременно!) был император. В феодальном Китае имела широкое хождение поговорка: «Государь – отец и мать народа». Всем членам этого «семейства» предписывалось проявлять к императору сыновнюю любовь и почтительность.

По учению Конфуция, император стоял на вершине общества, основанием которого служила семья. Между семьей и государством, между главой семьи и государем Конфуций проводил параллель. Правитель считался отцом большой семьи, т. е. государства, и все подданные обязаны были повиноваться ему. Государи, учили конфуцианцы, должны требовать от подданных того, чего потребовал бы отец от своих детей; подданные должны относиться к государю как почтительное чадо к родителю.

Мнение императора считалось непререкаемым, и никто не смел усомниться в его правильности: если он назовет черное белым, а белое – черным, это не должно ни у кого вызывать сомнений. Неудивительно, что в народе широкое распространение получила поговорка: «Указывая на оленя, утверждать, что это лошадь» (чжи лу вэй ма). Этимология этой поговорки представляет определенный интерес. После смерти основателя первого централизованного китайского государства Цинь (III в. до н. э.) императора Цинь Шихуана его престол перешел к сыну Ху Хаю. Фактически же страной правил первый министр Чжао Гао, который намеревался захватить престол. Опасаясь, что сановники не под-

чинятся ему, он решил испытать их верность. Для этого Чжао Гао подарил императору оленя, сказав, что это лошадь. Император ответил ему: «Вы ошибаетесь, называя оленя лошадью». Когда же опросили сановников, то некоторые из них промолчали, другие сказали, что перед ними лошадь, а третьи – что олень.

В дальнейшем Чжао Гао уничтожил всех тех сановников, которые назвали оленя оленем. С тех пор выражение «Указывая на оленя, утверждать, что это лошадь» стало синонимом открытой лжи, подкрепленной властью и насилием, а потому не подлежащей опровержению.

Огромному большинству людей, населявших Срединное государство, император представлялся таинственным, сверхъестественным существом. Подданным почти не удавалось его видеть. За пределы дворца император выезжал в редких случаях – для жертвоприношений или посещения могил предков. Но и в эти дни народ заблаговременно удалялся с тех улиц, по которым должен был проследовать императорский кортеж.

Автор книги «Путешествие в Китай» (1853 г.) Е. Ковалевский так описал выезд маньчжурского императора Даогуана: «Когда хуан-шан (так называют китайцы императора в разговоре между собой) проезжает по улицам Пекина – что, впрочем, редко случается, – с них все сметают: прежде всего народ, потом грязь и всякий мусор; убирают балаганы и лавчонки со всяким хламом, прогоняют собак и свиней. Все переулки занавешиваются. Дорогу посыпают желтым песком. Прежде император всегда ездил верхом; теперь иногда показывается на носилках. Сидит он неподвижно, ровно, не поведет глазом, не повернет головой во всю дорогу, и

потому-то любопытные иногда решаются взглянуть сквозь щель ворот или окна на Сына неба в полной уверенности, что их не заметят. В числе этих любопытных были и мы. Толпы солдат, слуг и всякого рода чиновников, всего человек до тысячи, сопровождали его, и это оживляло улицу, на которой воцарялась могильная тишина после всегдашнего гама и шума, господствующих на улицах Пекина». Почтительность, которую выражали императору, соответствовала его неограниченной власти. Каждое его слово выслушивалось с благоговением, и малейшее приказание исполнялось без промедления. Никто, даже брат императора, не мог говорить с ним иначе, как стоя на коленях. Только вельможам, составлявшим его повседневную свиту, разрешалось стоять перед Сыном неба, но и они должны были преклонять одно колено, когда говорили с ним. Почести воздавались даже неодушевленным предметам, которыми пользовался император: его престолу, креслу, платью и т. п. Самые высокие сановники империи падали ниц перед пустым троном императора или перед его ширмой из желтого шелка, которую украшали изображения дракона (символ могущества) и черепахи (символ долголетия).

В провинциях Срединного государства чиновники воскуривали фимиам при получении императорского указа и били челом об пол, обратившись лицом к Пекину. Имя императора считалось священным до такой степени, что письменные знаки, употребляемые для его обозначения, не могли уже служить для написания других слов. «Всяк да повинуется со страхом и трепетом» – такова фраза, которой обычно заканчивались императорские указы.

Хотя Сын неба обладал неограниченным правом распоряжаться подданными, он не мог сам управлять страной, для этого была создана разветвленная система власти.

Высшим органом, на котором решались наиболее важные государственные дела, был Верховный императорский совет. В него входили члены императорской фамилии и высшие сановники. Совету подчинялись исполнительные органы: Императорский секретариат, Приказ по иностранным делам, Чиновничий приказ, Налоговый приказ, Приказ церемоний, Военный приказ, Уголовный приказ, Приказ общественных работ, Коллегия цензоров. В русском переводе вместо слова «приказ» иногда употребляли слова «палата» или «министерство», начальник Военного приказа соответствовал военному министру, начальник Приказа церемоний – начальнику Палаты церемоний.

При обращении к императору подданные совершали сложную церемонию, название которой в русском переводе звучит примерно так: «три раза встать на колени и девять раз совершить земной поклон», т. е. при каждом коленопреклонении трижды коснуться лбом земли.

В часы императорской аудиенции впереди возвышающегося над залом трона клали на пол пять подушечек специально для членов Верховного императорского совета. Ближе всех к трону находилась подушечка для главы Верховного императорского совета.

Чиновники пониже рангом становились коленями на каменный пол без всяких подстилок. Правда, нередко они обертывали колени толстым слоем ваты, которую не было видно под длинным халатом. Иногда подкупали евнухов: последние незаметно

подставляли подушечки под колени совершавшим земные поклоны.

Аудиенция проходила примерно в таком порядке. Чиновник прибывал в зал приемов в сопровождении евнуха: последний открывал огромные двери тронной комнаты, становился на колени у порога, объявлял имя и должность прибывшего и удалялся, закрывая за собой дверь. После этого чиновник переступал порог зала приемов и становился на колени перед троном.

Император считался неограниченным властелином подданных и их собственности. Об этом говорили так: «Нет земли, которая бы не принадлежала императору; тот, кто ест плоды этой земли, – подданный императора».

Право правителя распоряжаться землей и своими подданными воспето в древнем китайском литературном памятнике «Книга песен» («Шицзин»).

Широко кругом простирается небо вдали,
Но нету под небом ни пяди нецарской земли.
На всем берегу, что кругом омывают моря, –
Повсюду на этой земле только слуги царя.

Один из иностранных наблюдателей в начале XX в. был свидетелем того, как реально осуществлялось право императора на всю землю Китая. Он рассказывал:

«Рабочие вырыли яму для установки телеграфного столба рядом с могилой, где был захоронен известный и уважаемый в этой местности представитель ученого сословия. Эта могила находилась на земле, подаренной семье покойного самим императором, глубоко чтившим его заслуги. Сын покой-

ного, имевший также отличия, пришел в ужас, когда увидел, как рабочие равнодушно копают землю рядом с могилой его отца. Ему начало казаться, что злобные и раздраженные невидимые духи готовы наслать гибель на всю его семью и отнять все почести и богатства, дарованные ей. Он залез в вырытую яму и заявил, что скорее умрет, чем позволит поставить в ней телеграфный столб. Заявил, что не противится праву императора на землю, но желает сохранить свои особые права на этот участок, так как последний дарован самим императором.

В момент, когда, казалось, придется приостановить работы, подошел китайский чиновник, сопровождавший иностранных инженеров и имевший специальное поручение улаживать всякие недоразумения с местным населением. Он приблизился к владельцу участка земли, усевшемуся в яму, и обратился к нему с такими словами: "Я удивлен тем, что такой образованный и умный человек, как вы, может поступать по-детски. Вы должны знать, что каждая пядь земли в империи принадлежит императору и все почести, которыми вы пользуетесь, также исходят от него. Эта телеграфная линия, – продолжал он, указывая на длинную цепь столбов, тянувшихся по равнине и исчезавших за горизонтом, – также проводится по его специальному приказу. Неужели вы осмелитесь нарушить этот приказ? Вы должны знать, что император может повелеть схватить вас, вашу жену, ваших детей и разрубить всех на тысячу кусков. И никто не будет сомневаться в его праве на это".

Такое короткое, но вразумительное увещевание настолько подействовало на ученого мужа, что он

быстро вылез из ямы и, кланяясь в знак уважения перед властью, молча удалился домой. Рабочие беспрепятственно продолжали свое дело».

Личность императора считалась священной. Это был единственный в Китае человек, который никому не отдавал отчета в своих поступках. Хотя страной непосредственно управляли министры, наместники и губернаторы, но воля императора и для них была законом – любое их решение могло быть приостановлено его властью.

Если император боялся «гнева» неба, то земля для него была настоящей вотчиной. Не существовало знаков восхваления и почитания, которые бы не оказывались Сыну неба. Очно и заочно он получал от своих подданных доказательства нижайшего к нему почтения.

Почитание подданными Сына неба составляло важнейший элемент духовной основы государства. Это доходило порой до абсурда. Древнее китайское изречение гласило: «Когда государь оскорблен, чиновники умирают». Это значило: если государство постигают бедствия и смуты, в них повинны служилые люди. Дурным управлением они не сумели предотвратить народных несчастий и, быть может, даже сами навлекли их – поэтому они недостойны жизни. Преданные чиновники нередко не сносили позора и кончали жизнь самоубийством (особенно если император из-за нашествия иноземцев вынужден был покидать столицу).

14 августа 1900 г. союзные войска иностранных держав заняли столицу Китая – Пекин. Вдовствующая императрица Цыси вынуждена была спасаться бегством. Несчастье и позор, обрушившиеся на маньчжурский двор, повергли в страшное смятение сановников, верных престолу. Накануне штурма

Пекина союзными войсками некоторые высшие гражданские и военные чиновники дали отраву всем своим родственникам и прислуге – чтобы никто из близких не остался в живых, – а затем покончили с собой.

Право императора на жизнь своих подданных и на их собственность поддерживалось военной силой. Опорой маньчжурского господства были «восемь знамен» – так назывались войска, специально предназначенные для защиты династии. Вначале знаменные войска были объединены в четыре корпуса, обладавшие не только военными, но и административными функциями. Корпус состоял из пяти полков, полк – из пяти рот. Каждому корпусу было присвоено знамя определенного цвета: желтое, белое, красное, синее. Затем к этим четырем корпусам было прибавлено еще четыре, которые получили знамена тех же цветов, но с каймой.

«Восемь знамен» делились на две группы: «высшие три знамени» и «низшие пять знамен». «Высшие три знамени», куда входили желтое знамя, желтое с каймой и белое, составляли личную гвардию императора и находились в его непосредственном подчинении. «Низшие пять знамен» находились под командованием назначенных императором военачальников.

Воинам знаменных войск запрещалось заниматься земледелием, торговлей, ремеслом. Их основная обязанность состояла в воинской службе. Если же они владели землей, то эту землю обрабатывали пленники или наемные работники.

По национальному составу знаменные войска состояли из маньчжуров, монголов и китайцев. Все маньчжурское население считалось военным сосло-

вием. Маньчжуры пользовались в войсках особыми привилегиями. За одинаковый проступок офицер-маньчжур нес меньшее наказание, чем китаец. Маньчжурское правительство предоставляло знаменным войскам значительные льготы, таким способом поощряя службу в армии.

Если на одном полюсе Поднебесной возвышался Сын неба, обладавший неограниченной властью, то на другом находилась бесправная, забитая, суеверная масса крестьян, жившая в бедности и нужде. Постоянная нехватка земли и голод доводили крестьян до отчаяния. В провинциях Фуцзянь, Гуандун и Гуанси были случаи, когда безземельные крестьяне, доведенные до крайности, шли на казнь вместо помещиков, совершивших тяжкие преступления, лишь бы после их смерти семья получила клочок земли или некоторую сумму денег, необходимую для приобретения небольшого земельного участка.

* * *

Царствовавшие в Китае династии получали символические названия. Так, китайская династия, правившая в 1368–1644 гг., называлась Мин. Иероглиф *мин* имеет значение «ясный», «блестящий», «разумный». Маньчжурская династия называлась Цин. Иероглиф *цин* означает «чистый», «светлый», «безупречный». Она называлась также Да Цин («великая и безупречная»). Не только династии в целом, но и правление каждого императора обозначалось особым девизом – иероглифами, символизирующими «счастье», «благополучие», «благоденствие», «мир», «преуспеяние».

Во время маньчжурской династии Цин в Китае царствовали следующие императоры:

Название девиза правления *(нянь хао)*	Годы жизни	Годы правления
Шуньчжи (благоприятное правление)	1638–1661	1644–1661
Канси (процветающее и лучезарное)	1654–1722	1662–1722
Юнчжэн (гармоничное и справедливое)	1678–1735	1723–1735
Цяньлун (непоколебимое и славное)	1711–1799	1736–1796
Цзяцин (прекрасное и радостное)	1760–1820	1796–1820
Даогуан (целенаправленное и блестящее)	1782–1850	1821–1850
Сяньфэн (всеобщее изобилие)	1831–1861	1851–1861
Тунчжи (совместное правление)	1856–1875	1862–1874
Гуансюй (блестящее наследие)	1871–1908	1875–1908
Сюаньтун (всеобщее единение)	1906–1967	1908–1912

С вступлением очередного императора на престол запрещалось произносить и писать его прежнее личное имя – оно заменялось девизом правления. Например, с 1851 по 1861 г. страной правил император по имени И Чжу. Однако его можно было называть только «император Сяньфэн» в соответствии с девизом правления; в 1875–1908 гг. девиз правления был Гуансюй. В это время на престоле находился император по имени Цзай Тянь. Однако его именовали только по девизу правления – Гуансюй.

В отличие от обычных смертных император имел три имени: личное (его запрещалось произносить и писать), династийное и храмовое. Последнее давали ему после смерти, под ним он становился известным в китайской истории (например, Тайцзу –

«великий патриарх», Шэньцзун – «священный предок» и т. п.).

Престолонаследие в феодальном Китае шло по мужской линии: царствующий монарх выбирал себе преемника среди собственных сыновей. Однако имя наследника не всегда объявлялось заранее, и это не обязательно должен был быть старший сын императора. Так, например, Шуньчжи был девятым сыном своего отца, Канси – третьим, Юнчжэн – четвертым, Цзяцин – пятнадцатым, Даогуан – вторым сыном. Правило не назначать заранее наследника имело определенный смысл – это помогало до самого последнего момента избегать дворцовых интриг вокруг вопроса о престолонаследии.

Первый император маньчжурской династии, Шуньчжи, почувствовав приближение смерти, повелел четырем своим высшим сановникам подойти к его ложу и сказал им примерно следующее: «У меня есть восьмилетний сын, и, хотя он не самый старший в моей семье, его изумительные умственные способности вселяют в меня надежду, что он будет моим достойным наследником. Я рекомендую его вам с уверенностью, потому что мне известны ваши верноподданнические чувства». Умирающий император назначил этих четырех чиновников регентами, которые должны были отвечать за дела государства до совершеннолетия его сына. Однако в четырнадцатилетнем возрасте наследник по настоянию своей матери отказался от услуг регентов и стал править империей под девизом Канси.

Император мог передать престол сыну и при жизни, если чувствовал физическую слабость. Так, 9 февраля 1796 г. император Цяньлун после 60 лет царствования отрекся от престола в пользу своего пятнадцатого сына, девиз правления которого по-

лучил название Цзяцин. Отречение императора и вступление на престол нового правителя обставлялись торжественными церемониями. Главным моментом в них была передача отцом сыну печати – символа императорской власти.

Женщина формально не имела права занять престол, но могла быть регентом при императоре. Императрица-регент Цыси фактически царствовала в Китае 48 лет – с 1861 по 1908 г.

Вступление на престол императора знаменовалось «всемилостивым манифестом», в котором новый Сын неба повелевал принести жертвоприношения на кладбищах, где покоились монархи, его предшественники, и на родине Конфуция. Провинциальным властям предписывалось заняться ремонтом храмов, построенных в честь духов гор и рек. Награждались лица, отличившиеся особой сыновней почтительностью, а также вдовцы, не женившиеся после смерти жены, и вдовы, сохранившие верность памяти мужей. Новый император клялся почитать своего предшественника и поклоняться его духу.

Первый маньчжурский император, царствовавший под девизом Шуньчжи, вступив в ноябре 1644 г. на трон (после захвата Пекина маньчжурской армией), обнародовал манифест такого содержания:

«Я, Сын неба царствующей династии Да Цин и ее подданный, почтительно осмелюсь обратиться к Всемогущему небу и Державной земле. И хотя мир обширен, верховное божество Шанди беспристрастно обозревает все и всех. Мой царствовавший дед, получив всемилостивейший указ неба, основал царство на Востоке, которое стало сильным и прочным. Мой царствовавший отец, унаследовав царство, расширил его границы. И я, слуга неба, ничтожный в

своих способностях, стал наследником оставленного ими владения. Когда династия Мин закончила свое существование, предатели и насильники, подстрекая толпу, вовлекли народ в бедственное положение. Китай остался без правителя. На меня выпала обязанность почтительно принять ответственность и стать достойным продолжателем дела моих предков...

Я, получив одобрение неба и в соответствии с его волей, объявляю небу, что взошел на трон Империи, избрал для нее название Да Цин, а девиз моего правления назвал Шуньчжи. Я почтительно прошу небо и землю защитить Империю и помочь ей, чтобы бедствия и смуты скорее прошли и на земле воцарился бы всеобщий мир. Во имя этого я нижайше умоляю принять жертвы».

Символом власти императора был дракон (лун). На государственном гербе маньчжурских правителей был изображен дракон с четырьмя лапами и пятью когтями на каждой.

Люди верили во всемогущество дракона, и этим суеверием пользовались правители Китая. Стремясь вселить в подданных трепет и суеверный страх, они стали приписывать себе качества этого мифического чудовища. Об императоре говорили так: его лицо – лицо дракона, его глаза – глаза дракона, его руки – руки дракона, его халат – халат дракона, его дети – потомство дракона, его трон – сиденье дракона. На одежде, утвари, мебели, которыми пользовался император, – всюду можно было увидеть изображение дракона. Почему дракон служил символом императорского достоинства? Потому что проводилась аналогия между драконом, поднимающимся с земли до небес, и государем, Сыном неба, стоящим выше всех людей.

Непременным атрибутом законодательной и исполнительной власти императора и его чиновников считалась государственная печать. На круглой или квадратной императорской печати старинным почерком были вырезаны изречения такого рода: «Вечная жизнь, процветание и мир», «Воцарение – дар неба, сопровождающийся долголетием и вечным благоденствием». Печать императора изготовлялась из нефрита, печати его сыновей – из золота, высших чиновников – из серебра. «Фирменный» цвет императорской власти не всегда был одним и тем же: во времена династии Сун (960–1127) таким цветом был коричневый, при династии Мин – зеленый, при Цин – желтый.

Никто, кроме императора и членов его семьи, не имел права носить одежду желтого цвета. Почти все предметы, которыми пользовался император и которые окружали его, также были желтого цвета, в том числе и черепица на стенах и крышах императорских дворцов.

Последний маньчжурский император, Пу И, в своих мемуарах так пишет об этой традиции: «Каждый раз при воспоминании о детстве перед моими глазами всплывает сплошной желтый туман: глазурованная черепица на крыше – желтая, паланкин – желтый, подстилки на стульях – желтые, подкладки на одежде и шапке, кушак, фарфоровая посуда, ватные чехлы для кастрюль, обертки для них, занавески, стекла – все желтого цвета. Этот существующий на правах личной собственности так называемый “блестящий желтый” цвет с детства заронил в мою душу чувство собственной исключительности; я считал себя необыкновенным и непохожим на остальных людей».

Императора окружали многочисленные граждан-

ские и военные чиновники. Их одежда, украшения и знаки различия определялись строгими правилами служебной иерархии и этикета. Обычным одеянием для всех, кто «стоял над народом», был шелковый халат с длинными рукавами. Халат императора отличался от всех прочих не только цветом (желтым), но и эмблемой. На нем были вышиты четыре золотых дракона: два – на плечах, по одному – на груди и на спине. Лапы драконов на халате императора имели пять когтей, на халатах чиновников – по четыре когтя. Император носил бусы из жемчуга и маленькую круглую шапочку, украшенную тремя золотыми драконами, расположенными друг над другом. На каждом драконе было по три жемчужины одинакового размера и еще по одной более крупной.

При императорском дворе существовал институт цензоров. Их называли эрму гуань («чиновники с глазами и ушами») или ямь гуань («чиновники слова»): они наблюдали за исполнением всеми правительственными учреждениями и официальными лицами своих обязанностей, за деятельностью государственных служащих и их поведением в частной жизни.

Цензоры имели право порицать поведение членов императорского дома и даже самого императора. Для морального воздействия на правителя они широко использовали конфуцианское учение о карающей роли Неба.

Однако это не означало, что император был ответствен перед цензорами: критика с их стороны сводилась к моральной оценке. Если же цензор решался преподать сыну неба советы или выступить перед ним с каким-то пожеланием, он действовал при этом на свой страх, рискуя быть изгнанным или даже казненным. Не случайно широкое распрост-

ранение среди цензоров получила такая поговорка: «Быть возле императора – все равно что спать с тигром».

Большим влиянием при дворе властелинов Срединного государства пользовались евнухи, призванные наблюдать за императорским гаремом. Выполняя роль надзирателей, евнухи использовались одновременно как шпионы и сводники. Некоторые из них становились доверенными лицами правителей и высших сановников государства и оказывали влияние на политическую жизнь страны. Император-дракон делал их своими «клыками и зубами».

Институт евнухов существовал в Китае еще во времена династии Хань. С той поры и до маньчжурской династии роль евнухов не только не уменьшалась, но даже возрастала. В последние годы династии Мин от имени императора страной фактически управлял евнух Вэй Чжун-сянь. После установления в Китае власти маньчжуров влияние евнухов сначала пошло на убыль. Однако при вдовствующей императрице Цыси институт евнухов вновь стал играть важную роль. Долгие годы правой рукой Цыси был главный евнух Ли Ляньин, который нажил огромное состояние на взятках, торговле должностями, подрядах и поставках материалов для дворцовых работ. В начале XX в. в императорском дворце насчитывалось до трех тысяч евнухов.

Евнухи делились на две категории. Принадлежавшие к первой категории обслуживали императора, императрицу, мать императора и императорских наложниц; принадлежавшие ко второй категории – всех остальных. О своем приближенном евнухе Юань Цзиньшоу последний маньчжурский император, Пу И, вспоминал: «С наступле-

нием зимы он каждый день менял шубы. Он никогда не надевал дважды одну и ту же соболью куртку. Одной только шубы из морской выдры, которую он однажды надел на Новый год, было достаточно для того, чтобы мелкому чиновнику прокормиться всю жизнь. Почти все управляющие придворными евнухами и некоторые начальники отделений имели в своем распоряжении собственную кухню и младших евнухов, обслуживавших их. Некоторые из них имели свой "штат" горничных и служанок. Жизнь же евнухов низших рангов была горька. Они всегда недоедали, терпели побои и наказания, а в старости им не на кого и не на что было опереться. Жить им приходилось лишь на крайне ограниченные "подачки", и если их выгоняли за какой-нибудь проступок, то их ждало нищенство и голодная смерть». Обязанности евнухов были очень разнообразны. Помимо присутствия при пробуждении императора и его трапезе, постоянного сопровождения Сына неба, в их обязанности входило: распространять высочайшие указы, провожать чиновников на аудиенцию к императору и принимать прошения, знакомить различные отделы Департамента двора с документами и бумагами; получать деньги и зерно от казначеев вне двора, обеспечивать противопожарную охрану. Евнухам поручалось следить за хранением книг в библиотеках, антикварных изделий, картин, одежды, оружия (ружей и луков), древних бронзовых сосудов, домашней утвари, желтых лент для отличившихся чинов; хранить свежие и сухие фрукты; евнухи сопровождали императорских врачей и обеспечивали материалами строителей дворца. Они возжигали ароматные свечи перед духами императоров-предков, проверяли приход и уход чиновников всех отделов, хранили император-

ские драгоценности, убирали дворцовые палаты, сады, парки, стригли императора, готовили лекарства, играли в дворцовом театре, читали молитвы и т. д.

«Описывая мое детство, – писал император Пу И, – нельзя не упомянуть евнухов. Они присутствовали, когда я ел, одевался и спал, сопровождали меня в играх и на занятиях, рассказывали мне истории, получали от меня награды и наказания. Если другим запрещалось находиться при мне, то евнухам это вменялось в обязанность. Они были моими главными компаньонами в детстве, моими рабами и моими первыми учителями».

По установившимся обычаям, император, кроме «главной жены», имел еще двух «второстепенных». «Главная жена» занимала среднюю часть дворца, ее так и называли: «императрица Среднего дворца». Восточные апартаменты считались почетнее западных, поэтому вторая жена жила в восточной части дворца и ее называли «императрицей Восточного дворца», а третья – занимала западные покои, ее называли «императрицей Западного дворца».

Кроме законных трех жен, император имел много наложниц, которые делились на несколько рангов. Императорская наложница первого ранга называлась *хуан гуй-фэй*, второго ранга – *гуйфэй*, третьего – *фэй*, четвертого – *бинь*, пятого – *гуйжэнь*.

Состав императорского гарема периодически обновлялся. Во времена династии Цин каждые три года во дворце происходили своего рода смотрины, на которые высокопоставленные чиновники обязаны были приводить своих дочерей в возрасте от 12 до 16 лет. Из их числа и пополнялся императорский

гарем. Избранницы находились там примерно до двадцатилетнего возраста, после чего, если они оказывались бездетными, их «всемилостиво увольняли».

Наложницы жили в специальных помещениях, за ними строго надзирали евнухи. За нарушение установленных правил девушки выдворялись из императорского дворца. Так, в 1895 г. в «Пекинском правительственном вестнике» было опубликовано следующее сообщение:

«Мне, императору, благоугодно было сообщить всемилостивейшей императрице-регентше следующее мое распоряжение. Двор наш строго блюдет исконные семейные традиции. Придворному гарему запрещено вмешиваться в государственные дела. Наложницы второго ранга Цыфэнь и Чжэшань отступили от правил скромности. Они предались роскоши и постоянно докучали императору просьбами и желаниями. Это не должно продолжаться. Если не предостеречь их, то можно опасаться, что императора будут со всех сторон осаждать просьбами и интригами, которые будут служить только лестницей для всяких обманов. Поэтому наложниц Цыфэнь и Чжэшань надлежит разжаловать, о чем и доводится до всеобщего сведения. Отныне во дворце воцарится мир и спокойствие. Да будет так».

Наложница не всегда разделяла ложе императора: она вообще могла оставаться на положении служанки у членов императорской семьи, но в этом случае обязана была соблюдать девственность. Вот почему многие отцы состоятельных маньчжурских семей неохотно отдавали своих дочерей в императорский гарем: за пределами императорских дворцов они могли выйти замуж и быть счастливыми матерями, а в гареме императоров им грозила

участь старых дев. Когда император умирал, жены его не имели права вновь выходить замуж или возвращаться к своим родителям.

Наложницы, не удостоенные внимания императора, жили в уединенных местах на положении монашек. Любопытно, что в 1924 г., когда бывшего маньчжурского императора Пу И изгнали из Пекина, в забытом уголке дворца были обнаружены три старые женщины, когда-то считавшиеся императорскими наложницами.

Все окружавшие императора стремились изобразить его человеком, который денно и нощно только тем и занят, что думает о благосостоянии своих подданных. Нужно ли говорить, что на самом деле Сына неба не интересовала жизнь народа, о ней он знал только по докладам чиновников.

И хотя конфуцианцы призывали правителей вести скромный образ жизни, призывы их не достигали цели: императоры и их приближенные жили в сказочной роскоши и отличались крайней расточительностью. К императорскому столу каждый день подавали около ста основных блюд. Только в меню утреннего завтрака входило более двадцати перемен: жареная курица с грибами, утка в соусе, вырезка из курицы, говядина на пару, вареные потроха, филе из мяса с капустой на пару, тушеная баранина, баранина со шпинатом и соевым сыром на пару, мясо духовое с капустой на пару, филе из баранины с редисом, вырезка из утки (тушеная с трепангами в соусе), жареные грибы, филе из мяса (тушенное с ростками бамбука), бефстроганов из баранины, пирожки из тонко раскатанного теста, жареное мясо с китайской капустой, соленые соевые бобы, ломтики копченостей, жареные овощи в кисло-сладком соусе, ломтики капусты, жаренные в

соусе с перцем, сушения ароматические, мясной бульон.

Пу И со слов близких так воспроизводил картину императорского обеда:

«Несколько десятков аккуратно одетых евнухов вереницей несли семь столов разного размера, десятки красных лакированных коробок с нарисованными на них золотыми драконами. Процессия быстро направлялась к палате Янсиньдянь. Пришедшие евнухи передавали принесенные яства молодым евнухам в белых нарукавниках, которые расставляли пищу в Восточном зале. Обычно накрывались два стола с главными блюдами; третий стол с китайским самоваром ставился зимой. Кроме того, стояли три стола со сдобой, рисом и кашами. На отдельном столике подавались соленые овощи. Посуда была из желтого фарфора, расписанного драконами и надписями: "Десять тысяч лет долголетия". Зимой пользовались серебряной посудой, которую ставили в фарфоровые чашки с горячей водой. На каждом блюдце или в каждой чашке лежала серебряная пластинка, с помощью которой проверялось, не отравлена ли пища. Для этой же цели перед подачей любого блюда его сначала пробовал евнух. Это называлось "пробованием яств". Затем эти блюда расставлялись на столах, и младший евнух, перед тем как мне сесть за стол, объявлял: "Снять крышки!" Четыре или пять младших евнухов тут же снимали серебряные крышки, которыми покрывались блюда, клали их в большие коробки и уносили. Наступала моя очередь "принимать яства"».

Не стесняли себя владыки Поднебесной и в одежде. Пу И вспоминал: «Я всегда надевал что-нибудь новое. Согласно записям, в один месяц мне

сшили одиннадцать халатов на меху, шесть парадных халатов, две меховые жилетки и тридцать пар теплых курток и брюк. Одних только обычных халатов я менял двадцать восемь в год, начиная с халата, подбитого черным и белым мехом, и кончая собольей курткой».

Следуя традициям древних китайских правителей, маньчжурские императоры сочиняли различные моральные наставления. Так, император Шуаньчжи в 1652 г. обнародовал «шесть правил морального поведения», которые в чисто конфуцианском духе предписывали каждому выполнять сыновние обязанности, почитать и уважать старших и вышестоящих и т. д.

Традиции предписывали Сыну неба писать стихи. Император Цяньлун, вступивший на престол в 1736 г., был особенно страстным любителем литературы. Он увлекался поэзией, написал много стихотворений и пьес, правда, довольно банальных. Само собой разумеется, что никто из подданных не мог сказать правду о художественной ценности его писаний.

Важным национальным праздником считался день рождения императора. В этот день принцы императорской крови, сановники, высшие гражданские и военные чины, а также иностранные послы приглашались в просторный церемониальный зал дворца. Под звуки старинных музыкальных инструментов хор евнухов исполнял торжественный гимн. В это время по специальному сигналу, повторяемому девять раз, все присутствующие падали ниц и совершали девять земных поклонов перед императором. Так выражалось чувство благоговения перед Сыном неба.

В главных городах всех провинций имелись

храмы долголетия, специально предназначенные для церемоний в честь дня рождения императора. Стены и обстановка в них были желтого цвета. В таких храмах собирались гражданские и военные чины провинции и совершали земные поклоны, словно сам император находился перед ними.

Кончина властелина Поднебесной изображалась как национальное бедствие. Причем он никогда не «умирал», а лишь «превращался в небесного гостя». По древнему обычаю, при объявлении национального траура подданные императора могли даже умертвить себя вместе со своими сыновьями, выразив тем самым безграничную верность государю.

14 ноября 1908 г., на 37-м году жизни, скончался император Гуансюй, а спустя день, 15 ноября 1908 г., на 73-м году жизни, удалилась в «мир теней» вдовствующая императрица Цыси.

В опубликованном указе о траурных церемониях в связи с кончиной императора Гуансюя и вдовствующей императрицы Цыси говорилось:

Проведение церемоний похорон усопшего императора и усопшей вдовствующей императрицы возлагается на Палату церемоний.

Члены императорской семьи будут носить траурные одеяния. Двухлетний император будет носить траурный халат и ходить с непричесанными волосами.

Женщины, живущие в императорском дворе, и женщины императорской крови будут носить траурные платья и распущенные волосы.

В императорской опочивальне будет вывешен красный флаг и установлен шатер из ткани с вышитым драконом.

Все чиновники должны срезать красные ленты

с головных уборов. В течение 27 месяцев никто из членов императорской семьи не имеет права вступать в брак. Чиновники не должны вступать в брак в течение 12 месяцев. Не должно быть никаких пиршеств и музыкальных представлений. Члены семей не должны носить украшений.

Все чиновники, конфуцианские ученые и монахи должны собраться в столичном храме Шуньяньфу и в течение трех дней предаться оплакиванию.

Все простолюдины столицы должны исполнять следующие наставления: срезать красные пуговицы с одежды; женщины 27 дней не должны носить украшений; 100 дней не устраивать свадеб; не приглашать гостей, не играть на музыкальных инструментах и не брить головы.

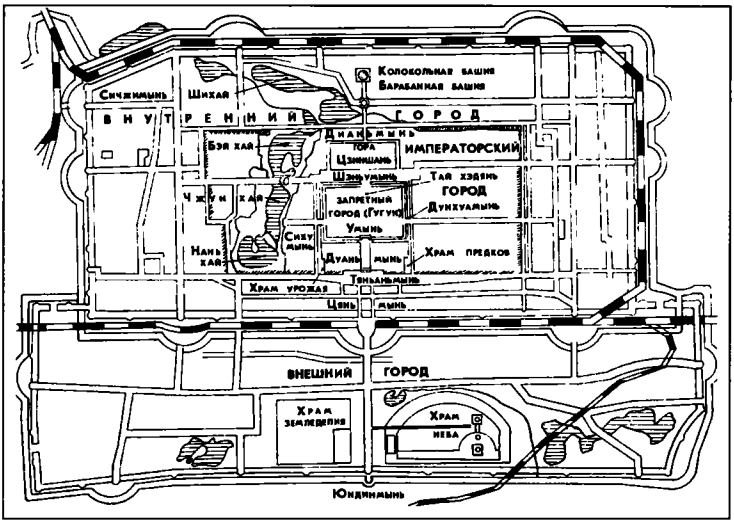
В течение 27 дней в храмах не разрешается молиться предкам. В каждом храме следует 1000 раз ударить в колокола, с тем чтобы везде был слышен похоронный звон.

Жены и наложницы во время траура не имеют права беременеть. Детей, зачатых в дни траура, объявить незаконнорожденными.

* * *

Вся жизнь правителей Срединного государства проходила во дворцах. Императорский двор, насчитывавший несколько тысяч чиновников, евнухов, охранников, наложниц и рабынь, представлял собой маленькое государство в государстве – с собственной иерархией, законами, судом и финансами.

После завоевания Китая маньчжурами в 1644 г. столицей маньчжурского государства стал Пекин, который имел несколько ансамблей городских строений, отделенных друг от друга высокими кирпич-



План Пекина

ными стенами. Он делился на Внутренний город (обитель маньчжурских императоров и их челяди) и Внешний город, в котором жили главным образом китайцы.

В центре Внутреннего города находился Императорский город, а в его пределах – Запретный город, который состоял из пяти больших частей: собственно дворцов (Гугун), Храма предков (Таймяо), Храма урожая (Шэцзитань), горы Цзиншань и Западного парка с озерами.

Резиденцией императоров Минской и Цинской династий в течение 450 лет был дворцовый ансамбль в Пекине. После свержения маньчжурского господства в 1911 г. он получил свое нынешнее название Гугун (Древние дворцы).

Старинные китайские здания отличались рядом специфических архитектурных черт: приземистые массивные стены и огромные многоярусные крыши

с рельефно выраженными загнутыми карнизами. Крыши и ворота, покрытые цветной глазурованной черепицей с барельефами и надписями, придавали зданию праздничный и парадный вид. В таком стиле был построен и дворцовый ансамбль Гугун, напоминавший целый город. Его общая площадь составляет 720 тысяч квадратных метров, а площадь построек – 150 тысяч квадратных метров. На его территории находится 9 тысяч строений, окруженных кирпичной стеной высотой до 10 метров и обводным каналом Тунцзыхэ шириной около 60 метров. Здесь расположены тронные палаты, дворцы, дворцовые залы, беседки, павильоны и различные служебные помещения.

Запретный город представляет собой грандиозный по размерам и прекрасный по планировке архитектурный ансамбль дворцов, воплотивший в себе традиционные формы китайского зодчества, в котором красота сочеталась со строгостью форм.

Дворцы, соединенные друг с другом двориками, проходами и воротами, делились на две части: официальные палаты (две трети всей территории) и резиденцию императора и его семьи.

Основным входом в императорскую резиденцию были ворота Тяньаньмынь (Ворота небесного спокойствия) – величественная надвратная башня с двухкарнизной крышей, покрытой глазурованной черепицей. Башня возвышается над массивной темно-красного цвета стеной, которая имеет один большой и четыре малых прохода, ведущие прямо в Императорский город. Углы карнизов башни, украшенные миниатюрными изваяниями зверей, имеют несколько изогнутую форму: злые духи «двигались» только по прямой, а изогнутые архитектурные линии препятствовали проникновению

их во дворцы. Перед воротами Тяньаньмынь покоятся два огромных каменных льва.

Каждый год император в день зимнего солнцестояния отправлялся для принесения жертв в Храм неба, а в день летнего солнцестояния – в Храм земли. Церемониальный выезд совершался через ворота Тяньаньмынь. Если император отправлялся в поход, то перед воротами Тяньаньмынь совершались жертвоприношения и устраивались молебствия.

В дни торжественных церемоний возле Тяньаньмынь обнародовались императорские указы. Происходило это так. Перед надвратной башней оборудовали специальную «площадку для оглашения указов». В начале церемонии все старшие гражданские и военные чиновники выстраивались лицом к северу возле мостиков через канал Золотой воды и становились на колени. Министр церемоний выносил указ на деревянном подносе, имевшем форму облака, и ставил его на паланкин, украшенный изображениями дракона. Паланкин подносили к башне, и указ поднимали наверх, где специальный чиновник громко прочитывал его вслух. Затем текст указа вкладывался в клюв позолоченного деревянного феникса (мифическая птица). Деревянную птицу опускали с башни на площадь. Чиновник принимал феникса и ставил его на паланкин, который уносили в министерство церемоний – там с указа снимали копии, чтобы разослать их по всей стране. Эта церемония называлась «провозглашение императорского указа с помощью феникса».

Перед воротами Тяньаньмынь возвышаются две монументальные колонны – хуабяо, высеченные из белого камня; основания колонн имеют форму восьмиугольника. На колоннах – искусная резьба, изоб-

ражающая летящих драконов и облака, а в верхней части – круг с сидящим на нем мифическим животным. Колонны хуабяо впервые появились в Китае примерно два тысячелетия назад. Вначале это были деревянные столбы с поперечной доской наверху. Обычно их размещали перед почтовыми станциями и мостами как указатели направления пути. Позже хуабяо начали делать из камня, и они превратились в один из элементов архитектурного ансамбля дворцов.

От ворот Тяньаньмынь, прямо на север до Запретного города, протянулась вымощенная каменными плитами широкая Императорская дорога (Юйлу). При выходе императора из своих покоев вдоль всей дороги выстраивался почетный караул с пышными регалиями.

Императорская дорога вела к главному входу Запретного города – Полуденным воротам Умынь, над ними было построено возвышенное сооружение – Башня пяти фениксов (Уфэнлоу). Когда император направлялся в Храм неба или Храм земли, на башне Уфэнлоу били в барабан, а когда он входил в Храм предков – били в колокол. Здесь в XVII в. в торжественной обстановке маньчжурские правители принимали сановников.

Ворота Умынь – символ солнца и высшей императорской власти – славились пышным убранством и красотой. Их венчает величественная башня под двухъярусной крышей. Отсюда в южном направлении отходят, образуя букву «П», две стены – восточная и западная – с галереями, которые как бы поддерживают башню справа и слева.

За воротами Умынь открывается вид на большую площадь, окаймленную дворцовыми зданиями. В центре площади протекает окантованный по-

лукружием канал Нэйцзиньшуй, через который перекинуты пять красивых мостиков с низкой каменной балюстрадой. По берегам канала, облицованного белым мрамором, тянутся извилистые перила, напоминающие драгоценный нефритовый пояс.

Самым грандиозным сооружением в Запретном городе является Тронная палата высшей гармонии. Ее высота достигает 35 метров, а площадь – 2300 квадратных метров. Разделенная на одиннадцать пролетов, поддерживаемых красными колоннами, эта палата протянулась с востока на запад на 63 метра. Потолочные балки здания богато украшены прекрасной разноцветной росписью, а двойная крыша выложена желтой черепицей, ослепительно сияющей под солнечными лучами.

Перед Тронной палатой высшей гармонии застыли в бронзе черепаха (символ долголетия) и длинный журавль (символ мудрости), а рядом поставлены большие медные треножники (символ трона). Обширный двор, высокая мраморная терраса и вознесшееся над ней огромное здание создают величественную картину.

Тронная палата высшей гармонии состоит из одного огромного зала, где императоры совершали торжественные церемонии, подписывали указы, утверждали высшие ученые звания, праздновали китайский Новый год, праздник урожая, праздник дракона и т. д., отмечали дни рождения августейших особ; отсюда они благословляли полководцев на завоевательные походы.

Император восседал в глубине зала на высоком троне с эмблемой дракона. Трон окружали символические фигуры журавлей и слонов, дорогие сосуды и высокие курильницы для благовоний.

За Тронной палатой высшей гармонии находи-

лась Тронная палата полной гармонии (Чжунхэдянь), где император просматривал молитвы для жертвоприношений, обозревал зерно и земледельческие орудия, предназначенные для церемониального землепашества. Далее располагалась Тронная палата сохранения гармонии (Баохэдянь): в ней проводились государственные экзамены на высшую ученую степень, на которых присутствовал император.

Позади Тронной палаты сохранения гармонии возвышаются три задних дворца (Хоусаньгун).

1. Дворец небесной чистоты (Цяньцингун) служил императорской канцелярией: здесь принимались иностранные послы, решались повседневные дела и заслушивались доклады. После царствования маньчжурского императора Цяньлуна (1736–1795) избираемые императорами наследники престола заранее не объявлялись. Вместо этого был введен новый порядок: император в этом дворце писал имя своего преемника, клал записку в коробку, которую ставил на широкую доску с надписью «свет и истинное величие». После смерти императора коробку вскрывали, и только тогда узнавали, кто должен наследовать престол.

2. Дворец общения Неба и Земли (Цзяотайдянь). В нем хранились императорские печати; в день своего рождения императоры принимали здесь поздравления.

3. Дворец земного спокойствия (Куньнингун). Здесь проводились церемонии бракосочетания императоров и находилась спальня новобрачных.

В императорских дворцах повсюду можно было встретить символы силы, могущества, долголетия, благоденствия, мудрости и счастья: изображения льва, черепахи, оленя, журавля, бабочек, цветов,

фруктов. Но наиболее распространенным символом императорской власти был дракон, которого рисовали на потолках, стенах, ширмах, предметах прикладного искусства и т. п.

Императорские дворцы были «наполнены» злыми духами. Об этом можно судить по следующему отрывку из воспоминаний последнего маньчжурского императора Пу И: «Каждый день, едва сумерки окутывали Запретный город и за воротами скрывался последний посетитель, тишину нарушали доносившиеся от дворца Цяньцингун леденящие душу выкрики: "Опустить засовы! Запереть замки! Осторожней с фонарями!" И вместе с последней фразой во всех уголках Запретного города слышались монотонные голоса дежурных евнухов, передававших команду. Эта церемония была введена еще императором Канси для того, чтобы поддерживать бдительность евнухов. Она наполняла Запретный город какой-то таинственностью. Я боялся выйти из комнаты, и мне казалось, что все духи и привидения из рассказов моих наставников собрались за моим окном...»

Если евнух хотел войти в пустой дворцовый зал, он непременно громко кричал: «Открываем зал!» – и только тогда открывал двери. Это делалось для того, чтобы случайно не встретиться с духом и не быть наказанным. На Новый год евнухи совершали подношения духам дворцовых палат. Обычно это были куриные яйца, сухие соевые лепешки, вино и сдоба. Под Новый год подносили целые туши свиней и баранов и множество фруктов. Евнухи не скупились на жертвоприношения в надежде, что духи дворцовых палат смогут защитить их от постоянных побоев и невзгод.

В феодальном Китае каждому цвету придавали

особый смысл. Синий цвет олицетворял мир и покой; красный – счастье и радость; желтый – могущество государя, богатство и источник силы; белый – скорбь; черный – ужас, страх. В соответствии с этой символикой художники выбирали цвет для раскраски различных зданий. Для крыш императорских дворцов был установлен желтый цвет–символ могущества и богатства. Этот же цвет был принят также для крыш крупных храмов – он подчеркивал источник силы и могущества небесных владык (будд). В зеленый цвет обычно окрашивались крыши резиденций высших сановников императора. В синий, зеленый или сочетание синего с зеленым окрашивались крыши загородных построек, зданий в парках и садах.

К востоку от ворот Тяньаньмынь среди густых темно-зеленых сосен, изумрудных кипарисов, буйных зарослей камыша и ив находился величественный Храм предков – святыня маньчжурских императоров. Во времена династий Мин и Цин при каждом важном событии во дворцовой жизни – в день восшествия на престол, по случаю бракосочетания императора, зимнего солнцестояния, Нового года, праздника весны и других торжественных дат – правители Срединного государства приходили в этот храм почтить память своих предков и приносили им жертвы. Если император был слишком молод или слишком стар, то от его имени такой ритуал совершали члены императорской семьи, но только мужчины.

При династии Мин в Храме предков находились таблички духов покойных китайских императоров. Когда же в 1644 г. маньчжурские войска вошли в Пекин, этот храм был почти полностью уничтожен

огнем. Маньчжуры восстановили Храм предков, но стали размещать там только таблички духов маньчжурских правителей и их жен.

В центре храма находились таблички основателя маньчжурского государства Нурхаци и его жены, а слева и справа – таблички его преемников.

Палата церемоний разрабатывала предстоящий ритуал жертвоприношений, и прежде всего составляла тексты специальных молитв. Они писались на квадратной деревянной дощечке, обернутой белой бумагой. Такие дощечки клали в Тронной комнате на стол, обращенный в южную сторону. Император духовно и физически готовился к предстоящему торжественному акту посредством поста и воздержания. То же самое требовалось и от его сановников. В это время запрещалось выносить смертные приговоры преступникам, навещать больных, присутствовать на похоронах, слушать музыку, посещать могилы.

За три дня до совершения ритуала дворцовые чиновники преподносили императору маленькую бронзовую статую – символ воздержания, – представлявшую собой фигурку человека, держащего деревянную дощечку, на которой наклеена бумага с правилами воздержания. Статуя стояла в Зале воздержания, где император проводил оставшиеся три дня.

За два дня до церемонии готовились жертвы. Это были, как правило, специально отобранные животные, их накрывали атласной попоной и уводили на бойню. Шкура их сжигалась, а туша тщательно обрабатывалась. Затем из внутренних комнат храма выносили таблички духов усопших императоров и располагали в Зале жертвоприношений. Перед каждой табличкой ставили тарелки со сла-

достями и овощами. Тушу быка, как самую большую жертву, размещали в центре на отдельном длинном столе, белую овцу – на восточном конце стола, а черную свинью – на западном. После совершения ритуала император одаривал этими жертвами своих близких.

В молитвах императорским предкам сообщали о важных событиях, которые произошли со времени последних жертвоприношений как в империи, так и в императорской семье: о помолвках, свадьбах, рождении детей, кончине родственников и т. п.

При обращении с табличками духов проявлялась чрезвычайная почтительность, словно это были не духи, а живые правители. Каждая табличка обычно находилась на небольшом тронном стуле, украшенном парчой, разрисованной драконами и фениксами.

К западу от ворот Тяньаньмынь находился Храм духов земли и злаков – место, где во времена династий Мин и Цин императоры поклонялись духам земли и божествам пяти злаков (рис, пшеница, бобы, горох, просо). Храм представлял собой трехступенчатую квадратную террасу, выложенную белым камнем. Верхняя площадка террасы была усыпана землей пяти цветов – образцами различных почв Китая. Это означало, что «во всей Поднебесной нет ни клочка земли, который не принадлежал бы императору». Храм окружен низкой оградой, которая украшена глазурованной черепицей четырех различных цветов. Здесь в день летнего солнцестояния приносили жертвы земле и пяти злакам.

К северу от Императорского города находится Цзиншань, искусственно созданная гора с пятью

вершинами. Высота центральной вершины достигает 60 метров. Остальные вершины расположены к западу и востоку, и их высота понижается ступенями. В 1736–1795 гг. на горе было возведено пять крытых глазурованной черепицей беседок, а за горой – несколько дворцовых павильонов.

Склоны горы Цзиншань (что в переводе означает «гора прекрасного вида») покрыты вековыми соснами и кипарисами, образующими у подножия тенистую рощу. Вершины горы были оголены: ничто не должно затемнять красоту форм сооруженных здесь императорских беседок.

К северо-западу от дворцового ансамбля Гугун, в центральной части Пекина, находится Западный парк с озерами. Самое большое озеро – Бэйхай, которое с севера соединяется с озером Шишахай, а с юга – озерами Чжунхай и Наньхай. Берега озер обрамлялись всевозможными цветами, среди которых выделялись гвоздика и пионы.

В центре озера Бэйхай на живописном острове Цюнхуадао высится Белая башня (Байта), построенная в ламаистском стиле. Возле Белой башни – два буддийских храма: Храм источника доброты (Шаниньдянь) и Храм вечного спокойствия (Юнаньсы).

Храм источника доброты получил свое название в честь установленной в нем статуи «тысячерукого и тысячеглазого существа», восходящего к образу божества милосердия и добра Гуаньинь. Храм отличается красотой и изяществом, оригинальной окраской глазури, замысловатыми узорами на стенах и крышах. Отсюда можно любоваться широкой панорамой утопающей в зелени столицы.

Достопримечательность Храма вечного спокой-

ствия – его разноцветная крыша. Когда в ясный день смотришь на нее сверху, кажется, будто ее изрезали лучи солнца. Внутри храма – статуи будд, которым поклонялись император и его приближенные.

В китайском народе существовало поверье, что утренняя роса приносит долголетие: кто пьет росу, сможет продлить годы своей жизни. В парке у озера Бэйхай был сооружен высокий столб с высеченными на нем изображениями драконов, парящих в облаках. На столбе поставили статую с широким плоским сосудом, в который ниспадала роса императорского бессмертия.

У южного входа в Бэйхай находится так называемый Круглый городок (Туаньчэн): он представляет собой искусственную круглую гору, насыпанную между высокими каменными стенами. На его широкой площадке расположены древние храмы, павильоны и беседки. В центре возвышается буддийский храм со статуей Шакьямуни, высеченной из целого куска белого нефрита. Одним из замечательных памятников Круглого городка является самая древняя в Пекине китайская сосна гуацзысун, посаженная еще до нашествия в Китай монголов (XII в.).

Летней резиденцией маньчжурских правителей в последние годы династии Цин был дворцовый и парковый ансамбль Ихэюань (Парк мира и гармонии), расположенный в 12 километрах к северо-западу от Пекина. На огромной площади в 330 гектаров разместились дворцы, храмы, отдельные залы, террасы, павильоны, пагода, ажурные мосты и другие сооружения, разбросанные в различных уголках Ихэюаня. Трудно поверить, что большое озеро Куньминьху, раскинувшееся в центре дворцового и паркового ансамбля, является искусственным во-

дохранилищем, созданным 200 лет назад для обеспечения водой города Пекина.

Императорские дворцы – немые свидетели бурных событий в Китае и коварных деяний его правителей. Здесь принимались решения общегосударственной значимости, обручались и короновались императоры, отмечались торжественные и траурные даты, воздавались молитвы императорским предкам и всемогущим богам о даровании благоденствия. Здесь тираны предавались земным наслаждениям и, держа в страхе и тупом повиновении своих подданных, распоряжались их судьбой по своему капризу и прихоти.

* * *

Главной обязанностью императора считалось принесение жертв небу и земле, а также предкам и вознесение молитв о ниспослании урожая, о прекращении засухи или дождей.

Императорские жертвоприношения делились на три класса: великие, средние и низшие. Великие жертвоприношения, состоявшие из нефрита, тканей и скота, совершались в честь неба, земли, усопших императоров царствующей династии, духов земледелия и зерна. Их совершали в Храме неба и Храме земли по случаю моления об урожае, зимнего и летнего солнцестояния. Средние жертвоприношения (ткани и животные) совершали в честь солнца, луны, усопших императоров прежних династий, Конфуция, духов-покровителей сельского хозяйства и шелководства, духов гор и рек. Малые жертвоприношения (только животные) были обращены к духам великих государственных деятелей, духам туч, дождя, ветра, грома, пяти великих горных вершин, четырех морей, четырех знаменитых скал и т. д.

В период Минской и Цинской династий императоры ежегодно в день зимнего солнцестояния (22 или 23 декабря) приносили жертвы в Храме неба, а в день летнего солнцестояния (21 или 22 июня) молились о плодородии в Храме земли (или земледелия). Наиболее торжественно обставлялись жертвоприношения в Храме неба в самый короткий день года. Считалось, что в это время мужское начало ян, которое на небе представляет верховный владыка Шанди, а на земле – император, возрождается и набирает силы.

Были времена, когда императоры приносили жертвы небу и земле на открытом воздухе и без особых приготовлений. Однако впоследствии церемония жертвоприношения усложнилась. Сначала появились земляные жертвенники: круглой формы – для жертв небу и четырехугольной – земле. Такие жертвенники сооружались повсюду, куда прибывал император. Затем для жертвоприношений стали оборудоваться специальные храмы, церемониал усложнился.

Обязанности первосвященника, или верховного жреца, исполнял сам император, что придавало государственной религии особый авторитет в глазах верующих.

«Божественное» происхождение императора давало ему право считать себя одного истолкователем велений неба, посредником между небом и людьми, а также верховным первосвященником. Считалось, что в своих действиях император несет ответственность только перед небом, вручившим ему отцовскую власть над подданными, которые обязаны беспрекословно повиноваться государю.

Если на китайской земле случались засуха, на-

воднения, эпидемии, происходили народные волнения или другие чрезвычайные события, император просил защиты и помощи у неба. В 1832 г. по случаю сильной засухи император Даогуан обратился к небу с такими словами:

«О царственное небо! Если бы империя не была поражена чрезвычайными событиями, я бы не осмелился обратиться к тебе с молитвой не в указанное время. Но в этом году необыкновенная засуха. Лето прошло, и ни капли дождя не выпало. Не только страдает земледелие и люди терпят страшные бедствия, но даже звери и насекомые, травы и деревья почти перестают жить... Лето прошло, и наступила осень. Ждать дальше положительно невозможно. Ударяя челом, умоляю тебя, царственное небо, поспеши ниспослать милостивое избавление – скорым ниспосланием благодатного дождя поспеши спасти жизнь народа и до некоторой степени искупить мои несправедливости! О царственное небо, снизойди! О царственное небо, будь милостиво! Я невыразимо огорчен, смущен, испуган, о чем почтительно докладываю».

Священным местом жертвоприношений, совершаемых императором, считался Храм неба.

Доминирующим цветом храма был голубой – символ небесной лазури. Большая часть предметов, предназначенных для церемониальных жертвоприношений, была голубого цвета: жертвенная посуда, шелк, дорожки к императорскому шатру, навесы над тропинками и т. п. При молебствиях цвету вообще придавалось большое значение. Тексты молитв, которые император читал в Храме неба, готовились заранее. Ежегодно они обновлялись и записывались на деревянных дощечках, оклеенных бумагой различного цвета: голубого – для неба,

желтого – для земли, красного – для солнца, белого – для луны.

Когда император молился небу, он облачался в халат голубого цвета, когда молился земле – желтого, солнцу – красного, луне – белого. При жертвоприношении небу император облачался в особое жертвенное одеяние, на котором были вышиты солнце, луна, звезды и драконы.

Расположенный в пределах пекинской внешней городской стены, храм занимает площадь около 280 гектаров. Два ряда стен красного цвета окружают и делят это сооружение на внешний и внутренний храмы. Главные строения внутреннего храма: Храм моления об урожае (Циннянь дянь), Храм небесного свода (Хуанцюньюй) и Алтарь неба (Хуаньюй). Они спланированы в соответствии с древними китайскими представлениями: «Небо – круглое, земля – квадратная» – и расположены по прямой линии с севера на юг.

На территории Храма неба находились также служебные помещения: Зал великого неба (Хуаньцяньдянь), кухня для небожителей (шэньчу), павильон для закапывания жертвенных животных (цзайшэн тин), Дворец поста (Чжайгун).

Храм моления об урожае, возведенный в 1420 г., представляет собой круглое здание с трехъярусной крышей, облицованной глазурованной черепицей ярко-синего цвета и увенчанной позолоченным куполом. Это здание (38 метров высотой и 30 метров в диаметре) построено без стального каркаса и без бетона. В нем нет ни массивных стропил, ни длинных поперечных балок. Высокая и тяжелая трехъярусная крыша поддерживается 28 огромными деревянными колоннами и соединенными между собой перекладинами и брусьями. Четыре средние колонны

высотою 19,2 метра символизируют четыре времени года. Двенадцать колонн в среднем ряду символизируют 12 месяцев в году, а двенадцать колонн наружного ряда – 12 двухчасовых отрезков времени суток. Постройка не имеет стен, их заменяют резные перегородки. Потолок покрыт красочной цветной росписью.

В Храме моления об урожае совершались церемониал жертвоприношений небу и земле и молебствия о богатом урожае.

Храм небесного свода по размерам меньше Храма моления об урожае, но он так же изящен и издали похож на большой раскрытый синий зонт с золотой макушкой. Высота здания – 19,5 метра, диаметр – 15,6 метра. Снаружи храм обнесен толстой сплошной стеной, знаменитой своим круговым резонансом. Если негромко произнести какое-либо слово, обратясь лицом к стене, то вдоль всей стены можно ясно расслышать эхо. Эта стена, сооруженная в 1743 г. с учетом законов акустики, называется «стеной кружащихся звуков».

Перед ступенями, ведущими в Храм небесного свода, разместились знаменитые каменные плиты саньиньши («камень троекратного эха»). Если встать на первую каменную плиту и хлопнуть в ладоши, то услышишь однократное эхо, на вторую ступень – двукратное эхо, а на третью ступень – троекратное эхо. Такое явление объясняется тем, что плиты находятся на различном расстоянии от отражающей звук круглой стены.

По форме Алтарь неба – круглая, уступчатая, суживающаяся кверху пирамида из трех ярусов, сооруженная из ослепительно белого мрамора. Лестницы и уступы алтаря обнесены белокаменными балюстрадами со скульптурными украшениями в

основном в виде драконов и фениксов. Общее число фигурных столбиков-балюстрад составляло 260, что соответствует числу градусов, на которое астрономами разделен небесный свод. В центре алтаря размещена большая каменная плита, вокруг которой выложены кольца меньших по размерам плит, число их увеличивается соответственно увеличению диаметра. Здесь хранились таблички с обращениями к небу и духам предков императоров; во время церемоний эти таблички устанавливались на Алтаре неба.

В течение трех суток перед жертвоприношениями в Храме неба император и его приближенные должны были соблюдать строжайший пост. Правила поста запрещали пить вино, есть чеснок и лук. Лица, носившие траур или имевшие раны на теле, лишались права участвовать в церемониях. Нельзя было навещать больных, посещать могилы, участвовать в похоронных процессиях, молиться духам, слушать музыку, присутствовать на судебном процессе. Одним словом, запрещалось делать все, что могло бы отвлечь внимание от подготовки к великому торжественному обряду.

В первые два дня пост соблюдался во дворце под наблюдением императора, а в последний день – в специальном Зале воздержания, где были установлены большой алтарь и Статуя молчания – бронзовая фигура человека, три пальца левой руки которого касались губ, а в правую руку была вложена табличка с текстом «Правил соблюдения поста в течение трех дней».

Репетиция предстоящего торжественного акта проводилась в Палате церемоний. После репетиции шелк и нефрит, предназначенные в дар богам, выставлялись во дворце, где император совершал де-

вять земных поклонов перед отправлением этих даров в Храм неба.

Обряд жертвоприношений в Храме неба проходил так. Император в роскошном паланкине покидал свой дворец еще накануне на закате солнца. Прибыв в храмовую рощу, он осматривал жертвенных животных. Жертвоприношения к этому дню готовились на специальной «кухне богов» и состояли из говядины, свинины, баранины, оленины, зайчатины, рыбы, риса, каштанов, ростков бамбука, различных пряностей и т. д. Съестное преподносилось богам в ритуальной посуде, сделанной из фарфора или бамбука.

После осмотра жертвоприношений Сын неба направлялся в Храм поста и покаяния и здесь, преклонив колени, предавался молитвам. Затем он следовал в императорский шатер, где происходила церемония омовения рук и облачения верховного жреца в ритуальные одежды.

Необычайно торжественным было шествие к Алтарю неба. Впереди шли знаменосцы, за ними – музыканты, затем следовали император и сопровождавшие его лица. По пути танцоры под звуки музыки исполняли медленный ритуальный танец.

В мерцании бесчисленных факелов (церемония проводилась ночью) жрецы в длинных голубых шелковых одеяниях ставили на алтарь таблички с именем верховного владыки неба – Шанди, а также усопших императоров царствующей династии. Там же, чуть пониже, устанавливали таблички духов солнца, Большой Медведицы, пяти планет, 28 созвездий, таблички духов луны, ветра, дождя, туч и грома.

На длинных столах перед каждой табличкой располагали курильницы с благовониями, воско-

выми и курительными свечами. Здесь же раскладывали богатые жертвоприношения. Верховному владыке Шанди приносили в жертву 12 кусков плотной голубой шелковой ткани; усопшим императорам – по 3 куска белого шелка; планетам, звездам и стихиям – 17 кусков красной, желтой, голубой, черной и белой шелковой ткани. Кроме того, жертвоприношениями служили различные предметы из нефрита. Перед табличками находилась также и жертвенная трапеза: заколотый бык, баран или свинья, чашечка с рисовой водкой, различные яства.

Под звуки музыки и пение хора император восходил на самую верхнюю часть Алтаря неба и трижды преклонял колени перед табличкой владыки неба – Шанди. Затем музыка смолкала, император поднимал обеими руками священный голубой нефрит и возносил его к табличке владыки неба как видимый знак жертвоприношения. Затем он читал молитву, в которой просил небо о благословении, а усопших императоров – о милости.

Молитва императора, обращенная к небу или земле, начиналась так: «Сегодня (следовала дата) я, царствующий Сын неба, подданный такой-то» (следовало собственное имя императора, которое не имели права произносить даже самые близкие его родственники). При жертвоприношениях солнцу и луне в тексте молитвы слово «подданный» опускалось. Когда монарх обращался с молитвой к предкам, он называл себя «почтительный внук». Сам текст молитвы, обращенной к небу, земле, императорским предкам, к духам земледелия и зерна, начинался такими словами: «Осмелюсь обратиться со следующей молитвой». Обращение к солнцу и луне начиналось словами: «Молимся с усердием». К дру-

гим божествам обращались попроще: «Предлагаются жертвоприношения».

По окончании церемонии под звуки торжественного гимна все таблички уносились, а жертвоприношения сжигались, чтобы таким путем доставить их по назначению. Само сожжение происходило в особом месте, куда жертвы доставлялись также в торжественной обстановке.

Император принимал участие и в чествовании усопших правителей маньчжурской династии, что считалось одним из великих жертвоприношений.

Важной государственной церемонией было жертвоприношение в честь земли – супруги неба (по китайской дуалистической концепции). Оно происходило в Храме земледелия. Если все архитектурные линии Храма неба были изогнутыми, то очертания Храма земледелия – прямыми. Вместо небесных тел и стихий здесь почитались духи земли, четырех больших морей, четырех больших рек Китая и четырнадцати высочайших гор. Жертвоприношения земле совершались утром – в день летнего солнцестояния, жертвы не сжигались, а закапывались. В храме, где находился Алтарь земли, преобладал желтый цвет – цвет почвы Северного Китая. Крыша храма была облицована желтой черепицей. Жертвенная посуда, нефрит и шелк были желтого цвета, молитвы были написаны на желтой бумаге. Поскольку, по воззрениям древних китайцев, земля имела квадратную форму, алтарь в Храме земли имел тоже квадратную форму, равно как и вся жертвенная посуда. Если символами неба и небесных стихий были нечетные цифры, то символом земли – четные, прежде всего цифра «8»: жертвоприношение состояло из восьми кусков шелка, музыка играла восемь ритуальных фрагментов и т. п.

Вспашка первой борозды императором

Издревле в старом Китае отмечался праздник земледелия. По народному преданию, четыре тысячи лет тому назад царствовал император Шунь, который особенно покровительствовал земледелию. Каждую весну он сам открывал полевые работы, проводя первую борозду. Этот обряд, сохранившийся и в последующие столетия, совершался в большой роще Храма земледелия, расположенной вблизи Храма неба. Императоры последних династий ежегодно в первый месяц весны молились в Храме земли о плодородии и проводили первые борозды на том поле, где выращивалось зерно для жертвоприношений. Император становился за плуг, окрашенный в желтый цвет; бич, которым он пользовался, был сплетен из желтого шелка; ящик с зерном для посева был зеленого цвета. За

императорским плугом шествовали три принца и девять сановников, каждый держался за плуг, окрашенный в красный цвет, и нес бич из красного шелка. В плуг императора впрягали желтого вола, а в плуги всех остальных участников церемониала – черных волов. Желтого вола вели два старейших земледельца, другие два придерживали рукоять плуга. Император делал три борозды, принцы – по пять, сановники – по девять. В конце церемонии все совершали троекратное коленопреклонение и девять раз падали ниц. После этого император со свитой удалялся во дворец, а старейшие земледельцы заканчивали вспашку полос. Сжатый и вымолоченный хлеб ссыпался в Храме земли в желтые шелковые мешки, которые складывались в Житницу божественного духа при императорском дворце.

От имени всего народа жертвы небу и земле мог приносить только император. Это, однако, не означало, что подданные Срединного государства не совершали жертвоприношений: в домашних алтарях можно было встретить таблички в честь неба и земли, перед которыми глава семьи отвешивал поклоны и приносил жертвы. В простонародье божество неба называли «небесным старцем» (лао-тянье), а божество земли – «земной бабушкой» (ди му-найнай). Народ молился небу как подателю тепла, холода и влаги, а земле как производительнице злаков.

* * *

Слово «китай» происходит от названия народности кидань. Эта народность проживала в государстве Ляо, существовавшем с 916 по 1125 г. на обширной территории от Маньчжурии до Тяньшаня.

В русский язык слово «кидань» перешло от соседних тюркских народов со звучанием «китай».

Китай, кроме китайского названия Чжунго (Срединное государство), называли Тянься (Поднебесная), Чжун-хуа (Срединный цветок), Чжун-юань (Срединная равнина), Чжэнь-дань (Восточная заря), Тянь-чао (Небесная династия).

Территория за пределами Срединного государства считалась населенной варварами. Они различались лишь по странам света: «восточные варвары», «западные варвары», «южные варвары», «северные варвары». Правители Китая рассматривали все стороны вне их границ как нечто единообразное: страны могли быть большими или малыми, отличаться друг от друга по природным и климатическим условиям, заселены различными по своей расовой принадлежности, языку и обычаям народами, находиться близко или далеко от Китая – это не имело никакого значения, потому что все они считались варварами и вассалами Срединного государства, данниками Сына неба.

Владыка Поднебесной считал себя верховным правителем всего мира. Он пребывал в убеждении, что эта миссия предопределена ему небом. В 1368 г., после прихода к власти Минской династии, из Китая стали направлять в другие страны послов, в обязанность которых входило оглашение императорских манифестов. В одном из них, направленном в 1370 г. на Яву, были такие слова: «С древности те, кто царствовал в Поднебесной, простирали свой надзор надо всем, что лежит между небом и землей, надо всем, что освещается солнцем и луной». В другом манифесте император говорил о себе с еще большей категоричностью: «Я, почтительно получив на то соизволение неба, правлю как государь китай-

цами и иноземцами». Желание других государств установить дипломатические и иные связи с Китаем рассматривалось его правителями как желание варваров быть «преобразованными» китайской цивилизацией, а также как признание себя вассалами Срединного государства.

Отношение Сына неба к другим народам как к вассалам и варварам исключало всякую возможность равноправного обмена дипломатическими и торговыми представителями. Принятый в Китае дипломатический этикет, унизительный для других государств и их послов, не мог способствовать налаживанию добрососедских отношений. Такие постулаты, как «все народы – дети императора», «милости и заботы императора распространяются на все народы» и т. п., подчеркивавшие верховенство Сына неба над всеми людьми, живущими внутри и вне Китая, вызывали настороженное отношение к Срединному государству.

Послы, прибывавшие в Китай, должны были подносить императору подарки от властителей своих стран. Эти подарки назывались «данью двору» и символизировали в глазах правителей Китая признание верховной власти Сына неба над другими территориями и народами. Иностранным посланникам говорили: в Китае испокон веков существует правило, согласно которому любой посол должен вести себя так, будто прибыл от низшего, подчиненного лица к высшему (т. е. от вассала к сюзерену).

В годы правления династии Мин существовал строгий церемониал встречи дипломатических представителей. По прибытии посла в Пекин его в течение трех дней обучали этикету, принятому на высочайших приемах, а затем допускали на аудиенцию к императору. Специальный чиновник-рас-

порядитель заранее сообщал послу, когда следует преклонить колени и как вручить привезенную им грамоту. После вручения глашатай обращался к послу со словами: «Император спрашивает посла, в благополучии ли здравствует доселе правитель вашей страны?» Ответив владыке Поднебесной, посол должен был пасть ниц, затем подняться и еще раз сделать земной поклон. Тогда глашатай снова обращался к нему: «Император спрашивает вас, усердно ли вы потрудились, прибыв издалека?» Посол опять обязан был пасть ниц, подняться и снова поклониться. Затем иностранный представитель отвешивал четыре прощальных поклона, после чего император вставал с трона и звучавшая во время приема музыка замолкала.

Этот ритуал был в основном унаследован и маньчжурскими завоевателями. Поскольку маньчжурские правители «не знали себе равных» за пределами Китая, представители других государств не имели права обращаться к ним стоя. Все без исключения иностранные послы, прибывавшие в Китай, рассматривались как данники. Чтобы подчеркнуть подчиненное положение их правителей по отношению к Сыну неба, была разработана целая система унизительных церемоний.

Иностранных послов, прибывших ко двору, заставляли отбивать земные поклоны не только перед императором, но и перед входом во дворец и перед троном (даже если этот трон был пустым), перед подарками и грамотой, которые им вручали по повелению императора. Если иностранные послы отказывались совершать унизительный церемониал, их высылали из страны, не допуская на аудиенцию к императору и не давая возможности выполнить дипломатические поручения.

В марте 1656 г. в Пекин прибыла русская торговая миссия во главе с боярским сыном Федором Байковым, который должен был передать маньчжурскому императору грамоту русского царя Алексея Михайловича. Федора Байкова пытались заставить соблюсти унизительный ритуал челобития. Недалеко от Пекина перед ламаистским храмом ему велели встать на колени и кланяться, имитируя поклон богдыхану. Он отказался от поклонов и от передачи царской грамоты маньчжурским сановникам, так как по наказу царя он должен был лично вручить ее маньчжурскому императору. За отказ выполнить установленный ритуал русский посол не был допущен на прием к Сыну неба и 4 сентября 1656 г. выслан из Пекина.

В июне 1660 г. в Пекине побывали русские посланцы П. Перфильев и С. Аблин, доставившие грамоту русского царя, датированную 10 марта 1658 г. По мнению маньчжурского императора Шуньчжи, грамота русского царя была составлена без должного почтения, поэтому осталась без ответа, а русские посланцы не были допущены на императорскую аудиенцию.

В сентябре 1676 г. в Пекин прибыл русский посланник Н. Г. Спафарий, которого также принуждали отбивать земные поклоны и отдать грамоту царя сановникам, а не императору лично. В конце концов Н. Г. Спафарий добился некоторых уступок: пекинские власти разрешили вручить грамоту в палатах богдыхана, но не самому императору – последний будет находиться недалеко от того места, куда посланник положит грамоту. Однако вскоре маньчжурские сановники выдвинули новое требование: сначала отдать царские подарки, а потом грамоту и совершить девять земных поклонов.

Н. Г. Спафарий отказался выполнить эти требования. 16 августа 1676 г. его пригласили принять подарки для русского царя. Он принял подарки стоя, отказавшись бить поклоны. За нарушение ритуала Н. Г. Спафарию 1 сентября 1676 г. было предложено покинуть Пекин.

В 1793 г. в Китай прибыло первое английское посольство – «миссия Маккартнея». Когда корабли англичан вошли в китайские воды, по настоянию маньчжурских властей на судах были вывешены флаги с надписью: «Носитель дани из английской страны». Во время аудиенции у императора Цяньлуна английский посланник лорд Маккартней вынужден был выполнить все предусмотренные протоколом унизительные церемонии. После этого чиновники императорского двора потребовали от европейских послов «брать пример с лорда Маккартнея» и совершать челобитие на аудиенциях у императоров.

В 1805 г. в Китай было снаряжено русское посольство во главе с графом Головкиным. Когда посольство прибыло в столицу Монголии Ургу, посланцы Срединного государства предложили Головкину прорепетировать, как он должен будет себя держать во время аудиенции у маньчжурского императора. Суть репетиции состояла в следующем. К стене комнаты была прикреплена табличка с именем императора. Предполагалось, что русский посол приблизится к этой табличке на четвереньках, а на его спине на специальной подушечке укрепят верительную грамоту русского царя. Головкин категорически отказался от этой унизительной церемонии. Тогда посланцы Срединного государства вернули русскому представителю все привезенные им подарки и отказались разрешить въезд в Пекин.

Блюстители этикета запрещали иностранным дипломатам при аудиенции у императора надевать обычный атрибут парадного дипломатического мундира – шпагу. Это считалось серьезным нарушением установленных правил. Иностранный дипломат не мог появиться перед Сыном неба в очках – это также выходило за рамки строжайше соблюдаемых правил.

На дипломатических представителей западных государств в Пекине смотрели как на посланцев вассальных наместников, которые управляют варварскими народами, находящимися на низшей по сравнению с Китаем ступени цивилизации. Поэтому «властелин всей земли» – император Китая считал для себя унизительным отвечать на письма глав иностранных государств: это делали его министры; он не выезжал за пределы Китая – к «варварам»: это могло бы унизить его.

Даже агрессивные войны, которые в XIX в. вели против Срединного государства империалистические державы, маньчжурские императоры именовали не иначе, как «восстание» или «бунт варваров». Французские империалисты, совершившие в 1884 г. агрессию против Китая, были названы «взбунтовавшимися вассалами», а британские именовались «английскими бунтовщиками», «наполовину людьми, наполовину животными».

Многие иностранные дипломаты противились исполнению правил этикета, унижавших престиж их правительств. Поражения Китая в ряде войн с иностранными государствами вынудили маньчжурских правителей в 1873 г. отменить оскорбительный обычай «три раза встать на колени и сделать девять земных поклонов». Сын неба вынужден был «великодушно» отойти от установленного эти-

кета. Но и впоследствии от иностранного дипломата требовалось соблюдать на аудиенции у императора определенный ритуал: три низких поклона. Первый из них следовало совершить при входе в аудиенц-зал, другой – пройдя два-три шага вперед, третий – перед троном. По окончании аудиенции повторялся тот же церемониал, причем удаляться дипломат должен был, пятясь спиной к выходу.

* * *

Расскажем о самом последнем периоде существования феодальной монархии маньчжурского Китая.

При императорах Тунчжи и Гуансюе в течение 48 лет страной фактически управляла властолюбивая вдовствующая императрица Цыси. В показной пышности она превзошла, кажется, всех своих предшественников. Ее полный титул был: Милосердная, Счастливая, Главная, Охраняемая, Здоровая, Глубокомысленная, Ясная, Спокойная, Величавая, Верная, Долголетняя, Чтимая, Высочайшая, Мудрая, Возвышенная, Лучезарная государыня.

Подробности жизни вдовствующей императрицы, почерпнутые из различных источников, не претендуют на полную достоверность. И все же этот материал при всей его разноречивости характеризует деспотизм, вероломство и жестокость повелительницы огромной страны.

Цыси родилась 29 ноября 1835 г. Ее отец, маньчжур, был знатного происхождения. Он имел трех сыновей и двух дочерей, из которых хорошенькая Ниласы (так звали Цыси по-маньчжурски) была старшей. Она оказалась очень способной, опередила своих сверстниц в изучении древних китайских классиков, истории и литера-

туры, писала стихи, любопытные по содержанию и изящные по форме. Скоро маленькая Ниласы стала красивой девушкой, поражавшей всех своим умом и знаниями.

По установившемуся обычаю, самые красивые девушки маньчжурского происхождения направлялись в императорский гарем. Мать Ниласы решила воспользоваться этим обычаем для улучшения своего материального положения. С помощью евнухов при дворе ей удалось направить Ниласы на императорские «смотрины».

После смерти маньчжурского императора Даогуана в 1851 г. его 19-летний старший сын унаследовал престол под девизом Сяньфэн. По истечении траура, во время которого молодой император не имел права жениться, был обнародован указ, повелевавший самым красивым маньчжурским девушкам прибыть во дворец. Наиболее достойные из них должны были быть отобраны для императорского гарема.

14 июня 1852 г. около 60 девушек из аристократических маньчжурских семей предстали перед придирчивым взором вдовы покойного императора Даогуана, которая отобрала 28 наиболее достойных, в том числе и Ниласы, и присвоила им соответствующие ранги. Наложнице Ниласы был присвоен ранг гуйжэнь («благородная персона»). Молодой наследник был лишь свидетелем выбора наложниц, сам он их не выбирал – это делала за него мать.

Наделенная недюжинными природными способностями, поразительной красотой, стройным станом и пленительной свежестью, 16-летняя Ниласы быстро обратила на себя внимание императора Сяньфэна и сделалась его любимой наложницей.

Благодаря своему уму и хитрости она скоро приобрела большое влияние на Сына неба.

Законная жена императора, «императрица Восточного дворца» Цыань, была бездетна; между тем по императорскому закону первая жена должна была родить наследника в течение пяти лет. А наложница Ниласы (Цыси) в 1856 г. подарила своему повелителю сына, названного Цзайчунь.

В 1861 г., когда Сяньфэн умер, малолетний наследник престола Цзайчунь был объявлен императором под девизом Тунчжи (Совместное правление). До совершеннолетия Цзайчуня регентшами при нем стали две вдовствующие императрицы, Цыси и Цыань, которые делили власть между собой.

В 1873 г., достигнув совершеннолетия, Цзайчунь женился и предъявил претензии на самостоятельное управление государством. Цыси, привыкшая считать себя повелительницей Китая, не хотела передавать власть сыну. В 1875 г. перенесший тяжелую болезнь Тунчжи уже совершенно было выздоровел, как вдруг скоропостижно умер. В смерти молодого императора злые языки обвиняли его мать.

Тунчжи оставил беременную жену. Цыси хорошо понимала: если вдова родит сына, он будет провозглашен императором, а мать его станет регентшей до совершеннолетия сына. Это отнюдь не входило в планы Цыси. Беременная вдова умершего императора при таинственных обстоятельствах скончалась. По настоянию Цыси наследником умершего молодого императора стал его малолетний двоюродный брат Цзайтянь (девиз правления Гуансюй). Он был сыном сестры Цыси и доводился, следовательно, последней племянником.

При малолетнем императоре Гуансюе регент-

шами по-прежнему были две вдовствующие императрицы – Цыань и Цыси. До определенного времени Цыси вынуждена была формально делить власть с Цыань. Однако в 1881 г. Цыань внезапно скончалась (есть версия, что ее отравили). С тех пор Цыси стала полновластной хозяйкой императорского двора.

Племянник вдовствующей императрицы Гуансюй занял «трон дракона» в возрасте 15 лет. По установившемуся правилу император, вступая на престол, должен уже состоять в браке. Свадьба молодого императора была сыграна 28 февраля 1889 г.

Возводя на престол Гуансюя, Цыси рассчитывала, что он станет политической марионеткой в ее руках. Когда ему исполнилось 16 лет и он, по китайским представлениям, стал взрослым, Цыси объявила, что с первого месяца следующего года «передает власть императору». Передача власти практически вылилась в политическую опеку: прежде чем представить что-либо на доклад императору, нужно было испросить на это позволения Цыси.

В 1889 г. Гуансюю исполнилось 19 лет. Теперь императрица сочла неудобным продолжать «политическую опеку» и объявила, что «удаляется от дел»: мол, отныне Гуансюй будет править государством самостоятельно. Но это не изменило положения вещей. Различие заключалось лишь в том, что при «политической опеке» доклады вначале представлялись на рассмотрение Цыси, а затем передавались императору, а при «личном правлении» доклады сначала просматривал император, но после этого все равно следовало испрашивать указания Цыси.

Вынужденная формально уступить власть молодому императору, Цыси (в то время ей было 55 лет), еще полная энергии и сил, хотя и устранилась, казалось бы, от государственных дел, но не переставала следить за событиями и деятельностью императора, окруженного преданными ей людьми. Если судить по литературе тех лет, молодой император имел расстроенное здоровье, нерешительный характер и слабую волю, но был довольно образованным человеком. Однако его воспитывали в духе слепого повиновения вдовствующей императрице, и он трепетал перед ней, зная, какая страшная молва ходила вокруг ее прошлого. Такой император был пешкой в руках Цыси, и она хотела, чтобы он всегда оставался таким. Однако ее надежды не вполне оправдались.

С именем императора Гуансюя было связано «движение за реформы», которое возглавил один из замечательных мыслителей и общественных деятелей Китая конца XIX в. – Кан Ювэй. Сущность его политической программы состояла во введении в Китае конституционной монархии и осуществлении умеренных буржуазных реформ.

Находясь под сильным влиянием незаурядной личности Кан Ювэя и его реформаторской деятельности, император Гуансюй пытался ограничить власть назначенных Цыси наместников, губернаторов и начальников столичных и провинциальных учреждений, выдвигая на ответственные должности в центре и на периферии молодых чиновников и ученых – сторонников реформ.

В связи с проведением реформ, одобренных императором, отношения между Гуансюем и Цыси все более обострялись. Дело дошло до того, что Гуансюй решил прибегнуть к военной силе, пытаясь

склонить на свою сторону китайского генерала Юань Шикая, командовавшего крупными воинскими соединениями, расположенными в столичной провинции Чжили, недалеко от города Тяньцзиня. Предполагалось арестовать консерваторов и Цыси во время смотра императорских войск в октябре 1898 г. в Тяньцзине. Однако Юань Шикай выдал планы императора и реформаторов ближайшему доверенному вдовствующей императрицы – сановнику Жун Лу. Получив такое сообщение, Цыси 21 сентября 1898 г. с помощью маньчжурской гвардии совершила дворцовый переворот: она арестовала Гуансюя и заточила его во дворец Иньтай, расположенный на небольшом острове посреди озера Наньхай, внутри Запретного императорского города в Пекине. Здесь он томился до конца своей жизни.

Правда, однажды Гуансюй временно покинул место своего заключения. Это произошло во время штурма Пекина союзными армиями восьми держав в августе 1900 г.

Страшась попасть в руки «иностранных дьяволов», Цыси на рассвете 15 августа 1900 г. спешно готовилась оставить императорский дворец Гугун и бежать в Сиань – главный город провинции Шэньси.

Впервые за свою долгую историю дворец Гугун стал свидетелем столь необычайного события. Вокруг дворца теснилось множество двухколесных повозок, запряженных сильными мулами. Одетые в тряпье погонщики стояли у повозок, готовые по первому зову двинуться в дальний путь. Воздух был наполнен приглушенным шумом, резкими и тревожными криками, жалобным всхлипыванием.

Но вот заскрипели массивные колеса, и длин-

ная вереница повозок с людьми и поклажей покинула императорский дворец. На одной из них, поджав под себя ноги, сидела вдовствующая императрица Цыси, переодетая в крестьянскую одежду: на ней были хлопчатобумажная кофта и синие шаровары, подвернутые выше щиколоток. Ее пышные волосы, плотно стянутые в пучок на затылке, были перевязаны скромной сатиновой лентой. Она остригла длинные, холеные ногти. При виде просто одетой, сидящей на корточках пожилой женщины трудно было поверить, что это грозная правительница Китая.

Здесь же находился молодой император-узник Гуансюй. Оставлять его в Пекине было опасно: кто знает, как союзные войска восьми держав обойдутся с ним. Мог быть и такой исход: Гуансюя восстановят на престоле, а Цыси лишат власти и привилегий. Во избежание подобных последствий императора-узника заставили спасаться бегством с вдовствующей императрицей.

Цыси крикнула возчику: «Погоняй! И если иностранные дьяволы остановят тебя, ничего им не отвечай. Я сама скажу им, что мы, бедные беженцы, возвращаемся домой». Тяжелые колеса повозки, подпрыгивая на массивных булыжниках старой дороги, увозили императрицу в глубь страны. Она сидела насупившись, охваченная яростью и злобой.

Прошло два года. Иностранная интервенция 1900–1901 гг. завершилась подписанием 7 сентября 1901 г. «Заключительного протокола» между державами и Китаем. И вот 7 января 1902 г. Цыси вместе с Гуансюем (по-прежнему узником) вернулась из вынужденного изгнания в Пекин.

Тревожные дни остались позади, и вдовствующая императрица вновь окунулась в пышную дворцовую жизнь. Цыси решила наверстать «упущенное».

Еще при жизни Гуансюя – 13 ноября 1903 г.– вдовствующая императрица Цыси объявила о возведении на престол нового императора – двухлетнего младенца Пу И. Его отец, великий князь Чунь, был братом императора-узника Гуансюя. Он сделался регентом малолетнего сына и взял власть в свои руки.

Со слов своих близких Пу И на склоне лет описал церемонию собственного возведения на престол.

«Вначале во дворцовой палате Чжунхэдянь полагалось принять поздравления от офицеров дворцовой охраны, а затем уже в палате Тайхэдянь принимать поздравления от гражданских и военных чиновников и знати. Короче, когда меня принесли в Тайхэдянь и посадили на громадный высокий трон, терпение мое лопнуло. Отец, стоя на одном колене возле трона, держал меня обеими руками, чтобы я не дергался, а я сопротивлялся и кричал сквозь слезы: "Не хочу здесь! Хочу домой!" От волнения у отца даже пот выступил на лице. Пока чиновники продолжали отбивать земные поклоны, мой плач усиливался. Отец пытался успокоить меня: "Не плачь, не плачь! Скоро все кончится!"»

13 ноября 1908 г. малолетний Пу И был возведен на императорский трон, а 14 ноября не стало императора-узника Гуансюя. Об обстоятельствах его смерти распространялись самые различные слухи. 15 ноября 1908 г. смерть настигла и 73-летнюю Цыси.

Принявший престол в 1908 г. двухлетним ребенком, Пу И стал последним императором маньчжурской династии Цин. Синьхайская революция 1911–1912 гг. покончила с монархическим строем в Китае.

12 февраля 1912 г. малолетний император Пу И отрекся от престола, но до 1924 г. продолжал

жить в Пекине, в бывшем императорском дворце, и пользоваться большим почетом. В 1924 г. Пу И и его свита были выдворены из дворца и перебрались на постоянное жительство в Тяньцзинь, на территорию японской концессии, где находились под защитой японских войск и полиции. В 1931 г., когда японская военщина оккупировала Северо-Восток Китая, 26-летний Пу И был переправлен в эту часть страны и объявлен императором марионеточного государства Маньчжоу-го.

В августе 1945 г. Красная Армия, разгромив японскую Квантунскую армию, освободила население Северо-Востока Китая от господства японской военщины. 17 августа 1945 г. Пу И был пленен советскими войсками в городе Шэньяне, откуда он пытался улететь в Японию 31 июля 1950 г. Советское правительство передало Пу И властям Китайской Народной Республики. В октябре 1967 г., как сообщила китайская печать, он умер.

* * *

Традиции культа императора в Китае были крайне устойчивыми на протяжении многих столетий. Китайский социолог Ху Фумин в статье, опубликованной в 1980 г. в шанхайском журнале «Шэхуэй кэсюэ», сказал об этом так: «Крестьянство, мелкие производители из-за своего экономического положения и в силу привычки очень восприимчивы к царистским идеям. Они полагают, что в государстве обязательно должен быть "один император", подобно тому как "в семье должен быть глава семьи", что без императора словно теряется опора, нельзя прожить и дня. Отсюда – культ личности и слепое повиновение».

КАК ЧИНОВНИКИ УПРАВЛЯЛИ КИТАЙСКИМ НАРОДОМ

Основными классами китайского общества во времена династии Цин были крестьяне и помещики-феодалы. Последние владели значительной частью земли, которую сдавали крестьянам на кабальных условиях, присваивая до 70 процентов собранного урожая. Класс феодалов-угнетателей состоял из нескольких социальных групп: маньчжурская и китайская военно-феодальная знать, столичные и провинциальные сановники и чиновники, обычные помещики и, наконец, шэньши – ученое сословие, облеченное правом замещения чиновничьих должностей. Шэньши монополизировали государственный аппарат. Из этой среды, представлявшей собой как бы служилое дворянство, маньчжуры вербовали управителей провинций, городов, уездов.

Европейцы называли китайских чиновников мандаринами. Слово «мандарин» происходит от португальского mandar – «командовать», «управ-

Маньчжурский сановник

лять». В зависимости от своих должностных обязанностей мандарины могли быть гражданскими и военными. Они не получали должности по наследству, но рекрутировались из представителей состоятельных классов, имевших ученую степень.

При династии Цин вся страна в административном отношении была разделена на 18 провинций (шэн), которые, в свою очередь, делились на области (фу), округа (чжоу) и уезды (сянь). Крупнейшей административной единицей, провинцией, управлял губернатор. Кроме того, существовала еще и должность наместника, которому были подчинены сразу две или три провинции. Наместник наделялся большими полномочиями. Во вверенных ему провинциях он контролировал взимание пошлин, ведал вооруженными силами, сношениями с иностранными государствами и т. д. Наместники и губернаторы назначались императором и считались высшими сановниками в своих местностях, были единственными посредниками между Сыном неба и населением.

Маньчжуры вынуждены были привлекать на службу в центральный и местный административный аппарат китайцев и монголов, но всегда относились к ним с недоверием.

Существовала сложная система вакансий, в соответствии с которой все наиболее ответственные посты в учреждениях закреплялись за маньчжурами. Китайские же чиновники могли претендовать лишь на второстепенные должности, и им строго запрещалось занимать вакансии, предназначенные для маньчжуров. Практиковалась также система отводов: когда китаец-чиновник претендовал на определенный пост, его кандидатуру можно было отвести «по причине родственных связей или по причине происхождения». Запрещалось, например, служить в одном учреждении родственникам-китайцам: дедам и внукам, дядям и племянникам, родным братьям. Чиновникам китайского происхождения не разрешалось пользоваться печатью – важным атрибутом власти маньчжурской бюрократии.

Если высшей территориальной единицей в Срединном государстве считалась провинция, то основной административной ячейкой местного управления, где претворялись в жизнь императорские указы, был уезд. Все распоряжения, исходившие от высших чиновников, проводились в жизнь уездными начальниками, которые были полновластными правителями на местах. Обязанности уездного начальника были многообразны. Он отвечал за сбор налогов, считался непосредственным исполнителем императорских указов, судьей в первой инстанции по гражданским и уголовным делам, начальником тюрьмы и полиции, ведал общественными работами, почтой, просвещением, отправлением государственных религиозных культов и обрядов, занимался организацией системы баоцзя (круговая порука всего населения) и т. д.

Самым низшим из чиновников считался дибао

(нечто вроде старого русского околоточного). Уезды и города делились на участки, и во главе каждого из них стоял такой дибао. Обыкновенно эту должность занимали люди без всякого образования. Дибао должен был знать в лицо каждого жителя на своем участке: кто чем занимается, где проводит дни и ночи, какие у кого тайные намерения и каковы источники доходов. Дибао обладал вполне реальной властью на «своей территории». Он мог выселить без суда любого человека, если считал его пребывание на своем участке вредным. Конечно, высылки удавалось избежать в тех случаях, когда бедняга находил деньги, чтобы «отблагодарить» дибао.

Дибао обязан был доносить своему непосредственному начальству обо всем, что происходит на участке. Власти требовали даже, чтобы он знал обо всем заранее. Если на участке произошло какое-либо важное событие, не предвиденное дибао, его привлекали к ответственности.

Низшей административной единицей считалась ли – община, объединявшая сто или более дворов. Во главе ли стоял назначенный старшина (личжан). Он отвечал перед вышестоящими властями за уплату налогов всеми членами общины.

Ли делилась на более мелкие объединения – цзя (во главе со старостой – цзячжан), в которые входило по десять дворов. На стене каждого дома вывешивалась табличка, где указывались фамилии всех живущих и род их занятий.

Чтобы легче было держать население в повиновении и знать настроения людей, в феодальном Китае была широко распространена система круговой поруки – баоцзя. В правительственном распоряжении 1708 г. полицейские функции этой системы оп-

ределялись так: «Каждое домовладение получает табличку, заверенную официальной печатью. На ней написаны номера и количество взрослых мужчин. В случае отъезда кого-либо из них отмечается их место назначения; в случае чьего-либо приезда в домовладение сообщается, откуда он прибыл;.запрещается принимать незнакомцев и подозрительных лиц до тех пор, пока не будет произведен их подробный опрос. Каждые десять домовладений имеют старшину (пайфу – «староста таблицы»), каждые десять пай – старосту цзя, а каждые десять цзя – начальника бао... В конце каждого месяца начальник бао представляет письменную гарантию того, что все обстояло благополучно в его округе, и этот документ пересылается соответствующим чиновникам для проверки. Виновные в невыполнении данного порядка наказываются».

Система круговой поруки (баоцзя) позволяла держать население под бдительным полицейским надзором и своевременно пресекать антиправительственные выступления.

В XVII в. маньчжурское правительство опубликовало Закон о системе взаимной ответственности. Суть его состояла в том, что высшие сановники на местах несут личную ответственность за поведение и службу подчиненных им окружных и уездных чиновников. Чиновники центральных государственных учреждений, рекомендовавшие кандидатов на посты наместников и губернаторов, подлежали наказанию наравне со всеми подопечными, если те оказывались не соответствующими должности. Закон о взаимной ответственности распространялся на весь род наказанного за то или иное деяние человека. Казнили не только обвиняемого, но и родителей, братьев, сестер, детей.

Каждый член семьи нес ответственность за всех остальных ее членов. Отец головой отвечал за дурные поступки детей. В свою очередь, если родители совершали какое-нибудь преступление, вина распространялась и на детей. Этот обычай играл огромную роль во все времена китайской истории и нередко приводил к трагедиям. Предположим, глава семьи был уличен в государственной измене. Наказание не ограничивалось тем, что он сам подвергался мучительной казни: за это преступление казнили всех его родственников со стороны отца и со стороны матери. Мужчин, женщин и даже детей убивали без пощады, и казни

Виды печати

оканчивались только тогда, когда никого из ближайших родственников покойного не оставалось в живых.

Приведем несколько примеров действия круговой поруки и системы ответственности в период маньчжурской династии.

Под руководством китайского историка Чжуан Тинлуна во времена правления императора Канси (1662–1722) был создан труд «Краткая история династии Мин», в завуалированной форме осуждавший маньчжурских императоров и их китайских прислужников. После появления книги императору был прислан донос, по которому проводилось расследование. К концу следствия Чжуан Тинлун умер, но это не помешало маньчжурскому правительству приговорить китайского историка, его соавторов, членов их семей, издателей, книготорговцев и даже покупателей книги (!) к смертной казни. Тело Чжуан Тинлуна было вырыто из земли и разрублено на куски, а кости сожжены. Его отец умер в тюрьме, а младший брат был казнен. Всего в связи с этим делом было обречено на смерть около семидесяти человек.

При императоре Юнчжэне (1723–1735) были запрещены сочинения историка Люй Люляна, который отказался служить маньчжурам и оплакивал гибель китайской династии Мин. По приказу властей его труп также был вырыт из земли и разрублен на части; ученики Люй Люляна и члены его семьи были казнены.

В 1873 г. некий китаец был уличен в том, что раскопал могилу члена императорской фамилии с целью похищения золотых украшений. За это преступление вся его семья из одиннадцати человек, представлявших четыре поколения, была пригово-

рена к смерти, причем никто из членов семьи даже не знал о преступлении.

Система взаимной ответственности не ограничивалась семьей: она охватывала все общество. Можно с полным правом сказать, что не было ни одного человека в Срединном государстве, который бы так или иначе не нес ответственности за другого.

Для укрепления своего господства маньчжурские власти кроме системы баоцзя широко использовали традиционные китайские церемонии и правила поведения, которые с годами, можно сказать, вошли в плоть и кровь каждого подданного Срединного государства. В китайских источниках зафиксировано триста видов церемоний и три тысячи правил достойного поведения. Существовало специальное учреждение – Палата церемоний, которая строго следила за выполнением правил, обрядов и процедур, унаследованных от прошлого. Этикет при императорском дворе, деятельность административного и военно-бюрократического аппарата, поведение в семье, на службе, праздники, цвет одежды, способы приветствия и т. п. – словом, вся жизнь человека от рождения и до смерти строго регламентировалась традиционными церемониями.

«Китаец твердо знает, – отмечал один из европейских наблюдателей в начале XX в., – сколько ему надо отдать поклонов, когда преклонить колени, как наклонить голову, как улыбнуться, как изменить голос. Нет ни одного народа на свете, который бы больше китайцев был опутан тысячью самых разнообразных излишних и ненужных церемоний».

Условная вежливость как бы входила в плоть

китайца, и все же она нередко оказывалась предметом острых шуток и саркастического осмеяния.

В конце XIX в. в Пекине получил широкую огласку такой забавный случай, связанный с правилами этикета. Некий чиновник в парадном халате посетил своего знакомого и, войдя в приемную, уселся в ожидании хозяина. И тут произошло непредвиденное. Над его головой находилась полка, где стоял горшок с растительным маслом. Притаившаяся здесь крыса потянулась отведать масла, но, испуганная внезапным приходом посетителя, прыгнула и опрокинула горшок, который упал на злополучного гостя. Его дорогой халат сверху донизу был залит маслом. В тот момент, когда пострадавший, побагровев от злости, готов был разразиться грубой бранью, вошел хозяин. Гость, сдерживая гнев, поднялся, отвесил несколько поклонов, а затем с подобострастной улыбкой объяснил свое состояние: «Когда я вошел в ваш почтенный дом и сел на ваше почтенное место, я испугал вашу почтенную крысу, которая опрокинула ваш почтенный горшок с маслом на мой грубый халат. Это и составляет причину моего жалкого вида в вашем присутствии».

Заранее регламентировалось все, начиная с нравственности, образа жизни каждого человека, будь это простой земледелец, знатный сановник или даже правитель государства.

Церемониал и пунктуальное его соблюдение оказывали глубокое влияние на все стороны жизни китайского народа. «Драконовская регламентация, – писал французский наблюдатель Жан Род, – действуя из поколения в поколение в течение целого ряда веков, привела к весьма печальным результатам; ибо если она и воспитала в китайце чувство

солидарности и товарищества, то, с другой стороны, она же и обезличила его, уничтожив в нем дух инициативы, энергии и индивидуальности».

Строжайший церемониал прежде всего касался поведения и внешнего облика чиновников. Все они должны были одеваться в соответствии с занимаемой должностью. Государственные служащие облачались в дорогие халаты с длинными рукавами.

Просторный шелковый или сатиновый халат с вышитыми на нем изображениями птиц или животных, высокие атласные ботинки на толстых белых подошвах, конусообразная фетровая шапочка с шариком и павлиньим пером – таков был типичный наряд чиновника, придававший его фигуре осанистость и важность. Расчетливые, медленные движения представителя власти и тщательное соблюдение церемониальных жестов производили внушительное впечатление на простолюдина.

Цвет одежды, ее материал, покрой, количество пуговиц, фасон шляпы, цвет паланкина и число носильщиков, даже цвет зонтиков – все это было расписано по разрядам чиновников.

Каждому разряду полагалась особая официальная одежда, которая различалась по четырехугольным нашивкам на груди и на спине. Гражданские чиновники носили на халатах изображения птиц, а военные – изображения животных.

Халаты гражданских и военных чинов первого (высшего) класса украшали соответственно белый журавль и мифическое животное цилинь (единорог); второго класса – золотой фазан и лев; третьего класса – павлин и пантера; четвертого класса – дикий гусь и тигр; пятого класса – белый фазан и

черный медведь; шестого класса – белая цапля и пятнистый медведь; седьмого класса – утка и леопард; восьмого класса – перепел и тюлень; девятого класса – сорока и носорог.

Представители ученого сословия облачались в халаты малинового цвета, но наиболее распространенным цветом платья был синий. Состоятельные люди носили халаты спокойных оттенков – голубого, серого или коричневого.

Одной из важнейших принадлежностей одежды чиновника считался головной убор. На шапке чиновника первого класса был рубиновый шарик; второго – коралловый; пятого – белый прозрачный шарик; шестого – матовый шарик; седьмого, восьмого и девятого классов – бронзовый шарик.

Ранги чиновников различались и по поясам, инкрустированным различными драгоценными камнями: нефритом, красным кораллом, сапфиром и т. д. Пояс чиновника первого класса имел четыре кусочка агата, инкрустированные рубинами; пояс чиновника второго класса – четыре золотые пластинки, также украшенные рубинами; пояс чиновника третьего класса – четыре золотые пластинки; пояс чиновника четвертого и пятого классов – четыре золотые пластинки, инкрустированные серебром; пояс чиновника шестого класса – четыре пластинки-раковины, украшенные серебром; пояс чиновника седьмого класса – четыре круглые серебряные пластинки; пояс чиновника восьмого класса – четыре пластинки из бараньего рога, украшенные серебром; пояс чиновника девятого класса – четыре пластинки из черного рога, украшенные серебром.

Как уже говорилось, по установившимся традициям в феодальном Китае все документы заверялись не подписью, а печатью. Каждое казенное уч-

реждение имело огромную печать, вручение которой чиновнику при вступлении его в должность считалось важной церемонией. На печатях гравировались иероглифы, обозначавшие фамилию и имя их владельца, а также различные символические пожелания. Печати делались из серебра, камня, дерева, меди или свинца.

Различным рангам чиновников соответствовали различные печати. Печать губернатора провинции имела прямоугольную форму и была сделана из серебра. Печать судьи имела квадратную форму и также была сделана из серебра. Печати низших чинов были деревянные. Потеря печати считалась чрезвычайным происшествием, которое могло повлечь за собой увольнение чиновника с занимаемой должности. Поскольку официальная печать была наделена силой власти, то, по убеждению простолюдинов, она обладала чудодейственной силой, например могла исцелять болезни. Поэтому иногда оттиск с такой печати вырезали из документов и прикладывали к больному месту.

В обиходе чиновника, да и людей других социальных кругов, существенное значение имел веер. Им закрывались от солнечных лучей, отгоняли мух и комаров, создавали прохладу. Знакомые, если почему-либо не хотели здороваться при встрече и беседовать, закрывали лицо веером, делая вид, что не заметили друг друга. Особенно славились веера из сандалового дерева, отличающегося своеобразным ароматом.

Признаком богатства и высокого положения в обществе, кроме всего прочего, считались ухоженные длинные ногти. Знатный человек показывал тем самым, что он благородного происхождения и физическим трудом не занимается. Длинные ногти могли легко сломаться; чтобы избежать этого, на

Приветствие сложенными руками и приветствие наклоном головы

них надевали предохранительные футляры. Понятно, что такую роскошь позволяли себе исключительно представители правящей верхушки.

Существовал закон, по которому мандарин не имел права заниматься государственными делами в той провинции, откуда он родом, – в глазах тех, кем управлял, он должен был быть «посланцем сверху». Он не имел также права жить в семье отца: боялись, что если отец и сын станут обсуждать дела и придут к неодинаковым выводам, то это пагубно отразится на управлении государством. Чиновникам запрещалось посещать театры и показываться среди обыкновенных людей – это подрывало их престиж.

За отличие по службе чиновники обычно награждались Орденом двойного дракона. Самой высокой наградой считалась желтая куртка, отороченная собольим мехом. Сановники жаловались Пурпуровыми поводьями или Желтыми поводьями. Престарелым государственным деятелям раз-

решался въезд в Запретный город верхом или на паланкине. Они награждались, кроме этого, абрикосового цвета паланкинами.

Чиновники награждались также павлиньими перьями, которые носили на головном уборе (нечто вроде плюмажа). Перья были трех степеней: с одним глазком, с двумя глазками и тремя глазками. Павлиньими перьями с тремя глазками жаловались члены императорской семьи или особо отличившиеся сановники; остальные – павлиньими перьями с одним или двумя глазками. Чиновники ниже шестого класса получали воронье перо.

Тщательным образом был разработан ритуал взаимного приветствия. Наиболее распространенными были следующие восемь форм почтительного приветствия: гун-шоу – сжать кулаки и поднять их на уровень лица, без поклона; цзи-и – наклонить голову; да-цянь – поджать колени; гуй – встать на колени; кэ-тоу – отвесить земной поклон; сань-коу – три земных поклона; лю-коу – шесть земных поклонов; сань-гуй цзю-коу – три раза встать на колени и каждый раз трижды коснуться лбом земли.

При исполнении различных ритуалов существенное значение имел цвет одеяния, связанного с культом времен года. Для церемонии встречи весны одевались в зеленое (цвет пробуждающейся растительности); при встрече лета – в красное (цвет солнца, которое своим теплом обогревает всходы); в конце лета – в желтое (цвет созревших хлебов); при встрече осени – в белое (цвет риса, заполнившего закрома); при встрече зимы надевали черное (зима – самое темное время года).

Показной элемент и парадность занимали важное место в жизни чиновника. На улице он появлялся в окружении многочисленной свиты – выехать из

Земной поклон *Коленопреклонение*

дома без нее значило уронить свое достоинство. Пышность кортежа, маршрут его следования, соответствующие эмблемы власти – все это было строго регламентировано церемониалом.

У высокопоставленного представителя власти обязательно был паланкин: он использовался не только для дальних переездов, но и для официальных и неофициальных визитов в городе. Считалось совершенно недопустимым, чтобы представитель власти отправлялся в гости или на прием пешком, в экипаже или верхом.

Чиновник, следовавший в паланкине, при встрече на улице с другим чиновником, высшего, чем сам он, ранга, обязан был выйти из носилок, чтобы совершить предписанные традицией поклоны.

Когда встречались два представителя власти одного ранга, они оба обычно выходили из паланкинов, отвешивали друг другу низкие поклоны и в знак почтения прижимали руки к груди.

Впрочем, чиновник мог избежать сложной церемонии приветствия: для этого он запасался огромным веером, который несли его слуги. Веер нередко раскрывали при виде другого паланкина. Этим

как бы давали понять, что встречающиеся друг друга не знают.

Выезд мандарина из его резиденции в паланкине считался важным событием и обставлялся сложным этикетом.

Паланкин императора обтягивался желтой материей, высших сановников – зеленой. Паланкины бывали открытые (облегченные – их могли переносить два носильщика) и закрытые (не менее четырех носильщиков). Вообще число носильщиков, переносивших паланкин, колебалось от двух до тридцати двух – в зависимости от важности седока и дальности пути. Обычно носильщики двигались быстро, равномерно размахивая руками; через несколько минут они останавливались по сигналу и перекладывали жерди на другое плечо.

Правителя города при выезде сопровождали телохранители, в руках которых были хлысты и цепи – признак власти и средство наказания тех, кто проявит непочтительность к высокой особе. Два человека впереди такой процессии несли гонг и через определенные интервалы ударяли в него: по числу ударов можно было определить ранг особы. Чтобы на пути не толпились зеваки, перед процессией шли два прислужника, громко выкрикивая: «Разойдись!» Слуги несли огромный зонт с написанными на нем титулами знатной личности. Чиновники низшего ранга, писцы, посыльные сопровождали паланкин, как правило, пешком. Впереди процессии несли красные дощечки с вырезанными на них иероглифами, также обозначавшими титул чиновника. Ночью кортеж освещался фонарями.

Дж. Макгован был свидетелем выезда высокопоставленного чиновника на паланкине. Вот как он описал эту процессию:

«Послышались удары в медные гонги, и донеслись пронзительные голоса. И то и другое обозначало приближение мандарина и требование под страхом наказания очистить ему дорогу. Беспорядочное движение восточной толпы сразу изменилось. Часть проходивших бросилась вперед, другие прижались к краям улицы, где образовалась страшная давка, и все застыли в почтительной позе перед приближающейся властью. Середина улицы очистилась, и вскоре показались люди с гонгами, составлявшие головную часть процессии. Время от времени они ударяли в гонги, оповещая толпу впереди о приближении мандарина. За ними шли, крича во все горло, глашатаи в длинных одеждах, спускавшихся почти до пят, и в высоких конических шапочках, напоминавших колпачки для тушения свечей. У этих глашатаев был презабавный вид. Они держали в руках хлысты, выискивая зазевавшихся и не успевших посторониться. За глашатаями шло несколько человек, в их руках были цепи: они были готовы заковать всякого, кто вызовет гнев мандарина.

Далее следовал паланкин, который несли восемь носильщиков. В паланкине сидел сам мандарин. Насколько мы успели разглядеть его, это был высокий полный мужчина с самодовольным и надменным выражением лица. Лицо его было довольно правильно, но его портило холодное, надменное выражение. Он смотрел на толпу, жавшуюся к краям улицы, но как бы не замечал ее: глаза его оставались неподвижными и ничего не выражали. Казалось, что он отгородил себя от всех жизненных волнений и дрязг, но это, конечно, была только маска, ибо по китайским понятиям каждый государственный муж должен быть таким».

Участник русской экспедиции в Китай в 1874–

1875 гг. доктор П. Я. Пясецкий так описал выезд губернатора в городе Ханькоу:

«Впереди важно шагали восемь мальчишек (по четыре в два ряда), которые несли, словно ружья на плечах, опознавательные знаки. На некотором расстоянии от них шагали еще восемь мальчишек также в два ряда. Они несли доски красного цвета, похожие на лопату, на которых крупными черными иероглифами были написаны имя, чин и достоинства чиновника.

Затем шли четыре телохранителя по два в ряд. Первые два стучали в медные барабаны, а два других плетьми отгоняли любопытных и зевак. Вслед за телохранителями следовали два человека, которые несли по очереди большой красный зонт. Он защищал мандарина от солнца, если бы тот пожелал пройтись пешком. Далее два человека шествовали с "веером скромности". Это был большой веер. Им закрывали мандарина, если бы он желал переменить по дороге платье на более теплое или более прохладное, смотря по застигшей его в пути погоде. Здесь же четыре солдата на коромыслах несли большой сундук с одеждой. За ними следовал конвой из восьми солдат.

Далее на некотором расстоянии два человека несли еще один зонт с особыми знаками мандарина. За ними находился второй эскорт из восьми человек пешего конвоя. И только после всех них следовал паланкин с губернатором, который несли восемь человек. За паланкином ехали верхом шесть свитских мандаринов, заключавших это торжественное шествие. В общей сложности губернатора сопровождало 48 человек».

Однажды все участники русской экспедиции были приглашены на прием к высокопоставленно-

му чиновнику в Ханькоу. П. Я. Пясецкий рассказывал:

«Во дворе, у крыльца нашего дома, было поставлено пять паланкинов, и около них находилось двадцать носильщиков: по четыре человека на каждый, а не по два, как обыкновенно, – это число было предусмотрено этикетом. В паланкин садятся, когда он стоит еще на земле, и его поднимают вместе с пассажиром. Мы разместились каждый по своим носилкам и отправились в путь.

Примерно через каждые пять минут носильщики останавливались, чтобы переменить плечо. Это делалось по команде старшего быстро и ловко и не более чем за несколько секунд.

Носильщики идут, почти постоянно переговариваясь между собой. Передний предупреждал задних о каких-либо препятствиях, которые надо обойти, а задний считал своим долгом отвечать на каждое предостережение».

Воспоминания о поездке на паланкине у П. Я. Пясецкого остались невеселые: «Носильщики ступают тяжело, видимо под тяжестью ноши, обливаются потом, но идут бодро. Носилки открыты спереди, и я невольно смотрел на них, видел, как жерди давят плечи носильщиков, и мне становилось неловко, просто совестно. Да, нужно лишиться своих ног, чтобы не испытывать это чувство, от которого не отделаешься, когда вас, здорового, несут на плечах люди».

Работа носильщиков паланкина была тяжелой и изнурительной, в короткое время она доводила их до крайнего истощения.

Дж. Макгован, наблюдавший за этими несчастными людьми по пути из Пекина в Гуанчжоу, отмечал: «Перед нами быстро проследовал паланкин.

Его несли два человека, которые, казалось, были в полном изнеможении. Это особенно относилось к впереди идущему: он был совершенно измучен; его лицо горело, как у больного лихорадкой, губы были совершенно бескровные. Носильщик производил впечатление человека, силы которого полностью истощились от непосильной ноши и он не в состоянии больше выдержать такого напряжения.

Задний носильщик сравнительно легко опустил жерди с плеч на землю, тогда как передний снял их с натертых до крови плеч с таким усилием, будто они впились в его тело. Ни слова не говоря, он бросился к одному из столиков в харчевне и бессильный опустился на скамью. После минутного отдыха он протянул свои руки с пустой чашкой к стоящему здесь же буфетчику, последний быстро наполнил его чашку жидким рисом и передал ему».

Большое значение придавалось церемониалу и вообще всей показной стороне при проведении официальных приемов, банкетов, званых обедов. Разнообразие и изысканность блюд служили признаком богатства и щедрости хозяина. О том, как выглядел обед у высокопоставленного чиновника, можно составить себе представление из описания очевидца.

Едва гости уселись за стол, слуги в белых халатах обнесли их чашками с чаем. Чай издавна считался незаменимым напитком в Китае. В разных районах страны употребляли различные сорта чая. На юге предпочитали зеленый чай, а на севере – черный. Особой популярностью пользовался ароматный цветочный чай: он изготовлялся с примесью лепестков жасмина, розы и других цветов...

Но вот принесли угощение (перед каждым прибором заранее были положены изысканные палоч-

ки из слоновой кости). Сначала сладости: очищенный корень болотного растения, жареные грецкие орехи, абрикосовые зерна, пастила из мороженых яблок и многое другое. Считалось, что сладости возбуждают аппетит.

В комнату вошли, семеня крохотными ножками, пестро разодетые певицы. Лица их были сильно напудрены и нарумянены, высокие прически украшены цветами. Они поклонились, сели и стали играть на китайских струнных инструментах и петь тонкими голосами. Гости продолжали трапезу, пили рисовую водку, слушали пение и музыку.

После сладкого слуги внесли закуски: маринованные огурцы в кислом соусе из бобов; ломтики ветчины; вареные утиные лапки; кусочки мяса с уксусом и перцем; чеснок и редьку в уксусе. Но самым лакомым блюдом считались соленые утиные яйца черного цвета.

Подали блюдо из трепангов – один из деликатесов китайской кухни. Трепанг, беспозвоночное морское животное типа иглокожих, водится на дне моря у берегов Китая. Китайские кулинары размачивают мясо трепангов в воде, затем, в зависимости от рецепта, варят или тушат со специями (куриный жир, лук, куриный бульон, соевый соус, рисовое вино, сахар, пряности и т. п.). Блюдо из трепангов не только приятно на вкус, но и питательно: оно содержит большое количество белков, кальция, фосфора, жиров.

Гостей угощали и другими традиционными яствами: плавниками акулы, различными сортами рыб, утиными языками, голубиными яйцами, жареными рыбьими пузырями, раками в чесноке с сахаром, рыбьими мозгами, жареными луковицами лилий и т. д.

Им предложили разные супы, в том числе суп из «ласточкиного гнезда» – дорогое и изысканное угощение. «Ласточкино гнездо» – гнездо морских ласточек особой породы. Оно имеет форму полушария и состоит из полупрозрачного хрупкого вещества грязно-желтоватого цвета. Если такое гнездо разварить в кипятке, то получится желтый суп. Само гнездо разваривается в нити вроде вязиги. «Ласточкино гнездо» высоко ценится не только потому, что его трудно найти, но и за особый вкус. Морские ласточки лепят из своей слюны гнездышко в щелях утесов, у берегов и на островах Южного Китая. В поисках «ласточкиных гнезд» крестьяне с опасностью для жизни карабкались по крутым скалам и берегам. Последняя перемена состояла из шести сортов булочек и пирожков из разного теста с различными начинками. Тут были пресные хлебцы, сваренные на пару, рисовые лепешки с рублеными грецкими орехами, пирожки с чесноком, пирожки с шафраном и жасмином, горячий кисель. Заканчивался обед, как и начинался, чаем.

Особый деликатес в китайской кухне – пекинская утка. Вначале ее потрошили, обваривали, ощипывали и обсушивали, затем поджаривали подвешенной в специальных печах.

В печь, в которой жарилась утка, закладывались сучья фруктовых деревьев – только так блюдо приобретало должный вкус и аромат. Мастера-кулинары подкладывали дрова так, чтобы в печи держалась строго определенная температура. Одновременно они особым шестом непрерывно поворачивали утку в печи, чтобы она прожаривалась со всех сторон. Под действием жара, исходящего от печного свода, жир постепенно растапливался и просачивался наружу, утка покрывалась приятной поджаренной корочкой.

Примерно через 50 минут (в зависимости от веса утки) она приобретала темно-коричневый цвет.

Горячую утку резали на куски вместе с поджаренной корочкой. Ели утку так: кусочки мяса клали на тонкие блинчики, поливали густым сладким бобовым соусом, заправляли нарезанным луком и сворачивали в трубочку.

Китайская кухня отличается большим разнообразием, что достигается с помощью огромного количества приправ и специй: они придают изделиям поваров внешнее изящество, увеличивают их питательность, устраняют специфический запах некоторых блюд (баранины, рыбы и др.). Насчитывается до четырехсот видов различных приправ и специй, из них не менее ста употребляются постоянно.

Разумеется, такие блюда мог позволить себе отведать лишь богатый человек; простолюдину они были недоступны.

* * *

Лицемерие и коварство были неотъемлемыми чертами чиновника Срединного государства. «Если деньги, коварство, интриги, – писал французский наблюдатель Жан Род, – служат главными средствами, с помощью которых мандарин достигает своего высокого положения, то не последнее место занимают также его глубокое лицемерие и совершенное отсутствие личных убеждений. Пламенный реформатор в период торжества передовых идей с такой же легкостью превращается в горячего реакционера в угоду изменчивым настроениям и прихотям двора».

О своих встречах с чиновниками-мандаринами Жан Род рассказывал: «Внешний вид мандарина

вполне соответствует его духовному облику. Жеманный и женственный, облаченный в шитый богатыми узорами шелк своих азиатских одежд, с улыбкой сострадания или радости на устах, приличествующей утонченным требованиям китайского этикета, мандарин, является ли он в образе жирного и грузного властителя или изможденного мистика-монаха, остается самим собою. В неподвижных чертах его непроницаемого лица, скрытого под каменной маской лицемерия и лукавства, вы не уловите ни малейшего отражения мысли, ни одного проблеска чувств. Однажды после оказанного мне в Пекине высоким сановником, близким родственником императора, приема, на котором принц сохранял в течение всей аудиенции выражение окаменелой неподвижности на лице, привычное столько же для аскета, сколько и для курильщика опиума, сопровождающий меня молодой китаец нового направления сказал мне: "О, будьте уверены, милостивый государь, что у этого человека, с виду столь строгого и сурового во время беседы с вами, на уме только одно – женщины и удовольствия!"»

О нравах чиновников Срединного государства можно судить по беседе царского министра С. Ю. Витте с сановником маньчжурского правительства Ли Хунчжаном, прибывшим из Пекина в Россию для участия в торжествах по случаю коронации Николая II. Как известно, 18 мая 1896 г. в Москве на Ходынском поле, где происходило народное гулянье по случаю коронации, произошла страшная давка, в результате чего погибло около двух тысяч человек.

И вот какой разговор состоялся тогда между С. Ю. Витте и Ли Хунчжаном:

– Правда ли, что произошла большая катастро-

фа и что есть около двух тысяч убитых и искалеченных?

Так как, по-видимому, Ли Хунчжан знал уже все подробности, то я, – пишет Витте, – ему нехотя ответил, что да, действительно, такое несчастье произошло.

На это Ли Хунчжан задал мне такой вопрос:

– Скажите, пожалуйста, неужели об этом несчастье все будет подробно доложено государю?

Я сказал, что не подлежит никакому сомнению, что это будет доложено, и я даже убежден, что это было доложено немедленно после того, как эта катастрофа случилась.

Тогда Ли Хунчжан помахал головой и сказал мне:

– Ну, у вас государственные деятели неопытные. Вот когда я был генерал-губернатором в провинции Шаньдун, то там была чума и поумирали десятки тысяч людей, и я всегда писал богдыхану, что у нас все благополучно. И когда меня спрашивали, нет ли у вас каких-нибудь болезней, я отвечал: никаких болезней нет, все население находится в самом нормальном порядке.

Кончив эту фразу, Ли Хунчжан как бы поставил точку и затем обратился ко мне с вопросом:

– Ну, скажите, пожалуйста, для чего я буду огорчать богдыхана сообщением, что у меня умирают люди? Если бы я был сановником вашего государя, я, конечно, все это от него скрыл бы.

Напрасно Ли Хунчжан пытался «учить» русских чиновников – последние также не отличались честностью. В этом смысле русские цари и маньчжурские императоры находились в одинаковом положении. Дело было в ином: Ли Хунчжан возводил ложь в добродетель и бравировал этим.

Знакомясь с книгами о Китае, написанными авторами-иностранцами в XIX и начале XX вв., обращаешь внимание на повторяющуюся характеристику китайского чиновничества: «лживое и лицемерное». И хотя при этом употреблялось слово «китаец», речь шла о тех, кто стоял «над» китайским народом.

«Лживость и неискренность, – читаем в книге "О племенах земного шара", опубликованной в 1863 г., – распространенные среди китайцев свойства. Богдыхан обыкновенно получает ложные доклады от своих министров и генерал-губернаторов, которые, в свою очередь, обманываются губернаторами, префектами и другими низшими чинами. "Цинбао", официальная китайская газета, переполнена такой ложью и выдумками.

Лживость администрации действует развращающим образом на народ, который приучается к неискренности и старается лишь половчее обмануть не только начальство, но и друг друга, что влечет за собой подозрительность и взаимное недоверие».

Достижение желаемого путем обмана и вероломства, коварства и хитрости считалось вполне нормальным явлением в деятельности чиновника. Он заимствовал методы руководства из древних китайских трактатов о военном искусстве: «улыбками и шуточками прикрывай свой меч»; «спасай себя за счет другого»; «уничтожай врага с помощью рук какого-либо третьего»; «распускай порочащие врага слухи» и т. д. Чиновник сокрушался не о том, что его изобличили, а о том, что не смог успешно применить излюбленные приемы для достижения желаемого.

Показная вежливость и напыщенное «благородство манер» не мешали чиновникам продавать свою

совесть. Служебные посты, как правило, покупались у вышестоящих бюрократов. Приобретенный таким путем пост давал чиновнику «моральное право» заниматься вымогательством, а подчиненные, в свою очередь, делали то же самое по отношению к своим служащим – и так до самых низов иерархической лестницы.

Ограбление народных масс, расхищение казны, взяточничество были главными источниками обогащения китайских чиновников. Они распоряжались государственной казной как собственными средствами. Был зафиксирован такой случай: император ассигновал для помощи голодающим провинции Шаньдун 200 тысяч лянов. Казначей – первый, кому вверили эти деньги, – присвоил 40 тысяч лянов, его помощник – 20 тысяч и т. д. Из ассигнованной суммы до провинции Шаньдун дошли всего 40 тысяч лянов. Но голодающим не досталось ничего, так как оставшиеся деньги были присвоены местными чиновниками.

В 1865 г. Д. Геце в «Заметках о Китае» писал: «Главная язва современного Китая – страшное взяточничество, обратившееся в хронический недуг всего административного организма. Каждое место, начиная с высшего чиновника до слуги, приобретается большей частью за деньги, и потому всякий, достигнув желаемого, старается устроить свои дела так, чтобы возвратить затраченный капитал. Мандарин собирает оброк со своих подчиненных, а лакей его, да еще и не один, потому что их целая стая, не получая обыкновенно никакого жалованья, собирает пошлины со всякого, кто только имеет какое-либо дело к его господину, будь этот проситель купцом, или мастеровым, или просто гостем, желающим засвидетельствовать свое почтение мандарину».

Жестокие, вероломные и лживые чиновники старались, разумеется, сохранить репутацию добропорядочных людей. По-китайски это называлось «сохранить лицо», т. е. не уронить авторитета, пользоваться влиянием и уважением в глазах окружающих. Самым страшным несчастьем для чиновника было «потерять лицо». Это значило публичное обвинение в чем-либо непристойном, утрату репутации в глазах вышестоящих. «Потеря лица» была равносильна гражданской казни, «моральной смерти», небывалому позору, который нередко приводил к самоубийству.

Вот как некоторые русские и иностранные авторы, наблюдавшие за жизнью чиновничества Срединного государства, трактовали понятия «сохранить лицо» и «потерять лицо».

И. Коростовец: «"Потерять лицо" – специально китайский термин – значит сознаться в своей неправоте, уступить, утратить честь, чего китаец никогда не сделает даже при очевидной от этого невыгоде».

Дж. Макгован: «Слово "лицо"» является у китайцев одним из самых характерных и многозначительных. В то время как у всех остальных народов слово это употребляется для обозначения физиономии, и только, на китайском языке под этим словом скрывается целый ряд таких принципов и понятий, которые тесно переплетены с общественной жизнью. Благодаря понятиям, вложенным в это слово, каждый китаец является до некоторой степени актером, а вся китайская жизнь – театром, где на каждом шагу разыгрываются невинные комедии с единственной целью оставаться достойным в глазах других. Нет большего несчастья для китайца, как "потерять лицо", и по-

тому каждый из них заботится из всех сил о "сохранении лица"».

«Точное исполнение всех формальностей при всевозможных обстоятельствах жизни, – читаем в изданной в Петербурге в 1904 г. книге "Китай и его жизнь", – китаец обозначает выражением "сохранить свое лицо"; если же он не обращает на них внимания, не знает или небрежно выполняет их, в таком случае он "утрачивает свое лицо". Уяснив раз навсегда значение понятия "лицо", мы можем при его посредстве найти путь к пониманию многих других важных характерных черт китайца. Только никогда не следует упускать из виду того обстоятельства, что те правила, которыми руководствуется китаец при пользовании своим "лицом", непонятны для европейцев».

Английский китаевед Артур Смит в конце XIX в. опубликовал монографию под названием «Характерные черты китайцев», которая начинается с разъяснения понятия «лицо». Автор пишет: «Для того чтобы иметь хотя бы самое несовершенное представление о том, что подразумевается под словом "лицо", мы должны принять во внимание тот факт, что к числу национальных особенностей китайцев относится сильная склонность к драматическому действию. Театр можно назвать почти единственным китайским национальным развлечением, и китайцы питают ко всему театральному такую же страсть, какую англичане к атлетическим играм или же испанцы к бою быков. Достаточно самого ничтожного повода, чтобы китаец вообразил себя в роли драматического актера. Осанка его принимает театральный вид, он "играет приветствие", бросается на колени, падает ниц и бьет головой о землю при таких обстоятельствах, которые в гла-

зах обитателей Запада делают подобные действия излишними, чтобы не сказать смешными. Китаец мыслит театральными терминами».

И далее: «Мы не должны ходить за кулисы, потому что это испортило бы всякое представление. Совершать надлежащим образом подобные театральные действия при всех вообще возможных сложных обстоятельствах жизни – значит "иметь лицо"; грешить же против них, не знать их или же дать осечку при совершении их – значит "терять лицо". "Лицо", если мы его правильно поймем, окажется ключом к сложному замку, соединяющему в своих пружинах многие из важнейших характерных черт китайцев».

В приведенных примерах хотя и говорится о китайцах вообще, однако речь идет, конечно же, не о китайских трудящихся, с которыми авторы практически не общались, а о маньчжурских и китайских феодалах и их прислужниках – с ними-то и приходилось иметь дело иностранным наблюдателям.

Непримиримость к лицемерию, честность, прямота и искренность – подобные качества высоко ценились в китайском народе. Это отразилось, например, в китайских пословицах и поговорках: «Шкура овечья, а сердце волчье»; «В лице мир, а в душе злоба»; «Голова зайца, а глаза змеи»; «На устах шуточки, а за спиной нож»; «Речь нежная, как колокольчик, а сердце черствое, как сухарь»; «Посмотришь – человек; вглядишься – дьявол»; «Лучше умереть, чем отступиться от истины»; «Признать истину легко, трудно следовать ей»; «Кто честен, тот всегда идет вперед»; «Истина – источник мужества».

Природа лжи и лицемерия чиновников, несомненно, связана прежде всего с социальным аспек-

том – с тем общественным положением, которое они занимали. Ложь, лицемерие, театральщина всегда были неотъемлемыми чертами господствующих классов в любом государстве, но в феодальном Китае эти качества были доведены до гипертрофических размеров и нередко оборачивались гротеском.

Народ знал подлинную цену своим «управителям», и это нашло отражение в поговорках: «Гнилое дерево не годится на столбы, подлый человек не годится в начальники»; «Опасайся чиновника, который улыбается»; «Чиновник никогда не обижает того, кто приносит подарки».

Во имя собственного обогащения чиновник прибегал к самым различным формам вымогательства. Это тем более было ему доступно, так как в его распоряжении на местах находились и вооруженные силы, и аппарат власти. Важным источником доходов был земельный налог, часть которого шла ему в карман. Немалым подспорьем служили косвенные налоги. Под предлогом изыскания средств для строительства каких-либо общественных зданий вводились налоги на чай, соль, табак, рис, вино, хлеб, сахар, мясо, дрова и т. п. В некоторых уездах число таких налогов доходило до семидесяти.

Постоянным средством наживы для чиновника служила его судебная власть. Он мог арестовать любого человека и потребовать от него «отступные» за освобождение.

Если император считался неограниченным властелином всего Срединного государства, «отцом и матерью» великой китайской семьи, то губернаторы, начальники уездов и т. д. объявлялись «родителями» подопечного им населения. Местное управление было полностью сосредоточено в их руках. Будучи в одном лице военачальником, администт-

ратором и судьей, местный властитель был особенно страшен в последнем качестве. Чиновники слыли кровавыми деспотами с неограниченной властью, по существу, они не зависели от общества, верша суд и расправу по собственному произволу. В лучшем случае этот произвол в какой-то мере мог быть ограничен такими же деспотами, стоявшими в бюрократической иерархии на ступень выше. Но если пострадавший осмеливался обратиться к вышестоящим властям, его жалоба возвращалась на рассмотрение к тому, кто его обидел, и тогда уже не было жалобщику пощады.

Один из вождей Тайпинского восстания так отзывался о чиновниках: «Чиновники в империи хуже разбойников; жестоких чинуш из присутственных мест не отличишь от тигров и волков; богачи свирепствуют беспредельно, а бедняки не могут даже пожаловаться на свои обиды; достояние народа растаскивается, страдания народа дошли до крайнего предела!»

Телесные наказания и изощренные пытки во времена маньчжурской династии в основном применялись по отношению к китайцам. Наказывали битьем палками, обращением в рабство, высылкой в отдаленные районы, смертной казнью, жестокими пытками.

К судебной процедуре прибегали только при крайней необходимости. Обычно все спорные дела должен был решать глава семьи или старейшина рода. Маньчжурский император Канси выразил свое отношение к суду с полной ясностью: «Хорошо, что люди боятся суда. Я желаю, чтобы с теми, кто обращается к судьям, поступали без всякого милосердия. Пусть все добрые граждане живут между собой как братья и все свои распри передают на

усмотрение стариков и местного начальства. Что же касается сварливых, строптивых и неисправимых, пусть их уничтожат чиновники. Вот им и весь суд, лучшего они не заслуживают».

Китаец страшно боялся быть привлеченным к суду. Это грозило ему бесконечными неприятностями. И. Коростовец в 1898 г. писал: «Лица, знакомые с китайским народом, утверждают, что последний уважает закон, даже несправедливый, и что чувство законности врождено в каждом китайце, на какой бы ступени социальной лестницы он ни стоял. Весьма возможно, что этот взгляд справедлив; но не подлежит сомнению, что китаец трепещет перед судом и его представителями, как перед стихийной силой, более страшной, чем голод или наводнение, ежеминутно, без всякого повода с его стороны, готовой уничтожить его жизнь и благосостояние».

Немецкий наблюдатель Эрнест фон Гессе отмечал: «Бесконечный страх китайцев перед судом вызван действиями мандаринов, подкупностью и произволом чиновников, жестокостью пыток и наказаний. Вот почему китайцы решаются прибегать к суду лишь в самых крайних случаях. Нужно иметь туго набитый кошелек и быть очень влиятельным человеком, чтобы добиться на суде желанной цели».

Присутственное место, где вершилась расправа над трудящимися, где чиновник-деспот по личному произволу мог загубить человеческую жизнь, называли ямынь. Вот что было сказано в одной из листовок восставших крестьян в конце XIX в. о ямынях: «Справедливость исчезла с лица земли. В ямынях недостаточно чувствовать свою правоту. Если вы не дадите взятку, вы проиграете самое правое дело. Нет никого, к кому обиженный мог бы об-

ратиться за помощью: простые люди гибнут от притеснения, и их вопли поднимаются к самому небу и доходят до неба».

О ямынях и чиновниках в народе слагали острые поговорки вроде: «Двери ямыня открываются на восток; не переступай их порога, если у тебя есть право, но нет денег»; «Никогда не входи в ямынь; девять буйволов не вытащат тебя оттуда»; «Проси лучше у змей, чем у чиновников и судей».

При входе в ямынь бросались в глаза две большие картонные фигуры, одетые в доспехи древних китайских полководцев с алебардами в руках и искаженными от гнева лицами. Это были духи ворот, охранявшие вход в судебную палату от вторжения нечистой силы; одновременно они считались официальной эмблемой власти.

Обычно ямынь представлял собой целый ансамбль строений, изолированных друг от друга двориками и обнесенных общей квадратной стеной. В каждое строение вели массивные двери, украшенные красными фонарями. Дворики отделялись друг от друга большими воротами из прочного дерева. Чем богаче был чиновник – глава ямыня, – тем больше было таких ворот. Последние имели причудливые портики и карнизы, углы которых украшались фигурками животных и духов.

В центральной части этого комплекса находились жилые комнаты главы ямыня, его жен и наложниц, рядом были расположены служебные помещения для подчиненных ему чиновников, гостиная и приемная, а также нечто вроде карцера для преступников. В боковых отсеках ямыня размещались прислуга и охрана.

Суд проходил примерно так. Судья восседал за большим красным столом. На столе лежали кис-

точки для писания иероглифов, тушечница с черной и красной тушью, небольшой деревянный брусок и пустотелый цилиндрической формы сосуд, наполненный деревянными бирками. Деревянный брусок считался непременным атрибутом судопроизводства – судья с силой ударял им по столу, если хотел произвести устрашающее впечатление на обвиняемого.

По обе стороны судейского стола располагалась стража – несколько рослых служителей в высоких остроконечных шапочках. В руках они держали бамбуковые палки – самое распространенное и чаще других употреблявшееся средство воздействия на обвиняемого. Бамбуковая палка напоминала небольшое весло для гребли на каноэ. Верхняя часть палки имела круглую форму (чтобы удобнее держать) и была окрашена в черный цвет, а нижняя часть походила на лопасть весла и была выкрашена в красный цвет – это в какой-то мере помогало скрыть следы крови, если обвиняемого долго избивали. Такими палками забивали людей до смерти или, во всяком случае, наносили им тяжелые увечья.

Местный сатрап считал для себя унизительным разговаривать со стражей: приказания отдавались посредством деревянных бирок. Допросив обвиняемого, судья бросал бирки на пол. По числу брошенных бирок стражники определяли, какое именно наказание ждет несчастного: каждая бирка означала пять ударов бамбуковыми палками. Приговор приводился в исполнение тотчас же, в присутственном месте.

О том, с какой легкостью на суде прибегали к бамбуковым палкам, можно судить по сатирическому рассказу «Уездный начальник рисует тигра».

«Жил когда-то начальник уезда, и очень любил он рисовать тигров. Да только рисовал плохо, вместо тигров получались у него какие-то кошки – ничего в них не было от тигров.

Однажды нарисовал он такого "тигра", вызвал посыльного, что служил у него в ямыне, чтобы тот поглядел и похвалил его работу, а потом разнес весть о таланте своего начальника по всей округе. Посыльный пришел. Начальник развернул свою картину и спрашивает:

– Вэй! Что это, по-твоему?

Посыльный взглянул, сообразил, что это черное животное очень напоминает кошку, и сказал напрямик:

– Это кошка, мой начальник.

Начальник уезда вышел из себя:

– Паршивая кость! Зрачков у тебя в глазах нет, что ли? Тигра, нарисованного господином, принять за кошку! Поистине твоему нахальству нет предела! – И, обернувшись назад, крикнул: – Слуги, возьмите эту паршивую кость и дайте ему сорок палок.

И бедного посыльного избили до полусмерти.

Чиновник вызвал другого посыльного и стал спрашивать о том же.

Увидел посыльный нарисованного черной тушью "тигра", который был удивительно похож на черного кота, но сказать что-либо не осмелился. Он ведь знал, что его приятель уже пострадал за то, что назвал этого "тигра" кошкой.

Он стоял и молчал, придумывая, как выйти из положения.

– Скажи-ка, что это? – спросил уездный начальник.

– Господин, я не смею сказать,– ответил посыльный.

– Кого ты боишься?

– Я боюсь господина.

– А тогда кого боюсь я? – рассердившись, спросил чиновник.

– Господин боится начальника.

– А начальство кого боится?

– Начальство боится неба.

– А небо кого боится?

– Небо только туч боится.

– А тучи кого боятся?

– Тучи больше всего боятся ветра.

– А ветер?

– Ветер боится стены.

– А стена боится чего?

– Стена боится мышей.

– А мыши чего боятся?

– Мыши ничего не боятся, кроме нарисованной вами картины, – набравшись духу, выпалил посыльный.

Чиновник только уставился на него гневными глазами, но не мог вымолвить ни слова».

Служащие и стража ямыня, как правило, ничего не получали за свою работу. Источником их доходов были все те, кто так или иначе от них зависел. Вымогательства, взятки, угрозы, прикрываемые «законом», – с помощью подобных средств служители ямыня обеспечивали себе заработок. Судопроизводство в феодальном Китае не знало состязательного процесса: местный чиновник, начальник уезда или губернатор провинции в одном лице совмещали судью, адвоката и прокурора.

Обличение вымогательства и взяточничества – одна из важнейших тем китайской литературы и фольклора. Вот, например, как высмеивается продажный судья в народной сказке «Сокровище».

«Некогда в одном ямыне разбиралось дело о краже драгоценностей. Воры знали, что начальник этого ямыня очень жаден, и они нашли способ передать, что хотят поднести ему сокровища и просят только, чтобы он проявил снисходительность и простил их. Начальник дал понять, что согласен.

– Господин, – сказали перед уходом воры, – сокровища, спрятанные в этой шкатулке, имеют одну особенность: человек, который будет владеть ими, должен быть честным и справедливым, если же на душе у него нечисто, то сокровища тотчас же исчезнут.

Чиновник-то знал себя – при таком условии он ни в коем случае не смел открыть шкатулку и взглянуть на драгоценности. Но однажды он не выдержал, приготовил угощение и пригласил чиновников, которые были у него в подчинении. Когда все трижды выпили, начальник достал красную резную шкатулку и сказал:

– Господа! В этой шкатулке спрятаны сокровища, но открыть ее может только справедливый человек, совесть которого совершенно чиста. Если шкатулку откроет человек с нечистой совестью, сокровища мгновенно исчезнут. Сегодня я специально пригласил вас затем, чтобы самый честный из вас открыл шкатулку.

Сказав это, начальник сел. Прошло много времени, чиновники смотрели друг на друга, не решаясь заговорить, а уж тем более приблизиться к шкатулке.

Начальник ямыня совсем расстроился. Тогда один из слуг, разливавший вино, сказал:

– Господин, разрешите мне открыть.

“Разрешить открыть шкатулку с такими сокровищами слуге – не очень-то подходящее дело”, – по-

думал начальник, но, делать нечего, пришлось согласиться. Гости заволновались, поднялись с мест и окружили шкатулку. Они толкали друг друга и ждали, вытянув шеи.

Наконец крышку подняли, и тотчас раздался крик начальника ямыня – шкатулка была пуста».

Гессе-Вартег оставил свои впечатления о суде и исполнении приговора, вынесенного в ямыне. «Мне в первый же день пребывания в городе Гуанчжоу пришлось быть свидетелем публичного наказания осужденного. Вблизи ямыня внимание мое было привлечено громкими ударами в гонг. Я осмотрелся и увидел странное шествие, какого не увидишь, пожалуй, ни в какой другой стране. За стражником, бившим в гонг, следовал человек со связанными за спиной руками. В окровавленные мочки его ушей были продеты палочки около 30 сантиметров длиной, на которых прикреплены бумажки с письменами. За ним шли двое солдат-стражников. На мои вопросы сопровождавший меня переводчик ответил, что это вор. "На бумажках, – продолжал он, – указаны имя преступника, его вина и род наказания. Он присужден к пятидесяти ударам палками. Вероятно, его ведут к мандарину. Хотите поглядеть?"

Мы примкнули к толпе народа, сопровождавшей шествие, и скоро достигли ямыня. Благодаря чаевым в несколько мелких монет было приобретено право входа. Едва стража ощутила в руках деньги, все двери для нас были открыты. Мы очутились на первом дворе ямыня, по трем сторонам которого тянулись темницы; затем через другие ворота прошли на второй двор, в глубине которого находился открытый со стороны двора судебный зал.

Сюда-то и привели вора. В глубине зала за длин-

ным столом сидел мандарин с огромными круглыми очками на носу, в китайской чиновничьей шапке с пуговкой и конским хвостом. За маленькими столиками по обе стороны от него сидели чиновники, выводившие длинными кисточками разные знаки на листках бумаги. Исполнители наказания с палками вроде весел стояли позади. У входа вору развязали руки, и он бросился на колени перед мандарином, стукнувшись лбом оземь. Затем по сигналу мандарина стражники распластали вора на длинной низенькой скамье, спустили ему шаровары до колен, и один из них схватил его за косу, а другой за ноги. Мандарин подал знак, вышел стражник и принялся бить распростертого преступника тонкой бамбуковой тростью...

Удары сыпались чрезвычайно часто, – закончил свой рассказ Гессе-Вартег, – и шум этих коротких, сухих ударов, своеобразное бормотание отсчитывавшего их и стоны извивавшегося под ударами преступника скоро заставили нас покинуть душное помещение».

Чтобы принудить подданных Срединного государства беспрекословно повиноваться Сыну неба и тем, кто управлял страной от его имени, их подвергали всевозможным жестоким наказаниям.

Одним из обычных наказаний считались шейные колодки, представлявшие собой две доски с полукруглыми вырезами для шеи. Доски скреплялись вместе болтами или цепями и весили от 15 до 20 килограммов. Их носили от одного до трех месяцев.

С таким деревянным ошейником преступника выводили на рыночную площадь или в другие общественные места: пусть все видят, что ждет нарушителя закона. С виду это могло показаться доволь-

но безобидным наказанием, на самом же деле человек испытывал постоянные страдания. Доски были настолько широкими, что несчастный с большим трудом мог дотронуться рукой до лица. Чтобы поднести пищу ко рту, ему приходилось прилагать невероятные усилия, требовавшие почти акробатического искусства. Летом назойливые насекомые облепляли его лицо и голову, а он не мог защититься от них. В таком состоянии несчастный целый день стоял под палящим солнцем, а когда наступала ночь, его уводили в «тюрьму» – зловонную землянку. Он садился на гнилую, вонючую солому, кишащую насекомыми, и для него наступало новое испытание. Колодки мешали ему лежать, а от неосторожного движения их острые края впивались в шею. С наступлением рассвета несчастного вновь выводили наружу. И это считалось «обычным» наказанием!

Срединное государство по изощренности и жестокости применяемых пыток могло соперничать разве что со средневековой испанской инквизицией. Одно из таких истязаний называлось «стоять в бочке». Человека со связанными руками ставили в высокую бочку, ее верхняя крышка имела отверстие, куда вталкивали голову обреченного. На дно бочки насыпали толстый слой негашеной извести и клали несколько черепиц, которых приговоренный едва касался подошвами. В таком состоянии несчастный должен был не двигаясь простоять целые сутки. Но это была только прелюдия к истязанию. На следующий день из-под его ног убирали одну черепицу. Лишившись опоры, он постепенно повисал на шее. В это же время на дно бочки в известь наливали воду, и вредные испарения обволакивали все тело несчастного. Так повторялось не-

сколько дней, и наконец убиралась последняя черепица. Ноги обреченного оказывались в бурлящей извести, которая разъедала живую плоть, причиняя жертве боль во много раз сильнее, чем ожог от огня. Шея под тяжестью тела сдавливалась, и наступало медленное удушение.

Одним из орудий мучительной казни была бамбуковая клетка. Она представляла собой усеченную пирамиду из четырех толстых шестов в рост человека, в верхней и нижней части скрепленных перекладинами. На верхнюю перекладину набивалось несколько узких бамбуковых дощечек с отверстием для головы обреченного, которого ставили в такую клетку со связанными за спиной руками. Шея упиралась в перекладину, что могло сразу же привести к удушению. А чтобы смерть не наступила так быстро, под ноги подкладывали несколько черепиц, которых он едва касался подошвами ног. Затем черепицы одну за другой постепенно убирали. Стараясь хоть немного продлить себе жизнь, человек напрягал мышцы, чтобы устоять на цыпочках, а когда силы иссякали или из-под ног убирали последнюю черепицу, наступала медленная, мучительная смерть.

Так расправлялись с людьми в ямынях, и никого не смущало, что на стене висело изречение: «Распространим высокие моральные качества на весь народ».

Иной раз в ямынь попадали и представители имущих классов. И если им угрожала «потеря лица», они шли на любые уловки, лишь бы сохранить свою репутацию. Например, когда богач совершал какое-нибудь преступление и его приводили в ямынь для допроса, он понимал, что ему не избежать ударов бамбуковой палкой, а следовательно,

«потери лица». Оставался единственный выход: за деньги купить освобождение и увильнуть от наказания. В присутственные часы около ямыня всегда можно было найти бедняка, который за определенную плату соглашался быть наказанным за другого. Этот человек менее всего размышлял о «потере лица»: ведь он зарабатывал себе на хлеб. Богач заключал сделку с одним из таких обездоленных, и тот «добровольно» подставлял спину под удары. На практике это выглядело так.

Явившись в ямынь, богач становился на колени перед судьей, и тот начинал его допрашивать. Так как улики были налицо, то после короткого допроса судья отдавал приказание служителям наказать обвиняемого бамбуковыми палками, но не успевала стража приблизиться к нему, как он вскакивал на ноги и отбегал в сторону, а на его место вставал нанятый им человек. Привыкшие к подобным уловкам служители ямыня делали вид, что ничего не заметили, и принимались бить «преступника» так сильно, что тот начинал истошно кричать. Судья, конечно же, знал, что кричит не настоящий преступник, а подставное лицо, но и его это не удивляло. Виновный избегал телесного наказания, но считалось, что он страдает материально – ведь ему пришлось заплатить и своему «спасителю», и судье, и служителям ямыня.

Таким путем богатый человек мог избавиться не только от экзекуции, но и от тюрьмы и даже от смертной казни. Отчаяние и страшная нужда толкали бедняков на все. Были случаи, когда вместо настоящих виновников какого-либо преступления на смерть шли дети бедняков – лишь бы на какое-то время избавить семью от нищеты и голода, – и это не вызывало возражений блюстителей закона.

Одной из форм протеста против притеснений со стороны сильных мира сего в феодальном Китае было самоубийство. Доведенный до отчаяния человек, желая отомстить за нанесенное ему оскорбление, совершал самоубийство в доме или возле дома обидчика, что доставляло последнему много неприятностей: вмешательство властей, обязанность похоронить самоубийцу за свой счет и т. п. Главное, однако, состояло в том, что, по древним верованиям, душа самоубийцы не могла подняться на небо и навсегда оставалась в доме обидчика, навлекая на его семью несчастья.

Пытаясь разобраться в причинах частых самоубийств в феодальном Китае, английский миссионер Д. Харди писал: «В большинстве случаев их мотивом была месть, так как существовало убеждение, что дух покойника будет преследовать того человека, который был причиной самоубийства, и вредить ему. Мне говорили об одном кули, который пытался покончить с собой, потому что получил на 10 монет меньше, чем ему обещали. Другой кули разместился у двери дома человека, который его обманул, и довел себя до голодной смерти». Считалось, что самый лучший способ заставить кого-нибудь пойти на уступки – пригрозить ему покончить с собой у двери его жилища.

Самоубийство из мести часто было связано с суевериями: человек после смерти, обратившись в духа, мог с большей легкостью, чем при жизни, отомстить врагу. Способу самоубийства тоже придавали большое значение. Китаец не мог прыгнуть со скалы или высокого здания, ибо должен был сохранить свое тело для «того света», поэтому он, если уж решался на самоубийство, предпочитал яд, голодную смерть или удушение.

* * *

Наряду с административными функциями чиновник исполнял обязанности религиозного, жреческого характера. В определенные дни он обязан был совершать жертвоприношения и поклонения в местных храмах. Не говоря уже о храмах Конфуция, чиновник весной и осенью приносил жертвы в храмах, построенных в честь местных божеств и святых, в храмах неба, земледелия, а также бога войны и покровителя города.

В 1835 г. правитель города Гуанчжоу по имени Бань по случаю ужасной засухи, продолжавшейся более восьми месяцев, обнародовал обращение, в котором говорилось: «Мои молитвы по поводу того, что в течение длительного времени не было дождей и продолжается засуха, остались безответными. Посему сердце мое преисполнено горя. Неужели нет во всей провинции Гуандун ни одного необычного человека, который смог бы принудить дракона ниспослать дождь? Пусть все знают: если среди солдат и народа, монахов и им подобных нашей провинции или любой другой провинции найдется такой, который своим искусством сможет вызвать обильный дождь, я убедительно прошу его взойти на алтарь и произнести искреннюю и почтительную молитву. А после того как пойдет дождь, я охотно вознагражу его деньгами и табличкой, на которой будет записана его заслуга».

На это обращение отозвались буддийские монахи, считавшие себя «специалистами по вызову дождя». Напротив канцелярии главы города Гуанчжоу был сооружен алтарь. Монах, вооруженный бамбуковыми палочками, в течение трех дней напрасно бил в цимбалы и повторял свои заклинания с утра до вечера, подставляя обнажен-

Почтительный поклон при встрече

ную голову под горячие солнечные лучи и вызывая насмешки толпы.

Усилия монаха ничуть не ослабили тяжести стихийного бедствия, но местные власти с еще большим рвением принуждали население исполнять различные ритуалы, лишь бы побудить богов ниспослать дождь. Власти запретили убивать скот, приказали соблюдать пост и, чтобы изгнать горячие ветры из города, плотно закрыли южные городские ворота. Огромная толпа народа была собрана в одном месте. Предполагалось, что если 20 тысяч человек, среди которых были губернатор провинции и глава города со своими свитами, обратятся с мольбой к божеству милосердия, то дождь все-таки пойдет.

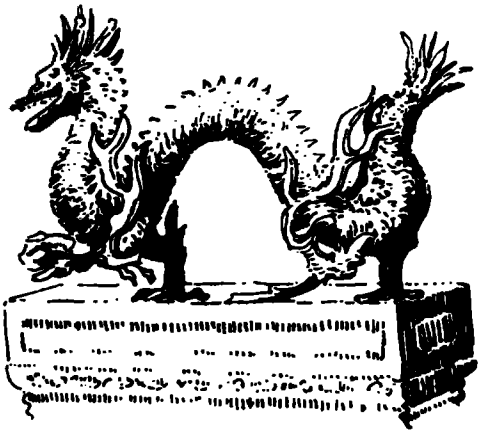
Правитель одного из южных городов Китая в засушливое лето 1835 г. несколько раз посетил Храм бога дождя. В один из таких визитов, надев на себя несколько теплых халатов (несмотря на тропическую жару), он остановился возле идола и произнес: «Бог предполагает, что я лгу, когда обращаюсь к нему с мольбами о помощи. Как он может знать об этом, если находится в прохладной нише храма, в

то время когда земля высохла и небо раскалено?» Правитель города приказал прислужникам накинуть веревку на шею идола и вытащить его из храма на улицу, чтобы тот смог увидеть и почувствовать, как люди мучаются от жары. После этого хлынул обильный ливень, что, конечно, приписывалось решительным действиям правителя города.

В 1909 г. был назначен новый губернатор провинции Шаньдун, и тут же на провинцию обрушилась страшная засуха. Это бедствие подорвало репутацию нового губернатора, его даже стали называть «губернатор-засуха».

Все чиновники и монахи должны были участвовать в особых жертвоприношениях и ритуальных заклинаниях при затмениях солнца и луны, по случаю засухи, наводнения и других стихийных бедствий. Во время засухи процессия монахов, предводительствуемая чиновниками, отправлялась к ближайшей реке или колодцу и молилась дракону, хранителю и подателю влаги, о ниспослании дождя. Роль мифического дракона исполняла обыкновенная ящерица или змея. Церемония сопровождалась взрывами хлопушек, курением сандаловых палочек, музыкой и челобитием. Иногда ящерицу или змею торжественно доставляли в храм, водворяли на алтарь, перед которым затем происходил ритуал поклонения дракону.

В книге «В старом Китае», где описано путешествие по стране в 1907 г., В. М. Алексеев рассказывает, как он наблюдал за поведением китайского чиновника во время исполнения религиозного обряда (это произошло в городке Цюйфу, на родине Конфуция, 27 июня 1907 г.): «В городке тревога и угрюмое празднество: просят у царя драконов дождя. Весь город на улице. Мальчишки у порога храма



Изваяние дракона

равнодушно бьют в барабаны и цимбалы. Чжисянь (уездный начальник) производит приятное впечатление. Моложавый человек, пекинец. Рад случаю поговорить с европейцами.

Под окнами грохот барабана. Чжисянь, извинившись, прерывает прием (что совершенно противоречит китайскому этикету) и поспешно выходит. Потом возвращается и говорит: "Извините, ничего не поделаешь! Пришлось выйти и поклониться царю драконов. Понимаете, надо успокоить народ, а то как бы чего не вышло!"»

Далее В. М. Алексеев описывает процессию: «Впереди идут музыканты. Барабаны, свирели, цимбалы, медные тазообразные инструменты – рев, грохот, треск, шум, в котором можно разобрать только очень сложный и частый ритм барабана... Лун-ван (царь драконов) любит музыку, и моления ему всегда сопровождаются подобным аккомпанементом.

Толпа, в которой много рыбаков (из-за сильной

засухи пересохла речка), несет знамена со знаками инь-ян и ба гуа (заклинательные и молитвенные символы), бумажные флажки с надписями вроде: "Змея, которая задерживает дождь, дай ему хлынуть!"

Почти у всех в руках ивовые ветки. Это – принадлежность Гуаньинь, которая кропит веткой чудотворную воду из своего кувшина и оживляет умершее, засохшее. Мальчишки с веточками и венками на головах составляют особую процессию. Но основная масса толпы – это женщины с цветами, вплетенными в косы, исступленно бряцающие бамбуковыми планками на манер кастаньет.

Вот, наконец, паланкин, где восседают бородатый чиновник Лун-ван и вездесущий воевода Гуань Юй. Перед паланкином идут музыканты, играющие в том же частом темпе, как и впереди процессии».

Существовала глубокая вера в карающую силу неба. Все, начиная с чиновника самого низшего ранга и кончая высшим сановником, ощущали свою ответственность перед небом, которому впоследствии должны будут дать отчет о всем содеянном. Об этом свидетельствует следующий эпизод. В конце XIX в. в одном из городов Южного Китая вспыхнула эпидемия. На узких улицах со скученным населением, жившим в антисанитарных условиях, тысячами умирали мужчины, женщины и дети. Врачи были не способны бороться с охватившей город эпидемией. Плач и стон слышались повсюду. Смерть была беспощадной: под ее ударами падали и юноши, полные здоровья и сил, и цветущие девушки, и грудные дети, и убеленные сединой старцы. Город охватила паника. Страх смерти овладел всеми. Отчаяние жителей города усиливалось слухами о гне-

ве неба, обрушившемся на город. Раскаленный солнечный диск зловеще сверкал огненным блеском, и горячие, палящие лучи его увеличивали страдания людей.

Понимая, что бедствия приняли угрожающий характер, правитель города решил обратиться к небу. Ранним утром он отправился за город и здесь, на открытой поляне, опустившись на колени, взмолился перед небом о прекращении бедствий, ниспосланных на город. «Я знаю, что я повинен в этом, – молился чиновник, – ибо я дурно управлял городом. Несчастья, постигшие его теперь, служат возмездием за мои грехи. Сердце мое разрывается от печали, и я молю небо послать наказание мне, но пусть невинные будут спасены». Небо отнюдь не избавило несчастных горожан от страданий, но начальник счел свой долг исполненным.

Возложенные на местного чиновника обязанности жреца и «официального представителя населения» перед божеством и духами позволяли ему в случае какого-либо неблагоприятного события сослаться на вмешательство силы небесной и свалить на духов вину за беспорядки и различные злоупотребления.

И все же среди правителей Срединного государства и конфуциански воспитанной интеллигенции находились люди, которые искренне стремились облегчить страдания китайского народа.

В китайском народе большой популярностью пользовался высокопоставленный чиновник Хай Жуй, который жил в годы правления императора Шицзуня при Минской династии (1522–1566). Он был известен как защитник народа, покровитель угнетенных и обиженных. Вступив в должность военного губернатора области Интянь в 1569 г., Хай

Жуй хотел справедливо решить вопрос о земельных наделах крестьян и отторгнуть те земли помещиков, которые они захватили у бедняков.

В феодальном Китае обычной формой взаимоотношений между императором и чиновниками было письменное обращение, поэтому Хай Жуй направил императору Шицзуню послание, в котором осмелился высказать резкие упреки. Он писал, что государь запустил дела страны, тратит время на бессмысленные мечтания о том, как обрести эликсир бессмертия. «Вы стали несправедливы, – писал Хай Жуй императору. – Только себя считаете правым, не прислушиваетесь к наставлениям, ваших ошибок слишком много».

Хай Жуй знал, что его прямота вызовет гнев императора, и, предвидя свою участь, заранее приобрел гроб. Император действительно рассвирепел и повелел немедленно догнать и казнить дерзкого человека. Когда же ему доложили, что Хай Жуй не помышляет о бегстве, император смертный приговор заменил пожизненным заключением. Легенда о честном и принципиальном чиновнике Хай Жуе получила широкое распространение в народе.

В первой половине XIX в. другой видный представитель прогрессивной части китайского чиновничества, Линь Цзэсюй, возглавил борьбу против распространения опиума в Китае. В 1757 г. английская Ост-Индская компания захватила в Индии районы, производящие опиум, и стала продавать его в Китае. В обмен на опиум английские купцы скупали у китайцев шелк-сырец, чайный лист и серебро. Строгие указы маньчжурского правительства о запрете ввоза опиума не возымели действия. В одном лишь 1835 году было зарегистрировано два миллиона человек, куривших опиум, ввезенный

иностранцами. К этой отраве пристрастились различные слои населения: маньчжурская знать, чиновники, евнухи, военнослужащие маньчжурских войск, помещики и даже монахи. Жизнь курильщиков опиума целиком и полностью оказалась во власти английских торговцев наркотиком.

В 1838 г., будучи наместником провинций Хунань и Хубэй, а затем высокопоставленным чиновником в провинции Гуандун, Линь Цзэсюй развернул кампанию по обнаружению и конфискации опиума: было изъято 5500 опиекурильных трубок и 12 000 лянов сырого опиума.

В обращении к населению Линь Цзэсюй писал: «Английские варвары очень хитры и лживы, они губят жизнь нашего народа опиумом, обманом пытаясь захватить богатства нашей страны, они вызвали гнев и ненависть нашего народа».

В истории борьбы против распространения опиума в Китае имя Линь Цзэсюя занимает одно из первых мест. Решительные действия против торговцев этим ядом снискали ему уважение китайского народа.

Беспощадным обличителем антинародного маньчжурского господства был Тань Сытун, видный участник реформаторского движения в Китае (1898 г.), способный и образованный чиновник, назначенный секретарем Верховного императорского совета в Пекине. Его политические взгляды были изложены в книге «Жэнь сюэ» («Учение о гуманности»), в которой разоблачалась антинародная политика маньчжурских правителей. Последних он называл самыми грубыми и свирепыми иноземными завоевателями, когда-либо вторгавшимися в пределы Китая.

* * *

Мы показали, к каким жестоким мерам прибегали чиновники, чтобы держать в повиновении обездоленных людей.

Продажность, лицемерие, цинизм, жестокость, презрение к трудящимся правящая верхушка прикрывала бесконечными рассуждениями о долге, человеколюбии и высокой нравственности, о честности и неподкупности. Чиновник мог приказать до смерти забить палками невинного человека и одновременно разглагольствовать о справедливости и братстве, цитируя конфуцианские изречения. Он мог присвоить деньги, предназначенные для голодающих, и тут же с сокрушенным видом рассказывать о несчастье, вызванном опустошительным наводнением, сокрушаться о горькой доле бездомных, пострадавших от необузданной стихии. Такими были большинство чиновников династии Цин, составляющих опору режима и костяк всего административного аппарата.

КИТАЙСКАЯ СЕМЬЯ

С детства китайцу внушалась мысль о том, что в «большой семье» отеческая власть принадлежит императору, а в «малой», членом которой он состоит, – главе семьи. Отец считался «представителем» императора, и нарушение домашних устоев рассматривалось как нарушение устоев государственных. Вся старая китайская нравственность строилась на сыновнем благочестии, на общественной обязанности сына служить отцу. Если все подданные государства должны были безропотно повиноваться императору, то все члены семьи – ее главе. «Для императора на его престоле и для простого рабочего в его хижине, – писал в начале XX в. П. Лоуэль в книге «Душа Дальнего Востока», – все держится на идее семейного родства. Империя представляет собой одну большую семью, семья является маленьким государством».

Китайская семья складывалась как большая община, состоявшая из пяти, шести и более малых патриархальных семей. Она вела общее хозяйство:

в деревне все члены семьи трудились на общей земле; в городе, как правило, мужчины занимались одним и тем же ремеслом.

Как выглядела китайская деревня? В Северном Китае это было компактное поселение, состоявшее из глинобитных приземистых домов (фанцзы) с соломенными крышами, внешне мало чем отличавшихся друг от друга. Огражденных домов почти не было. Рядом с пристройками для домашних животных возвышалась куча сухого гаоляна, который обычно использовался на топливо и как корм для скота.

В оконные рамы вместо стекла вставлялась бумага, разрывавшаяся на клочки при сильном ветре. Повсюду зияли щели. Внутреннее устройство дома отличалось простотой: земляной пол, а вместо мебели вдоль стен устроено глиняное спальное ложе (кан), которое днем заменяет сиденья. Открывая дверь такого крестьянского дома, вы сразу попадаете в кухню. К ней примыкают одна или две жилые комнаты. В углу кухни сложена небольшая печь с котлом для приготовления пищи. Печь соединена дымоходом с каном, поэтому тепло, проходя по дымоходу, обогревает одновременно и кан, и комнату.

В жизни китайского крестьянина кан играл важную роль: на нем он спал после долгого трудового дня, здесь же он обедал, сидя на корточках за маленьким низеньким столиком, здесь же его жена шила и чинила белье для всей семьи и ухаживала за детьми. На кане в часы досуга хозяин принимал гостей и беседовал с родственниками и друзьями. На ночь кан застилали вместо матраца войлоком или камышовой циновкой и толстым ватным одеялом – обязательным имуществом китайской семьи.

На юге Китая крестьянские дома, как правило, строились из бамбука. Обычно ствол у бамбука зеленый, его высота достигает 30 метров. Стебель ровный, гладкий, прямой, толстый, разделяется прочными перегородками-узлами. Бамбук не боится влаги и почти не поддается гниению. В китайской семье всегда можно было встретить различные предметы домашнего обихода, сделанные из бамбука: кровати, столы, стулья, кушетки, этажерки, шторы, занавески, коромысла, веники, веера, зонты и т. п.

Ярко-зеленые листья и стройные стебли бамбука воспеты китайскими поэтами разных времен, которые любили писать и читать свои стихи в бамбуковых рощах. В IV в. знаменитые китайские поэты часто собирались в бамбуковой роще в местечке Хойсянь, в провинции Хэнань. Там до сих пор сохранился храм «Бамбуковая роща» (Чжулиньсы), построенный в память об этих встречах.

Деревню окружали пахотные земли, могилы предков и небольшие угодья. В ее общем владении находились возведенные коллективными усилиями ирригационные сооружения, мосты, питьевые и оросительные колодцы и источники, а также выгоны и пастбища, храмы и кумирни.

Многие жители деревни, принадлежа к разным семьям, носили одну и ту же фамилию. Китайские фамилии обычно односложные и записываются одним иероглифом: Чжан, Ван, Чжоу. Гораздо реже встречаются фамилии, которые состоят из двух слогов. В таком случае они в русской транскрипции пишутся слитно, например Оуян, Сыту, Сыма. Иероглиф, обозначающий фамилию, всегда стоит на первом месте, а за ним следуют знаки, обозначающие имя (односложное или двусложное).

Чаще всего имя и фамилия составляют трехслог (три иероглифа). Если, например, китайца зовут Чжан Му-хань, то Чжан – его фамилия, Му-хань – имя. Но встречаются и двуслоги (например, Тянь Хуа, где в фамилии и в имени по одному иероглифу). Бывают и более сложные сочетания, когда и фамилия, и имя состоят из двух иероглифов (например, Оуян Юй-цянь). В последнее время китайские имена в русской транскрипции пишутся слитно. т. е. Мухань, Юйцянь и т. д.

Сколько фамилий у китайцев? Статистические данные, собранные в период династии Мин, свидетельствовали о том, что в Китае насчитывалось более 3600 фамилий, однако часто встречающихся не так много. Детей в школах долгое время учили читать по книге «Байцаясин» – «Сто фамилий», – в которой зарифмованы по строфам сто наиболее распространенных в Китае фамилий.

По какому принципу подбирались фамильные иероглифы? В одних случаях фамилии совпадают с названием княжества (Чжоу, Вэй), в других – с названиями феодальных уделов (Фэй). Некоторые фамилии восходят к именам предков, названиям чинов и титулов. Многие фамилии произошли от названий профессий: потомки гончаров, например, часто носят фамилию Тао, что означает «гончарное изделие».

Специфического отличия между женскими и мужскими фамилиями нет. По иероглифам не всегда можно понять, о ком идет речь: о мужчине или о женщине. Исключение составляли женские имена, в состав которых часто входят иероглифы, обозначающие названия цветов или трав. Вот несколько примеров: Лю Хулань (лань – орхидея); Лань Хуахуа (хуа – цветы); Ли Сянсян (сян – душистый, ароматичный).

Когда девушка выходила замуж, перед ее прежней фамилией ставилась фамилия мужа. Например, после того как девушка Ли Сянсян вышла замуж за юношу Ван Гуя, она должна была носить фамилию Ван Ли Сянсян. Но ее могли называть и так: Ван тайтай (госпожа Ван), Ван фужень (супруга Вана) или Ван Гуй фужень (супруга Ван Гуя).

Во времена маньчжурской династии большую роль продолжал играть клан – семейно-родовое объединение с общим предком по мужской линии. Клан объединял ряд семейств, связанных общим храмом предков, храмовой землей и совместным хозяйством. Общая собственность клана (храм предков, кладбище, могилы, пахотные и непахотные земли, водоемы, леса, сады, хозяйственные сооружения, запасы зерна и др.) не подлежала разделу и продаже.

Символом единства клана считался родовой храм предков: в дни торжественных праздников там собирались все члены клана, обсуждали имущественные, семейные, судебные и другие дела. Клан выступал в роли суда первой инстанции, его решения считались обязательными и неукоснительно выполнялись. Он отвечал перед государством за поведение своих членов, а в тех случаях, если последние оказывались в тяжелом материальном положении, предоставлял им помощь.

Родовой клан был не только символом единства, но и источником всевозможных раздоров. «Пекинский вестник» приводил многочисленные примеры столкновений между кланами, которые нередко заканчивались гибелью и увечьем его членов и уничтожением их имущества. Местные власти были слишком слабыми, чтобы пресечь такие столкновения.

Когда встречались члены враждующих кланов, между ними возникала драка. В злобном ожесточении обезображивались могилы предков, разбрасывались камни с могильных курганов, выкапывались покойники.

В 1832 г. «Пекинский вестник» опубликовал жалобу своего читателя из округа Чжаочжао, провинции Гуанчжоу, в которой говорилось: «Четыре года тому назад мои близкие и дальние родственники отказались оказывать помощь семейному клану в полевых работах, за что подверглись жестокому наказанию. Десять человек было убито; двадцать мужчин и женщин были схвачены, им выкололи глаза, отрезали уши, изуродовали ноги, так что они остались беспомощными калеками на всю жизнь».

С классовой дифференциацией в китайской деревне, ростом крупного землевладения – частного и государственного – изменилась и роль старой патриархальной общины. Семейно-родовые связи ослабевали. Однако в деревне роль общины даже в XVIII–XIX вв. оставалась еще очень значительной.

Во главе сельской общины стоял староста, который представлял свою деревню в сношениях с властями и другими деревнями. Староста номинально пользовался правом распределения доходов с общинных земель, руководил общедеревенскими работами (ремонт дорог, мостов и т. д.). Как правило, старостой был местный богатей, который вершил суд над крестьянами по своему произволу.

О том, с каким садизмом, с какой жестокостью расправлялись богачи с бедняками, можно судить по беседе английского миссионера Дж. Макгована с одним из пострадавших. «В больнице мое внимание привлек один пожилой крестьянин, сидевший на полу; рядом с ним стоял мальчик с необыкновен-

но печальным видом. Я подошел к ним поближе, желая их получше разглядеть, и, к ужасу моему, увидел, что глаза у сидящего на полу были выколоты. "Кто это?" – обратился я к мальчику. "Это мой отец", – ответил он. "Каким образом твой отец лишился глаз?" – продолжал я расспрашивать, и вот что услышал от мальчика.

Глаза были выколоты отцу мальчика несколько дней тому назад богатым соседом. Дело было так. Буйвол, принадлежавший этому несчастному, пася на берегу реки и забрел на рисовое поле богатого соседа. Об этом через несколько минут уже было известно собственнику поля, и он решил предпринять крутые и решительные меры.

В ярости от этого известия богач созвал нескольких своих сородичей, и все они толпой, сгорая от желания отомстить виновнику, отправились вершить расправу. Наш крестьянин, ничего не подозревая, находился поблизости от буйвола, как вдруг на него накинулась рассвирепевшая толпа. Она решила выколоть ему глаза в наказание за небрежный присмотр за скотиной. Узнав об ужасной мести, задуманной толпой, крестьянин принялся просить и молить их смилостивиться над ним, но все было напрасно. Он предлагал денежное вознаграждение, в несколько раз превосходившее съеденный и вытоптанный рис, только бы пощадили его глаза, но и это не помогло. Ни мольбы, ни обещания денег не тронули жестоких сердец мстителей. Денег они не хотели брать: им необходимо было мщение. И вот через несколько минут, совершив ужасную, зверскую расправу и оставив на земле несчастную жертву в крови и почти без чувств, мстители разошлись по домам.

– Зачем вы пришли сюда, в госпиталь? – спросил я несчастного слепого.

– Я слышал, – ответил тот, – об искусстве английского врача и пришел просить его вставить мне новые глаза, чтобы я смог снова видеть».

Простолюдин не только находился в полной власти чиновника, который мог погубить его, когда пожелает, но, кроме того, всю жизнь зависел от ростовщика-кровопийцы. Крестьянин рождался в семье, обремененной долгами, вырастал, женился, обзаводился детьми и умирал, не успев погасить долги. Часто, не имея денег для уплаты долга, крестьяне вынуждены были продавать своих детей – лишь бы сохранить землю, унаследованную от предков.

О трагической судьбе крестьянина-должника один английский китаевед в конце XIX в. рассказывал: «Я знал семью одного крестьянина, у которого был единственный сын четырех или пяти лет. Однажды к нему в дом явился кредитор, требуя уплатить долг. Сколько ни умолял крестьянин подождать, кредитор был неумолим и на вопрос должника, откуда же ему достать деньги, с цинизмом указал на ребенка и сказал: "Продай своего сына, и у тебя не только будут деньги для уплаты мне, но еще останется небольшая сумма".

Когда наступил вечер и мальчик заснул тихим детским сном, бедный крестьянин стал советоваться со своей женой, как ему быть. Надеяться на то, что кредитор согласится ждать, они не имели никаких оснований, и потому осталось единственное средство сохранить свою землю – принести в жертву родного сына. Как ни тягостно было несчастным родителям, они решили в конце концов поступить по совету безжалостного ростовщика. На следую-

щий день утром отец объявил сыну, что возьмет его с собой и покажет ему город. Сердце матери разрывалось на части, и она с болью смотрела на свое чадо. Чувство это передалось мальчику, и в его глазах блестели слезы, несмотря на всю радость, которую вызвал в нем рассказ отца о том, какие чудные вещи он увидит в городе и какие подарки привезут они матери.

В городе мальчик почувствовал себя как в сказочной стране: таких магазинов, таких игрушек, такой огромной толпы он никогда не видел. В большом магазине, куда привел его отец, все его заинтересовало, но в то же время сердце заныло от тоски при виде такого множества чужих людей, смотревших на него так сурово. Он прижался к отцу и торопил его уходить. Но отец не двигался с места и продолжал разговаривать с каким-то человеком в очках, писавшим что-то за конторкой. Мальчик и не подозревал, что это составлялся договор о его продаже. Отец подписал договор и получил соответствующую сумму денег.

Поняв, что разговор пришел к концу, мальчик собрался было уходить с отцом, но последний остановил его и сказал, что сейчас пойдет один по своим делам, но спустя некоторое время он зайдет за ним и они вместе отправятся домой к матери; при этом он просил сына быть умницей и вести себя хорошо. С этими словами отец вышел из магазина, и мальчик остался ждать. Каждый раз, когда открывалась дверь и входил покупатель, мальчик вздрагивал, думал, что это наконец пришел его отец, но тот не вернулся, оставив мальчика навеки среди чужих людей и лишив навсегда материнской ласки».

Описанный случай был обычным явлением.

Крестьянских дочерей продавали еще чаще, чем сыновей, и их участь была значительно хуже. Мальчика обыкновенно покупали, чтобы усыновить его, и поэтому он жил в новой семье еще более или менее сносно. Проданная девочка навсегда теряла свободу, не говоря уже о том, что чаще всего ее продавали прямо в публичный дом. Хозяин мог делать с девочкой все, что хотел, мог перепродать другому человеку. Родители, продав свою дочь, теряли на нее право, и с момента заключения сделки она становилась в полном смысле слова рабыней.

Земля в Китае была главным средством производства на протяжении многих столетий. Огромное население и вечная нехватка участков, пригодных для обработки, сделали ручной труд в условиях помещичьего землевладения более выгодным, чем машинный. Поэтому небольшие клочки пашни на юге страны обрабатывались почти без применения тягла и механической силы. Универсальным орудием производства считалась мотыга – массивная металлическая тяпка с длинной деревянной ручкой.

Земельная собственность в феодальном Китае ценилась выше человеческой жизни, и это мотивировалось так: человек, убивший кого-либо, лишал жизни лишь одну живую душу, а человек, посягнувший на родовую землю, лишал жизни целый род, так как последний терял экономическую основу существования. За убийство требовали денежный выкуп и тем кончали дело. Промотавший землю становился лютым врагом всего рода.

Китайский крестьянин был всей душой привязан к родовой земле: он видел в ней единственное средство жизни многих поколений своей семьи. «Продать поле, – говорилось в китайской пословице, – все равно что призвать смерть». Тяжба из-за

родовой земли приводила к острым конфликтам в китайской деревне; продажа земли считалась безнравственным поступком. Правда, практиковался заклад земли на долгий или даже на неопределенный срок с правом должника и его наследников на выкуп впоследствии, когда дела их поправятся. Возможность вернуть родовую землю предоставлялась крестьянину иногда лишь через многие десятилетия после заклада.

Со смертью отца земля могла быть поделена поровну между всеми его сыновьями. Однако, стремясь сохранить патриархальные порядки в деревне, маньчжурские правители не поощряли подобный раздел. Встречались семьи, земельный надел которых оставался неделимым на протяжении четырех или пяти поколений. Казна даже отпускала деньги на строительство различного рода памятных сооружений, прославлявших семьи, которые не дробили участки в течение ста лет и более. В правительственном указе 1824 г. сообщалось, например, о выделении серебра на сооружение памятных арок в деревнях провинции Цзянсу для 37 семей, не совершавших разделов земли на протяжении шести поколений, и для 67 семей из столичной провинции Чжили, не деливших землю при семи поколениях. В уезде Ванпинсянь (провинция Чжили) семьям, которые удержались от разделов земли на протяжении девяти поколений, вручались «почетные дипломы» в виде прямоугольной деревянной доски с текстом какого-либо древнего изречения.

Все заботы крестьянина вращались вокруг урожая: будет урожай – будет и сносная жизнь, не будет урожая – голод погубит всю семью крестьянина.

Несмотря на преобладание ручного труда, в китайской деревне применялся и тягловый скот. В Центральном и Северном Китае незаменимым помощником земледельца был буйвол или вол. Связь между урожаем и буйволом нашла свое отражение в празднике, который приходится на второй день второго месяца по лунному календарю. Этот день в народе считался днем рождения божества земли, обеспечивающего урожай и благосостояние. Одновременно этот праздник именовался днем начала весны или пробуждения дракона – повелителя вешних вод (лунтайгоу).

Урожай символически изображался в виде горы зерна, лестницы и амбара: люди желали друг другу такого урожая, чтобы до вершины горы ссыпанного зерна пришлось добираться по лестнице. В этот день жарились бобы и подсолнухи. Из бобовой муки и жженого сахара готовились сладости. Этот день называли также «весенним празднеством вола». Происхождение праздника объяснялось так. В Центральном и Северном Китае благосостояние китайского крестьянства зависело от буйвола: на нем вспахивали заливные поля для посадки риса и суходольные поля для зерновых и овощей, его использовали как тягловую силу в многообразных крестьянских работах. Вот почему в народном празднике «начала весны», связанном с наступлением сельскохозяйственного года, предметом особого культа был вол или буйвол.

В древности во время этого праздника богам земли приносили в жертву живого вола. Этот обычай сохранялся в некоторых районах Китая вплоть до начала XX в. Так, в провинции Фуцзян закалывали вола, тушу разрезали на куски и раздавали чиновникам, принимавшим участие в жертвоприно-

шении, а голову вола преподносили губернатору провинции.

Почему же убивали животное, которое помогало крестьянину в трудном земледельческом труде? Оказывается, этот акт жертвоприношения должен был содействовать наступлению весны и оплодотворению почвы. В дальнейшем вместо живого вола стали «закалывать» на церемонии праздника «начала весны» его глиняное, а затем бумажное изображение.

Фигурки вола и погонщика делали из прочной бумаги, которую раскрашивали в соответствии с определенной символикой в пять цветов: красный, черный, белый, зеленый и желтый. Это соответствовало пяти первоэлементам природы: металлу, дереву, огню, воде и земле. По раскраске бумажного вола крестьянин определял, что его ждет в предстоящем сельскохозяйственном году. Если голова вола

Весенний праздник вола

была окрашена в желтый цвет, то это предвещало страшную жару. Зеленая голова сулила болезни, красная – засуху, черная – сильные дожди, белая – ветер и тайфун.

Впереди вола ставили фигурку погонщика с хлыстом из ивовой ветки. Ивовый прут обладал особой силой: его удар по крупу вола передавал животному жизнестойкость священного дерева.

Рельефную бумажную фигурку вола, наполненную зерном пяти основных злаков (рис, пшеница, просо, конопля, бобы), торжественно проносили по главным улицам в сопровождении музыкантов, танцоров и певцов. Церемония завершалась тем, что бумажного вола разрывали на клочки. Присутствующие старались обзавестись лоскутом цветной бумаги или горстью зерна, что, по народным верованиям, должно было обеспечить хороший урожай.

Эта церемония по-китайски называлась «бить весну» (да чунь). Доставалось, однако, не весне, а бумажному волу. Обычай «бить весну» означал поощрение земледелия – таким путем «принуждали» вола быть более послушным и работать изо всех сил в предстоящем сельскохозяйственном году. Момент, когда били бумажного вола и разрывали его на части, считался началом весны.

Праздник «начала весны» тесно связан с чествованием духа колоса (ман-шэнь). По изображению этого духа, облаченного в различные наряды, предсказывались погодные условия и благополучие земледельца. Если прорицатели надевали на голову духа шапку, то это означало, что год будет засушливым; если дух был без головного убора, значит, год будет дождливым. Башмаки на ногах духа предвещали сильные дожди, а босые ноги – засуху. Множество одежд означало жаркую пого-

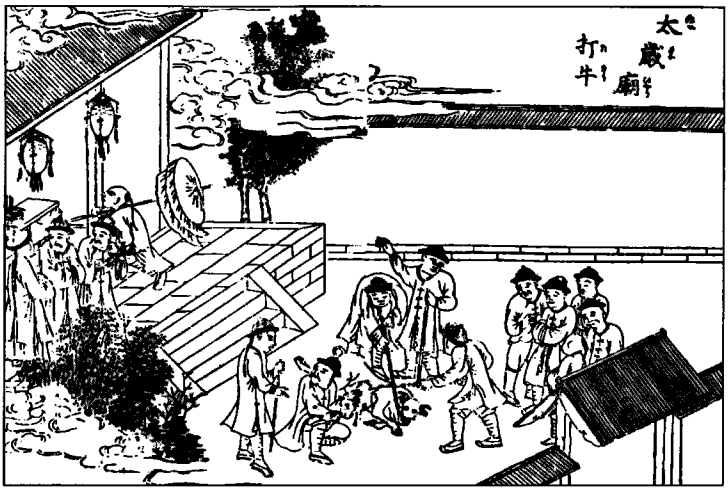
ду, легкие одежды – холодную. Красный пояс на талии предсказывал болезни и смерть, белый – доброе здоровье.

В Северном Китае возделывали главным образом засухоустойчивые злаки – чумизу, просо, гаолян, некоторые сорта пшеницы, а также бобовые – сою, земляной орех (арахис), фасоль, горох. Было развито овощеводство, особенно выращивание всевозможных сортов капусты, редьки, лука, чеснока, огурцов, тыкв. В Южном Китае основной культурой был рис.

Слово «рис» для китайского земледельца имеет особый смысл: вся его жизнь и жизнь его потомков зависела от того, будет ли урожай риса. Эту культуру столетиями выращивали в чрезвычайно сложных и трудных погодных условиях. Рис возделывали на заливных полях, а для этого требовалось много воды. Чтобы сохранить живительную влагу, возле рисовых полей рыли колодцы и делали запруды, откуда и перекачивали воду на поля: рис мог жить и расти только в воде. Об этом в пословице говорилось: «Вода – мать полей, а без матери не проживешь».

Если дождей выпадало достаточно, колодцы и пруды наполнялись до краев, и крестьянин был спокоен за будущий урожай. Если же осадков было мало, то огненные лучи солнца могли быстро иссушить водоемы, и тогда не жди урожая. Земля трескалась от нестерпимой жары, и, казалось, каждая ветка риса взывала к удрученному крестьянину, прося влаги, которая одна только могла сохранить жизнь растения. Стебли риса теряли темно-зеленый цвет – признак их роста и жизнеспособности, становились желтыми, что говорило об увядании.

В этот критический момент вода нужна была



Весенний праздник вола

как воздух. Пройдет еще два или три дня – и без полива погибнут всходы на полях. В такие дни крестьянин не знал покоя. Стремясь во что бы то ни стало добыть воду, он углублял водоемы, часто работал ночью, чтобы ни одна капля драгоценной жидкости не была высушена жаркими лучами солнца.

Для борьбы с наводнением и засухой китайские земледельцы сооружали вдоль рек и озер дамбы и плотины, прокладывали оросительные канавы, рыли колодцы, над которыми устанавливали водяные колеса. Постоянный страх перед силами природы и необходимость борьбы с ними породили в китайском народе особый коллективизм и жесткую дисциплину.

Напряженная борьба земледельца со стихийными бедствиями (засухой и наводнением), чрезвычайно трудоемкое искусственное орошение, без чего

невозможно возделывание поливного риса, террасированное земледелие, требующее объединенных усилий, – все это побуждало китайских крестьян с древних времен прибегать к различным формам взаимопомощи.

Китайский крестьянин любил землю, ухаживал за ней с великим усердием, и это было вполне понятно: его жизнь и благополучие зависели от земли и упорного труда на ней. Любовь к земле нашла отражение и в пословицах вроде: «Земля что золотой слиток – трудолюбивого награждает щедро»; «Человек живет землей, а земля красна человеком – они неотделимы друг от друга»; «У трудолюбивого земля не ленится, для урожая закромов не хватит».

Чем питались китайские трудящиеся? Рис – самое распространенное и самое любимое блюдо в Китае. В богатых семьях рис всегда подавался в конце обеда. Приготовление риса имеет свои особенности. Очищенный рис варили не в воде, как это делали европейцы, а на пару: наполненное рисом бамбуковое решето ставилось на горшок с водой, которая кипятилась на огне. Пар, поднимавшийся от воды, размягчал зерна риса, но не разваривал их в кашу.

«Путешествующего в Китае, – делился своими впечатлениями в конце XIX в. английский китаевед Артур Смит, – прежде всего поражает в высшей степени простая пища народа. Большая часть населения, по-видимому, довольствуется немногими продуктами: рисом, бобами в самом разнообразном приготовлении, просом, овощами и рыбой. Эти продукты вместе с немногими другими и составляют главный предмет питания бесчисленных миллионов, дополняемый только по праздникам и в других торжественных случаях куском мяса».

Повседневным напитком мало-мальски обеспе-

ченных китайцев был чай, который считался и первым обязательным видом угощения гостя. В Китае издавна существовал своего рода культ чая. В «Трактате о чае», написанном в 780 г., говорилось: «Чай применяется как напиток, вкус у него терпкий, для питья самый подходящий. Употребляется людьми, когда их мучит жажда, в духоту и жару, при боли в голове, при засорении глаз, ломоте в конечностях, общем нездоровье; при питье небольшими глотками не уступает лучшему красному вину». В китайской медицине чай применялся как лекарство при отравлении организма, для уменьшения кровяного давления, восстановления физических сил, стимулирования деятельности нервной системы и т. п.

О чае китайцы сложили много всевозможных поговорок: «Выпьешь чаю – прибавится сила»; «Чай просветляет разум, прогоняет сон, дает легкость, энергию, обостряет зрение, разгоняет скуку и досаду»; «Гостя встречай – чай подавай». Чай заваривали крутым кипятком в фарфоровой чашке, имевшей специальную крышку для сохранения аромата. Зеленый чай всегда пили очень горячим, без сахара; остывший чай не подогревали – его заменяли новым, горячим.

Обычной одеждой китайца был халат из хлопчатобумажной или шелковой ткани. Халат плотно застегивался на пуговицы на левой стороне шеи и под мышкой. Состоятельные люди летом носили халат из шелковой материи, обычно цветной, а зимой надевали меховой халат. Право носить дорогие меха (соболь, бобер) имели лишь высшие сановники, а рядовые чиновники могли носить только беличий и лисий мех.

Одежда простолюдина состояла из короткой

куртки, похожей на женскую кофту с длинными рукавами, и из широких шаровар, обмотанных у щиколотки тесемкой. Это одеяние шилось из синей хлопчатобумажной материи и в холодное время года подбивалось ватой. Летом многие крестьяне носили более просторные кофты и короткие шаровары из такой же материи, но белого цвета. Состоятельные люди поверх кофты надевали спускающийся ниже колен халат из тонкой материи синего, серого или черного цвета и поверх него еще одну кофту с рукавами или безрукавку. Халат и кофта из хлопчатобумажной ткани составляли праздничную одежду простолюдина; богатые люди шили парадную одежду из шелковой материи.

Головным убором крестьянина обычно был синий бумажный платок. В жаркую или дождливую погоду он надевал соломенную шляпу с широкими полями, которая заменяла зонтик. Головным убором состоятельного человека обычно была круглая шапочка из черного тонкого атласа с черным, синим или красным шариком, сплетенным из шелковых ниток или конского волоса. К парадной одежде полагалась и парадная шляпа: летом – соломенная в виде шляпки гриба с красной шелковой кистью, зимой – черная круглая с отогнутыми вверх полями.

Обувью простолюдину служили туфли, сшитые из бумажной материи, с толстыми кожаными или войлочными подошвами, с носками, несколько загнутыми вверх. Летом крестьяне носили сандалии из соломы или веревок, очень легкие и удобные для хождения по горам, особенно во время дождя, когда обыкновенные туфли быстро размокают и приходят в негодность.

Костюм женщины в общем был схож с муж-

ским. Китаянки носили шаровары, тоже завязанные у щиколоток, только верхняя женская одежда была более просторна и нарядна. Женская блуза (курма) имела широкие рукава и надевалась сверху на юбку. Шелковые курмы бывали красные, голубые, зеленые, расшитые крупными цветами, бабочками, пейзажами; они застегивались также на левой стороне шеи. Рукава имели широкие отвороты с разнообразными вышивками.

Одним из самых распространенных видов китайской женской одежды был длинный халат со стоячим воротником (ципао). Простой по покрою и удобный в носке, ципао четко обрисовывал линии тела. Рукава ципао, составлявшие одно целое со всем халатом, бывали либо длинными, либо короткими. Застегивался ципао обычно на правую сторону. Чтобы халат не стеснял движений при ходьбе, внизу по бокам его делались разрезы. Преимущество халата ципао перед другими видами женской одежды заключалось и в легкости шитья, и в том, что для него могли быть использованы самые обыкновенные ткани. В торжественных случаях женщины из состоятельных классов поверх халата надевали еще безрукавку, которая, как и сам халат, была украшена вышивкой.

Немецкий китаевед Гессе-Вартег так описывал одежду китайских женщин: «Во всем великом Срединном царстве наблюдается полное однообразие женской одежды. От Маньчжурии до Тонкина, от Тибета до Желтого моря – везде господствует почти один и тот же покрой женской одежды... Пожалуй, проще всего одеваются сотни тысяч женщин, живущих на Жемчужной реке близ города Гуанчжоу. Их крайняя бедность не позволяет им носить никакой другой одежды, кроме синей, дохо-

дящей до колен рубахи, застегивающейся сбоку, и синих, доходящих до щиколоток шаровар».

Богатые китаянки надевали украшенные жемчугом и драгоценными камнями парадные головные уборы, называвшиеся «шапка феникс» или «жемчужная шапка». Простые женщины носили платки или соломенные шляпы.

Признаком изящества женщины, особенно из состоятельных кругов общества, считались маленькие ножки и плоская грудь. По китайским обычаям (вошедшим в традицию во II тысячелетии), женщина должна была иметь маленькие дугообразные ножки, напоминающие форму молодого месяца или лилию. Девушке, не обладавшей этими признаками красоты, трудно было выйти замуж.

Чтобы нога приобрела дугообразную форму, девочкам в 6–7-летнем возрасте подгибали все пальцы, кроме большого, к подошве и накрепко привязывали их бинтами. Каждую неделю бинты туго затягивались. Так продолжалось до тех пор, пока подошва не принимала дугообразную форму. Эта процедура вызывала у девочек сильные боли, ноги часто немели. Недаром у китайского народа сложились такие горькие поговорки: «Красота требует страдания»; «Пара забинтованных ног стоит ванны слез».

Русский врач В. В. Корсаков вынес такое впечатление об этом обычае: «Идеал женщины-китаянки – это иметь такие маленькие ножки, чтобы не быть в состоянии твердо стоять на ногах и падать при дуновении ветерка. Неприятно и досадно видеть это уродование ног на китаянках даже простых, которые с трудом переходят от дома к дому, широко расставляя ноги в сторону и балансируя руками. Башмачки на ногах всегда цветные и час-

то из красной материи. Ноги свои китаянки бинтуют всегда и надевают чулок на забинтованную ногу. По размеру своему ноги китаянок остаются как бы в возрасте девочки до 6–8 лет, причем один только большой палец является развитым; вся же плюсневая часть и стопа крайне сдавлены, и на стопе видны вдавленными, совершенно плоскими, как бы белыми пластинками, безжизненные очертания пальчиков».

Современники великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена записали с его слов, как он в детские годы переживал страдания своей сестренки, которой бинтовали ноги. Девочка не могла уснуть ночами: она стонала, беспокойно ворочалась в постели, несвязно что-то шептала, с нетерпением дожидаясь рассвета, который должен был принести ей успокоение. Изнуренная ночными мучениями, к утру она впадала в забытье, и ей казалось, что наступило облегчение. Но, увы, рассвет не избавлял бедняжку от мук. Так продолжалось изо дня в день. Потрясенный виденным, Сунь Ятсен как-то сказал матери:

– Мама, ей слишком больно. Не надо бинтовать ноги моей сестренке!

И все же мать, добрая женщина, сама сильно переживавшая страдания дочери, не могла отступить от обычаев. Она ответила сыну:

– Как может твоя сестренка иметь ноги-лилии, не испытав боли? Если у нее не будет маленьких ножек, то, став девушкой, она осудит нас за нарушение обычаев.

Этот ответ не удовлетворил мальчика, он снова и снова пытался убедить мать в бессмысленности и жестокости этого обычая.

Мать очень любила сына, но не могла изменить

своих взглядов. В конце концов, чтобы не видеть страданий дочери, она поручила бинтование ее ножек женщине, которая имела большой опыт в этом деле.

На все протесты против варварского обычая маленький Сунь получал стереотипный ответ: «Ничего не поделаешь, таков обычай, таков закон Сына неба».

Испытывая постоянные мучения, девочка, а затем и девушка вынуждена была исполнять всевозможную домашнюю работу – готовить пищу, вышивать, ткать и т. д.

Иногда женам и дочерям богатых китайцев настолько уродовали ноги, что они почти совсем не могли самостоятельно ходить. О таких женщинах в народе говорили: «Они подобны тростнику, который колышется от ветра».

Женщин с такими ножками возили на тележках, носили в паланкинах, или сильные служанки переносили их на плечах, словно маленьких детей. Если же они пытались передвигаться сами, то их поддерживали с обеих сторон.

«В Нанкине, – вспоминал Г. Гессе-Вартег, – я наблюдал однажды, как одна дама была вынута из паланкина и отнесена во внутренние покои служанкой таким же способом, каким носят своих детей феллашки, т. е. на спине. В Цзинцзяне я также много раз видел, как служанки так же переносили своих разряженных хозяек через улицу, в гости к соседям. Дама обхватывала служанку за шею, а служанка подхватывала свою госпожу сзади под ляжки. "Золотые лилии" высовывались из-под платья и беспомощно болтались по обе стороны спины служанки».

Откуда возник варварский обычай бинтования

ног, определить с полной достоверностью затруднительно. По одной из версий, у императора династии Тай Ли Хоучжу была наложница по имени Яо Нян. Император повелел ювелирам сделать золотой лотос высотой в шесть футов. Внутри цветок был выложен нефритом и украшен драгоценными камнями. Яо Нян приказано было туго забинтовать свои ноги, придав им форму молодого месяца, и в таком виде танцевать внутри цветка. Говорили, что танцующая Яо Нян была столь необыкновенно легка и грациозна, что, казалось, скользила над верхушками золотых лилий. По преданию, с того дня и началось бинтование ног.

Обычай предписывал, чтобы женская фигура «блистала гармонией прямых линий», и для этого девочке уже в возрасте 10–14 лет грудь стягивали холщовым бинтом, специальным лифом или особым жилетом. Развитие грудных желез приостанавливалось, резко ограничивались подвижность грудной клетки и питание организма кислородом. Обычно это пагубно сказывалось на здоровье женщины, но зато она выглядела «изящной». Тонкая талия и маленькие ножки считались признаком изящества девушки, и это обеспечивало ей внимание женихов.

Непременной принадлежностью китайца во времена маньчжурского господства считалась коса. В 1645 г. (2-й год правления императора Шуньчжи) был издан указ, предписывавший всем мужчинам в десятидневный срок обрить голову. В нем говорилось: «Кто выполнит указ – останется подданным нашего государства, кто замешкает с исполнением – будет наказан как сопротивляющийся властям разбойник». И далее еще более выразительно: «Хочешь сохранить голову – должен лишиться волос, сохра-

нишь волосы – лишишься головы». Цирюльникам вменяли в обязанность ходить по городу и насильно брить головы всем и каждому. При малейшем сопротивлении «разбойника» обезглавливали, а его небритую голову выставляли напоказ толпе. Всей этой процедуре придавался вполне определенный политический смысл: бритье головы было показателем духовного подчинения китайцев маньчжурским завоевателям.

Вскоре после этого было введено обязательное правило ношения кос для мужчин. Длинная коса считалась признаком верности маньчжурскому императору. Каждый китаец, сбрив волосы с передней части головы, оставлял нетронутыми волосы на темени, где и отпускалась коса. Если собственная коса оказывалась короткой, в нее вплетали искусственную – чем длиннее коса, тем солиднее выглядел мужчина. За отказ носить косу китайцу без всякого разбирательства отрубали голову. Если коса по какой-либо причине не могла вырасти, прибегали к искусственной косе: ее можно было приобрести в магазине. Дети кос не носили. До трех месяцев у новорожденного вообще не стригли волосы. После этого торжественно совершалась первая стрижка и мальчиков, и девочек. Выстригалась вся голова, кроме «островков», волосы на которых собирались в пучки и перевязывались красной ленточкой. У мальчика эти пучки волос оставляли на обоих висках или на одном левом, а у девочки такой пучок оставляли на темени.

Такую прическу дети носили до шести-семи лет. После этого девочкам разрешали оставлять волосы нестриженными и выбривали только лоб и затылок. Мальчикам брили голову, оставляя лишь маленький чуб, который с годами вырастал настолько, что

его можно было заплести в косу. Право спустить заплетенную косу и надеть на голову черную круглую шапочку китайский юноша получал только на 16-м году, когда он признавался совершеннолетним.

Во время траура по близким родственникам подданным Срединного государства в течение семи недель запрещалось плести и расчесывать волосы. Траур по случаю смерти императора продолжался до ста дней. По истечении срока глубокого траура в косу вплетали вместо черных шнурков белые – знак легкого траура. На улице и в путешествиях белые шнурки часто заменялись синими, не столь маркими. Чтобы не пачкать косу, ее при переездах или во время работы свертывали на затылке. Однако предстать с завернутой косой перед высокопоставленным лицом считалось неприличным.

Китайские революционеры, борясь против маньчжурского господства, призывали народ не соблюдать обычаи, навязанные маньчжурами. Сунь Ятсен в знак непокорности маньчжурам в 1895 г. в японском порту Кобэ остриг себе косу и переоделся в европейское платье.

Китайская семья строилась на основе своеобразной субординации. Все недоразумения и конфликты между членами семьи разрешались по принципу главенства старшего над младшим, родителей над детьми, мужа над женой. Главенство одного означало повиновение и подчинение другого. При такой системе всякие ссоры в семье прекращались быстро. Единство семьи достигалось не путем компромиссов – равных жертв или уступок со стороны всех ее членов, – а только путем односторонней жертвы младших. Большая, нераздельная семья должна была во всем повино-

ваться всевластному отцу-патриарху. Преданность китайцев домашнему очагу создавала иллюзию мира и согласия в семьях. Но мнимые мир и согласие опирались на законы насилия и слепого послушания.

В китайском народе широкое распространение получила такая притча. В далекие времена жила огромная семья, которая объединяла девять поколений и насчитывала несколько тысяч человек. В семье царило полное согласие: никто ни с кем не ссорился, женщины никогда не ревновали мужей, дети жили в мире и не отбирали друг у друга игрушки. И даже собаки под влиянием общего согласия стали ласковыми, помахивали хвостами и спокойно наблюдали, как их сородичи обгладывают кости.

Молва об этом семействе дошла до императора. Однажды он отправился молиться на священную гору Тайшань, которая находится в провинции Шаньдун. По убеждению верующих, эта гора обладала огромной магической силой. Божество горы Тайшань – судья, перед которым предстают все умершие, а злые духи трепещут от страха. Считалось, что тот, кто возьмет камень с этой горы, станет обладателем магической силы. В самых различных районах Китая можно было встретить установленные на постаментах камни (особенно в конце переулков) с надписями: «Камень с горы Тайшань, способный противостоять злым духам». Чаще всего такие камни были доставлены не с горы Тайшань, но это никого не смущало – злой дух ведь не узнает, откуда камень...

Император, направляясь на гору Тайшань, повелел пригласить главу счастливого семейства и спросил, как удается ему сохранить мир и согла-

сие в такой большой семье. Глава клана вместо ответа попросил лист бумаги и стал быстро писать на нем иероглифы. Написав сто иероглифов, он передал лист императору. Император обнаружил, что на листе сто раз был написан один и тот же иероглиф – «терпение».

– Что это означает? – спросил он.

– Мы всевозможными средствами приучаем всех к терпению, – заявил глава большой семьи, – чтобы каждый относился к другим терпеливо и сдержанно, и этим достигаем всеобщего согласия.

Дети должны были всецело предаваться служению родителям, стеснять себя во всем или даже жертвовать жизнью, лишь бы угодить старшим, – таковы были моральные догмы, выработанные древними мудрецами и всячески оберегавшиеся властителями Китая. «Сыновья и дочери, – говорилось в одном из законодательных актов Цинской династии, – особенным образом проявившие свое благочестие по отношению к родителям, награждаются 30 лянами серебра и удостаиваются почетных арок, воздвигаемых перед воротами их домов, а после смерти – официальных жертвоприношений в их память, совершаемых весной и осенью».

С малых лет китайцу внушались кротость и беспрекословное подчинение отеческой власти; он был рабом отца; его жизнь и его будущее всецело зависели от воли отца. Со смертью главы семьи власть переходила к старшему сыну – ему подчинялись не только его братья и сестры, но и собственная мать и все жены покойного родителя.

Закон сурово карал детей за противодействие родительской воле, а тем более за оскорбление старших в роде. «Подвергается смертной казни через рассечение на части тот, – гласил закон, – кто уда-

рит своего отца или мать, деда или бабку по отцу, равно как и всякая женщина, которая ударит своего свекра или свекровь, деда или бабку по отцу, равно как и всякая женщина, которая ударит деда или бабку мужа по отцу». Там же было записано: «Сын или дочь, словесно оскорбляющие отца или мать, внук или внучка, оскорбляющие деда или бабку по отцу, женщина, оскорбляющая свекра или свекровь, деда или бабку мужа по отцу, подвергаются смертной казни через удушение, если оскорбленное лицо слышало оскорбительные слова и обратилось к властям с жалобой».

В китайской печати приводились сообщения о том, как эта система применялась на практике. Одно время были установлены такие наказания за отцеубийство: убийцу четвертовали; его младших братьев обезглавливали; его дом разрушали до основания; его главного учителя удушали; чиновника, отвечавшего за район, где было совершено отцеубийство, понижали по службе; у соседей, живущих слева и справа от дома убийцы, отрезали уши, потому что они должны были слышать о преступлении и доложить куда следует; соседей, живущих впереди дома убийцы, лишали глаз – они должны были все видеть и предотвратить преступление.

Уважение к отцу и покорность ему считались условиями благоденствия каждого китайца. «На земле, – гласит китайское изречение, – нет неправых родителей». Этот моральный принцип при помощи самых различных средств столетиями внедрялся в сознание китайского народа. Хотя в соответствии с моральными нормами дети должны были проявлять высокое уважение в равной мере как к отцу, так и к матери, однако вся китайская

нравственность основывалась на естественной власти отца и безропотном повиновении матери. Отец семейства считался выразителем мыслей и чувств своих домочадцев. Он мог похвалиться их добродетелями, требовать себе награды за их заслуги, он же нес ответственность за их пороки и мог быть наказан за их провинности.

Уважение к старшим нашло отражение в нравоучениях такого рода: «В разговоре со старшим нужно понижать голос, не допускать неясных слов. Когда старший встает, младший не должен сидеть; когда старший сидит, младший не должен садиться, если ему не скажет старший»; «Старший человек в семье – сокровище»; «Если в семье есть старец, значит, в семье есть опыт».

Об этой особенности китайской семьи П. Лоуэль писал: «Узы, возникшие для взаимной выгоды, закрепились в такие цепи, которыми молодое поколение безнадежно приковывалось к старшим. На полпути нация как бы обернулась лицом назад, и в таком положении движение ее вперед стало крайне медленным. Глава семьи предстает здесь таковым как бы в смысле материальном, физическом. От него исходят все ее действия; перед ним ответственны все ее члены. Каждый член семьи так же не способен на какой-нибудь самостоятельный поступок, как физически на это не способны рука, нога или глаз человека. Китай самым поразительным образом осуществляет полное лишение личных прав».

В старой китайской драме «История флейты» воспроизведен многозначительный разговор сына с отцом. Отец предлагает сыну отправиться в столицу для получения высшей ученой степени; сын боится покинуть своих престарелых родителей и

свою молодую супругу. И вот какая беседа происходит между ними.

«О т е ц *(обращаясь к сыну)*. Ты думаешь только о радостях жизни с женой и не боишься противоречить своему отцу.

С ы н *(падая на колени и обращаясь к Небу)*. Небо! Я противоречу моему отцу? (Поднимаясь.) О мои родители! Может ли сын ваш противиться вам? О! Повторяю: меня удерживает здесь только ваш преклонный возраст. Отец! Предположите – а это возможно, – что случится наводнение. Что тогда скажут? Сперва будут говорить, что сын ваш не был проникнут сыновним благочестием, что он покинул своего престарелого отца, свою престарелую мать, гоняясь за какой-то должностью; потом станут обвинять вас самих в неосмотрительности, поставят на вид, что вы, имея единственного сына, заставляете его предпринять далекое путешествие и подвергаться случайностям в пути. Чем больше я размышляю, тем труднее для меня исполнить ваше приказание.

О т е ц. Сын мой! Перечисленные тобой обязанности от тебя зависят; но скажи мне вкратце, что разумеешь ты под сыновним благочестием?

С ы н. Отец! Я отвечу на ваш вопрос. Обязанности сына состоят вот в чем. Сын должен заботиться, чтобы летом и зимой родители пользовались всеми удобствами жизни; должен каждый вечер сам оправлять постель родителей; должен каждое утро, при первом крике петуха, обращаться к родителям с почтительными вопросами о здоровье; должен каждый день многократно спрашивать родителей, не беспокоит ли их холод или жара; сын обязан поддерживать родителей под руку, когда они идут; обязан уважать то, что они уважают, любить то, что

они любят. Сын при жизни родителей не должен удаляться из дому, в котором они живут. Так думали о сыновнем благочестии древние, так исполняли свой долг.

О т е ц. Сын мой! Перечисленные тобой обязанности – самые элементарные. Существует много степеней сыновнего благочестия, и ты не сказал о его высших требованиях, о самом главном сыновнем благочестии по преимуществу. Сын мой, слушай меня! Первая степень сыновнего благочестия требует служения родителям, вторая – служения государю, третья – достижения высокого сана. Сохранять тело, полученное от родителей, и заботливо избегать всего, что ему может повредить, – это начало сыновнего благочестия; достигнуть высокого сана, действовать с требованиями истинной нравственности, оставить о себе добрую репутацию для последующих веков во славу своих родителей – это верх сыновнего благочестия».

В одной из книг времен маньчжурского господства приводилось такое нравоучение: «К сожалению, в наши дни проявляют самую большую любовь к своим женам. Как это глупо! Если ты случайно потерял жену, ты сможешь вторично жениться. Разве ты забыл пословицу: "Жена, как одежда, которую можно менять; а братья, словно твои руки и ноги. Если твоих братьев больше не станет, где ты найдешь других?"»

В духе безграничного послушания воспитывались не только сыновья, но и дочери китайцев.

В декабрьском номере «Пекинского вестника» за 1890 г. был опубликован доклад сановника Ли Хунчжана «О беспримерной почтительности». Суть этого доклада такова. Дочь одного помещика самоотверженно ухаживала за больной матерью. Но это

не помогло: мать скончалась. Тогда и дочь осудила себя на медленную, голодную смерть и после четырехнедельного поста умерла. Докладывая императору об этом проявлении дочерней любви, Ли Хунчжан ходатайствовал об увековечении памяти девушки почетной табличкой.

Женщины не имели прав на общесемейную собственность. И если по каким-либо обстоятельствам происходил раздел недвижимого имущества, то оно распределялось только между мужчинами. Дочери и жены могли быть наследницами собственности отцов и мужей в тех редких случаях, когда не оставалось в роду ни одного мужчины. Даже в богатых семьях жена не имела права на наследство. Приданое невесты могло состоять из драгоценностей, богатой одежды, дорогой обстановки; очень редко за невесту давали деньги, и никогда не давали землю.

В одном из наставлений, обращенном к отцу семейства, говорилось: «Ты должен с большим вниманием воспитывать дочь, хотя, естественно, воспитание дочери – это прежде всего дело матери. Когда дочери исполнится 5–6 лет, ей нужно делать прическу и бинтовать ноги. Она должна все время находиться дома, не следует позволять ей бегать и играть. Когда ей исполнится 7–8 лет, ты должен приучать ее выполнять небольшую домашнюю работу: подметать пол, чистить котел, мыть чашки, прясть. В 10 лет не разрешай ей выходить из дома и играть с мальчиками твоей семьи. В 12–13 лет пусть она учится шить белье.

Когда к тебе придет гость, она не должна ему показываться. Если же придут родственники, позови дочь – пусть она приветствует их, однако ее слова и манеры должны выражать почтительность. Не позволяй ей болтать и громко смеяться. Если она

выйдет из дома и отправится в гости к родственникам, ее должен кто-либо сопровождать; не позволяй ей выходить одной, покидать дом и судачить с соседями или ночевать с соседской дочерью.

В 14–15 лет приучай ее прилежно трудиться. Пусть она обучается тем работам, которые ей придется делать в семье мужа. Ее одежда должна быть черного или синего цвета, очень простой и неяркой. Она должна рано вставать и поздно ложиться. Не позволяй ей жить у родственников; не разрешай ей возжигать курительные свечи и совершать жертвоприношения в храме. В Новый год не разрешай ей играть в кости или в карты.

Прежде всего надо, чтобы дочь была серьезной и трудилась не щадя своих сил. Родители должны научить ее трем правилам подчинения и четырем добродетелям. Три правила подчинения: дома повиноваться отцу; когда выйдет замуж, повиноваться мужу; когда останется вдовой, повиноваться сыну. Четыре добродетели: супружеская верность, правда в речах, скромность в поведении, усердие в работе».

В ходу были такие сентенции: «Всем добродетелям угрожает опасность, когда сыновнее благочестие поколеблено»; «Недостоин имени сына тот, кто любит другого человека более, нежели своего отца»; «Когда сын спасает жизнь отца, теряя свою собственную, – это самая счастливая смерть»; «Всякий злодей начал с того, что стал дурным сыном» и т. д.

Добрые дела сына облагораживали отца, весь род и память о предках, и, наоборот, преступления потомков оскверняли память о предках. Эти нравственные нормы имели в истории китайского народа большую реальную силу.

Китайская семья представляла собой как бы единое целое: горе и радости разделялись всей семьей. Если один из членов семьи в чем-либо преуспевал и достигал высокого служебного положения, то вся его семья в глазах окружающих достигала такого же положения. Если же один из членов семьи совершал преступление, то вся семья наказывалась наравне с ним.

О том, какую ответственность порою нес отец за преступления сына, свидетельствует такой случай.

В китайской деревне судили вора. Его приговорили к смертной казни; исполнение приговора должен был взять на себя отец вора – община предписала ему закопать сына живым в землю. Услышав приговор, отец пришел в ужас и стал со слезами на глазах молить избавить его от участия в столь жестокой казни. Но организаторы суда были неумолимы, они настаивали на немедленном приведении приговора в исполнение, грозя отцу, что если он откажется собственноручно казнить сына, то они подожгут его дом и выгонят всю семью из деревни. Но и это не спасет сына от смерти.

Повинуясь такому ужасному приговору, несчастный отец взял лопату и принялся рыть перед своим домом могилу для сына. Вырыв яму, он по требованию односельчан привязал сыну камень на шею, столкнул его вниз и принялся засыпать яму землей. Сердце отца разрывалось от горя, но делать было нечего – пришлось покориться. Когда отец закопал сына живым, его еще заставили разровнять землю лопатой.

Следуя традициям Древнего Китая, законодательство времен династии Цин во всех конфликтах принимало сторону главы семьи. В государствен-

ном законе о правах главы семьи (отца) говорилось: «Глава семьи управляет своими детьми, младшими братьями и всеми членами семейства, распределяет между ними обязанности (кому заведовать амбаром, кухней, прислугой, полем, садом и т. п.), назначает занятия (кому что сделать в течение дня), дает им все необходимое (пропитание, одежду и пр.). Члены семейства ни в коем случае не могут действовать по своему усмотрению, но обо всем должны докладывать главе семьи и поступать согласно его воле. Сыновья и жены не могут иметь собственного имущества: все, что они в состоянии приобрести (каким бы то ни было образом), должно быть отдано хозяину (отцу); когда они хотят воспользоваться чем-либо из домашнего имущества, то должны получить на то позволение отца; по своему усмотрению они не могут ничего давать посторонним, ни принимать от них».

Морщины, избороздившие лица сыновей, и приобретенный жизненный опыт отнюдь не давали им права жить по-своему. Отделиться и завести собственное хозяйство сын мог лишь с отцовского согласия. Однако в китайских условиях невозможно было себе представить, чтобы родители решились жить отдельно от сыновей – это происходило лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Другое дело – дочери: с выходом девушек замуж родительская власть над ними кончалась и они оставляли семью. В китайской пословице говорится: «Выданная замуж дочь что проданное поле».

Подданный Срединного государства всегда испытывал неодолимую привязанность к отчему дому, к семье, куда бы ни забрасывала его судьба и сколько бы лет ни приходилось ему жить на чужбине. Это отразилось и в народных поговорках:

«Дома всегда ладно, вдали от дома всегда нескладно»; «Имеешь дом – не бойся стужи; имеешь сына – не бойся нужды».

«Китаец, – писал в 1853 г. Е. Ковалевский, – оставляет свое отечество только при крайней необходимости и то всегда почти возвращается в него под старость, чтобы хотя бы умереть на родной земле, которую он не перестает любить и вне отечества; сюда влекут его дороги, заветные воспоминания, могилы предков и привязанность к неизменяемому порядку вещей, от которого он не может отрешиться и по самой системе своего образования, внушающего с детства уважение к этому порядку, и из-за отвращения к иноземным учреждениям».

Дж. Макгован, хорошо знавший феодальный Китай, пишет: «Мне пришлось как-то познакомиться с китайцем, который двадцать пять лет прожил в Австралии. Торговые дела его шли хорошо. Он был женат на ирландке и имел от нее трех взрослых дочерей с ирландскими носами и томными раскосыми глазами. Однажды он объявил своей жене и дочерям, что его потянуло домой и что он оставит их. Снабдив жену деньгами и передав ей магазин, который мог обеспечить ей приличную жизнь на долгие годы при нормальной торговле, он навсегда распрощался с семьей и с облегченным сердцем отправился в дальний путь домой, в глухую деревушку на берегу моря, где условия жизни были крайне суровые. Прибыв туда, он вернулся к своим прежним привычкам, от которых, казалось бы, должен был отвыкнуть за двадцать пять лет отсутствия. И это легко было ему сделать, потому что в течение всего времени жизни на чужбине в его сознании не угасал романтический образ глинобитного отчего дома на песчаном берегу».

В жизни китайской семьи было много своеобразного и необычного для европейца.

Посещавшие в конце XIX в. европейские страны в качестве путешественников или дипломатов состоятельные маньчжуры и китайцы сравнивали жизнь европейских народов с жизнью своих соотечественников. В 1892 г. русский китаевед Д. Покотилов опубликовал книгу «Китайцы о европейцах», в которой привел ряд интересных сопоставлений. Приведем некоторые из них.

В Европе: На Западе мужчины и женщины считаются совершенно равными, и от этого происходит путаница в наименовании родственников. Например, дед и бабка с отцовской стороны величаются одинаково с дедом и бабкой со стороны матери, так как, по их мнению, родители матери так же важны, как и родители отца.

В Китае: Социальной единицей в Китае является не индивидуум, а семья, и отношения между отдельными членами семьи определены точнейшим образом. При этом существует резкое отличие между отношениями к родственникам отца, с одной стороны, и к родственникам матери – с другой. Это объясняется тем, что в китайских семьях три или четыре поколения по прямой нисходящей линии живут большей частью вместе, одним домом. Родственники же со стороны жен и матерей принадлежат к другим семьям, живут отдельно и считаются менее близкими родственниками.

В Европе: На Западе мужчины и женщины свободно общаются между собой, и это ничуть не считается зазорным. Девушки нередко разговаривают со многими мужчинами, причем эти последние между собой не спорят.

В Китае: В китайских семьях мужчины и жен-

щины держатся изолированно. С того времени, как мальчики достигают школьного возраста, их обыкновенно отделяют от сестер. Последние ведут почти совершенно замкнутую жизнь, и эта изоляция еще более усиливается после того, как девушку просватают, что происходит обыкновенно, когда ей минет 10–12 лет. С этого времени девушки должны укрываться от взора даже хорошо знакомых. Из дома они выезжают редко, только в случае крайней необходимости.

В Европе: На Западе женщины и мужчины сами выбирают себе женихов и невест и сами решают вопрос о браке.

В Китае: ...Семейное начало и семейный интерес всецело господствуют над индивидуальным. Этот же принцип вполне проводится и в вопросе о браке. Китаец женится не потому, что любит, а потому, что это нужно для общих семейных интересов. Естественно, поэтому личный выбор и вкус не играют во всем этом деле никакой роли. Вопрос решается всецело старшими членами семьи.

В Европе: По западным обычаям, люди, находящиеся между собой в родственных отношениях, при свидании после долгой разлуки или же при расставании целуют друг друга без различия полов, что почитается у них общим правилом. При проводах и встречах, если желают приветствовать, мужчины снимают шляпы, а женщины машут платками.

В Китае: Поцелуи настолько необычны, что даже мужья не целуют жен своих, по крайней мере никогда не признаются в этом, так как поцелуй считается вещью похотливой и неприличной. Открыто лишь мать целует своих маленьких детей, да и то только до 5-6-летнего возраста. Китайцы никог-

да не обнажают головы в знак приветствия. При проводах они машут руками.

Таковы некоторые отличия образа жизни китайцев и европейцев, которые бросились в глаза посланцам Срединного государства при посещении европейских стран. Хозяин, встречая гостя, не снимал головного убора: снять головной убор означало проявить неуважение к гостю. То же самое относилось и к гостю: при входе в дом хозяина он не снимал шапку. Обычай обязывал принимать гостя у входа в дом и провожать до ворот. При входе в дом хозяин просил гостя сесть с левой стороны, которая считалась почетнее правой (у человека с левой стороны сердце – источник и импульс физической и духовной силы). После множества поклонов гость соглашался сесть по левую руку хозяина. Слуга приносил чайник с горячей водой и две чашки. В каждую чашку он бросал щепотку чая и заливал кипятком. Потом хозяин обеими руками подносил чашку гостю. Гость вставал, кланялся, брал чашку (тоже непременно обеими руками). Затем долго спорили, кому раньше сесть. Наконец садились. Гость и хозяин накрывали чашки блюдечками. Но вот чай настоялся. Тогда чуть-чуть сдвигали блюдечко и через щелку глотали душистый напиток. Только после этого начинался деловой разговор. Хозяин и гость имели важный и серьезный вид, говорили медленно и тихо, старались не размахивать руками и осыпали друг друга любезностями. Считалось неприличным гостю разговаривать с женой хозяина и его домочадцами.

При прощании хозяин стремился проводить гостя, но тот просил не беспокоиться. Гость не желал первым пройти в дверь, хозяин – тоже. Наконец гость проходил, хозяин шел за ним. У ворот взаим-

ные поклоны повторялись. Гость просил хозяина возвратиться домой, не провожать его. Хозяин не соглашался покинуть гостя, пока тот не уйдет. Опять возобновлялись поклоны и любезности, пока гость не уступал. Но вот он уходил, и только тогда хозяин возвращался к себе.

Такие церемонии вовсе не означали, что собеседники проявляли друг к другу особое уважение. Они могли быть и друзьями, и недругами. Но так поступать предписывал им этикет, выработанный давно и соблюдавшийся столетиями.

Правила приличия требовали унижать себя и возвышать собеседника, о чем можно судить по стереотипным китайским диалогам:

– Как ваше драгоценное имя?

– Мое ничтожное имя Чжан.

– Сколько маленьких сыновей у вашего почтенного родителя?

– У него всего два грязных поросенка.

– Ваше высокое мнение?

– По моему незрелому мнению...

– Где ваша драгоценная супруга?

– Моя ничтожная жена дома.

– Как чувствует себя ваш дорогой сын?

– Мой собачий сын здоров вашими молитвами.

Д. В. Путята в книге «Очерки китайской жизни» (1892 г.) писал о китайских церемониях: «Все это усваивается китайцами с раннего детства и укрепляется путем ежедневной практики. Замечательно, что они усваиваются не только высокопоставленными людьми, но и простыми фермерами, даже погонщиками мулов. Еще более замечательно то, что китайская вежливость не есть результат искреннего проявления симпатий. Это не более как условная форма для сношений, соблюдением кото-

рой взаимно "сохраняется „лицо", форма, отличающая воспитанного человека от невоспитанного. Это дань самоуважения, в которой сердечность отсутствует».

* * *

Цель заключения семейного союза состояла не только в продолжении рода, но и в заботе об усопших предках. В женитьбе молодого человека были заинтересованы прежде всего его родители, которые, с одной стороны, отвечали за судьбу рода перед духами предков, а с другой – должны были заботиться о собственной загробной жизни.

Кроме законной жены богатый человек мог иметь несколько наложниц, которых называли «вторая жена», «третья жена» и т. п. Всеми ими управляла «первая жена» – хозяйка дома.

Наложницы обитали под одной крышей с законной женой, которой они всецело подчинялись. Часто в хозяйстве они выполняли обязанности прислуги. Законная жена не имела права жаловаться мужу, если ей не по нраву пришлось присутствие той или иной наложницы.

Законная жена признавалась матерью всех детей своего мужа и вместе с ним распоряжалась их судьбой. Настоящие же матери (наложницы) теряли всякие права на своих детей. В случае смерти законной супруги муж мог либо обзавестись новой, либо возвести в сан законной жены и хозяйки дома одну из наложниц.

Женить сына и увидеть внучат было самым сокровенным желанием главы семьи: только в этом случае он приобретал уверенность в том, что, перейдя в мир иной, будет сыт и обеспечен всем необходимым. Если род прекращался, то об усопших не-

Прорицатель беседует с отцом, который собирается женить сына

кому было заботиться и их «посмертное существование» оказывалось очень трудным.

Важнейшую роль в подборе жениха и невесты играл социальный, имущественный фактор. Родители руководствовались принципом «соответствия пары», т. е. семьи жениха и невесты не должны были значительно отличаться друг от друга по материальному достатку.

Одно из правил, выработанных в Китае еще в древности, запрещало вступать в брак юноше и девушке, носящим одну и ту же фамилию. Очевидно,

этот обычай возник тогда, когда число китайских родов было еще сравнительно небольшим. В тех условиях одинаковые фамилии означали кровное родство. Правда, с ростом населения страны одну и ту же фамилию нередко стали носить люди, не связанные родственными узами. Однако этот устаревший запрет существовал на протяжении многих веков, и закон наказывал тех, кто нарушал его.

Как обставлялось бракосочетание в феодальном Китае? Переговоры о сватовстве по поручению семьи жениха обычно начинала сваха (сват). Эту роль исполняли как родственники, так и профессионалы, которые за свой труд получали вознаграждение от заинтересованных сторон. Сват (либо сваха) отправлялся в семью невесты и подробнейшим образом описывал ее родителям все достоинства жениха. Затем шел в дом жениха и повторял то же самое, но на этот раз хвалил невесту. В погоне за наживой сват нередко явно приукрашивал достоинства обеих сторон.

Занимавшийся сватовством обязан был знать все подробности, касающиеся семей жениха и невесты; в особенности важно было изучить генеалогию этих двух родов. На особой записке, обязательно на красной бумаге, сват приносил родителям невесты сведения о женихе – чей сын, какого сословия, какую имеет должность, каким занимается ремеслом, где живет, на какой улице, какой номер дома. Родственники жениха получали такие же сведения о невесте. Эти записки, полученные от сватов, долго обсуждались в обеих семьях, сведения проверялись и различными способами уточнялись.

Вопрос о том, быть или не быть предполагаемой свадьбе, решался особого рода гаданием, именуемым суань мин («предсказывать будущее»).

В основе суань мин лежало убеждение, что с момента рождения жизнь человека зависит от сочетания в его организме пропорций пяти стихий: дерева, огня, земли, металла, воды. Сумма стихий мужа должна была соответствовать в известной пропорции сумме стихий жены. Каждая из этих стихий, в свою очередь, сочеталась с мужским началом ян и женским началом инь.

Зная свойства пяти стихий, гадатель должен был ответить на вопрос, какие именно стихии и в каких сочетаниях влияют на молодых людей, которых собираются обвенчать. Исходными данными для подобных подсчетов считались год, месяц и день рождения жениха и невесты.

К числу наиболее благоприятных принадлежали сочетания: металл – вода, вода – дерево, дерево – огонь, огонь – земля, земля – металл; к неблагоприятным относили взаимодействия: металл – дерево, дерево – земля, земля – вода, вода – огонь, огонь – металл. Если жених родился под знаком «дерева», а невеста под знаком «огонь», то брак между ними считался невозможным, так как будущая жена погубит мужа. Если же жених родился под знаком «огонь», а невеста под знаком «дерево», то брачный союз этой пары будет вознагражден многочисленным потомством: тепло солнца согреет плодоносную ветвь дерева, и плоды будут крупными и сочными.

Но этим не исчерпывалось гадание. Надо было выяснить еще, сочетается ли год рождения жениха с годом рождения невесты. Названия 12 реальных и мифических животных, расположенные в определенной последовательности, объединялись в цикл и символизировали 12 различных лет. Затем цикл повторялся. Последовательность внутри цик-

ла была такая: мышь, вол, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух, собака, свинья.

Мышь, которая живет в темноте, по своей природе может только разрушать; добродушный, миролюбивый вол; заяц, забавляющийся при лунном свете; трусливая, но злобная обезьяна; послушная собака, днем и ночью оберегающая дом; медлительная свинья с опущенными в землю глазами – все эти животные олицетворяют темное (женское) начало инь. Зато страшный тигр, могучий дракон, быстрая лошадь, солнцелюбивая овца и петух, своим пением возвещающий о рассвете, – эти животные олицетворяют светлое (мужское) начало ян. К светлому началу относят и змею, очевидно, учитывая ее божественное происхождение.

По поверью, брак считался невозможным, если невеста родилась в год тигра, а жених – в год овцы (тигр погубит овцу). Брак обещал быть счастливым, если молодые родились, соответственно, в год тигра и дракона, вола и собаки и т. д. Но стоило свату выяснить, что девушка родилась в год мыши, а юноша – в год змеи, как переговоры немедленно прерывались, ибо с незапамятных времен змеи поедают мышей.

К числу благоприятных для брачного союза сочетаний циклических знаков относились: овца – вол, свинья – дракон, собака – змея, мышь – лошадь, обезьяна – заяц, петух – тигр. К неблагоприятным сочетаниям относились: мышь – овца, лошадь – вол, обезьяна – свинья, заяц – дракон, петух – собака, тигр – змея.

По-китайски слово «жениться» буквально означает «брать в дом жену», а «выходить замуж» – «покидать семью». Этими словами выражался точный смысл свадебного обряда. Жених приводил невес-

ту к своим родителям, а невеста покидала родную семью. После свадьбы молодая жена становилась членом семьи мужа. В редких случаях жених переселялся на постоянное жительство к родителям невесты.

Сын мог быть недоволен избранной для него родителями женой, а жена, в свою очередь, могла быть недовольна мужем – не это считалось главным в брачном союзе. Насильственное соединение молодых людей породило поговорку: «Муж и жена вместе живут, а сердца их за тысячу ли друг от друга». Если молодые люди были помолвлены с детства, родители чувствовали себя спокойнее: в случае внезапной смерти всегда найдется кому проявить заботу об их загробной жизни.

О многих трагедиях, о многих надломленных и загубленных молодых жизнях рассказано в китайской литературе.

Дочери не всегда повиновались родительской воле и порой как могли оказывали противодействие принудительному браку. В 1873 г. восемь молодых девушек, живших недалеко от города Гуанчжоу, решили утопиться, чтобы избежать принудительной помолвки. Они оделись в свои лучшие платья и ночью направились к ближайшей реке. Здесь они обвязались вместе одной веревкой и бросились в бурлящий водный поток.

Старая китайская мораль не одобряла нежных отношений между женихом и невестой – это считалось не только излишним, но и неприличным. Молодые люди вообще не должны были встречаться до помолвки. Их личные чувства никого не интересовали и не принимались во внимание.

Если помолвка состоялась в детстве, а будущий муж умирал до свадьбы, существовал обычай обвен-

чивать девушку с поминальной дощечкой умершего жениха: тогда она становилась вдовой в самый момент своего венчания и, как всякая другая вдова, была лишена возможности вторично выйти замуж.

В 1910 г. в Лондоне была издана книга Д. Джонсона «Лев и дракон в Северном Китае», в которой приведены примеры самоотверженного поведения невест и жен, их беззаветной преданности своим суженым и мужьям (материал собран автором в провинции Шаньдун). Приведем один эпизод.

Восемнадцатилетняя Шан Ши готовилась к свадьбе – большому событию в своей жизни. Она с детства была помолвлена с мальчиком из соседней деревни. Их родители были состоятельными и известными людьми в этой местности, а сама Шан Ши слыла среди подруг красавицей. И вот, когда подготовка к свадьбе была в полном разгаре, произошло ужасное событие: жених заболел и вскоре умер.

Родители Шан Ши пришли в смятение: они не решались сообщить трагическую весть дочери, которая ни разу не видела суженого и не разговаривала с ним, но постоянно готовила себя к тому, чтобы в один прекрасный день стать его женой. Она заметила, что мать с отцом шепчутся о чем-то, и догадалась, что речь идет о ней. Подойдя к матери, Шан Ши настойчиво спросила: «Мама, какие дурные вести ты принесла? Что бы там ни случилось, ты должна все рассказать своей дочери».

Старую женщину охватил страх. Сначала она заколебалась, но затем, разразившись рыданиями, поведала печальную весть. «Моя дочь, – голос матери дрожал, – уже был назначен день свадьбы, и гадатели предсказали вам счастье. Теперь же все наши надежды рухнули, потому что твой суженый

навеки закрыл глаза». Услышав правду, девушка, казалось бы, осталась равнодушной: лицо ее не отразило никаких чувств. Это поразило мать: она знала, как ранима ее дочь и как умеет она скрывать свои переживания.

Не промолвив ни слова, Шан Ши повернулась и направилась в свою комнату. Всего лишь несколько минут назад она выглядела веселой и элегантной, как и подобало молодой девушке из состоятельной семьи. Ее прекрасное личико было покрыто пудрой и румянами. Душистые цветы и две небольшие золотые брошки украшали ее. Но спустя час, когда Шан Ши вновь появилась перед матерью, ее трудно было узнать. До чего она изменилась! Исчезли пудра и румяна. Длинные черные волосы были распущены и в беспорядке спускались на плечи. Нарядный с вышивкой халат был заменен рубищем.

«Мое бедное дитя, – воскликнула изумленная мать, – как ты выглядишь теперь! Ты же еще девушка, а оделась как вдова! Разве мы настолько бедны, что не найдем для тебя семью, где бы сын еще не был помолвлен? Сними траурную одежду, напоминающую о смерти, и сделайся вновь нашей веселой дочерью, которой предстоит прожить еще много счастливых лет. Пройдет несколько дней, и в нашу дверь постучится сваха, чтобы выдать замуж одну из красивейших девушек нашей деревни».

Дочь спокойно слушала мать, но на ее лице не было больше улыбки. «Это голос моей матери, но не мысли матери, – ответила она. – Могу ли я, ваша дочь, быть отдана другому, в то время как мой суженый удалился в мир теней. Я умоляю вас, моя мать, выполнить мою последнюю просьбу. Через семь дней мой суженый должен был прибыть к нам

и сопровождать меня в свой дом, а я должна была сесть в свадебный паланкин как его невеста. Я прошу не отменять моего венчания. В тот день душа моего мужа придет за мной, и я должна быть готова к этому».

Мать была ошеломлена такой речью. Она горячо любила дочь и боялась, что та скрывает от нее какой-то ужасный замысел. Материнские увещевания оказались напрасными. Отец и мать решили не перечить дочери. Таков был обычай: девушка, которая после смерти своего суженого отказывается выйти замуж за другого и остается верной покойнику, приносит славу и честь не только своим родителям, но и родителям покойного жениха.

Получив уведомление о том, что Шан Ши решила остаться верной памяти жениха, его родители выразили готовность исполнить весь свадебный ритуал. Подготовка к «свадьбе» велась быстро и без пышности.

В день «свадьбы» два больших паланкина (один – красный, а другой – зеленый) были доставлены в дом невесты. В красном паланкине, где, по обычаю, находится жених, лежала белая полоска бумаги, на ней были написаны имя покойного, возраст, а также слова: «место духа». Паланкин встретили с большими почестями и глубоким уважением. Белая полоска бумаги была изъята из паланкина и в торжественной обстановке доставлена в домашний храм. Здесь перед ней разложили жертвоприношения и зажгли несколько курительных свечей. Все родственники невесты отвесили глубокие поклоны. После окончания церемонии белую полоску бумаги осторожно вынесли из домашнего храма и положили в зеленый паланкин, а красный паланкин заняла

невеста. Когда «свадебная» процессия вернулась в дом жениха, белую полоску бумаги вновь вынули из паланкина и внесли в комнату, где родители покойного и его друзья ожидали невесту.

Спустя некоторое время Шан Ши сняла с себя рубище и облачилась в нарядный халат богатой молодой вдовы. Лицо ее, покрытое пудрой и румянами, казалось, ничего не выражало, и никто, даже родители, не ведали о том, какие чувства переполняют душу девушки.

Поклонившись небу и земле, духам предков, членам семьи по старшинству, Шан Ши удалилась в комнату, которая при иных обстоятельствах была бы спальней жениха и невесты. Там она снова переоделась – на этот раз в траурное одеяние. Она выполнила все церемонии, которые сопутствовали китайской свадьбе, – только без жениха.

По китайским обычаям, между смертью и захоронением проходит довольно длительное время. Все тщательно готовились к похоронам покойного, и молодая «вдова» приняла в этом печальном деле деятельное участие, вызвав уважение и восхищение присутствующих.

Наконец все было готово, и похоронная процессия двинулась к месту захоронения. Шан Ши, рыдая, следовала за гробом, рядом шли родители покойного и плакальщики.

Гроб опустили в могилу. Не в силах совладать с собой, Шан Ши бросилась в могилу, обхватила руками крышку гроба, словно обнимая покойного мужа, которого она ни разу не видела ни живым, ни мертвым, и ее отчаянный крик был слышен далеко за могильной насыпью. Плакальщики застыли в почтительном ожидании, предоставляя несчастной возможность излить свои чувства. Убедившись, од-

нако, что она не собирается покидать могилы, они стали упрашивать ее подняться наверх. «Вдова» на это ответила: «Мое место здесь, возле мужа. Если он с мертвыми, мое место также с мертвыми. Засыпайте нас вместе».

Некоторое время все стояли в нерешительности. Зная твердый характер своей дочери, родители были уверены, что, если силой вытащить ее из могилы и принудить вернуться домой, она все равно покончит с собой. Тогда решили оставить ее в покое и стали осторожно горстями бросать землю на спину несчастной и на гроб. Думали: может быть, это заставит ее принять благоразумное решение. Плакальщики и родители на время удалились с кладбища, дав возможность «вдове» побыть одной. Спустя некоторое время они вернулись и увидели, что Шан Ши, слегка покрытая землей, лежит на крышке гроба без движения: она была мертва. Ее похоронили рядом с тем, о ком она так сильно горевала.

Отголоски старых обычаев сохранились в Китае до сравнительно недавнего прошлого. Вот что рассказала автору этих строк в Пекине в 1956 г. старая китаянка: «Родом я из провинции Гуанси. Занимались мы там землепашеством. В трехлетнем возрасте помолвили меня с сыном одного богатого крестьянина из дальней деревни. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, стряслась беда. Жених мой был хворый, заболел да и умер, а его родители затребовали меня по давнишнему уговору. Горькими слезами плакала я, убивалась перед отцом и матерью. Пожалейте, говорю им, не губите молодую жизнь. Но отец беспомощно разводил руками: “Раз ты помолвлена, значит, я не могу нарушить уговора, обязан доставить тебя к родителям жениха”.

Увезли меня в дальнюю деревню и обвенчали там с поминальной дощечкой, на которой было написано имя моего умершего жениха. Так я стала вдовой покойника.

Через несколько дней после похорон свекровь говорит мне: "Ты должна до конца жизни оставаться вдовой, иначе осквернишь дух покойного мужа и нарушишь закон предков". Я прожила в семье умершего жениха пятнадцать лет и досыта натерпелась всяких обид».

Существовал обычай, в соответствии с которым близкие друзья давали друг другу клятвенные обещания: если у них родятся дети, то мальчик и девочка станут мужем и женой, мальчик и мальчик – братьями, девочка и девочка – сестрами. Договор о браке часто бывал заключен, когда будущие муж и жена находились еще в утробе матери. И даже если впоследствии кто-нибудь из них оказывался душевнобольным, безобразной наружности, калекой и т. п., все равно договор не мог быть расторгнут. Единственной причиной его расторжения могла быть только смерть одного из помолвленных.

Свадебные обряды совершались не по абсолютному незыблемому и одинаковому ритуалу. Церемониал определялся и социальным положением жениха и невесты, и географическим фактором: на юге Китая свадьба проходила несколько иначе, чем на севере. Поэтому затруднительно нарисовать универсальную картину старой китайской свадьбы. Попытаемся воспроизвести лишь некоторые ее наиболее характерные особенности.

К свадебному столу сушили различные фрукты – символ многодетности. Дарили арахис и каштаны с пожеланием, чтобы будущий ребенок рос крепким и здоровым, финики – чтобы ребенок родился быст-

рее, семена лотоса – чтобы дети рождались один за другим.

Многодетность символизировали также гранаты и огурцы, ими наполняли вазы на столах, а в семьях победнее они изображались на картинках, которые развешивались во время свадьбы.

Первым совместным имуществом жениха и невесты независимо от их социального положения, были: подушка, постельные принадлежности, вазы, зеркало, чайник, чашки. Обычно старались приобрести эти вещи в четном количестве. Подарки также преподносились по этому принципу: две книги, четыре чашки и т. д. Ваза для цветов по-китайски называется хуа пин. Пин в другом написании означает «мир», поэтому, преподнося в дар вазу молодым супругам, как бы говорили: «Живите в мире». Зеркало традиционно символизирует супружеские отношения. Когда муж и жена расходились или когда кто-либо из них умирал, говорили: «Зеркало разбилось». Если супруги снова начинали жить в мире, в народе говорили: «Разбитое зеркало снова стало круглым».

В китайском народном изобразительном искусстве много картин посвящено свадебной символике. Нежные цветы и полная луна выражали всю прелесть и полноту чувств мужа и жены. На лубочных картинках изображали диких гусей и уток. Дикие гуси всегда летают в паре и никогда не покидают друг друга, поэтому гусь считался эмблемой новобрачных. Его дарил жених невесте в качестве свадебного подарка. Утка и селезень сильно привязаны друг к другу, и когда они разлучаются, то чахнут и погибают. Вот почему в китайской символике утка и селезень представляют собой символ супружеской верности и счастья.

Словно для того, чтобы подчеркнуть, как неимоверно тягостна жизнь простого человека в феодальном Китае, художники постоянно обращались к изображению предметов, символизирующих человеческое счастье: сорока и цветущая слива означали большую радость; цветы лотоса и золотые рыбки – вечный достаток в доме; перепелка и колосья риса – мир и спокойствие.

В некоторых районах Китая жених, после того как сватами был выработан брачный договор, посылал совершенно незнакомой ему невесте подарки, в том числе гуся. Девушка, принявшая гуся, считалась просватанной, хотя бы по возрасту ей и предстояло еще много лет ждать свадьбы.

Г. Гессе-Вартег по этому поводу замечал: «Можно представить себе, что должна испытывать только что расцветшая китайская девушка, получая китайское обручальное кольцо – гуся. Она не имеет ни малейшего представления ни о наружности, ни о характере того человека, с которым готова связать свою судьбу. Она не может ничего узнать о нем ни от родителей, ни от братьев, ни от знакомых; со дня сватовства ее держат взаперти еще строже прежнего. Она не смеет видеться ни с кем чужим и при появлении гостей должна немедленно удаляться из комнаты. Все существо китайской девушки, все ее чувства и желания подвергаются такой же беспощадной ломке и гнету, как и ее ножки – „золотые лилии"».

В Южном Китае состоятельные родители жениха посылали невесте золотые или серебряные браслеты, а ее родителям – свиные ножки, двух куриц, двух рыб, восемь кокосовых орехов и т. д. Родители невесты одаривали родителей жениха пятью сортами сухих фруктов, искусственными цветами, сла-

достями, посылалась также пара гусей как символ семейного блаженства. Иногда подарки в дом невесты приносили на больших подносах носильщики, одетые в яркие халаты. Дарились украшения из золота, серебра, нефрита и яшмы, а также орехи, кондитерские изделия, окорок, цыплята, утки и т. п.

Невеста из состоятельной семьи приходила в дом жениха не с пустыми руками. Она приносила в приданое домашнюю утварь, одежду, постельное белье и предметы украшения. Все это складывалось в массивные сундуки, и носильщики несли их в дом жениха по самым оживленным улицам – пусть все видят и знают, что невеста не бедна! По числу носильщиков определялась и «весомость» приданого. В некоторых районах невеста, кроме всего прочего, дарила жениху пару туфель – это означало, что она передает себя во власть мужа. Богатый жених в назначенный прорицателем день посылал за невестой позолоченный паланкин, разукрашенный ажурным переплетом, разноцветной бахромой и резьбой с изображением дракона, неба и цветов. Обычно паланкин, который несли принаряженные носильщики, украшали два больших позолоченных иероглифа – шуан-си («двойное счастье»).

Существовал обычай закрывать ворота дома невесты и некоторое время не пускать прибывший паланкин, несмотря на настойчивые просьбы друзей жениха и носильщиков. В это же время братья и сестры невесты, выглядывая через щели ворот, требовали денег у друзей жениха. Им передавали сверток с монетами и чаем. После этого ворота открывались, начинали играть музыканты, сопровождавшие паланкин, и носильщики подносили паланкин к порогу дома.

Девушка должна была в течение трех дней до

свадьбы плакать, отказываться от пищи, выражая этим печаль по поводу расставания со своим родным домом. Тогда и у соседей не будет повода говорить, что она так уж мечтает выйти замуж. В день свадьбы, когда девушка собиралась оставить свой родной дом, она обычно куда-нибудь пряталась. Мать начинала громко звать и искать ее, делая вид, что дочь исчезла. Дочь же в это время запиралась в своей комнате. Но вот прибывал паланкин. Носильщики и музыканты также начинали громко звать невесту, уверяя, что не могут дольше ждать. Наконец девушка, достаточно продемонстрировав непокорность, открывала двери своей комнаты и со слезами на глазах следовала к паланкину. Отец невесты или ближайший его родственник запирал на замок дверцы паланкина, а ключ передавал верному слуге для вручения жениху.

За день до свадьбы невесте делали специальную прическу, которую носили замужние женщины: волосы на лбу обривали или выщипывали, чтобы сделать его выше. Перед тем как усадить в свадебный паланкин, на ее голову надевали пышный головной убор, разукрашенный искусственными или настоящими драгоценными камнями. Нити жемчуга, свисавшие с головного убора, настолько плотно прилегали друг к другу, что за ними не было видно лица невесты.

Свадебная процессия являла собой красочную картину. Красный, украшенный блестками паланкин, на котором невеста из состоятельной семьи отправлялась в дом жениха, яркие наряды участников свадебной процессии, а также костюм самой невесты должны были свидетельствовать о богатстве и процветании. Чем длиннее была свадебная процессия, тем более пышной считалась свадьба.

Впереди участники процессии несли фонари и флажки, прикрепленные к длинным древкам, а также таблички, на которых были написаны имена жениха и невесты. Музыканты исполняли веселые песни на старинных китайских инструментах. В середине этой вереницы носильщики несли паланкин с виновницей торжества, а позади следовало ее приданое. В далекие времена в свадебной процессии участвовал и жених, но в дальнейшем обряд был изменен – невесту сопровождали ее братья и подружки.

Обычай запрещал матери и отцу провожать дочь в ее новый дом. Замужество фактически означало для девушки полный разрыв с родными, так как считалось, что после свадьбы она принадлежит новой семье. Поэтому расставание с отцом и матерью всегда проходило тяжело. Невесту страшила неизвестность: она не знала, как встретит ее свекровь, не знала, какой у нее будет муж. Но и жених, ожидая прибытия невесты, переживал не меньше: он ведь тоже не знал, хорошей ли женой наградит его судьба.

Нарядная свадьба с веселой музыкой и праздничным пиршеством часто становилась для китайской девушки началом невыносимой жизни.

Представим себе такую картину. Молодых людей, которые ни разу не видели друг друга, обручили. Невеста в слезах навсегда покидает родной дом, где провела детство. Она садится в паланкин и отправляется в семью жениха. Сердце девушки наполнено тревожными думами. И вот паланкин останавливается у порога дома жениха, где она должна прожить всю жизнь, и ее тревожные думы подтверждаются: никто из встречающих не произносит приветливого слова, на нее устремлены колючие и любопытные взоры чужих людей.

Жених встречает невесту у двери безмолвно и без всякой улыбки. Он даже не решается дотронуться до ее руки, когда ведет в спальню, и только слегка прикасается кончиками пальцев к длинному рукаву ее халата. На лице его безразличие и разочарование: как он будет жить с женщиной, к которой не питает никаких теплых чувств?

Жених и невеста вместе совершали поклоны небу и земле и табличкам духов предков жениха, что считалось главным в свадебной церемонии. В передней части комнаты, «перед небом», ставился столик, на котором располагали две зажженные свечи и жертвенный сосуд с дымящимся фимиамом, двух миниатюрных сахарных петухов, пять сортов сухих фруктов, «жертвенные деньги», связку палочек для еды, зеркало и ножницы. Все это было символами процветания и согласия.

Невеста занимала место у столика с правой стороны от жениха, и оба они на коленях молча совершали четыре земных поклона, склоняя свои головы к земле. Затем поднимались, менялись местами и повторяли то же самое. После этого на столик ставились таблички предков, которым жених и невеста отдавали восемь поклонов. Когда они вставали, им предлагали пригубить вино и мед из кубков, соединенных красной шелковой лентой или красным шнурком. Потом, обменявшись кубками, жених и невеста отведывали сахарного петушка и сухих фруктов. Все это символизировало согласие и союз новобрачных.

Наконец невеста направлялась в свою комнату, где ждала жениха, который должен был снять с нее свадебный головной убор. Она надевала красивый халат и сверкающий разноцветными камнями головной убор, в таком виде появлялась перед род-

ственниками и друзьями ее будущего мужа, совершала перед ними поклон и предлагала им чай.

После описанных церемоний новобрачные садились вместе обедать. Это был первый и последний день, когда они обедали вместе. Жених мог есть сколько хотел; невеста же должна была в течение двух недель питаться только той провизией, что передали ее родители.

На свадьбу обязательно приглашали почтенного старика с белой бородой, напоминавшего своей внешностью бога долголетия. Когда жених и невеста совершали поклоны небу и земле, старик бамбуковой палочкой, окрашенной в красный цвет или обернутой красным шелком, вначале три раза слегка ударял невесту выше лба и при каждом ударе приговаривал: до фу («много счастья»), до шоу («долго жить»), до наньцзы («много сыновей»); ударяя этой же палочкой жениха, он приговаривал: юэ фу («будь богатым»), юэ гуй («будь знатным»), юэ кан нин («будь здоровым и живи спокойно»).

Гости во время свадебного обеда позволяли себе фривольные замечания в адрес невесты, даже непристойные шутки, к которым она должна была относиться хладнокровно и безразлично. Они бесцеремонно насмехались над ее ногами, одеждой, внешностью. Невесту просили встать своими маленькими ножками на перевернутую чашку. Если ей это не удавалось, то слышались язвительные реплики: «Какая неуклюжая!» Могла быть и такая просьба: «Принеси мужу чаю!» Если невеста выполняла эту просьбу, ей говорили: «Какая послушная жена!» Если она отказывалась выполнять это, гости соболезновали мужу, получившему в жены злую женщину.

В первую брачную ночь в комнате новобрачных

ставили две зажженные свечи. Смотря по тому, будут ли эти свечи гореть ровно или одна сгорит скорее другой, будет ли стекать воск, станут ли свечи трещать, прогорят ли за ночь и какая из двух погаснет раньше, делались «прогнозы» о продолжительности совместной жизни мужа и жены, об их радостях и печалях.

Утром молодожены под шум хлопушек выходили из спальни и направлялись на кухню помолиться богу очага. Это означало, что молодая женщина должна овладеть искусством кулинарии. Затем она направлялась в храм предков, где молилась предкам мужа.

На третий день после свадьбы вместе с мужем и его родителями молодая жена навещала дом своих покинутых родителей, где в их честь устраивалось пиршество. Этим кончалась свадебная церемония в богатых семьях.

После свадьбы наступало самое страшное – свекровь давала волю своей практически неограниченной власти над невесткой. И хотя сердце мужа могло обливаться кровью при виде издевательств над его женой, он не имел права выразить недовольство поступками матери. Если же осмеливался это сделать, то причинял еще больше страданий жене и жизнь ее становилась совсем невыносимой. Заступничество мужа вызывало негодование его родителей, и даже соседи осуждали за непочтительность к старшим.

Невестка должна была избегать личного общения с главой семьи и его сыновьями и постоянно находиться «под рукой» свекрови, которая обычно не отличалась тихим нравом. Жестокое обращение свекрови с невесткой – одна из мрачных сторон в жизни феодальной китайской семьи.

Подчиненное положение женщины, характерное для китайских семейных традиций, восходит к культу предков, в соответствии с которым назначение человека на земле – продолжать род и поддерживать могилы предков. Женщине же, утратившей при вступлении в брак всякую связь с родной семьей, отводилась, по этим представлениям, второстепенная роль.

Покорность, покорность и еще раз покорность – такова была главная добродетель женщины. В девичестве она во всем подчинялась отцу, после замужества становилась служанкой мужа и его родителей. «Если я выйду замуж за птицу, – гласило старое китайское присловье, – я должна летать за ней; если выйду замуж за собаку, должна следовать за ней всюду, куда она побежит; если выйду замуж за брошенный комок земли, я должна сидеть подле него и оберегать его».

Важнейшими и лучшими качествами женщин считались робость, сдержанность, умение приспосабливаться к характеру мужа. Мир женщины был ограничен домом и семьей. Гость, пришедший в дом, всегда спрашивал хозяина о его здоровье, о здоровье его отца, деда, сына, но никогда – о здоровье жены или дочерей. Такой вопрос показался бы неприличным, он мог быть воспринят как проявление невежливости.

Вот один из образчиков нравственного наставления для мужа:

«Когда ты взял жену, то прежде всего научи ее, как проявлять почтительность к отцу и матери, как жить в согласии с невестками, как быть послушной – чтобы она утром пораньше вставала, а вечером поздно ложилась спать, беспокоилась об урожае риса и экономии хлеба. Таковы истинные

правила, которые должна соблюдать жена. Если она проявит плохой характер, то увещевай ее хорошими словами. Со временем она исправит свои недостатки...

Если ты не знаешь, как перевоспитать жену, боишься ее и не осмеливаешься этого сделать, если во всем будешь соглашаться с ней, не решишься пресечь ее дурные поступки, станешь потакать ее характеру, она будет играть на твоих чувствах и не будет тебя бояться. И хотя ты будешь говорить, что любишь ее, это принесет ей только вред. В наши дни мужей, которые боятся своих жен и страдают от этого, немало. Корень зла состоит в следующем: когда ты взял в жены женщину и не воспитывал ее, она понемногу портилась».

Услужить родителям мужа считалось главной обязанностью молодой женщины. «Если жена нравится сыну, но не нравится его родителям, – говорили в феодальном Китае, – то он должен расстаться с ней. И наоборот, если жена не нравится сыну, а его родители говорят, что она хорошо им служит, то он не смеет расставаться с ней».

Как бы безжалостно муж ни обращался с женой, ей надлежало безропотно покоряться судьбе и молча повиноваться. Она могла вернуться в родной дом, но это считалось позором. Самое большее, на что она могла решиться, это отправиться в храм, повесить бумажную фигурку, изображавшую ее мужа, и помолиться богине милосердия, прося ее смягчить сердце супруга.

Жена, говорили в народе, должна быть «чистой тенью и простым отголоском». Когда богатый муж брал себе одну или нескольких «второстепенных» жен, законная супруга обязана была принять их благосклонно и жить с ними в мире и согласии.

Муж мог продать своих жен или наложниц, передать их другому человеку временно или навсегда.

Хотя это формально запрещалось законом, такая практика имела широкое распространение. Если муж дурно обращался с женой, он нес более легкое наказание, чем за такое же обращение с посторонним человеком. Если жена поступала неподобающе с мужем, она несла более тяжкое наказание, чем за такое же обращение с посторонним. Если муж совершал прелюбодеяние, это вовсе не рассматривалось как преступление. Но муж мог безнаказанно убить жену, посмей она сделать то же самое.

Муж имел право разойтись с женой без бракоразводного процесса при следующих обстоятельствах:

– если жена не живет в согласии со свекром и свекровью;

– если бесплодна;

– если подозревается в прелюбодеянии или уже совершила таковое;

– если наветами или болтливостью вызывает раздоры в семье;

– если страдает какой-либо болезнью, к которой люди чувствуют естественное отвращение;

– если невоздержанна на язык;

– если она без разрешения мужа присваивает себе домашнее имущество.

Вторичное замужество считалось тяжким преступлением женщины перед памятью о покойном муже. Вдова, осмелившаяся вновь выйти замуж, была обречена на изгнание из своей среды, подвергалась риску быть убитой родителями или родственниками покойного мужа, да и по закону не могла больше стать чьей-либо женой, а только наложницей.

Древний обычай предписывал вдове совершить самоубийство, чтобы соединиться с мужем в загробном мире. Она объявляла о таком решении родственникам и близким, и ее поступок рассматривался как подвиг.

Если вдова решилась последовать за умершим мужем, ее торжественно усаживали в паланкин и в сопровождении родственников, знакомых и просто любопытных направляли к месту, где она должна была совершить самоубийство. Вдову выводили на заранее подготовленную площадку, после чего присутствующие низко кланялись ей. Затем на шею женщине надевали петлю, при помощи которой один из ее ближайших родственников совершал удушение. Губернаторы провинций в официальном докладе сообщали императору сведения о самоубийстве добродетельных вдов и испрашивали разрешения в награду за их верность памяти мужей воздвигнуть почетные арки.

В 1894 г. в одном из городов Южного Китая молодая вдова после смерти мужа решила совершить публичное самоубийство. И это, по описанию китайских источников, выглядело так.

Толпа сопровождала одетую в дорогой красный халат молодую женщину к месту самоубийства. В богато разукрашенном паланкине ее доставили к помосту, где была сооружена виселица. Когда обреченная женщина взошла на помост, ее приветствовали родственники. Они принесли с собой рис и другие жертвенные предметы.

Окинув печальным взором окружающих, вдова в знак оказанного ей внимания стала разбрасывать рис, траву и цветы. Объяснив мотивы, побудившие ее совершить самоубийство, женщина встала на скамейку, движением рук попрощалась

с присутствующими, надела петлю себе на шею и провела красным платком по лицу – это был сигнал к тому, чтобы убрать скамейку. С большим самообладанием, уже повиснув в петле, она старалась, пока силы теплились еще в ее теле, сложить руки вместе перед собой и тем самым передать живым последнее прощание.

Такое проявление преданности покойному мужу со стороны его жены вызвало горячее одобрение толпы.

Когда же вдова не отваживалась на добровольную смерть ради скорейшего воссоединения с покойным мужем, то она, по крайней мере, обязана была помнить о необходимости такого соединения после своей естественной смерти и всячески избегать второго брака. Чтобы не искушаться самой и не вводить в искушение других, вдове не следовало выходить за пределы дома покойного мужа. Еще лучше, если она обезобразит лицо и утратит всякую привлекательность, а в случае насилия, грозящего ее чести, опять-таки поощрялось самоубийство.

Вдова, сохранившая верность, награждалась почетной табличкой, которая выставлялась перед ее домом. Еще более почетной наградой считалась деревянная почетная арка (пайлоу) или каменный обелиск с надписями: «Как иней, чисты ее стремления»; «Обелиск исключительной верности». Так отмечался подвиг вдов, не пожелавших пережить мужей.

Замечательный китайский писатель-сатирик XVIII в. У Цзинцзы в многоплановом романе «Неофициальная история конфуцианцев» не прошел мимо самоубийства жен в связи со смертью мужа. В романе рассказывается, как в семье Ван Юйхуэя его дочь после смерти мужа умерла от голода.

«Через три дня, во время второй стражи, несколько человек с факелами в руках забарабанили в ворота дома Вана.

– Ваша третья дочь голодала восемь дней и сегодня в полночь скончалась, – доложили они.

Мать зарыдала и рухнула на пол, словно мертвая, а когда ее привели в себя, опять заплакала. Ван Юйхуэй подошел к постели и пристыдил жену:

– Ты, старая, совсем поглупела! Девочка стала теперь бессмертной, чего же ты ревешь? Это хорошая смерть. Боюсь только, что мне не удастся умереть с такой же славой! – Он поднял лицо к небу и, заливаясь смехом, воскликнул: – Хорошая смерть! Прекрасная смерть!»

Умирала вдова – ее чаще всего хоронили в одной могиле с мужем или вблизи его могилы. Этот обычай восходит к тому неподтвержденному факту, что Конфуций в назидание потомкам похоронил свою мать рядом с могилой отца.

Правила этикета запрещали мужу или жене какие бы то ни было проявления нежности при посторонних. Эти чувства вырывались наружу лишь во время похорон одного из супругов, о чем свидетельствует такой рассказ очевидца.

«Однажды я гулял по склону горы, который был буквально усеян могильными холмами. Некоторые из них, судя по свежему дерну и правильной форме, были насыпаны только недавно; другие сразу можно было признать старыми; насыпи были размыты дождем, и на склонах росла сорная трава. Это было старинное кладбище, с незапамятных времен служившее для погребения; в рытвинах, прорезавших склоны горы, можно было увидеть, что гробы располагаются в два яруса.

Занятый своими мыслями, я неожиданно уви-

дел женщину, которая пробиралась среди могил. Это была высокая молодая китаянка, лицо которой в другое время, может быть, показалось бы красивым, но теперь оно было бесконечно печально и хмуро. По траурной одежде я сразу догадался, что она вдова. Ясно было, что она пришла сюда на могилу своего мужа. Дойдя до одной из могил, которая, по-видимому, только недавно здесь появилась, женщина упала на колени. Вначале плач ее казался тихим, как будто горе, охватившее ее, слишком велико, чтобы его выразить звуками, но мало-помалу к плачу присоединились стенания, становившиеся все более отчаянными: "Горе мне, бедной! Какая страшная и печальная моя судьба! Я не вынесу ее! О, я должна умереть, я должна умереть! Я не смогу перенести мою печаль!"

Ее голос все возвышался, и было ясно, что горе буквально душит ее. К прежним восклицаниям прибавились новые, в которых она уже вспоминала свою прошлую жизнь, свое былое счастье: "Любовь моя, жизнь моя, зачем ты меня оставил? Сердце мое разрывается от тоски. Никого у меня не осталось, кто бы заменил мне тебя и утешил меня, как это делал ты! Зачем ты оставил меня? Зачем ты покинул меня, горемычную?"

Голос женщины становился все громче и громче и наконец перешел в крик. Слезы текли по ее щекам, а глаза были красные и опухшие. Вся фигура этой китаянки была олицетворением горя и скорби».

* * *

Большим событием в жизни каждой китайской семьи считалось рождение сына. Близкие и друзья навещали роженицу, приносили подарки: одежду

для ребенка и продукты для поддержания сил матери. Чтобы отблагодарить друзей и знакомых, накрывали праздничный стол или просто угощали гостей вареными яйцами, окрашенными в красный цвет. В этих случаях полагалось приглашать друзей на лапшу, которая символизировала долголетие новорожденного.

Ребенок в семье был радостью, если рождался мальчик, но становился обузой, если на свет появлялась девочка.

Иметь сына считалось целью брака и большим счастьем для семьи. Это нашло отражение и в поговорках: «Вырастишь сына – обеспечишь старость, соберешь зерно – предотвратишь голод»; «И сына, и поле надо иметь свои»; «Лучшие сыновья в мире – свои собственные».

Надеясь родить сына, женщины прибегали к всевозможным гаданиям. Например, беременная женщина поднималась до зари и, надев костюм мужа, отправлялась к ближайшему колодцу. Она обходила вокруг него трижды, наблюдая за тенью в воде. Если по окончании прогулки ей удавалось вернуться домой незамеченной, это служило добрым предзнаменованием: родится мальчик.

При рождении ребенок получал «молочное» (или «детское») имя. Это имя должно было состоять из иероглифов, обозначающих что-нибудь приятное, надежду на то, что дитя будет счастливым и не умрет в младенчестве. Ребенка часто называли Со-эр, Чжу-эр, Шуань-эр, что соответственно означало: Замочек – пусть ребенок будет в такой же безопасности, как то, что заперто под замком; Столбик – пусть ребенок твердо стоит на ногах; Узелок – пусть он будет надежно привязан к своему дому. Все эти имена давались, конечно, мальчикам. Их наде-

ляли и такими именами: Фу (Богатство), Гуй (Знатность), Си (Счастье), Лэ (Радость). Именами девочек, как правило, служили названия цветов, драгоценных камней, бабочек, птиц: Лянь-хуа (Лотос), Му-дань (Пион), Син-эр (Абрикос), Тао-эр (Персик). Их также могли назвать Сяо-мао (Котеночек) или Эр-мэй (Вторая сестричка). Иногда детям давали также имена в соответствии с временем года, когда они родились: Чунь-эр (Весна), Сяшэн-эр (Рожденный летом), Цю-эр (Осень), Дун-эр (Зима).

На третий день совершался обряд омовения ребенка. В таз наливали теплую воду, туда же клали подаренные медные и серебряные монеты, а также приготовленные родителями грецкие орехи, каштаны, земляные орехи, финики, семена лотоса, вареные куриные яйца. Все это, за исключением монет, было окрашено в красный цвет – цвет радости. Купая ребенка, приговаривали различные «счастливые» слова в рифму. Например, говорили: «Если будет мыть голову, то будет жить в высоком доме» и т. п.

С ранних лет детей приучали выполнять различные обряды, отравляя их сознание суевериями. Так, при виде новой луны дети, обращаясь к месяцу, кланялись ему и припевали: «Месяц, месяц, месяц! Кланяюсь тебе, трижды кланяюсь. Не позволяй, чтобы у детей была чесотка». Луна, оказывается, влияла не только на детей, но и на их платье, поэтому ночью не следовало класть одежду мальчиков и девочек на место, куда падал свет луны или звезд. Девочка должна была бояться света звезд, а мальчик – света падающей звезды.

Беспокойство ребенка во сне приписывалось сглазу. Чтобы предохранить от него, применялся такой обряд. На красной бумаге писали: «Небо жел-

тое, желтое! Земля желтая, желтая! В моем доме есть плакса. Прохожие, благородные люди, прочитайте три раза написанное, и пусть ребенок спит до утра». Такую бумажку бросали на перекрестке.

По установившейся традиции новорожденному дарили различные украшения. Подарки эти могли быть действительно ценными – золотая цепочка на шею или украшение из серебра в форме замочка, но могли быть и совсем простые, чисто символические, например косточка от персика с вырезанными на ней разнообразными узорами. Через косточку продевалась нитка, которая привязывалась к руке ребенка.

С большой торжественностью отмечался первый месяц со дня рождения ребенка. Родственники, друзья и знакомые родителей вновь приносили ему подарки: серебряные, позолоченные и посеребренные бубенчики, изображения бога долголетия и восьми бессмертных, ручные и шейные браслеты, замочки, красные шнурки на шею. Бубенчики и изображения богов прикреплялись к шапочке младенца. Замочек вешали на шею для того, чтобы ребенок долго жил и чтобы не ушла из него душа. Дарили модель китайской меры сыпучих тел (доу) – этим выражалось пожелание, чтобы у ребенка всегда был в изобилии рис; игрушечную печать (инь) – пусть младенец, когда вырастет большим, получит печать чиновника (знак власти); изображение иероглифа шэн («возвышаться») – чтобы ребенок высоко поднялся по служебной лестнице.

Маленьких мальчиков часто одевали как девочек для того, чтобы обмануть духов болезни или смерти, которые, как верили родители, в таком случае пройдут мимо них. Суеверные родители,

боясь, что долгожданного и любимого мальчика будут преследовать болезни или даже похитит смерть, давали ему имя Ятоу (Служанка). Этим они как бы старались обмануть злых духов, показать, что ребенок им не дорог и они вроде бы не боятся его потерять.

Мальчики были предметом особой заботы в семье. Стремясь уберечь их от болезней, предохранить от нечистой силы и несчастных случаев, родители прибегали к самым различным амулетам и талисманам. Новорожденного предохранял особый амулет – «замочек ста семейств». После рождения сына отец обходил сто человек – родных и знакомых – с просьбой дать по одной или несколько медных монет. На собранные деньги он покупал замочек и вешал его на шею ребенку. Это означало: сто семейств заинтересованы в долголетии новорожденного.

Применялось и «треугольное заклинание»: лист бумаги с написанным на нем заклинанием складывался в форме треугольника и прикреплялся к одежде детей – так оберегали их от болезней и злых духов.

Самые распространенные амулеты, предохранявшие детей от болезней, имели форму тыквенной бутылки или меча, вырезанного из ивового дерева. В китайских аптеках лекарства обыкновенно хранились в сосудах, имевших форму тыквы: ей также приписывалась лечебная сила.

Девочкам вешали на шею мешочки, наполненные ароматическими травами. Такие мешочки вышивались искусными швеями и обычно были красного цвета, который надежно отпугивал злых духов.

Для предотвращения дурного влияния злых ду-

хов на детей применялись и другие меры. В комнату, где спал ребенок, ставили метлу или конский хвост; ребенок ночью будет спать спокойно и не станет кричать, если к дверям дома прикрепить бумагу с заклинанием такого рода: «Владыка неба, владыка земли, в моей семье ребенок кричит всю ночь. Почтенные прохожие, прочтите эту надпись, и мое дитя будет спать до утра».

У молодой невестки было одно-единственное средство облегчить свое положение в семье – родить сына. И вот она забеременела. Все ждут от нее сына, и сама она мечтает родить мальчика. И – о ужас! – на свет появляется девочка! Глаза матери наполнены горькими слезами, она не смотрит на маленькое существо. Свекровь в бешенстве, и даже муж, который вообще-то неплохо относится к жене, выглядит печальным и озабоченным.

Если жена рожала только девочек, то она считалась виноватой перед мужем, ибо обманула его надежды на продолжение рода. Неспособность жены родить сына давала право мужу брать в дом наложницу – это разрешалось законодательством. Вот один из рассказов на эту тему.

У богатого чиновника Чжана была жена по имени Лань, которая родила ему трех дочерей и ни одного сына. Муж был крайне недоволен женой, так как в семье не было наследника. После долгих дебатов было решено, что муж возьмет в наложницы служанку. Спустя некоторое время служанка родила от Чжана дочь. Это вызвало недовольство супружеской четы. Однако была предпринята еще одна попытка – на этот раз служанка родила мальчика. Лань была вне себя от радости – наконец-то у них будет наследник! Служанку через год убрали из семьи – она сделала свое дело и уже никому не была

нужна. Горе разлученной с ребенком матери никого не трогало.

Рождение детей на благо родителей считалось основной целью брачной жизни и, как думали верующие, обеспечивало старшему поколению загробный покой. Но не все дети могли впоследствии служить своим усопшим родителям. «Усопшему отцу, – говорилось в одной древней китайской книге, – может приносить жертвы старший сын его, деду – старший внук по прямой линии, прадеду – старший правнук по прямой линии». Девочка, когда придет время, станет невестой и уйдет в чужое семейство, поэтому она не сможет приносить жертвы усопшим родителям. «Выданная замуж дочь, – гласила старая китайская пословица, – то же, что вылитая вода», т. е. совершенно бесполезный для семейства человек. Только мальчику суждено было до конца дней пребывать в неразрывной связи со своими предками. Кроме того, родители рассчитывали получить поддержку в старости, что особенно важно для бедных семей, где каждый работник вносил свой вклад в благосостояние семьи.

Родители-бедняки, доведенные до отчаяния нуждой и лишениями, иногда умерщвляли своих малолетних дочерей. В провинции Фуцзянь, например, практиковался такой способ убийства: родители брали новорожденную девочку, погружали ее в лохань с холодной водой, и она там захлебывалась. Единственной причиной таких убийств была крайняя бедность. Понимая, что нет возможности приобрести приданое дочери, и не желая обрекать ее на горькое существование, полное лишений и бесчестья, родители предпочитали призвать на помощь смерть как единственное средство, избавлявшее дочь от несчастий в жизни.

В 1902 г. В. В. Корсаков писал: «Причинами детоубийства в Китае следует считать исключительную нищету и бедность родителей, а также и тот взгляд на девочку как на существо низшее, который существует повсюду в народе. Как ни бедны родители, но мальчика они берегут как будущего хранителя памяти предков и родителей; как ни тяжела жизнь семьи, на мальчика всегда возлагаются надежды, что он будет кормилец, ему, быть может, улыбнется счастье в жизни. Не то девочка: в бедной семье – это тягость, от которой, чем скорее избавиться, тем лучше».

Бедняку было трудно жениться: купить жену и справить свадьбу иногда стоило ему полного разорения. В народе говорили: «Не женился – один бедняк, женился – два бедняка, родился ребенок – три бедняка». Крестьяне боялись, что их маленький сын, когда вырастет, не сможет по бедности жениться, поэтому существовал обычай брать шести-семилетнюю девочку на воспитание в дом будущего мужа. Бывало и так: помолвленную девочку брали в дом, а ее будущий муж еще даже не появился на свет.

С такими девочками нередко обращались с особой жестокостью. В официальном донесении, присланном в начале XX в. на имя императора, сообщалось: шестилетней девочке за неопрятность будущая свекровь обожгла руку курительной свечкой. Когда же девочка закричала, ей кинули в лицо раскаленное железо и облили кипятком. От нанесенных увечий девочка умерла. В другом районе больную девочку задушили, чтобы не тратиться на доктора.

Ужасная бедность была причиной необычайно высокой смертности среди детей необеспеченных

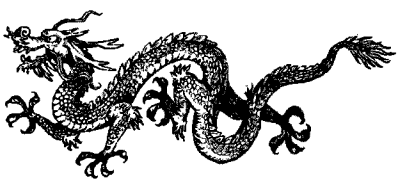
родителей, которые часто были не в состоянии даже надлежащим образом их похоронить.

Тяжела и беспросветна была жизнь китайской женщины. В народных сказаниях и песнях воспета ее горькая участь. В стихотворении «Плач души умершей девицы» есть такие слова: «При новом моем перерождении никоим образом не должна я возрождаться женщиной, ибо мать носила меня в утробе девять месяцев и в мучениях родила меня; в первом и втором году нянчила она меня, а на третьем – четвертом году отняла меня от материнской груди; в пять – шесть лет бегала я по улице; семи – восьми лет начали бинтовать мне ноги; девяти – десяти лет стала я понимать добро и зло; одиннадцати – двенадцати лет продали меня в дом терпимости; здесь в тринадцать – четырнадцать лет учили меня играть и петь, в пятнадцать – шестнадцать лет хозяйка принудила меня лишиться невинности. Когда я зарабатывала деньги, хозяйка радовалась, если не зарабатывала денег – била меня кожаной плетью. Получила я смертельную болезнь; три дня ничего не ела и сошла наконец в обитель ада. Поднимусь я в аду на башню и посмотрю, как люди несут мой труп. Раздели его донага, прикрыли его рогожкой и травой; на двух жердях несут мой труп четыре человека; вынесли да и похоронили; бросили и пошли по домам. Из-под рогожки с одной стороны торчат мои черные волосы, а с другой – красные шитые башмачки. Сверху черные вороны выклевывают мои глаза, а снизу черные псы разрывают мою грудь».

* * *

Несмотря на суровые нравы и обычаи, китайская семья отличалась удивительной жизнестойко-

стью в борьбе с невзгодами, а члены семьи – небывалой привязанностью к родному дому. Какое бы несчастье ни разразилось над китайской семьей, ее глава не падал духом, продолжал упорно трудиться, не теряя оптимизма, настойчиво искал выход из создавшегося положения. Под стать мужчинам были и женщины, которые с исключительной стойкостью и мужеством переносили боль, страдания и все превратности судьбы.



ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ

Главное внимание в школах феодального Китая уделялось заучиванию иероглифов. В китайском языке алфавита не существует: каждый предмет, каждое понятие выражается на письме особым знаком – иероглифом – или соединением нескольких иероглифов, которые составляются из различных черт и штрихов.

Современная иероглифика развивалась из рисуночного письма, иначе называемого пиктографией. Знаки рисуночного письма отражали внешний вид, форму отдельных предметов или явлений окружающей человека действительности. Постепенно упрощаясь и схематизируясь, рисунки превращались в систему идеографического письма, в котором каждый знак передавал самую общую идею обозначаемого им предмета, явления, понятия.

Общее количество китайских иероглифов доходит до 80 тысяч. Такая огромная цифра объясняется тем, что на протяжении многих веков существования иероглифической письменности китайские

писатели придумывали новые иероглифы, которые сохранились только в их произведениях. Так что целый ряд знаков, встречающихся в китайских словарях, совершенно не употребляется. Особенно отличались составлением новых иероглифов писатели и поэты династии Сун (X–XIII вв.).

Реально во всех видах текстов использовалось не более 10 тысяч иероглифов. Для чтения древних конфуцианских книг необходимо было знать до 7 тысяч знаков.

Китайские иероглифы трудны для написания: каждый из них состоит из нескольких черт (от одной до 52). Наиболее употребительные две тысячи иероглифов имеют в среднем по 11 черт. Чтобы выучить такое количество письменных знаков и запомнить порядок их начертания, требовалось огромное напряжение памяти.

В начале XX в. в Китае одновременно существовали два письменных языка – байхуа и вэньянь, оба иероглифические, но вместе с тем сильно друг от друга отличающиеся. Байхуа – литературный язык, основанный на нормах разговорной речи и поэтому понятный широким народным массам. Слова в байхуа, как правило, двусложные. Вэньянь – архаичный литературный язык, слово в нем состоит из одного слога, которому соответствует знак иероглифической письменности. Вэньянь основан на нормах древнего языка и воспринимается не на слух, а только зрительно. На вэньяне написаны все конфуцианские книги.

«Литературная революция» 1919 г. в Китае привела к широкому распространению байхуа, который исходит из норм разговорного китайского языка и отражает лексические и грамматические особенности последнего.

Прогрессивные деятели Китая не раз выступали за упрощение и реформу китайской письменности, которая создавала большие трудности на пути приобщения трудящихся к культуре. Об этом великий китайский писатель Лу Синь говорил: «У нашей китайской письменности помимо социально-экономических ограничений для народных масс есть еще одна высокая преграда – ее трудность. Если не заниматься иероглификой больше десяти лет, трудно преодолеть эту преграду. Только сравнительно небольшой круг ученых преодолевает эту преграду, но, преодолев ее, они стремятся к тому, чтобы письменность стала еще более трудной – для того, чтобы создать себе исключительное положение в обществе...»

Широкое распространение получила в Китае пословица: «Почерк – картина души», ибо он отражает характер пишущего, выражает его чувства и мысли. Именно поэтому каллиграфия приравнивалась к таким видам искусства, как поэзия и живопись.

Китайская каллиграфия представляла специфический вид изобразительного искусства. С давних пор китайцы были поклонниками этого вида искусства. Человек, мастерски владевший китайской кистью, вызывал всеобщее восхищение. Каллиграфы наравне с живописцами и другими художниками пользовались большим уважением. Существовала тесная связь между каллиграфией, литературой и живописью. Знаменитые каллиграфы, как правило, были одновременно поэтами и живописцами. В домах китайских чиновников и интеллигентов часто можно было увидеть на стенах окантованные работы известных каллиграфов рядом с произведениями мастеров живописи

и графики. В городах многие вывески магазинов были написаны художниками-каллиграфами. В начале века в Пекине, например, на некоторых старых магазинах сохранились вывески, написанные знаменитыми каллиграфами, жившими 400–500 лет тому назад. Рукописи таких корифеев ценились наравне с самыми лучшими картинами.

Выработка каллиграфического почерка зависела от гибкости пальцев, поэтому каллиграф и писец постоянно перебирали правой рукой два шарика (диаметром 1–2 сантиметра), не давая пальцам «застыть».

Каллиграфия считалась одним из шести искусств, в число которых входили также этикет, музыка, стрельба из лука, управление лошадьми и искусство счета. Изящно написанные сложные иероглифы вызывали мистическое чувство благоговения, особенно у малограмотных и неграмотных.

Преклонение китайцев перед письменными знаками доходило порой до мистики. Китайский писатель Лу Синь по этому поводу заметил: «Так как письменность принадлежала только привилегированным классам, она была также освящена таинственностью». Так создавался фетиш китайской письменности: только она якобы открывает человеку глаза на мироздание, делает его мудрым и даже святым в глазах неграмотных и малограмотных.

В городах бумагу с напечатанными иероглифами собирали в специальные ящики и нарезанными полосками торжественно сжигали под наблюдением и с одобрения священнослужителей. Возле ящиков вешали обращения: «С уважением относитесь

к написанной бумаге». Считалось даже, что такая бумага оказывает лекарственное действие. Особое благоговение вызывала бумага с иероглифами, красиво написанными от руки. Конфуцианская мораль запрещала топтать ногами исписанную бумагу или что-либо в нее заворачивать – подобные действия рассматривались как неуважение к поучениям мудрецов.

Маньчжурские и китайские феодалы видели в самой трудности усвоения китайского языка доказательство его превосходства над другими языками. Существовало даже выражение «говорить на человеческом языке», т. е. «говорить по-китайски».

Если иностранец-китаевед в феодальном Китае обращался к китайцам на их родном языке, некоторые местные жители делали из этого вывод, что другие народы пользуются исключительно китайским языком.

Любопытный случай приведен в книге доктора П. Я. Пясецкого «Путешествие по Китаю». Переводчик русской экспедиции Шевелев, естественно, говорил с китайцами на их родном языке, и вот как местные жители реагировали на это: «Наивность некоторых из них доходила до больших размеров. Шевелеву случалось иногда обратиться с китайской речью к кому-нибудь из стоявших. Тот в первую минуту изумится, раскроет глаза, слушает, что говорит заморский человек, и потом, расхохотавшись чуть не до слез, объясняет своим соседям, что у заморских людей язык такой же, как у них, китайцев, что решительно все понимать можно: например, по-нашему фу-цинь (отец) и по-ихнему фу-цинь; по-нашему янь (табак) и по-ихнему янь и т. д.».

П. Я. Пясецкий попутно высказал следующую

мысль: «Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что язык и письмо были и остаются до сих пор гораздо более высокой и крепкой стеной, чем их Великая, каменная, – непреодолимой преградой, замыкающей в себе китайский народ. Я думаю, что эти две причины останутся надолго, если не навсегда, неустранимым препятствием к тесному сближению китайцев с другими народами». С таким выводом П. Я. Пясецкого, безусловно, нельзя согласиться: он опровергнут жизнью. Но его мысль о непреодолимой сложности китайского языка разделяли многие ученые и путешественники того времени.

Иероглифы писали кисточкой. Лучшие кисточки делали из щетины соболя и лисицы, более дешевые – из щетины оленя, кошки, волка, зайца, овцы или из перьев птиц. Пучок щетины крепко перевязывался ниткой, его основание обмазывали канифолью и вставляли в прорезь бамбуковой ручки, на пучок надевали наконечник-футляр. Кисточка имела конусообразную форму, на ручке ее иногда делалась инкрустация из серебра и золота, нефрита, хрусталя, глазури, панциря черепахи, слоновой кости или рога носорога.

Китайская тушь изготовлялась из сажи и клея. Сажу получали от сжигания тунгового, кунжутного и сурепного масел, а клей приготовляли из оленьей и коровьей кожи. Чтобы клей не портился и для придания блеска в этот состав добавляли яичный белок, мускус и сок различных растений. Хорошо перемешанную массу клали в искусно вырезанную форму, получая таким образом «кусковую» тушь. Тушь употреблялась не только для письма, ее применяли и в живописи, печатном деле, при ок-

раске зданий и дворцов; женщины красили тушью брови.

Тушь для письма наливалась в тушечницу, появление которой относится к очень давним временам. Самой обычной считалась каменная тушечница, она делалась из особого камня и имела форму прямоугольной плитки с углублениями для воды и туши. Лучшие тушечницы хранились в футлярах, сделанных из цветных пород дерева (сандала и груши).

Тушечница, традиционный письменный прибор, наряду с тушью, кистью и бумагой обязательно стояла на столе у каждого грамотного человека. Первые тушечницы появились в Китае более 6 тысяч лет назад. При династии Хань на каменных тушечницах выполнялись рельефные рисунки и орнаменты – так тушечница стала не только письменной принадлежностью, но и предметом искусства.

Писать иероглифы красиво и изящно считалось большим искусством. Для этой тонкой работы нужно было иметь бумагу, тушь, кисточку и тушечницу. Все эти предметы и само искусство каллиграфии были объектами своеобразного культа в кругах интеллигенции. Китайский поэт Су Цзымэй (XI в.) говорил, что «светлое окно, чистый стол, прекрасная кисть, тушь, бумага и тушечница доставляют эстетическое наслаждение».

В китайском языке существовало даже выражение «четыре драгоценности»: библиотека, тушь, бумага и кисточка с тушечницей. Состоятельный человек имел кабинет-библиотеку, где хранились конфуцианские книги. Это считалось признаком учености и мудрости, ибо через книги хозяин кабинета «советовался» с мудрецами.

* * *

В период маньчжурского господства школы в Китае были двух типов: частные и государственные. Последние подразделялись на школы первой ступени, которые функционировали в деревнях, а также уездные и провинциальные школы второй ступени. Обучение в школах было платное и продолжалось круглый год, с небольшим перерывом на время новогодних праздников. Учились только мальчики, девочек в школу не принимали – они получали воспитание в домашних условиях.

В сопровождении отца 7–8-летний мальчик, одетый в праздничный костюм, переступал порог школы, имея при себе кисточку для писания иероглифов, тушь и тушечницу. Прежде всего его заставляли поклониться изображению Конфуция и учителю, который становился духовным наставником школьника на все годы обучения. В честь учителя зажигали курительные свечи и троекратно низко кланялись ему – этим выражали уважение и готовность к беспрекословному повиновению. После этого церемониала учитель вместо «молочного имени» давал мальчику «школьное имя» (по-китайски сюэмин: сюэ – «учеба», мин – «имя»). Весьма распространены были такие имена: «Сметливый в грамоте» и «Первый в учении».

Уже на первом году обучения школьнику вручали в качестве учебника книгу «Троесловие» («Саньцзыцзин»). Такое название книга получила потому, что каждая строфа в ее тексте состояла из трех иероглифов. В «Троесловии», написанном в XIII в., кратко излагается сущность конфуцианской морали, прославляются древние мудрецы, упоминаются важнейшие исторические события.

Ученик обязан был заучить наизусть рассужде-

ния такого рода: «Существуют три категории отношений: между государем и чиновником, отцом и сыном, мужем и женой; первые основываются на справедливости, вторые – на любви, третьи – на покорности». Или другое: «Любовь отца и сына, согласие супругов, дружелюбие старшего брата, уважение со стороны младшего брата, порядок в отношениях между старыми и молодыми, между друзьями и товарищами, уважение со стороны государя, преданность со стороны чиновника – вот общие обязанности всех людей».

Затем школьники переходили к зазубриванию другого старинного текста «Байцзясин» («Фамилии ста семей»), написанного в X в., т. е. на триста лет раньше, чем «Троесловие». Текст «Байцзясин» – это зарифмованный список часто встречающихся китайских фамилий.

Покончив со списком фамилий, ученики приступали к заучиванию «Тысячесловника» («Цяньцзывэнь»). Этот текст написан в VI в. и состоит из тысячи иероглифов, из которых ни один не повторяется. Всю тысячу иероглифов надо было твердо знать наизусть. Текст разбит на 250 строк по четыре знака в строке.

Затем нужно было штудировать «Книгу о сыновнем благочестии» («Сяоцзин»). В понятие «сыновнее благочестие» вкладывался широкий смысл: имелась в виду и любовь сына к отцу, и выражение верноподданнических чувств к государю.

Обучение в начальной школе продолжалось семь-восемь лет. Школьник успевал вызубрить 2–3 тысячи иероглифов и приобрести самые элементарные сведения по арифметике и китайской истории. О скудости получаемых знаний можно судить хотя бы по тому, что даже в XIX в. китайские уча-

щиеся ничего не знали о других странах, в том числе и о тех, которые граничили с Китаем. Ученикам внушалась мысль, что «Китай есть весь мир». Естественные и точные науки игнорировались. Было распространено мнение, что изучение математики недостойно ученого, ибо математика – принадлежность ремесленника.

О требованиях, предъявлявшихся к переступившим порог начальной школы, можно судить по школьному уставу, которым в XIX в. руководствовались учителя. Вот некоторые его параграфы.

«Все воспитанники приходят в школу с рассветом. Войдя в училище, нужно приветствовать вначале Конфуция, а потом учителя.

При уходе из школы нужно поклониться Конфуцию и учителю так же, как утром. Никто, какого бы ни был возраста, не исключается из этого правила.

Придя домой, нужно приветствовать сперва домашних духов, потом своих предков, а затем отца, мать, дядей и теток.

Ученик должен любить и сохранять свои книги от повреждения.

Выйдя из школы, каждый ученик идет своей дорогой. Всякие сборища для игр запрещаются.

Вещи, употребляемые в школе, ограничиваются учебными книгами и принадлежностями: бумагой, тушью, кисточкой и тушечницей. Всякая увеселительная книга препятствует прилежному учению и не должна быть терпима в школе, равно как излишние деньги и игрушки.

Ученик, сидя на своей скамье, должен сохранять приличный вид: не класть ногу на ногу, не озираться направо и налево. На улице ученик не позволяет себе бросаться черепицами, прыгать и

Поклон Конфуцию и учителю

резвиться, он должен идти смирно и ровным шагом».

Мальчики направлялись в школу с восходом солнца и просиживали за книгой целый день, отдыхая только во время обеда. Учились зимой, сидя в холодном классе, учились и летом, когда в школе трудно было дышать от жары. Как же проходил длинный учебный день в китайской школе прежних времен? Раннее утро. Наступает время занятий, школа начинает наполняться учениками, возраст которых различен – от семи до двадцати лет. В классной комнате – изображение Конфуция с изречением: «Человеколюбие, долг, соблюдение мо-

ральных норм, знание, верность – пять главных добродетелей. Их должен соблюдать каждый». Здесь же рядом можно прочитать и другое изречение: «Есть три главные силы: Небо, Земля, Человек».

Каждому школьнику полагался продолговатый столик с двумя выдвижными ящиками для книг и бумаги и высокий деревянный стул. В первый день занятий мальчики гурьбой бросались в класс и занимали места по своему выбору. В классе стоял шум детских голосов. Но вот появлялся учитель, и мгновенно все стихало. Он молча садился за стол, на котором были расставлены тушечница, небольшая чашка для воды, чтобы разводить тушь, чайник и две или три пиалы. Тут же на видном месте лежала толстая бамбуковая палка – символ его власти и средство воздействия на нерадивых.

Взоры учеников с любопытством и страхом были устремлены на учителя: что он за человек, злой или добрый, строгий или ласковый? Но он не произносил ни звука, и лицо его сохраняло неподвижное выражение. Сказать детям хотя бы одно дружеское слово и проявить при виде их радость считалось для учителя недопустимым. Это значило бы нарушить все школьные традиции. Поступив так, учитель показал бы свою слабость и подорвал бы свой авторитет в глазах учеников.

– Каждый раз, когда вы будете приходить в школу, – слышался его строгий голос, – поклонитесь изображению Конфуция и мне и только после этого можете занять свое место. Я теперь для вас отец и дед. Обязанности людей таковы: для старшего доброта, для младшего послушание...

Учитель по очереди вызывал к столу каждого ученика, задавал урок и отсылал на место. Все это

время он сохранял суровый и строгий вид, способный навести страх даже на самых бойких мальчиков.

Ученики, получив задание, усаживались на свои скамейки и открывали книги. Урок начинался. Казалось бы, в классе должна воцариться тишина. Но ничего подобного! В одном углу раздавался тоненький пронзительный голосок, ему вторил глухой бас из другого угла класса. Постепенно один за другим голоса учеников сливались в общий гул, который наполнял всю комнату. И каждый старался перекричать соседа.

Незнакомому с методами заучивания текстов конфуцианских книг подобная обстановка в китайской школе показалась бы необычной. Однако на искушенных людей такая какофония производила иное впечатление: они считали ее мелодичной и разумной, находили в ней особую прелесть. Дело в том, что в фонетическом отношении китайский язык своеобразен: в нем много односоставных слогов (а, и, ю, у), а полный китайский слог содержит максимум четыре звука (цань, цзин, куан), причем общее количество слогов крайне ограниченно (в пекинском диалекте насчитывается всего лишь 420 слогов). Омонимичность китайского языка в известной мере восполняется присутствием в нем особых тонов. В пекинском диалекте таких тонов четыре: 1) ровный, 2) восходящий, 3) нисходящий, 4) отрывистый. Тот же самый слог, произнесенный с другой интонацией, имеет иное значение. Например, *ма* в первом тоне – мать; *ма* во втором тоне – пенька; *ма* в третьем тоне – лошадь; *ма* в четвертом тоне – браниться. Различать значение слов по тонам не так-то просто: для этого необходима длительная тренировка. От учеников требовалось так-

же зубрить тексты древних конфуцианских книг. Понятно, что заучить наизусть текст без неоднократного повторения вслух невозможно. Вот почему в классных комнатах китайской школы стоял такой шум.

Школьник трудился с утра и до позднего вечера, здесь же, в школе, готовились задания на следующий день. Он не знал ни праздничных дней, ни школьных игр во время отдыха. Школа – для учебы, твердили китайские учителя, а всякое развлечение мешает занятиям. Поэтому отдыхать ученики могли только во время еды.

Сельская школа представляла собой один общий класс, в котором одновременно учились мальчики и юноши. Единой учебной программы не было – каждый ученик проходил индивидуальный курс обучения сообразно со своими способностями.

Занятия были организованы так: учитель давал задание, а затем вызывал всех по очереди для опроса и проверки. Пока он проверял знания одного ученика, остальные занимались самостоятельно. Ученик отвечал учителю, повернувшись к нему спиной (чтобы не смог заглянуть в тексты, лежавшие на учительском столе).

Общепринятый способ обучения, который предполагает использование простых и доступных методов, рассказов из жизни детей, веселых историй, считался в старой китайской школе аморальным и вредным. Детской литературы, как таковой, в Китае не было. У педагогов не возникало мысли составить такие учебные пособия, которые были бы доступны пониманию ребенка и могли бы его заинтересовать.

Если ученик не понимал содержания зазуб-

ренного, это никого не беспокоило. Важно было, чтобы он знал наизусть, без запинки конфуцианские книги. Они не давали знаний о природе и обществе, их предназначение было иное: привить людям определенные моральные качества – чувство сыновней любви, почтительность, верность долгу и прилежание, преданность императору. Система обучения не менялась из века в век.

В. В. Корсаков в книге «В старом Пекине» так описал китайскую школу: «Ребенок сразу садится за книжный язык, все изучение которого состоит в заучивании наизусть десятков, сотен, тысяч фигурных знаков, ни смысла, ни значения которых большею частью он не понимает. Когда запас иероглифов достаточен, ребенку дают заучивать наизусть изречения китайских философов, и на первом месте Конфуция.

Таким образом, ученики способные, т. е. обладающие хорошей памятью, идут вперед, в глубину того мрака, в котором не проскользнет даже слабый луч современного знания, современной живой мысли».

Ученик должен был не задумываясь воспринять изречения древних китайских мудрецов как аксиому и глубоко запечатлеть их в своем сознании. Всякое критическое осмысление текста или переоценка событий китайской истории считались неслыханным богохульством, попыткой потрясти основы общества и внести смуту в сознание народа. Все это строго пресекалось в самом зародыше.

Для иллюстрации приведем эпизод из школьной жизни великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена.

Однажды после очередного монотонного зазубривания и утомительного записывания изречений

древних китайских мудрецов маленький Сунь осмелился спросить учителя:

– Я не понимаю заученного. Что за смысл в этом монотонном чтении? Почему я должен зубрить все это?

За свою долгую жизнь учитель не слыхал таких вопросов. Он был поражен и разгневан неслыханной дерзостью ученика. Его рука машинально потянулась к бамбуковой палке, которой наказывали непослушных. Однако Сунь считался лучшим учеником в школе, поэтому подобная мера не была бы понята остальными учениками. К тому же отец Суня был старостой деревни. Эти соображения удержали учителя от применения физической силы. Все еще размахивая бамбуковой палкой, он закричал:

– Что это значит? Ты ругаешь китайских мудрецов?

– Нет, – ответил Сунь. – Я не ругаю китайских мудрецов. Но почему я должен день за днем зубрить их изречения, не понимая смысла?

– То, что ты говоришь, направлено против изучения мудрости древних, – не унимался учитель.

– Я не понимаю того, что прочитал, – настаивал на своем маленький Сунь. – Помогите мне понять смысл прочитанного.

И, как ни противился учитель, он вынужден был отступить перед убедительными доводами мальчика. Это был исключительный случай: учитель впервые встретил в своей школе такого любознательного и настойчивого ученика.

* * *

Основу духовного воспитания в маньчжурском Китае составляли классические конфуцианские книги, написанные или составленные, если верить

традиционным представлениям, Конфуцием и его последователями. Наиболее важными из них считаются девять основных канонов, известных под общими названиями «Четырехкнижие» и «Пятикнижие». Человек признавался высокообразованным в том случае, если он хорошо знал содержание всех девяти классических книг.

Чтобы дать читателю представление о том, в чем состояло существо воспитания и обучения в китайской феодальной школе, следует хотя бы вкратце и в самом общем виде рассказать о содержании девяти классических канонов конфуцианства. Речь пойдет не о научной оценке роли этих письменных памятников в многовековой истории китайского народа – это особая тема исследований ученых-китаеведов. Мы ставим перед собой иную задачу – в самом общем виде рассказать о содержании классических конфуцианских книг.

В «Четырехкнижие» входят каноны «Лунь-юй», «Да-сюэ», «Чжун-юн» и «Мэн-цзы».

«Лунь-юй» («Рассуждения и беседы»). В книге изложены взгляды Конфуция по вопросам этики, морали и управления государством, раскрываются его представления о небе как олицетворении разума, целесообразности и высшей справедливости.

Беседы и высказывания Конфуция были записаны его учениками и собраны в отдельную книгу после смерти учителя, поэтому изложение порой носит отрывочный характер.

В обществе каждый человек должен знать свои предопределенные небом обязанности и исполнять их. Это коренное положение конфуцианства было оформлено в известном изречении Конфуция: «Пусть отец будет отцом, сын – сыном, государь – государем, подданный – подданным». Признавая

за монархом его установленное небом высокое положение, Конфуций в то же время требовал от государя соблюдения соответствующих моральных норм, что нашло отражение в таком предписании: «Правитель народа должен благодетельствовать без расточительности; облагать народ повинностями, не возбуждая его ропота; удовлетворять свои желания, не впадая в алчность; сознавать свои достоинства и не быть гордым; сохранять величие и не быть надменным; заботиться о доставлении народу всего, что может служить ему на пользу, – разве это не значит благодетельствовать без расточительности? Если народ облагается повинностями, истинно необходимыми, то кто будет роптать? Когда желания основываются на человеколюбии и, как таковые, осуществляются, то разве это будет алчностью?»

В «Лунь-юе» сравнительно полно изложено этико-политическое учение Конфуция. Эта книга – важнейший источник знаний о древнем конфуцианстве – вплоть до начала XX в. была основным учебным пособием в китайских школах; книгу заучивали наизусть и руководствовались в жизни ее наставлениями. В течение почти двух тысяч лет влияние «Лунь-юя» на все стороны духовной жизни китайского народа было огромным.

Книга «Да-сюэ» («Великое учение») представляет собой трактат о совершенствовании личности, об устройстве государства, семьи и дома и об управлении империей. В трактате сформулированы идеи Конфуция о самоусовершенствовании человека, которое необходимо для правильных взаимоотношений в государстве и семье. Вот что говорится в этой книге: «Великое учение имеет своей задачей раскрыть сущность естественного закона и показать людям, что их назначение заключается в самоусо-

вершенствовании... Древние государи, желая раскрыть сущность естественного закона, заботились прежде всего о хорошем управлении государством; желая хорошо управлять государством, старались сперва благоустроить свои семейства; желая благоустроить свои семейства, заботились сперва об исправлении самих себя; желая исправить самих себя, заботились сперва о прямоте своей души; заботясь о прямоте своей души, старались сперва сохранить чистоту своих намерений; желая сохранить чистоту своих намерений, старались сперва составить верное понятие об истинно нравственном; составить верное понятие об истинно нравственном – значит постигнуть коренные принципы действий... Для всех людей, без различия их положения, существует одна и та же обязанность: это нравственное совершенствование...»

В трактате доказывается, что всякий человек, честно выполняющий все эти требования, может сделаться в конце концов хорошим правителем не только своего дома или небольшого удела, но и всей империи.

В книге «Чжун-юн» («Соблюдение середины») развивается учение Конфуция о том, что каждому человеку следует стараться согласовать свое поведение с законами природы; он должен сохранять гармонию души и не вдаваться в крайности. В «Чжун-юне» говорится: «Состояние души, не возбужденной радостью, гневом, печалью, называется состоянием равновесия. Состояние души, в которой родились радость, гнев или печаль, но не достигли еще крайней степени, называется гармонией... Когда равновесие и гармония существуют нерушимыми, тогда небо и земля находятся в состоянии совершенного спокойствия и все существу-

ющее может достигнуть своего развития». И далее: об обязанностях государя: «Государь должен заботиться о самоусовершенствовании; заботясь о самоусовершенствовании, должен стараться исполнять обязанности в отношении своих родителей; должен знать добродетельных людей, чтобы чтить их и пользоваться их наставлениями; желая знать добродетельных людей, должен вникать в требования естественного закона».

Книга «Мэн-цзы» получила свое название по имени философа, жившего в IV–III вв. до н. э.

В книге даны рекомендации монархам, как управлять народом, «сообразуясь с правдой и справедливостью». По словам Мэн-цзы, дурной монарх может быть лишен трона и власть его может быть передана другому, более добродетельному. В этом сочинении подробно рассматриваются людские добродетели, в особенности человеколюбие и справедливость. Другая любимая тема Мэн-цзы – рассуждения о добром начале в природе человека. Вслед за Конфуцием Мэн-цзы утверждает, что человек рожден для праведной жизни. Это положение он старается доказать следующим образом: в каждом человеке можно встретить задатки по крайней мере четырех добродетелей. Первая – сострадание, вторая – милосердие, третья – почтительность, четвертая – способность руководствоваться в своих поступках справедливостью. Мэн-цзы утверждает, что если бы люди предоставили свободно развиваться в себе этим четырем заложенным в них качествам, то во всем мире царили бы добро и правда. «Благородный муж», изображенный Конфуцием, был привлекателен и для Мэн-цзы как олицетворение пяти основных, или вечных, добродетелей: человеколю-

бия, долга, соблюдения моральных норм, знания, верности.

Мэн-цзы развил конфуцианское учение о «небесном мандате», согласно которому не только небо может лишить императора права на управление страной, но это могут сделать и его подданные. Вот как говорится об этом в книге «Мэн-цзы»: «То не было убийством государя подданным, то было казнью тирана, забывшего милосердие и поправшего справедливость».

Порицая правителей и чиновников, призывая их к человеколюбию и добродетели, Мэн-цзы вовсе не думал об изменении несправедливого общественного строя. Наоборот, он считал установившуюся иерархию в обществе вполне закономерной и не подлежащей изменению.

Учение Мэн-цзы способствовало дальнейшему развитию конфуцианства и превращению последнего в стройную систему взглядов, принятую позднее, почти через двести лет, в качестве идеологии господствующего класса.

Конфуцианское «Четырехкнижие» было главным предметом официального образования. Учение, изложенное в этих трактатах, считалось священным, малейший отход от него сурово карался. Канонизированные конфуцианские тезисы (а также комментарии к ним, сделанные еще в XII в. философом Чжу Си) были приняты за норму, и неукоснительное знание их требовалось при сдаче экзаменов для поступления на государственную службу.

К «Пятикнижию» относятся: «Ши-цзин», «Ли-цзи», «Шу-цзин», «И-цзин» и «Чунь-цю».

«Ши-цзин» («Книга песен») – наиболее ранний сборник жемчужин китайской поэзии. В «Ши-

цзин» вошли 304 стихотворения, часть которых представляет собой народные песни Древнего Китая. Эти произведения созданы с XI по VII в. до н. э. Это была эпоха крушения родового строя, возникновения и развития классовых отношений.

Стихотворения и песни, собранные в «Шицзин», делятся на четыре раздела: «Нравы царств» («Гофын»), «Малые оды» («Сяо-я»), «Великие оды» («Да-я») и «Гимны» («Сун»).

Во многих песнях первого раздела выражаются гневный социальный протест, острая критика общественных отношений, ненависть к жестоким правителям. Некоторые песни второго раздела, созданные придворными стихотворцами, предназначались для разных торжественных церемоний. В других звучат мотивы недовольства политикой правителей и их приближенных. Третий раздел состоит из более крупных по объему поэтических произведений, часто связанных с конкретными историческими событиями. Песни четвертого раздела, исполнявшиеся в храмах, прославляют такие качества правителя, как благочестие, сила, доблесть; в них содержатся пожелания долголетия и здравия правителю.

«Ли-цзи» («Книга ритуала»). В Древнем Китае, как говорилось выше, большое значение придавалось всевозможным церемониям, обрядам, правилам поведения, которые были изложены в этой книге.

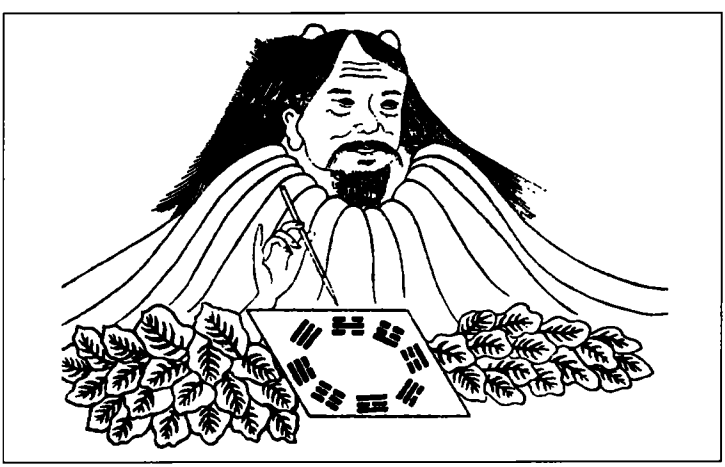
«Пятидесятилетний имеет право опираться на посох в своем доме; шестидесятилетний – в пределах своей волости; семидесятилетний с посохом может представляться ко двору».

«Когда хотят строить дворец, то сперва строят храм предков, потом кладовую храма предков, на-

конец, уже жилые комнаты. Прежде чем строить дом, делают жертвенную утварь. Никто не может продавать жертвенную утварь, хотя бы и находился в бедности; не может надевать жертвенного одеяния, хотя бы и испытывал холод; не может рубить могильные деревья, даже если хочет построить дом и имеет нужду в древесном материале».

Правила, записанные в «Ли-цзи», столетиями внедрялись в сознание китайцев. «И если знание этой книги, – писал немецкий китаевед В. Грубе, – распространено в Китае, быть может, не в такой степени, как знакомство с другими каноническими и классическими книгами, которые всякий образованный человек знает наизусть почти целиком, то она вошла в плоть и кровь китайцев больше, чем все другие».

«Шу-цзин» («Книга истории»). В отличие от «Книги песен» «Книга истории» написана ритмической прозой. В ней излагается история Китая от



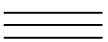
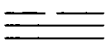
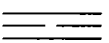
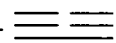
Так изображали легендарного Фу Си – изобретателя китайских иероглифов

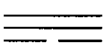
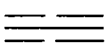
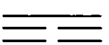
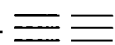
легендарного правителя Яо до первых правителей эпохи Чжоу. Однако главное место отводится не собственно историческому повествованию, а беседам легендарных правителей Яо, Шуня и Юя и правителей Древнего Китая о сущности государственного управления. Мудрые речи, наставления и предписания вложены в уста монархов и их советников.

«И-цзин» («Книга перемен») относится к самым древним письменным памятникам Китая. Полная туманных и загадочных изречений, «Книга перемен» трудна для понимания; ею обычно пользовались оракулы и прорицатели, когда предсказывали судьбу человека. Язык «Книги перемен» представляет собой специфический язык прорицателей и предсказателей. В основе книги «И-цзин» лежит учение о восьми триграммах (багуа), состоящих из параллельного начертания целых и прерывистых линий. По преданию, легендарный правитель Фу Си однажды увидел, как из реки Хуанхэ вышла на берег чудовищная черепаха, на спине которой были какие-то странные знаки: сплошные (_____) и прерывистые (_____ _____). Вглядываясь в эти знаки, обдумывая движение небесных светил и законы земли и наблюдая следы птичьих лап, Фу Си составил восемь триграмм, из которых каждая имеет три черты, сплошные и прерывистые. Сплошная черта символизирует силу света (ян), солнце, мужское начало; прерывистая черта – силу тьмы (инь), луну, женское начало. Триграмма цянь (небо) состоит только из сплошных черт, а триграмма кунь (земля) – только из прерывистых. Эти триграммы были символами наиболее явной противоположности – света и тьмы, активного и пассивного, положительного

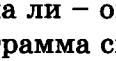
и отрицательного начал. Названные символы связывались с явлениями природы, из которых небо и земля были выделены как первоисточники, при их взаимодействии рождались все вещи и явления мира.

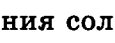
Они были расположены в такой последовательности:

1 –  2 –  3 –  4 – 

5 –  6 –  7 –  8 – 

1. Триграмма цянь означает небо; 2) триграмма дуй – водоем; 3) триграмма ли – огонь; 4) триграмма чжэнь – гром; 5) триграмма сюнь – ветер; 6) триграмма кань – вода; 7) триграмма гэнь – гора; 8) триграмма пунь – земля.

Триграммы графически символизируют время года в зависимости от движения солнца и луны. Так, на третий день каждого лунного месяца луна впервые становится видимой, когда она освещается солнцем. Это показано в триграмме  : две прерывистые линии сверху символизируют луну (пассивную силу инь) и одна сплошная линия под ними – солнце (активная сила ян). Наступают сумерки на западе.

На восьмой день лунного месяца луна более ярко освещается солнцем, и это изображается так: – две сплошные линии ян (солнце) освещают лишь одну прерывистую линию инь (луну). Наступают сумерки на юге. На пятнадцатый день лунного месяца луна становится полной, хорошо освещается солнцем, и это символически обозначено так:  , т. е. тремя сплошными линиями ян. Наступают сумерки на востоке. На ше-

стнадцатый день лунного месяца луна, слабо освещаемая солнцем, становится тусклой, и это символически показано так: ⚊ ⚋ ⚊ ⚋ ⚊ . Она скрывается из виду на юге. На тридцатый день лунного месяца луна становится совершенно темной, и это обозначается триграммой ⚋ ⚋ ⚋ . Луна скрывается на севере. Триграмма ⚊ ⚋ ⚋ ⚊ ⚋ ⚋ означает «сущность луны»; триграмма ⚋ ⚊ ⚋ ⚊ ⚋ ⚊ сияние солнца; триграмма ⚊ ⚊ ⚋ ⚋ ⚊ ⚊ означает наступление темноты.

Восемь триграмм (ба-гуа) широко использовались прорицателями, гадателями и служителями культа, когда к ним обращались верующие.

Если верить старинному китайскому словарю «Шо-вэнь», на основании комбинаций этих черт Фу Си составил первые иероглифы китайской письменности.

Основная идея «Книги перемен» – изменчивость всего существующего – свидетельствует о наличии в ее натурфилософской концепции элементов диалектики. Процесс изменчивости изображен в ней как результат взаимодействия и взаимостолкновения двух космических сил – силы света (ян) и силы тьмы (инь). Эти силы со временем стали важнейшими категориями китайской натурфилософии и вошли как в конфуцианство, так и в даосизм.

«Чунь-цю» («Весна и осень»). Предполагается, что из всех канонов «Пятикнижия» только эта книга написана самим Конфуцием. «Чунь-цю» – летопись событий, происходивших с 722 по 479 г. до н. э. на родине Конфуция, в царстве Лу. Текст книги подразделяется на 64 раздела и состоит из очень коротких сообщений о событиях в царстве Лу и других княжествах Китая. При этом самим способом изложения материала одобряются либо порицаются действия правителей. В лаконичных записях

«Чунь-цю» нашли отражение такие события, как войны между княжествами, союзы между ними или их расторжение, убийство одних князей и возвышение других, землетрясения, солнечные затмения, стихийные бедствия и т. п.

Названные книги были основными учебными пособиями в школах феодального Китая, а изучение китайского литературного языка преследовало одну цель – научиться читать каноны. Грамотность отождествлялась со знанием конфуцианских книг, содержащих всю мудрость древних китайцев.

Несмотря на то что эти книги были трудны для усвоения, изложенные в них нормы поведения, принципы этики, морали, нравственности широко распространились в народе. Ведь взгляды конфуцианцев возникли не на голом месте: народные верования, обычаи и традиции существовали задолго до самого Конфуция. Конфуций и его последователи привели в систему и зафиксировали все эти нормы в канонах, сделав их достоянием последующих поколений через литературу, театр, искусство, народные былины.

На огромную роль конфуцианских книг в духовном формировании китайцев в свое время обращали внимание многие китаеведы. Дж. Макгован, например, отмечал: «Китайские классические книги могут быть названы священными книгами Китая. Это не следует понимать в том смысле, что они религиозные. На китайском языке существует множество книг с различным содержанием, но ни одна из них не имеет такого влияния или авторитета, как классические книги. Каждый китаец относится к ним буквально с благоговением: будь то идущий за плугом крестьянин, которому в молодости довелось только мельком взглянуть на них, или кули, во имя

сохранения жизни зарабатывающий ежедневно хлеб тяжелым трудом и не умеющий прочитать ни одной строчки; будь то блестящий ученый, достигший возвышения, славы и почета благодаря их изучению».

Смысл, язык и стиль классических книг были чрезвычайно трудны для восприятия даже сравнительно образованных людей, поэтому тексты сопровождались многочисленными комментариями, без которых их вообще невозможно было читать. Комментарии, составленные в разные эпохи, по-разному трактовали содержание канонов, но всех комментаторов объединяла защита конфуцианских идей. О своем пути к усвоению конфуцианских доктрин философ XVIII в. Тай Дунюань писал: «Классические книги содержат истину, которая достигает нашего сознания с помощью языка. Язык состоит из слов. Поэтому учащийся должен изучить слова, чтобы понять язык, и с помощью языка он может понять истину. Когда мне было 17 лет, я решил заняться поиском истины. И я знал, что ее нельзя найти нигде, кроме классических книг и учения Конфуция и Мэн-цзы.

Однако нельзя понять их языка, если мы не изучим прежде всего значение слов. В течение нескольких десятилетий я продолжал изучать слова и с их помощью – язык классических книг. Теперь я уверен, что, изучая таким методом язык, мы сможем познать истину, освещающую восхождение и падение династий, прогресс и регресс общества».

Хотя художественная литература и не входила в программу занятий в старой китайской школе, но многие юноши, научившиеся читать канонические тексты, постепенно знакомились и с любимыми китайским народом произведениями, в первую оче-

редь с популярными романами «Саньгочжи янь и» («Троецарствие»), «Хунлоумын» («Сон в Красном тереме»), «Сиюцзи» («Путешествие на Запад»), «Шуйхучжуань» («Речные заводи»). Такие люди с глубокими знаниями составляли численно небольшую передовую группу средневековой интеллигенции.

Образованные интеллигенты пользовались высоким уважением простого народа, потому что именно они считались истинными носителями конфуцианской морали. Глубокое уважение миллионов людей к знаниям отражено и в китайских пословицах: «Знание – сокровище, которое всегда при владельце»; «Чем растить сына неучем, лучше растить свинью»; «И золото имеет цену, знания же бесценны»; «Большие знания – богатство»; «Пища утоляет голод, знания излечивают от невежества».

По утверждавшейся столетиями традиции каждый образованный человек в Китае воспитывался на конфуцианских канонах, и нельзя было представить себе такой момент, когда изучивший эти книги со вздохом облегчения сказал бы: «Наконец-то я покончил с этим и теперь смогу перейти к изучению другой литературы». Для получения ученой степени необходимо было досконально выучить все те же тексты.

После начального курса обучения юноша мог, если родители имели на это средства, продолжать учебу в уездном и провинциальном училищах, где программа также основывалась на заучивании конфуцианских книг.

Овладение конфуцианской мудростью открывало путь к чиновничьей карьере, а следовательно, и к обогащению. Моральные и материальные стимулы толкали учащегося на преодоление са-

мых невероятных препятствий для того, чтобы стать ученым-чиновником. Понятно, что бедный крестьянин не мог позволить своему сыну долгие годы корпеть над изучением тысяч иероглифов и конфуцианских книг. Это мог сделать только состоятельный человек.

В возрасте 19–20 лет ученик считался подготовленным к государственным экзаменам. По закону к экзаменам допускались представители любых слоев общества, кроме детей цирюльников, актеров, проституток, содержателей публичных домов и слуг. Реальную же возможность предстать перед экзаменаторами имели, как правило, только богатые люди.

Во времена династии Цин существовали три ступени государственных экзаменов на замещение чиновничьих должностей: уездные, провинциальные и столичные.

Экзамены проходили сначала в уезде под наблюдением местного начальника. Выдержавший экзамен получал звание ученика (туншэн). Звание туншэн еще не считалось ученой степенью, оно лишь давало право сдавать дальнейшие экзамены на ее соискание. Только выдержавший еще одни, особые экзамены получал первую ученую степень – сюцай (официально эта ученая степень называлась шэньюань). Экзамены на степень сюцая проводились раз в три года в столицах провинций в специальных палатах под наблюдением опытных экзаменаторов и обставлялись весьма торжественно.

Чтобы получить ученую степень сюцая, соискатель должен был сочинить стихотворение в шестьдесят слов (с пятисложной или семисложной строкой), написать сочинение о каком-либо древнем

событии и трактат на отвлеченную тему с использованием цитат из классических канонов.

Ставшие сюцаями готовились к отборочным испытаниям на получение следующей ученой степени.

Требования к кандидатам на получение второй ученой степени, цзюйжэнь, были еще строже. Так, в 1890 г. экзаменовавшимся была предложена для сочинения тема: «Если ты станешь действовать, следуя примеру других, то будешь делать добрые дела и постоянно находить себе единомышленников. Из этого вытекает главная задача мудрецов – делать добро вместе с другими». Это отвлеченное изречение соискатель должен был пространно прокомментировать.

Обладатель ученого звания цзюйжэнь имел право на следующий год прибыть в столицу для экзаменов на третье, высшее ученое звание – цзиньши. Этот экзамен проходил два раза в шесть лет. Число выдержавших его в целом по стране было небольшим и колебалось от 300 до 350 в год. В 1890 г., например, выдержавших испытание насчитывалось 328 человек.

Дворцовые экзамены проходили под наблюдением самого императора. После них, в соответствии с теми результатами, которых добились экзаменующиеся, присваивались ученые степени. Сочинение, которое писалось во время дворцовых экзаменов, следовало строить по строгому шаблону. В одном из императорских указов конца XIX в. об этом говорилось:

«Сочинение на дворцовых экзаменах должно начинаться предложением: “Я слышал” или “Я отвечаю”. Вводный параграф должен иметь от четырех до восьми строк из 24 иероглифов каждая. Вто-

рой параграф должен начинаться фразой: “Я почтительно понимаю, что Ваше Величество...” Слова “Я почтительно понимаю” должны быть помещены ниже четвертой или восьмой строки. Если в вопрос включены подвопросы, на них надлежит отвечать по порядку. Первый ответ должен начинаться фразой: “С исключительным прилежанием изучая императорские указы, слуга Вашего Величества находит, что...” Затем должна следовать цитата из императорского указа. Все последующие ответы также должны начинаться с цитаты из императорского указа и препровождаться фразой: “Императорский указ также говорит...” Сочинение необходимо завершить словами: “Будучи неучем, лишенным опыта, слуга Вашего Величества едва ли может избежать высказать то, чего не следует говорить, и, следовательно, необдуманно обидеть Ваше императорское достоинство. Постоянно испытывая волнение, слуга Вашего Величества почтительно отвечает”. Слово “необдуманно” в заключительном параграфе должно быть внизу строки. Основная часть сочинения должна быть написана в двух параграфах. Слова “император”, “„императорский указ”, “императорское достоинство” должны быть написаны выше обычной строки. Не разрешаются исправления, добавления или пунктуация. Сочинение пишется предложениями, содержащими неизменно четыре и шесть иероглифов. Как минимум, сочинение должно иметь тысячу иероглифов, максимум не ограничен».

Выдержавший экзамен на степень цзиньши мог быть зачислен в Придворную академию (Ханьлинь юань). Звание академика считалось высшим ученым званием в цинском Китае. Академики выдвигались на высшие ступени чиновничьей иерархии,

получали ответственные посты и титул «историка императорского двора».

Сдававший экзамен должен был наизусть приводить цитаты из ветхозаветных канонов, ни на шаг не отходя от буквы устава, и комментировать тексты на основании определенных узаконенных источников. Чем больше приводилось точных цитат из классических книг, тем выше оценивалась работа. Излагая какую-нибудь мысль или рассуждение, соискатель обязан был сохранять древнюю фразеологию, избегая современных выражений и слов.

Работы, представленные на государственные экзамены, должны были быть написаны в традиционном стиле ба гу – «восьмичленного» сочинения, – сформировавшемся в XV в. и сохранившемся в Китае вплоть до окончательной отмены государственных экзаменов (1905 г.). Всего в сочинении, строго ограниченном определенным числом иероглифов, было восемь разделов: 1) тема; 2) разъяснение темы; 3) основные положения сочинения; 4) подход к изложению; 5) начало изложения; 6) середина изложения; 7) конец изложения; 8) заключение. Два главных раздела сочинения, содержавшие изложение основной идеи трактуемого канона, должны были состоять из четырех положений. Каждое из них заключало в себе тезис и антитезис, причем требовалось, чтобы фразы, в которых излагались эти противопоставления, точно соответствовали друг другу ритмически и синтаксически.

«Тема» включала две фразы, раскрывающие основное содержание сочинения. «Разъяснение темы» излагалось в трех-четырех фразах, здесь формулировалась цель сочинения. В разделе «Основные положения» предварительно в общих чертах

передавалось содержание всей работы. «Подход к изложению» связывал первые разделы с трактовкой самой разбираемой темы. И только четыре последних раздела представляли собой сочинение как таковое.

Древние китайские мыслители выражали свои мысли неясными, отвлеченными рассуждениями и встречными вопросами, прибегали к риторике и сложным аналогиям. Зафиксированные в литературных памятниках, их беседы и суждения часто можно было толковать по-разному. В последующем такая манера выражения мыслей стала стереотипом, считалась признаком учености и мудрости; она преобладала и в «восьмичленных» сочинениях.

Чтобы читатель мог конкретнее представить себе, какие работы писали экзаменующиеся, приведем выдержку из одного сочинения:

«Источником личного существования каждого человека являются его родители; отношения, установленные небом, – самые интимные отношения, и естественное чувство – самое глубокое чувство. Что дано всем людям небом в естественном чувстве, то обнаруживается без различия между благородным и неблагородным – единое чувство пронизывает всех. Мои мысли в настоящее время обращены к тому, кто занимает высокое положение и кто при этом может быть назван истинно хорошим человеком. Истинно хороший человек, занимающий высокое положение, должен быть глашатаем добродетели, а чтобы сделаться таковым, он должен начать с исполнения обязанностей в отношении своих собственных родителей».

В сочинении, написанном в стихотворной форме, экзаменующийся должен был продемонстрировать знание древней китайской истории, деяний

правителей и творений поэтов Древнего Китая. Сочинение писалось обязательно в стиле классической китайской поэзии. Для стихотворных сочинений давались, например, такие темы: «Описание дворца первого китайского императора Цинь Шихуана», «Описание башни бронзового павлина, воздвигнутой в период трех династий», «Гранатовое дерево во дворце» и т. д.

Соискатель, претендовавший на ученую степень, должен был прежде всего получить удостоверенное соседями свидетельство о своей правоспособности, где указывалось, что кандидат пользуется безупречной репутацией, не состоял под судом и что его предки в трех поколениях не принадлежали к числу лиц «непристойных профессий».

Экзамены проводились в специальных зданиях со множеством маленьких комнат. Три стены такой комнаты были глухие, а четвертая имела дверь и маленькое окно. Мебель в комнате ограничивалась двумя досками на кирпичных подставках: одна заменяла стул, другая – стол. Эти же доски на ночь превращались в кровати. В конце каждого коридора находилась будка для надзирателя, в обязанности которого входило наблюдение за экзаменующимися.

Рано утром в назначенный день соискатели в сопровождении родственников, друзей и слуг собирались у входа в экзаменационное помещение. Все экзаменующиеся должны были захватить из дома одеяло, продукты, чайные чашки и прочую хозяйственную утварь. Комнаты, где проводились экзамены, находились под строгой охраной, в них никто не имел права входить.

Чтобы предотвратить злоупотребления на экзаменах, обнародовались специальные правила, ко-

торые предписывалось соблюдать соискателям при входе в экзаменационные комнаты. Например, шляпы и халаты не должны иметь подкладки; подошвы туфель должны быть тонкими; разрешалось иметь только одно одеяло; сумка для бумаг не должна быть двойной; тушь должна быть в тонкой тушечнице, бамбуковая кисточка для писания иероглифов – пустой внутри, а вода – в фарфоровой посуде; все съестное – разрезано на куски; все предметы следует держать в корзинах, используемых в экзаменационных помещениях.

Перед тем как разместить по комнатам, будущих ученых тщательно обыскивали – проверяли, нет ли при них карманного издания классических книг. После обыска они являлись к экзаменаторам, и те вручали каждому лист бумаги с обозначением имени экзаменующегося и номера отведенной ему комнаты. Затем раздавали маленькие записочки с написанной красной тушью темой сочинения, чистую бумагу, тушь, тушечницу и кисточку. Соискатель мог по своему усмотрению распоряжаться временем: писать, размышлять, спать, но не имел права покидать отведенную ему комнату.

На третий день соискатель отдавал надзирателю написанное им сочинение, после чего мог покинуть крохотную келью. Отдохнув ночь дома или у знакомых, он возвращался для продолжения экзаменов. При этом вновь проводилась перекличка и предлагалась новая тема для сочинений. Над вторым сочинением экзаменующиеся работали три дня, после чего они опять оставляли «храм науки» на ночь, чтобы вернуться для последнего, третьего испытания. Длительное пребывание в крохотных, душных каморках заметно отражалось на здоровье

соискателей. Были случаи, когда самые слабые и истощенные во время экзаменов умирали.

В новелле «Что видел пьяный Ван Цзыань» писатель XVII в. Пу Сунлин выразил психологическое состояние соискателя, пишущего сочинения в маленькой комнате-келье экзаменационного двора: «Когда он только что туда входит, то напоминает голого нищего, несущего короб. Когда выкликают имена, то чиновник кричит, слушатели бранятся... Студент, словно преступник в тюрьме. Когда он приходит в свою келью, то что ни дыра – то высунута голова, что ни конура – то торчит нога... Студент походит тогда на замерзшую к концу осени пчелу.

Когда он выйдет с экзаменационного двора, настроение темным-темно. Небо и земля кажутся какого-то особого цвета, измененными. Студент похож тогда на большую птицу, выпущенную из клетки.

Но вот он начинает ждать экзаменационного объявления. Его пугают уже и трава, и деревья. Его сон полон причудливых фантазий. Стоит лишь ему представить на минуту, что желаемое достигнуто, как в одно мгновение вырастают перед ним терема, залы, хоромы. Вдруг, наоборот, придет ему в воображение картина потери надежд – и сейчас же тело и кости сгнили. В эти дни, гуляет ли, сидит ли он, ему трудно сохранить спокойствие, и студент напоминает мне обезьяну на привязи.

Вдруг влетает верховой с вестями. А на листе меня-то и нет! И тогда все настроение резко меняется. Весь я как-то деревенею, словно умираю... совсем как муха, нажравшаяся яду: как ни трогай ее – не чувствует».

Маньчжурские власти стремились проводить государственные экзамены с максимальной торже-

ственностью и помпезностью. В сатирическом романе У Цзинцзы «Неофициальная история конфуцианцев» (XVIII в.) эта сторона экзаменов изображается так: «Сначала перед экзаменационным двором выстрелят три раза и откроют ворота на улицу, еще три раза – и распахнутся Драконовы ворота... Всего девять выстрелов... Письмоводитель из административной палаты опустится на колени и будет молить императора Гуаньди, укротителя духов трех миров, сойти в зал для изгнания нечистой силы, а потом попросит телохранителя бога генерала Чжоу Цана следить за порядком на экзаменах. Зонты уберут, и правитель области совершит поклонение, письмоводитель из административной палаты снова опустится на колени и начнет молить бога литературы Венчана и покровителя наук Цзы Туна возглавить экзамены, а духа Куйсина – озарить экзамены своим светом».

Как ни старались власти создать на экзаменах видимость объективности, с ними всегда было связано немало злоупотреблений. Так, за кандидатов из богатых семей сочинения часто писал какой-нибудь студент вне экзаменационного здания. Для того чтобы передать это сочинение находившемуся «в заточении» абитуриенту, подкупались стражники или надзиратели. Самые состоятельные кандидаты давали взятки даже главному экзаменатору, который, как правило, носил очень высокий сан. Бывали случаи, когда богатый соискатель ученой степени, опасаясь провала, посылал вместо себя на экзамены подставное лицо.

Но даже сдавшим официальный экзамен не так-то просто было получить государственную должность: вакансий было значительно меньше, чем претендентов на них, и это порождало ожесточенную

борьбу за «теплое местечко». Взятки, протекции и покупка чиновничьих должностей были обычным явлением. Этому способствовали сами маньчжурские императоры: они без экзаменов давали ученые степени сыновьям и внукам влиятельных сановников и лицам, жертвовавшим крупные суммы на нужды правительства. Так, император Канси издал в 1677 г. указ, разрешавший продажу должностей сроком на три года. При императоре Цяньлуне дважды официально разрешалась продажа должностей.

Не выдержавший экзамена (а такая перспектива ожидала большинство кандидатов из-за чрезвычайно ограниченного числа вакансий) мог через некоторое время экзаменоваться второй, третий раз и т. д. – в том случае, конечно, если он был состоятельным человеком и имел достаточно свободного времени. Поэтому на экзаменах нередко встречались разные поколения одной семьи – дед, сын и внук. За прилежание и настойчивость ученую степень иногда получали дряхлые «студенты» (в возрасте восьмидесяти лет и старше).

Кастовая система конфуцианского образования объективно преследовала цель не допускать простолюдинов в сословие чиновников. При такой системе чиновниками могли (за редким исключением) стать только представители ученого или служилого сословий. Они оберегали интересы феодальной верхушки, не допускали изменения установленных порядков, выступали против всякого прогресса, отвергали любые новшества.

Добившийся ученой степени всем своим поведением и видом стремился показать, что он отличается от простолюдинов. Покрой и цвет одежды, головной убор, обувь и вообще наружность состав-

ляли предмет его главной заботы. Его нос обыкновенно украшали большие очки в роговой оправе, которые он часто носил лишь для важности. Ногти были длинные – пусть все видят, что их обладатель не унижается до физического труда. Такой ученый держал в руках веер с написанными на нем классическими изречениями. Нарочитая вежливость и утрированная церемонность были характерными чертами «ученого мужа», отличавшегося претенциозной заносчивостью.

Многие прогрессивные деятели феодального Китая осуждали государственную экзаменационную систему. Так, известный ученый Лун Цижуй (1814–1853) писал: «Соберите людей на рынке и выберите выдающегося из них; найдите человека на улице и дайте ему должность; его преданность и надежность, его способность наблюдать и различать, вероятно, сравнятся со способностями ученого, а может быть, и превзойдут их. Ему не хватает лишь маловажной тренировки в сочинениях, рифмоплетстве и в соблюдении этикета... Но ведь сочинительство, рифмоплетство и соблюдение этикета не помогут в управлении страной, да и сами правители, видимо, не очень в этом сильны. Какая же разница между ними и человеком, случайно встреченным на улице?!»

Прогрессивный ученый, политический деятель и публицист конца XIX–начала XX вв. Лян Цичао так характеризовал экзаменационную систему: «Экзамены и подготовка к ним занимали всеобщее внимание; студентам только нужно было выучить сухой и подражательный язык, чтобы быть готовым к борьбе за должность, богатство и славу. Вся страна занималась этим, и люди один за другим пренебрегали своим образованием и способностью рассуждать».

Народ высмеивал «ученых», неспособных к практической деятельности. Это нашло отражение в китайской литературе, например в рассказе «Два сюцая и сапожник».

«Однажды два сюцая, Чжан и Ли, возвращались домой после сдачи государственных экзаменов. Шли они долго, так долго, что у обоих во рту пересохло от жажды. Проходя по какой-то деревне, они увидели за бамбуковой изгородью финиковое дерево со спелыми плодами. Сюцай Чжан сказал:

– Прошли мы долгий, извилистый путь. Пыли наглотались предостаточно. У меня голова кружится от жажды, поедим-ка фиников, увлажним рот и губы сладкой влагой.

– Верно, – сказал сюцай Ли, – на нас по три слоя пыли, на ногах по три цзиня грязи, руки онемели, ноги ослабли, и если не подкрепиться сладкими финиками, то мы не сможем сделать ни шагу.

Рассуждая так, они подошли к финиковому дереву.

Здесь, сидя у бамбуковой изгороди за веретеном, пряла нитки пожилая женщина, а рядом с ней, присев на корточки, чинил обувь сапожник.

Сюцаи поклонились им, один обратился к женщине:

– Уважаемая пряха, скажите, чьи это финики за бамбуковой изгородью?

Женщина, окинув сюцаев взглядом, сказала:

– Вот уже десять лет, как растет это дерево, в нашей деревне это всем известно. Вы мне не родня, не знакомые, какое вам дело до моих фиников?

Выслушав ее, оба сюцая ответили:

– Не сердитесь, матушка, мы стали сюцаями и возвращаемся после экзаменов. Нам очень хочется

пить, и мы хотели попросить фиников, чтобы утолить жажду.

Почтенная женщина спросила:

– Вы разве сюцаи? Тогда я задам вам несколько вопросов. Если вы на них ответите правильно, я угощу вас.

Сюцаи обрадовались и в один голос воскликнули:

– Хорошо, хорошо, матушка, спрашивайте!

Женщина, подумав немного, спросила:

– Что выше неба, ниже земли, кислее всего и слаще меда?

– Я отвечу, я отвечу! – воскликнул сюцай Чжан. – Выше неба – звезды, ниже земли – колодец, кислее всего – зеленый финик, спелый финик – слаще меда.

Женщина, выслушав ответ, поморщилась:

– У вас только финики на уме, а еще сюцай!

Сюцай Чжан с недовольным видом сказал:

– Разве я неправильно ответил?

В разговор вступил сидящий рядом сапожник:

– Вы еще спрашиваете! Вот слушайте, как я отвечу: простой народ – выше неба, большой чиновник – ниже земли, сытому человеку все кисло, голодному – все слаще меда.

Женщина, выслушав ответ сапожника, сказала:

– Правильно. А вы, хотя и сюцай, знаете меньше, чем сапожник. Слушайте, я еще вас спрошу: кто самый бедный и кто самый богатый человек на земле; что белее всего на свете и что чернее всего на свете?

На сей раз поспешил ответить сюцай Ли.

– Самый бедный, – сказал он, – это Янь Хуэй, самый богатый – это император, самое белое – снег, самое черное – тушь.

Женщина, выслушав ответ, покачала головой и сказала:

– Кроме императора и туши ничего вы не знаете. – Она перестала обращать на них внимание и продолжала прясть.

Сюцай Ли, покраснев до ушей, спросил:

– А разве я неправильно ответил?

Сапожник сказал:

– А разве правильно? Ты слушай, что я тебе скажу: самый бедный тот, кто имеет только рот, самый богатый – кто двумя руками умеет делать все, самое белое – крестьянин, который понимает все, самое черное – сердце богача.

Видя, что два сюцая недоуменно уставились в одну точку, он рассердился и сказал:

– Император имеет только рот, который умеет жрать. А какой от него прок? Если бы в Поднебесной все были императоры, то вы, сюцаи, умерли бы от голода и холода.

Сказав это, он наклонился и принялся вколачивать гвозди.

Сюцаи больше не стали просить фиников и, бормоча, удалились».

* * *

Воспитание в старой китайской школе имело ряд особенностей, которые, на наш взгляд, выражаются в следующем.

Учащимся внушалось, что китайская наука, воплотившаяся в конфуцианских канонах, во всех отношениях превосходит науку других народов и является высшим достижением человеческой мысли. На эту сторону воспитания обращали внимание многие наблюдатели. Русский дипломат и китаевед И. Коростовец в конце XIX в. отмечал: «Хотя ки-

тайцы вообще признают превосходство западных наук, открытий и изобретений новейшего времени, но подчас обусловливают такое признание весьма неожиданными аргументами. Так, многие из числа ученых и образованных китайцев готовы утверждать, что некоторыми изобретениями, коими так кичатся европейцы, они обязаны китайским ученым, додумавшимся до них еще тогда, когда западные народы пребывали в первобытном состоянии». И далее: «Указывая на необходимость введения европейских наук, эти лица выражаются примерно так: "Мы желаем воспользоваться знаниями западных людей, ибо знаем, что их научные сведения и изобретения заимствованы у наших мудрецов. Все, что Европа сделала в научной области, сделано при нашей помощи"».

Оценивая качества китайского воспитания, П. Я. Пясецкий в 1904 г. сделал такой вывод: «Важнейшее из них именно то, которое создало и поддерживает великую стену – в переносном смысле, – ограждающую Китай от воздействия на него европейской культуры, это качество – китайское самомнение и убеждение в собственном превосходстве. Китаец уверен, что все китайское лучше некитайского, и не в состоянии представить себе, что на свете есть что-либо другое превосходнее его родного. Воображая себя совершенным, китаец, естественно, питает отвращение к мысли о преобразовании, тем более что непрошеным реформатором является "заморский черт", как в Китае величают европейцев; на последних китаец смотрит со смешанным чувством любопытства и презрения, как мы смотрим на клоуна или фокусника, удивляясь их ловкости, но не думая приравнивать их к себе. За европейцем китаец признает практическую сме-

калку и технические познания, готов пользоваться его услугами для реорганизации армии и флота, для устройства арсенала или фабрики, но он никогда не поверит, что государственный строй в Европе лучше, правосудие устроено правильнее и гуманнее, философия и религия глубже и т. п. Консерватизм китайца переходит в косность, он благоговеет перед стариной и черпает в ней указания и советы для настоящего; он страшится реформ, как бедствия, и оцепенел в своей своеобразной культуре, давно отжившей свое время».

И хотя авторы приведенных высказываний применяют слово «китаец», речь, конечно, шла о тех, кто стоял над китайским народом.

Идеалом, достойным подражания, в феодальном Китае считалась китайская древность. Помыслы учащихся были устремлены не в будущее, а в прошлое. «Легенды из прошлого, – писал в 1895 г. американский китаевед Р. Грейвс, проживший в Китае сорок лет, – кажется, больше интересуют китайских учителей, чем планы на будущее. Это почитание прошлого иной раз выглядит смехотворным в глазах иностранцев. Даже более прогрессивные учителя, которые желают защитить современные нововведения, считают необходимым в ущерб народу заявить, что нужно в жизни вернуться к прежним векам».

Немаловажная особенность старой китайской школы состояла в том, что там издавна царил дух метафизики и начетничества. Любые явления в природе и обществе рассматривались метафизически, односторонне, изолированно друг от друга: хорошее или плохое, доброе или жестокое, черное или белое, бескорыстие или алчность и т. д. В классической книге «Лицзи» говорилось о проявлении

различных человеческих эмоций: «Радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть, желание – вот семь природных проявлений человеческого сердца. Отец должен быть милостив, а сын почтителен; старший брат должен быть ласков, а младший покорен; муж должен быть верен, а жена послушна; старший должен быть снисходителен, а младший послушен; государь должен быть человеколюбив, а чиновник предан – вот десять видов справедливости».

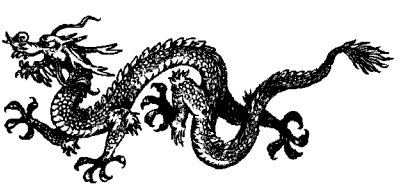
Человеческие чувства здесь представлены как бы в чистом виде: если радость, то только радость; если печаль, то только печаль и т. д. Сложная гамма переживаний, когда печаль может переплетаться с радостью, любовь – с ненавистью, для древних китайских мыслителей как бы не существовала. В их представлениях человеческие отношения сводятся к однолинейности – один должен быть ласков, другой – покорен и т. д.

Из-за многолетней зубрежки изречений древних мудрецов без осмысливания мозг учащегося отравлялся ядом начетничества. Для него высшим авторитетом были: дома – отец, в школе – учитель, на службе – начальник, в государстве – император.

Приучаемый с малолетства к беспрекословному подчинению, мальчик, а затем юноша сам становился распространителем неосмысленного послушания, и никакие внешние силы не могли уже повлиять на его мозг, глубоко вобравший в себя шаблоны, заложенные в конфуцианских книгах. Он мыслил постулатами, и, если жизнь не подтверждала их правильность, это его не смущало, потому что изречения мудрецов были рассчитаны на вечность, а текущие отклонения от них – явление временное.

«Конфуций сказал...» – и все, что он сказал, считалось железным и неопровержимым независимо от времени и исторических условий. Уважение к его высказываниям основывалось не на убеждении, а на слепой вере.

Люди, прошедшие долгий путь зазубривания текстов конфуцианских книг, с трудом воспринимали окружающий мир и отучались самостоятельно мыслить. Они, как правило, превращались в самоуверенных начетчиков, слепо веривших в конфуцианские догмы как в абсолютную истину. Такая схоластическая, начетническая система образования делала практически невозможным распространение современных знаний среди народных масс.



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы перелистали страницы прошлого, главным образом относящиеся к периоду господства в Китае маньчжурской династии Цин; рассказали о некоторых сторонах духовной жизни китайского народа, о жестокости и лицемерии его угнетателей; познакомились с традициями, обычаями и нравами, в которых много было необычного для европейцев.

Казалось бы, какой исторический парадокс! Кочевая, отсталая народность – маньчжуры, которых к началу XX столетия было не больше пяти миллионов человек, порабощали четыреста миллионов китайцев, обладавших богатой древней культурой. Понятно, что речь идет не о маньчжурской народности в целом, а о маньчжурских завоевателях, которые унаследовали великодержавные традиции китайских императоров, их методы порабощения и угнетения трудящихся, «своих» и «чужих». В этом черном деле маньчжурские правители опирались на китайских прислужников – феодалов-помещиков, гражданских и военных чиновников,

конфуцианских ученых-книжников. Без их помощи маньчжурское господство в Китае вряд ли продолжалось бы столь длительное время.

Тирания маньчжурских императоров и их прислужников, отчаянная бедность, нечеловеческий труд, постоянная угроза голодной смерти, дикие суеверия и предрассудки, религиозный дурман, семейный уклад, подавляющий личность, попрание национального достоинства – все испытал на себе трудовой люд Китая.

Трудолюбивый и талантливый китайский народ внес большой вклад в сокровищницу мировой культуры, науки и техники. Философия, историография, искусство, литература, астрономия, математика, механика, медицина, агрономия получили большое развитие в Древнем и средневековом Китае. Многие важные естественнонаучные и технические открытия были сделаны в этой стране: изобретение пороха, сейсмографа, бумаги, компаса, книгопечатания.

Уже во II тысячелетии до н. э. в Китае были известны техника выплавки бронзы, гончарное ремесло, производство керамики, прядение и ткачество. В те далекие от нас времена китайские умельцы изготовляли из бронзы орудия труда – топоры, лопаты, ножи, иглы, сосуды для приготовления пищи и вина, военные доспехи и оружие, предметы ритуала; земледельцы пользовались каменными и костяными орудиями для возделывания земли с помощью парных упряжек животных.

Китай – родина шелка и шелковых тканей. Шелковое производство в этой стране было известно уже 2 тысячи лет назад. Культура чая также зародилась в Китае.

Одним из показателей высокого уровня разви-

Крестьяне сажают рис

тия материального производства в Древнем и средневековом Китае был расцвет прикладного искусства, завоевавшего признание во всем мире.

Керамические изделия – продукт выдающихся достижений многих поколений китайских гончаров. Особым изяществом и красотой отличается так называемая «бурая керамика» с характерным для нее самобытным национальным стилем. Чайники, изготовленные из «бурой керамики», отличались долговечностью. С течением времени они приобретали все больший блеск. Чай, заваренный в таком чайнике, обладал особым ароматом. Из «бурой керамики» из-

готовляли бокалы, вазы, чаши, блюда, чашки, тарелки, письменные принадлежности, статуэтки.

Китайский фарфор был известен еще в эпоху Ханьской династии, т. е. более 2 тысяч лет назад. Центр китайского фарфора город Цзиндэчжень в провинции Цзянси уже 900 лет назад, во времена династии Южная Сун, славился своими фарфоровыми изделиями.

Почетное место в прикладном искусстве Китая занимают лаковые изделия. Свыше 2 тысяч лет назад китайские мастера уже умели использовать смолу, получаемую от лакового дерева, для изготовления различных предметов домашнего обихода, таких как блюда, пиалы, шкатулки, ширмы, цветочные вазы.

В захоронениях, обнаруженных в 1956 г. в г. Чанша, относящихся к эпохе Воюющих царств (403–221 гг. до н. э.), найдено много лаковых изделий: подносы, вазы для фруктов, столики на низеньких ножках, туалетные шкатулки, щиты с лакированными ручками и другие изделия.

Китайские мастера художественной резьбы по слоновой кости издавна славились своим искусством, уверенным владением резцом, тонкостью замысла, умением придать своим изделиям экспрессивность и точность формы.

Производство перегородчатой эмали (клуазонэ) проникло в Китай в XIV в. из Турции. Китайские мастера в короткий срок постигли секрет этого производства. Усовершенствовав способ выделки клуазонэ, они выработали изящный стиль китайского рисунка. Сделанные из перегородчатой эмали вазы, курительные приборы, подставки для ламп, тарелки и чашки представляют собой подлинные произведения народного творчества.

Прекрасные художественные произведения создавали китайские камнерезы и ювелиры. Никакой другой камень не пользовался такой популярностью в феодальном Китае, как нефрит. Из него делали вазы, тарелки, ювелирные украшения, статуэтки.

Древнейший культурный центр Китая – Сучжоу известен высокохудожественными произведениями вышивального искусства. Слава сучжоуских вышивок распространилась далеко за пределы Китая.

Одним из древних видов китайского изобразительного искусства является цветная гравюра по дереву. Еще в 868 г. н. э. китайский художник Ван Цзэ искусно выполнил гравюру по дереву для книги «Священные писания Праджна». Это – первая зафиксированная в Китае гравюра. Популярные рассказы и пьесы, изданные во времена династий Юань и Мин, богато иллюстрированы гравюрами по дереву. В конце XVI в. в Китае уже были распространены цветные гравюры по дереву, которые обычно печатались на листах бумаги размером 20 x 10 см.

Существовала традиция: образованные люди посылали написанные ими стихи своим знакомым. Эти стихи, а также письма обычно писались на бумаге, на которой была напечатана цветная гравюра. Такое сочетание гравюры со стихотворением или произведением эпистолярного жанра, к тому же написанным каллиграфическим почерком, доставляло адресату эстетическое наслаждение.

Особо важное значение для развития общечеловеческой культуры имело изобретение бумаги и книгопечатания. До изобретения бумаги китайцы вырезали письмена на черепашьих панцирях, кос-

тях животных, бронзовых и каменных сосудах или нефритовых дощечках при помощи металлических инструментов. В I тысячелетии до н. э. тексты книг и документов стали вырезать на бамбуковых и деревянных дощечках или писать на шелке. В последние годы найдено немалое число таких памятников, относящихся к IV–II вв. до н.э. Однако книги, вырезанные на дощечках, были неудобны для чтения, слишком громоздки и легко сгорали. Поэтому продолжались поиски более удобного материала для письма. В 105 г. были созданы первые образцы бумаги, которые заменили собой бамбуковые и деревянные дощечки и шелковую ткань. При династии Тан зарождается книгопечатание. Древние китайские книги печатались с гравированных деревянных досок. На деревянной доске вырезались рельефные тексты или иллюстрации, затем их покрывали краской и прикладывали к ним листы бумаги, на которых получался оттиск.

В X в. на базе высокоразвитого бумажного производства широкое распространение получила цветная бумага со всевозможными рисунками. Чтобы бумага дольше сохранялась, ее пропитывали кипарисовым маслом.

* * *

Развитие материального производства, всех социально-экономических институтов и общества в целом, появление классов и государства сопровождалось развитием духовной культуры Древнего Китая – философии, литературы, историографии.

Философская мысль в Китае берет свое начало в глубокой древности: «золотой век» ее развития относится к VI–III вв. до н. э.

Древние китайские мыслители уделяли боль-

шое внимание этике и морали, нравственной и этической природе человека. Одновременно они проявляли интерес и к проблемам натурфилософии, стремились найти и дать объяснение окружающей человека действительности, осмыслить соотношение бытия и небытия.

Первопричину постоянной изменчивости и движения природы китайские философы видели во взаимодействии полярных космических сил ян и инь – на этом строилось большинство диалектических схем в китайской философии.

Вся история китайской философии была насыщена борьбой между представителями материалистического и идеалистического направлений. Особенность этой борьбы состояла в том, что она велась в рамках традиционных «трех учений», или «трех религий», – конфуцианства, даосизма и буддизма.

Если сторонники идеалистического направления утверждали, что мир есть порождение «небесного знамения», то сторонники материализма связывали жизнь природы и человека с пятью первоэлементами (вода, огонь, металл, дерево, земля).

Главным объектом теоретических построений китайских философов было учение о небе, вокруг которого шла длительная дискуссия.

Выдающийся мыслитель Древнего Китая Сюньцзы (ок. 298–238 гг. до н. э.), так же как и Конфуций, считал небо единственным источником происхождения всех вещей, в том числе и человека. Однако если Конфуций наделял небо способностью фатально определять судьбу людей, то Сюньцзы отвергал волю неба, его божественную силу, отрицал способность неба определять положение дел в государстве. Он говорил: «Вместо того чтобы возвели-

чивать небо и размышлять о нем, не лучше ли, самим умножая вещи, подчинить себе небо?! Вместо того чтобы служить небу и воспевать его, не лучше ли, преодолевая небесную судьбу, самим использовать небо в своих интересах?»

Сюньцзы пытался с наивно-материалистических позиций объяснить обожествление неба неспособностью человека понять источник происходящих в природе скрытых процессов. «Человек, – пояснял он, – знает лишь то, чего достигают вещи в своем развитии, и не представляет себе самих этих невидимых изменений – поэтому он называет их небесными».

Великие небо и земля, говорил Сюньцзы, являются частями единой материальной природы, которая подчинена строгим законам взаимодействия естественных сил ян и инь, а небесные явления – движение звезд, комет, затмения светил и т. д., которые люди по невежеству воспринимают как особенные знамения, – представляют собой не что иное, как результат действия этих же естественных сил.

Такая материалистическая трактовка неба, по существу, подрывала учение Конфуция о воле неба как божественной силе, определяющей судьбу людей.

Философски переосмыслив этико-политическое учение Конфуция в соответствии с новыми социально-экономическими и политическими явлениями жизни китайского общества, Сюньцзы оказал большое влияние на последующее развитие китайской философии.

Наряду с учением о небе большое место в древней китайской философии занимает учение о дао («пути»), изложенное в трактате «Даодэцзин», ав-

торство которого, как уже говорилось, приписывается Лаоцзы.

Согласно Лаоцзы, все вещи состоят из мельчайших материальных частиц – ци. Мир в его представлении естествен, вечен и не управляется «небесной волей». Мир находится в постоянном движении и изменении и подчинен закону дао – необходимости самой природы.

И хотя Лаоцзы открыто не ставил под сомнение конфуцианское учение о «воле неба», тем не менее объективно, по его концепции, жизнь на земле управляется не небом, а протекает в соответствии с естественным законом дао. Иначе говоря, «небесной воле» противопоставлялся естественный закон дао. А если дао является «матерью всех вещей», то воля неба тут ни при чем – так подрывалось учение о божественной роли неба.

Многие исследователи-китаеведы справедливо усматривают в постулатах даосизма (в частности, в его признании борьбы противоположных начал в природе) элементы диалектики и наивного материализма. В «Даодэцзине» мы находим понятие единства противоположностей, существующих в мире: «Когда в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добрым, возникает и зло.

Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяются, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом».

Сила воздействия философии Древнего Китая на сознание последующих поколений была настоль-

ко значительной, что этого воздействия не мог избежать ни один китайский мыслитель средневековья и нового времени.

Крупнейший философ-материалист XVII в. в Китае Ван Чуань-шань поставил вопрос о соотношении между законом (дао) и материей (ци). По его мнению, дао не предшествует и не находится вне материальной субстанции ци, дао неотделимо от материальных вещей. Он впервые в истории китайской философии выдвинул теорию «о единстве тела и движения», согласно которой во Вселенной существуют тела, существует и движение. Никогда ранее никто из китайских философов (в том числе и его современников) так твердо и последовательно не подчеркивал примат материального над идеальным. Разработанное им натурфилософское учение также явилось значительным шагом вперед в развитии представлений китайских философов о природе.

Взгляды древнекитайских философов оставили глубокую печать и в истории китайской литературы.

Древнейшим литературным памятником Китая является уже упоминавшаяся «Книга песен» («Шицзин»), в которой собраны песни, составленные безымянными авторами. В них воссоздаются различные стороны жизни древнего общества XI–VI вв. до н. э. «"Ши-цзин", – пишет известный советский китаевед Н. Т. Федоренко, – раскрывает древнюю эпоху истории китайского народа, быть может, полнее и глубже, чем многие исторические, этнографические и другие памятники китайской старины. Это сама душа китайского народа, воплотившаяся в поэтическом слове». Популярность песен «Ши-цзина» настолько велика, что, очевидно, невозможно

найти китайца, который бы ничего не знал об этой книге.

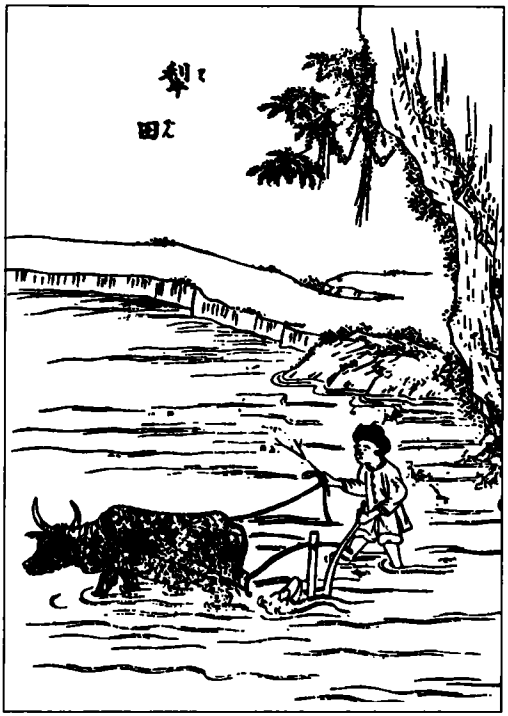
Если в песнях «Ши-цзина» звучали голоса безымянных поэтов, выражавших думы и чаяния всего народа, то Цюй Юань был не только выдающимся мыслителем, политическим деятелем и ученым, но и первым известным поэтом в Китае. Имя Цюй Юаня пользуется всеобщей любовью китайского народа по сей день. Отдавая дань глубокого уважения великому сыну китайского народа, Всемирный Совет Мира в 1953 г. отметил памятную дату – 2230 лет со дня смерти Цюй Юаня.

Огромной популярностью пользуется имя другого великого поэта – Тао Юаньмина (365–427), гениально воспевшего природу и человеческое счастье и гневно осудившего корыстолюбие и стяжательство. Академик В. М. Алексеев сравнивал подвиг Тао Юаньмина в китайской поэзии с подвигом А. С. Пушкина в русской литературе.

Гордостью китайского народа была и остается замечательная плеяда мастеров поэзии танского времени: Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, оставивших выдающиеся художественные произведения.

Китайские романисты создали талантливые эпические произведения, вскрывавшие реальные противоречия жизни средневекового общества и поэтому пользовавшиеся огромной популярностью у читателей.

Крупнейший литературный памятник XIV столетия – роман «Речные заводи» («Шуйхучжуань»), правдиво и ярко отображавший борьбу китайского народа против феодального господства, против сил реакции и мракобесия. В основу сюжета были положены народные сказания о крестьянских повстанцах XII в.



Крестьянин вспахивает рисовое поле

К этому времени относится и появление знаменитого романа «Троецарствие» («Саньгочжи янь и»), повествующего о распаде Китая в 220 г. на три государства – У, Шу и Вэй, о борьбе между ними и новым объединением страны под эгидой династии Цзинь в 280 г. В романе прославляются храбрость, ум и верность долгу, ярко воссоздаются сражения, походы и политические интриги эпохи.

Одним из значительных художественных произведений XIV века был роман «Путешествие на Запад» («Сиюцзи»), написанный У Чэньэнем. Герой романа царь обезьян Сунь Укун устроил грандиоз-

ный переполох в Небесном царстве, проявив при этом полнейшее неуважение к святым. Он обладал отчаянной смелостью и ловкостью, проявлял большую изобретательность в борьбе с нечистью. Мятежный дух Сунь Укуна, его отрицание авторитета всех владык неба, земли и ада воспринимались как протест народа против политического гнета и религиозного дурмана.

На духовную жизнь китайского общества большое влияние оказал сатирический роман писателя У Цзинцзы (1701–1754) «Неофициальная история конфуцианцев» («Жулинь вайши»). В романе, написанном в реалистической манере, содержится глубокая социальная сатира, обращенная своим острием против господствующих классов и чиновничьего сословия, а также ученых-схоластов с их лицемерием и духовным убожеством.

Особой популярностью среди китайских читателей пользовались «Рассказы о чудесах из кабинета Ляо Чжая» Пу Сунлина (XVII в.). Это волшебно-фантастическая проза, в которой встречаются бесы, лисы-оборотни, монахи-волшебники, происходят необычайные перевоплощения. Добрые и злые духи на каждом шагу вмешиваются в реальные события, меняя их направление. Неземные силы награждают достойных, но жестоко издеваются над глупыми и злыми. Такой прием умело использован Пу Сунлином для осуждения всевозможных пороков, произвола и бездарности чиновников, грубого невежества «ученых-конфуцианцев».

Вершиной классической литературы Китая XVIII в. является роман «Сон в Красном тереме» («Хунлоумын»), основная часть которого была на-

писана талантливым писателем Цао Сюэцином (1722–1763). После его смерти роман дописал Гао Э.

В романе ярко рассказано о судьбе трех поколений одной аристократической семьи – от ее возвышения до трагического финала; нарисована картина экономического упадка и духовного вырождения феодальной аристократии.

Среди историков Древнего Китая первое место по праву принадлежит писателю и ученому Сыма Цяню (145–86 гг. до н. э.), создателю огромного труда «Исторические записки», в которых сделана попытка осмыслить и описать ход истории Китая за более чем тысячелетний период. В «Исторических записках» Сыма Цянь дал десятки биографий видных людей прошлых веков и своих старших современников – полководцев и мыслителей, правителей и государственных деятелей, поэтов и дипломатов. Историк приводит их речи – подлинные или сочиненные им, цитирует их произведения, а в заключение обычно в немногих, тщательно взвешенных словах дает этим людям свою оценку.

Создававшиеся в последующие века династийные истории, географические описания и энциклопедии представляют собой богатейшее историографическое наследие китайского народа.

Значительного развития достигли в Древнем и средневековом Китае точные и естественные науки. В древних китайских астрономических книгах упоминается о планетах и кометах, о периодичности затмений. Уже 2700 лет тому назад в Китае продолжительность года была определена в 365 1/4 суток. В середине VI в. китайские астрономы высказали предположения о закономерностях изменения скорости видимого движения солнца в

течение года и зависимости от этого солнечных и лунных затмений.

Самый древний в мире каталог звезд был составлен китайскими астрономами Гань Дэ и Ши Шэном в период Борющихся царств (350 г. до н. э.). В нем описано положение сотен звезд и созвездий.

В III в. до н. э. китайцы применили компас – вначале при сухопутных путешествиях. Стрелкой служил природный магнитный железняк, отшлифованный в виде ложки, которая выпуклой частью касалась поверхности медной пластинки. Затем был создан компас с искусственным магнитом в виде рыбы – он применялся в мореплавании.

Одной из древнейших наук в Китае была медицина, которая насчитывает уже 4 тысячи лет. В классическом труде «Хуан-ди нэйцзин», написанном 2400 лет тому назад, дано изложение некоторых понятий анатомии, физиологии, патологии и диагностики, а также описаны методы лечения различных болезней. Эта книга заложила основы традиционной китайской медицины. Позднее большое развитие получила иглотерапия, которая превратилась в самостоятельную отрасль медицины.

Выдающийся врач-фармаколог Ли Шичжэнь (1518–1593) обладал доскональными знаниями народных лекарств. Он составил знаменитый труд «Бэньцао ганму» из 52 тетрадей, в которых собраны ценные материалы по вопросам китайской народной фармакологии.

Уже в X в. китайцы научились использовать селитру, серу и уголь для производства пороха. По-китайски слово «порох» состоит из двух элементов: хо – «огонь» и яо – «лекарство». Это объясняется тем, что составные части пороха – сера, селитра и уголь – издавна использовались в китайской меди-

цине в качестве лекарственных средств. Порох применялся в военном деле, а также при изготовлении ракет для праздничных фейерверков.

Плодотворно развивались математические знания. В книге «Арифметика в девяти главах», обработанной по более ранним источникам учеными Чжан Цаном (II в. до н. э.) и Цзин Чоучаном (I в. н. э.), излагается прием решения систем уравнений 1-й степени с двумя и тремя неизвестными путем последовательного исключения неизвестных. В книге имеется первое описание способа извлечения квадратного и кубического корней, основанного на правилах возведения в квадрат и в куб двучлена.

Определенного развития в Средние века в Китае достигли также химия, механика, строительное искусство, агрономия и многие другие отрасли техники и знаний.

Отдавая дань глубокого уважения таланту китайского народа, мы попытались лишь фрагментарно показать богатство его древней цивилизации. Но есть у китайского народа еще одно замечательное качество, о котором хотелось сказать особо, – это необычайное трудолюбие.

Великие цивилизации древности возникали в долинах больших рек, таких как Нил (Египет), Тигр и Евфрат (Месопотамия), Инд и Ганг (Индия). Это относится и к Китаю: колыбелью китайской цивилизации считается бассейн реки Хуанхэ. Территория этого бассейна – плодороднейшая местность, с востока омываемая Желтым и Восточно-Китайским морями, а с севера, запада и юга окаймленная горами.

На обширной территории бассейна реки Хуанхэ сохранились следы предков китайской нации, живших там сотни тысяч лет назад. Здесь зароди-

лась наиболее ранняя в Китае культура земледелия. Рыхлый и плодородный лёсс, занимавший в этих местах огромные площади, нетрудно было возделывать примитивными орудиями труда.

Благоприятные климатические условия, достаточное количество влаги, плодородные почвы – все это содействовало процветанию земледелия на Северо-Китайской равнине, но одновременно требовало от земледельца неослабных усилий в борьбе с стихийными силами природы. Великие реки Китая – Хуанхэ и Янцзы были не только кормилицами китайского народа: они причиняли ему неисчислимые бедствия. Во время сильных дождей реки выходили из берегов и затопляли огромные пространства земли, уничтожая на своем пути посевы, оставляя людей без крова и пищи.

«Китай, – писал Л. Мечников в книге "Цивилизация и великие исторические реки", – представляет собой такую географическую среду, которая, вознаграждая, с одной стороны, человеческий труд, с другой – внушает прибрежным обитателям под страхом смерти солидарность и постоянную суровую трудовую дисциплину во всех, даже самых узких, областях жизни».

Другим грозным врагом земледельца была засуха. Лёссовые почвы в Северном Китае отличаются мелкозернистой структурой и во время дождей быстро смываются. К тому же лёссовые поля не могут долго сохранять влагу, поэтому посевам постоянно угрожает гибель.

Вековая борьба с разрушительными силами природы (по числу стихийных бедствий Китай занимал одно из первых мест в мире) закалила китайского крестьянина, сделала его стойким и выносливым в преодолении жизненных трудностей.

Многие европейские ученые, побывавшие в Китае в XIX и начале XX вв., отмечали эти качества китайских трудящихся.

Английский китаевед Дж. Макгован писал: «Как земледелец, китайский крестьянин заслуживает величайшей похвалы. Он проник во все тайны растительного мира, и потому, что бы он ни посеял или посадил на своем поле, все отлично удается ему и дает прекрасные результаты, если только было достаточно влаги.

Всякий, кто поближе познакомился с китайским крестьянином, не только назовет его добрым малым, но проникнется глубокой симпатией к нему. Больше всего привлекают в нем трудолюбие, добродушие и кротость, а главное, отсутствие жалоб на судьбу, несмотря на то что условия, в которых он живет, далеко не могут быть названы легкими. При всем этом китайский крестьянин не производит впечатления человека забитого и придавленного жизненной борьбой. Он легко поддается веселому настроению, а глаза его блестят от каждой шутки. Заложенный в его натуре юмор спасает его от отчаяния и сохраняет в нем доброту, несмотря на все жизненные невзгоды, в которых протекает его жизнь».

Русский китаевед И. Коростовец отмечал: «Скудость земли и чрезмерное население принудили жителей Срединной империи ввести у себя интенсивную систему хозяйства и выработали в китайском земледельце большую неприхотливость, трудолюбие и способность приноравливаться к обстоятельствам – качества, поддерживающие его в тяжелой борьбе за существование. Китайский земледелец хозяйничает там, где его западный собрат и не рискнул бы взяться за соху».

Земледелец должен быть буквально виртуозом, чтобы с крохотного участка земли собрать наибольший урожай риса и овощей и тем самым добыть себе элементарные средства для поддержания жизни. Вот почему китайский крестьянин, применяя простейшие орудия труда, с необыкновенным усердием обрабатывал свое маленькое поле. И все же, несмотря на трудолюбие и земледельческое искусство, он жил в постоянной бедности и нужде, что объяснялось социально-классовыми условиями в стране, где Сын неба, феодалы-помещики и их прислужники жестоко эксплуатировали народ.

«Глядя на трудолюбивый китайский народ, – делился своими впечатлениями в начале XX в. В. В. Корсаков, – народ несомненно культурный, который в истории Дальнего Востока был тем же, чем были в свое время Греция и Рим для Европы, невольно задаешь себе вопрос, как мог он дойти до такой степени упадка, в котором находится в настоящее время; ищешь причины, которые объяснили бы полное отсутствие людей, необходимых для его сохранения. В китайском чиновничестве можно признать тот народный бич, который всегда останавливал всякое движение вперед, сводил к нулю все усилия немногих, отличавшихся добрым почином мысли и дела. Современный период истории Китая ежедневно показывает, что из-за неспособности, неподвижности, испорченности администрации народу предстоят великие испытания. Хотя и говорят, что всякий народ заслуживает то правительство, которое он имеет, но китайское правительство, будучи чуждым народу, не смогло ни объединить различных частей этой огромной империи, ни проникнуться народным характером, его трудолюбием и энергией».

Действительно, на долю китайского народа выпали тяжкие испытания. Однако он не только страдал под гнетом тиранов, но и находил в себе силы бороться за лучшую жизнь, не склонив головы ни перед маньчжурскими завоевателями, ни перед заморскими колонизаторами.

Вся история маньчжурской династии Цин наполнена героической борьбой китайского крестьянства против «своих» и иноземных угнетателей, за национальное и социальное освобождение. Организационной формой борьбы стали тайные антиманьчжурские общества и различные секты, деятельность которых носила ярко выраженную религиозную окраску. Крестьяне верили, что они совершают «святое дело» и помогают восстановить предначертанный небом порядок на земле.

Члены тайных обществ вели борьбу под лозунгом «Свергнем династию Цин, восстановим династию Мин», что означало отстранение от власти маньчжурских императоров и восстановление на престоле китайского императорского рода. В середине XIX в. центральные районы Китая охватило Тайпинское восстание, длившееся почти пятнадцать лет (1851–1864). Такое название восстание получило от слова «тайпин» («великое спокойствие»); государство, созданное повстанцами, называлось Тайпин тяньго («Поднебесное государство великого спокойствия»).

Главной движущей силой восстания были китайские крестьяне, страдавшие от жестокой эксплуатации помещиков и ростовщиков и влачившие нищенское существование. Тайпинское восстание превратилось в крестьянскую войну, охватившую всю страну. Вначале оно разгорелось в южных районах Китая, а затем из провинции Гуанси повстан-

цы двинулись на север и достигли Нанкина. Руководители Тайпинского восстания, считая коренной причиной бед и страданий китайского народа господство маньчжуров, призывали всех китайцев, независимо от их социального положения, подняться на борьбу против маньчжурских варваров, с тем чтобы поставить на престол китайского правителя. Все маньчжуры – император Сяньфэн, феодалы, чиновники, военные – рассматривались как заклятые враги китайцев и подлежали истреблению. Восставшие клеймили позором царствовавшего маньчжурского императора Сяньфэна. В «Манифесте об истреблении дьяволов» о нем говорилось: «Нынешний маньчжурский дьявол Сяньфэн относится к племени северных варваров. Он, заклятый враг Китая, стремится превратить людей в дьявольское отродье, заставить их поклоняться нечистым духам и идти против воли истинного божества... Но знайте, что он уже осужден небом и его ждет неизбежная гибель». Крестьяне мечтали с помощью «справедливого» императора установить справедливые порядки, особенно в землепользовании.

Земельный закон, обнародованный восставшими в 1853 г., гласил: «Нужно добиться, чтобы вся Поднебесная пользовалась великими благами, дарованными небом, чтобы совместно обрабатывали землю, совместно питались и одевались, совместно расходовали деньги, чтобы все было поровну и никто не остался голодным и холодным».

Но не только крестьянские массы мечтали о «справедливом» императоре. Появившаяся в конце XIX в. на исторической арене молодая китайская буржуазия также хотела иметь такого правителя, который поощрял бы развитие национального капитализма. Возникшее в 1898 г. движение за ре-

формы во главе с Кан Ювэем преследовало цель создания конституционной монархии под властью «окитаизировавшегося» императора Гуансюя.

Кан Ювэй был страстным обличителем несправедливости феодального строя в Китае. Он говорил: «Я слышал, как плакали от нищеты и голода сироты. Я видел странников, которым нечего было надеть на себя и которые сидели под деревьями с одними только посохами. Я видел больных старух, у которых не было даже одеяла, чтобы укрыться; по ночам, чтобы согреться, они ложились на кухне рядом с очагом. Я видел калек и убогих, стоявших с чашкой в руках и просивших подаяния. У них не было ни семей, ни очага. Общество наполнено раздорами, словно ядовитым желтым туманом. Повсюду свирепствуют разбойники, грабящие народ. Народ испытывает неописуемые страдания».

Движение за реформы потерпело поражение, но борьба против маньчжурских завоевателей не прекратилась. На рубеже XIX–XX вв. (1898–1901) маньчжурское господство в Китае содрогнулось под ударами народного восстания ихэтуаней (или ихэцюаней). Слово ихэтуань, состоящее из трех иероглифов, переводится на русский язык как «Отряд справедливости и мира», а ихэцюань – «Кулак во имя справедливости и мира». В иностранной печати это выступление обычно именуют Боксерским восстанием, а их участников – боксерами. Руководившее восстанием тайное общество представляло собой религиозную организацию, члены которой исполняли предначертания «трех религий» – конфуцианства, буддизма и даосизма. Однако особенно глубокое влияние на восставших оказывал религиозный даосизм.

Не выходя за пределы традиционных для ки-

тайского крестьянства идеалов, повстанцы мечтали восстановить на престоле «справедливого» китайского императора. Пытаясь использовать в борьбе с иностранными державами царствующих правителей, ихэтуани вначале выдвинули лозунг «Поддержим династию Цин, смерть иностранцам!». Когда же они увидели, что цинское правительство их предало, этот лозунг был снят и вместо него провозглашен другой: «Долой династию Цин, смерть иностранцам, да здравствует Китай!».

Ихэтуани выступали не только против иностранных колонизаторов в Китае, но и против иностранцев вообще. Их ненависть ко всему иностранному доходила до полного отрицания европейской культуры и новейших достижений науки и техники. Железные дороги, паровозы, вагоны, европейские здания, иностранные товары в Китае – все это стало объектом разрушения и уничтожения.

При всех своих слабостях движение ихэтуаней было направлено против империалистического господства в Китае и поэтому заслуживает глубокого уважения. Оно бросило смелый вызов не только иностранному империализму, но и царствующей маньчжурской династии Цин.

Восстание ихэтуаней потерпело поражение, но освободительная борьба не прекратилась. В 1905 г. китайские революционеры организовали в Японии революционную организацию Тунмынхой (Китайская революционная Союзная лига). Ее руководителем был избран великий революционер-демократ Сунь Ятсен. Лига впервые выдвинула целостную революционную программу, теоретической основой которой стали разработанные Сунь Ятсеном три народных принципа: национализм (свержение маньчжурского ига и возрождение Китая), народовлас-

тие (учреждение республики), благоденствие (уравнение прав на землю).

В обращении к народу, составленном в 1905 г., Сунь Ятсен писал: «Те, кого мы ныне называем маньчжурами, восходят к восточным варварским племенам, жившим за пограничными крепостями. Во времена Минской династии они часто беспокоили границы нашего государства. Позднее, воспользовавшись смутами в Китае, они вторглись в его пределы, уничтожили наше китайское государство, захватили власть и вынудили нас, ханьцев, стать их рабами. Миллионы непокоренных были перебиты. Вот уже 260 лет, как мы являемся народом без родины, без отечества».

Сунь Ятсен лучше других своих соотечественников понимал, что маньчжурская династия, завоевавшая Китай в 1644 г., словно глыба давит на китайский народ и что во имя прогресса и процветания родины нужно прежде всего свалить эту глыбу. Только обновив политическую систему правления, Китай сможет добиться национальной независимости. Первопричину страданий китайского народа Сунь Ятсен видел в маньчжурском троне, в деспотическом господстве маньчжуров, но при этом недооценивал неблаговидную роль империалистических держав в Китае. В то же время Сунь Ятсен понимал, что антииностранные акции правителей маньчжурской династии диктовались вовсе не стремлением завоевать для Китая подлинный суверенитет, а боязнью капиталистической цивилизации, идущей с Запада, которая объективно содействовала росту национального самосознания китайского народа, а это в конечном счете могло привести к свержению маньчжурского трона.

В провинции Хубэй, на берегу великой китайс-

кой реки Янцзы, расположен «тройной город» – Ханькоу, Ханьян и Учан: на левобережье находятся Ханькоу и Ханьян, разделенные небольшой речкой Хань, а на правобережье – Учан. 10 октября 1911 г. в Учане подняли восстание войска, верные Союзной лиге. Учанское восстание считается началом Синьхайской революции, покончившей с господством маньчжурской династии. Восстание быстро распространилось на Ханьян, где находились военные заводы, и Ханькоу – крупный торговый и железнодорожный центр, сосредоточение богатых иностранных сеттльментов и предприятий китайских чаеторговцев.

С захватом Учана, Ханьяна и Ханькоу восставшие приобрели важную стратегическую базу. В занятых городах повстанцы спустили флаги с драконами и заменили их красными флагами с белой звездой на голубом поле.

Победа в провинции Хубэй всколыхнула антиманьчжурские силы в других провинциях, где создавались независимые провинциальные правительства. После революционного выступления в Хубэе стало обостряться положение в Западном Китае, особенно в провинции Сычуань; из Сычуани пламя восстания перебросилось на провинции Ганьсу и Юньнань. Восставшие сформировали революционное правительство. 2 декабря 1912 г. был взят Нанкин.

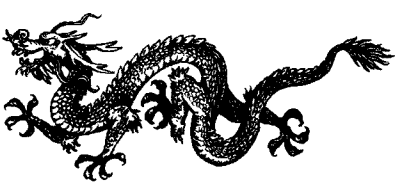
24 декабря 1911 г. из-за границы возвратился в Китай Сунь Ятсен. Вскоре после этого, 1 января 1912 г., он торжественно въехал в Нанкин, ставший первой столицей Китайской Республики. Избранный первым ее президентом Сунь Ятсен дал клятву:

«Я клянусь свергнуть маньчжурское самодер-

жавное правительство, укрепить Китайскую Республику, заботиться о счастье и благоденствии народа, руководствоваться общественным мнением и волей народа. Обязуюсь быть преданным интересам народа и всегда служить народу».

12 февраля 1912 г. последний отпрыск маньчжурского императорского рода Пу И отрекся от престола. Так закончила существование маньчжурская династия Цин.

Синьхайская революция 1911–1912 гг. завершила длительную борьбу китайского народа против маньчжурских завоевателей. Свержение маньчжурской династии Цин имело огромное историческое значение для Китая. Оно показало, что китайский народ, говоря словами В. И. Ленина, «умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и бороться с вековыми угнетателями Китая».



СОДЕРЖАНИЕ

Представления о Вселенной 3
Вера в духов 23
Культ предков 101
«Три учения», или три религии 154
Сын неба – владыка Поднебесной 275
Как чиновники управляли китайским народом 339
Китайская семья 392
Школа и образование 469
Заключение 516

Научно-популярное издание
Серия *«Историческая библиотека»*

Сидихменов Василий Яковлевич

КИТАЙ: СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Ответственный редактор *Ю. Г. Иванов*
Дизайнер обложки *Е. В. Михалкина*
Технический редактор *М. Г. Потапова*
Корректор *Г. В. Селицкая*

Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 84 x $108^{1}/_{32}$. Объем 17 печ. л.
Гарнитура «SchoolBookC».
Тираж 4000 экз. Заказ № 25477 (К-Sm).

«РУСИЧ». Лицензия ИД №04277 от 15.03.2001
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7
E-mail: info@russitch.ru (редакция)
E-mail: salerus-smol@rambler.ru (отдел реализации)
Тел.: (4812) 68-36-87, 68-36-86, 21-41-00
www.russitch.ru

ОАО «Смоленский полиграфический комбинат».
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.